

40288.
любому уважаемому
Андрею Сергеевичу Фрамману
любавице въ знаніи
мудрости уваженіи

ПОРЧА,

ПРОВЕРЕНО

КЛИКУШИ И БѢСНОВАТЫЕ,

КАКЪ ЯВЛЕНІЯ

1993

1961 г.

РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

Получено в 1953 г.

Д-ра мед. **Н. В. КРАЙНСКАГО,**

директора Колмовецкой психиатрической больницы,

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Академика В. М. БЕХТЕРЕВА,

директора клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней ИМПЕРАТОРСКОЙ Военно-Медицинской Академіи.

НОВГОРОДЪ
Губернская Типографія.
1900.

Дозволено пензурою С.-Петербургъ, 8 Юля 1900 года.

Оглавление.

	Стран.
Отъ автора	I—II
Предисловіе	I—VI
<i>Глава I-я.</i> Развитіе суевѣрій и идеи о колдовствѣ	1— 12
<i>Глава II-я.</i> Одержимость и колдовство	12— 23
<i>Глава III-я.</i> Краткій очеркъ исторіи процессовъ о колдовствѣ и эпидемій бѣсноватости въ Западной Европѣ	24— 35
<i>Глава IV-я.</i> Колдовство въ Россіи	36— 92
<i>Глава V-я.</i> Исторія ащепковской эпидеміи	93—112
<i>Глава VI-я.</i> Собственныя наблюденія и изслѣдованія ащепковскихъ кликушъ	113—160
<i>Глава VII-я.</i> Дальнѣйшій ходъ ащепковской эпидеміи и значеніе ея, какъ явленія народной жизни	161—175
<i>Глава VIII-я.</i> Кликуши и бѣсноватыя въ Москвѣ	176—182
<i>Глава IX-я.</i> Кликушество въ Новгородской губерніи и тихвинская эпидемія. Ясновидѣніе кликушъ	183—212
<i>Глава X-я.</i> Клинической и бытовой очеркъ кликушества	213—243

Отъ автора

Рѣшаясь выпустить въ свѣтъ собранныя мною наблюденія и литературныя матеріалы по кликушеству, я имѣю въ виду обратить вниманіе врачей и изслѣдователей русскаго народнаго быта на это, крайне своеобразное и, по моему мнѣнію, очень интересное явленіе, которое до сихъ поръ, какъ показываютъ приведенные въ этой книгѣ факты, не исчезаетъ изъ русской жизни, уживаясь съ культурнымъ развитіемъ нашего народа и проявляясь иногда въ далеко не спокойной формѣ. Оно навѣваетъ на насъ воспоминанія о средневѣковыхъ сказаніяхъ о колдовствѣ, съ ихъ кровавыми ужасами, и отгѣняетъ міръ суевѣрій и творчества народной фантазіи, которыя до сихъ поръ отражаются на бытовой сторонѣ жизни русскаго народа.

При своихъ изслѣдованіяхъ я столько же сталкивался съ медицинской стороною дѣла, сколько и съ бытовою, и, взвѣсивая итогъ своихъ размышленій, склоненъ отдать перевѣсъ значенію бытовыхъ условій жизни русскаго народа, какъ причинѣ кликушества.

Та фізіологическая основа кликушества, которую я усматриваю въ состояніи сомнамбулизма, еще представляетъ много загадочнаго, а явленія ясновидѣнія кликушъ въ наукѣ выступаютъ впервые, и потому я буду счастливъ, если будущіе изслѣдователи провѣрятъ и освѣтятъ этотъ вопросъ подробнѣе, а мои изслѣдованія послужатъ для нихъ полезнымъ матеріаломъ.

II

Приношу мою глубокую благодарность г. Директору Медицинскаго Департамента Льву Федоровичу Рагозину, за его любезное содѣйствіе въ моихъ изслѣдованіяхъ и за данное мнѣ порученіе изслѣдовать смоленскую эпидемію.

Большою признательностью обязанъ я за содѣйствіе въ собираніи литературныхъ данныхъ и за обмѣнъ со мною личными взглядами Академику Владиміру Михайловичу Бехтереву. Его богатой компетенціи въ области гипнологіи, а также обсужденію въ бесѣдахъ съ нимъ вопросовъ о кликушествѣ, обязанъ я многими изъ тѣхъ выводовъ и заключеній, которые читатель встрѣтитъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Н. Краинскій.

Коллово.

25-го мая 1900 г.

Предисловіе.

Съ особенною охотою я исполняю желаніе автора дать предисловіе къ его поучительной во многихъ отношеніяхъ книги, — тѣмъ болѣе, что уже издавна меня самого интересовали и интересуютъ явленія кликушества, нерѣдко распространяющагося эпидемическимъ образомъ по нашимъ деревнямъ.

Насколько я могу судить о кликушествѣ, такъ называемой порчѣ и одержимости по видѣннымъ мною примѣрамъ, врядъ-ли можетъ быть какое либо сомнѣніе въ томъ, что дѣло идетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ о настоящей болѣзни, а не о притворствѣ, какъ нѣкоторые, повидимому, еще до сихъ поръ полагаютъ. Я даже думаю, что если и встрѣчаются среди кликушъ притворщицы, то во всякомъ случаѣ число такихъ должно быть весьма незначительно. Въ пользу того, что дѣло идетъ о болѣзни, а не о притворствѣ говоритъ уже стереотипность проявленія отдѣльныхъ симптомовъ у больныхъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга огромными пространствами. Прочтите описаніе автора ащепковской и тихвинской эпидеміи порчи и кликушества и вы убѣдитесь, что не смотря на огромное пространство, раздѣляющее Смоленскую губернію отъ Новгородской, не существуетъ какой-либо существенной разницы въ проявленіи главнѣйшихъ симптомовъ у порченныхъ и кликушъ той и другой губерніи. Даже сравненіе наблюденій, сдѣланныхъ различными авторами въ прежнее время, съ новѣйшими описаніями кликушества и порчи не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что эти состоянія вездѣ и всюду и при томъ въ различные періоды времени выражаются одними и тѣми же существенными симптомами. Ясно, что эта стереотипность можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ того, что дѣло идетъ въ этомъ отношеніи о дѣйствительной болѣзни, а не о притворствѣ.

Другимъ доказательствомъ того, что дѣло идетъ здѣсь о настоящей болѣзни, можетъ служить то обстоятельство, что не-

рѣдко у кликушь и т. наз. порченныхъ обнаруживаются судорожныя явленія въ области внутреннихъ органовъ, какъ напр. пищевода, желудка, діафрагмы, кишекъ и пр. (подкатываніе шара къ горлу, отрыжка, икота, метеоризмъ и вздуваніе кишекъ ика и т. п.), что никоимъ образомъ не можетъ быть воспроизведено искусственнымъ путемъ

Другой вопросъ—о какомъ болѣзненномъ состояніи здѣсь идетъ дѣло. Вопросъ этотъ остается далеко еще невыясненнымъ и, какъ извѣстно, по этому поводу существуютъ нѣкоторыя разногласія между различными наблюдателями. Повидимому, однако, всѣ существующія наблюденія говорятъ за то, что болѣзненное состояніе, о которомъ идетъ рѣчь, развивается на истерической почвѣ. За это говоритъ не только припадочный характеръ, выражающійся крикомъ, паденіемъ и цѣлымъ рядомъ беспорядочныхъ движеній при существованіи полной амнезій относительно всего припадка, но и рядъ другихъ расстройствъ, какъ напр., спазмъ пищевода и глотки (т. н. *globus hystericus*), отрыжка, икота, рвотныя движенія, учащенное дыханіе, болѣе или менѣе рѣзкое ускореніе пульса, констатированная нѣкоторыми авторами анестезія тѣла во время самаго припадка, дрожаніе тѣхъ или другихъ мышечныхъ группъ, боли въ подложечной области и другихъ частяхъ тѣла, чувство онѣмѣнія членовъ, преимущественное развитіе болѣзни у женщинъ и, наконецъ, поразительная склонность къ повальному распространенію болѣзни. Всѣ только что перечисленныя физическія явленія врядъ-ли могутъ вселить въ комъ либо сомнѣніе относительно того, что дѣло идетъ въ данномъ случаѣ о болѣзненномъ состояніи, основу котораго составляетъ истерическій неврозъ.

Но не подлежитъ сомнѣнію, что психическая сторона т. наз. порчи и кликушества, какъ и бѣсноватости, черпаетъ свои особенности въ своеобразныхъ суевѣріяхъ и религіозныхъ вѣрованіяхъ народа. Этимъ объясняется не только характеръ бредовыхъ идей о порчѣ, о вселеніи пещистой силы во внутрь тѣла, но и всѣ другія характерныя явленія въ поведеніи кликушь, порченныхъ и бѣсноватыхъ, какъ напр. ихъ своеобразная боязнь всего, что вѣрою народа признается святымъ, наступленіе припадковъ въ церкви при иѣннй «херувимской» и при извѣстныхъ молитвословіяхъ во время служенія молебновъ и при отчитываніи, ихъ выкликанія и непереносимость того лица, которое они обвиняютъ въ порчѣ и причиненіи имъ бѣссоудержимости, часто наблюдаемая наклонность къ произношенію

бренныхъ и неприличныхъ словъ, поразительное богохульствованіе, и святотатственное поведеніе противъ иконъ, склонность нѣкоторыхъ изъ кликушъ къ прорицанію и т. п. Сюда принадлежатъ и боязнь табаку, наблюдаемая у нѣкоторыхъ кликушъ, какъ заимствованіе отъ сектантовъ. Извѣстно, что куреніе табаку, по взгляду многихъ сектантовъ, которыхъ народъ вообще именуешь «еретиками», есть дѣло рукъ антихриста, а потому они не только не употребляютъ табаку, но и не допускаютъ его въ свои избы. Поэтому боязнь табаку у кликушъ выражаетъ какъ бы принадлежность ихъ къ ереси, что въ глазахъ простаго народа почти равносильно богоотступничеству.

Въ виду только-что сказаннаго нельзя не согласиться съ тѣмъ, что кликушество и порча въ значительной мѣрѣ обязаны своимъ происхожденіемъ бытовой сторонѣ жизни русскаго народа. Очевидно, что своеобразныя суевѣрія и религіозныя вѣрованія народа даютъ психическую окраску того болѣзненнаго состоянія, которое извѣстно подъ названіемъ порчи, кликушества и бѣсноватости.

Глубоко интересенъ вопросъ о развитіи порчи, кликушества и бѣсоодержимости въ нашемъ народѣ. Въ этомъ отношеніи играетъ, повидимому, огромную роль невольное внушеніе, испытываемое отдѣльными лицами при различныхъ условіяхъ. Описаніе бѣсноватости въ священныхъ книгахъ, рассказы о порчѣ и бѣсоодержимости и вѣра въ колдуновъ и вѣдьмъ, передаваемая изъ устъ въ уста среди простаго народа, особенно же поражающія картины кликушества и бѣсоодержимости, которыя приходится видѣть русской крестьянкѣ въ церкви, — картины, которыя на долго запечатлѣваются въ душѣ всякаго, кто имѣлъ случай наблюдать неистовство кликушъ и бѣсноватыхъ, особенно же ихъ неслыханныя богохуленія и осквернѣніе святынь, дѣйствуютъ на расположенныхъ лицъ на подобіе сильнаго и неотразимаго внушенія. Еще болѣе поражающимъ образомъ должны дѣйствовать тягостныя картины бѣснованія кликушъ во время публичныхъ отчитываній, которыя даже и при счастливомъ исходѣ, въ смыслѣ исцѣленія отъ кликушества, еще болѣе укрѣпляютъ въ простомъ народѣ вѣру въ бѣсоодержимость. Въ этомъ отношеніи глубоко знаменательно замѣчаніе автора, что большую, если не первенствующую роль въ развитіи кликушества въ Россіи играютъ монастыри, особенно московскіе и окрестныхъ губерній. «Уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.» говоритъ авторъ, «сюда стекаются на богомолье кликуши со,

всѣхъ сторонъ Россіи съ надеждою получить исцѣленіе. Здѣсь ихъ отчитывали спеціальными молитвами монахи, здѣсь имъ давали травы и священное масло, а въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, какъ напр. въ Москвѣ, въ Симоновомъ монастырѣ для бѣсноватыхъ и теперь служитя *особая обѣдня и отецъ Маркъ отчитываетъ ихъ спеціально въ продолженіе 6-ти недѣль*. По монастырямъ во время службы, на крестныхъ ходахъ и богомольяхъ у чудотворныхъ иконъ можно видѣть массу кликушъ, впадающихъ въ состояніе припадковъ. Эти припадки сильно поражаютъ производимымъ ими впечатлѣніемъ воображеніе окружающихъ, и бурная картина видѣннаго припадка хорошо запечатлѣвается въ памяти простодушной поселянки, пришедшей на поклоненіе святыни изъ глухой русской деревни. Здѣсь большинство русскихъ кликушъ воспринимаетъ и безсознательно обучается тѣмъ проявленіямъ болѣзни, которыя онѣ позже, когда становятся сами кликушами, воспроизводятъ благодаря болѣзненному подражанію».

Будучи самъ свидѣтелемъ такого рода отчитываній бѣсноватыхъ въ отдаленныхъ монастыряхъ Европейской Россіи, я вполне раздѣляю взглядъ автора о значеніи монастырей, какъ распространителей порчи и бѣсоодержимости въ населеніи. Но въ литературѣ, какъжется, является совершенною новостью то обстоятельство, что въ монастыряхъ нашей первопрестольной столицы служитя *особая обѣдня* для бѣсноватыхъ и происходятъ спеціальныя шестинедѣльные отчитыванія ихъ о. Маркомъ. Интересно было бы знать, кѣмъ устанавливаются особыя обѣдни для бѣсноватыхъ и спеціальныя ихъ отчитыванія?

При существованіи религіознаго внушенія о возможности порчи и бѣсоодержимости, очевидно, достаточно для предрасположенной личности уже самаго незначительнаго повода, чтобы развилась болѣзнь. Если такая личность случайно взяла изъ рукъ подозрѣваемаго въ колдовствѣ лица какую либо вещь, или поѣла его хлѣба, выпила воды или квасу изъ его рукъ, или даже просто встрѣтилась съ нимъ на дорогѣ,—всего этого уже достаточно, чтобы болѣзнь развилась въ полной степени. Иногда даже простое воспоминаніе о тѣхъ или другихъ отношеніяхъ къ мнимому колдуну или вѣдьмѣ дѣйствуетъ на подобіе самовнушенія о происшедшей уже порчѣ и съ этого момента впервые развиваются стереотипныя болѣзненныя проявленія, которыя затѣмъ, повторяясь при соответствующихъ случаяхъ, укрѣпляются все болѣе и болѣе.

Само собою разумѣется, что рассматриваемыя состоянія при благопріятныхъ условіяхъ легко могутъ принимать эпидемическое распространеніе, которое вообще случается нерѣдко, при появленіи кликуши въ томъ или другомъ мѣстѣ. Поводовъ для развитія эпидеміи въ такихъ случаяхъ можетъ быть множество.

Одна кликуша, какъ было напр. въ Ащепковѣ, во время церковной службы заявляетъ, что кликать будутъ вскорѣ и другія, и уже этого заявленія достаточно, чтобы расположенныя женщины при общей поддержкѣ убѣжденія, что въ средѣ ихъ завелся колдунъ или вѣдьма, подверглись затѣмъ кликушнымъ припадкамъ. Въ другихъ случаяхъ достаточно нечаянно пророненнаго слова или дурного пожеланія кому либо въ ссорѣ, которое, дѣйствуя подобно внушенію, вызываетъ затѣмъ дѣйствительное болѣзненное разстройство, вселяющее въ заболѣвшемъ лицѣ и въ окружающихъ его убѣжденіе, что появившееся болѣзненное разстройство дѣло рукъ вѣдьмы или колдуна, и уже почва для развитія эпидеміи кликушества и порчи въ населеніи готова.

Такъ или приблизительно такъ дѣло происходитъ во всѣхъ вообще мѣстахъ, гдѣ развиваются подобныя же эпидеміи. Въ этомъ отношеніи особенно интересна та поразительная внушаемость, которая, по наблюденіямъ автора, проявляется у кликушъ, и то обстоятельство, что у многихъ изъ нихъ наблюдаются довольно глубокія степени гипноза, наипримеръ, по крайней мѣрѣ отчасти, тѣ истерическія формы гипноза, которыя демонстрировалъ покойный профессор Charcot въ Парижскомъ Сальпетриерѣ. Авторъ думаетъ, что и само кликушество есть ничто иное, какъ сомнамбулизмъ въ смыслѣ Charcot. Мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи авторъ платитъ дань увлеченія тому констатированному имъ факту, что кликуши вообще необычайно легко впадаютъ въ гипнозъ и не менѣе легко поддаются внушеніямъ.

Только что указанный фактъ, безъ сомнѣнія, достоинъ большого вниманія и при томъ не только съ точки зрѣнія происхожденія болѣзненнаго состоянія, о которомъ идетъ рѣчь, но и съ точки зрѣнія лечебнаго значенія гипнотическаго внушенія при порчѣ и кликушествахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если принять во вниманіе прекрасные результаты примѣненія гипнотическаго внушенія кликушамъ въ сравнительно короткій срокъ командировки автора при условіяхъ далеко не-

подходящихъ для систематическаго леченія гипнозомъ, то нельзя не оцѣнить важности лечебнаго значенія внушенія въ подобныхъ случаяхъ.

Самъ народъ инстинктивно ищетъ исцѣленія отъ своего недуга, приобретеннаго, какъ было выяснено, путемъ внушенія, не столько въ лекарственной медицинѣ, сколько въ молитвословіяхъ и въ отчитываніи въ монастыряхъ и въ другихъ религіозныхъ обрядахъ и церемоніяхъ, или идетъ къ знахарямъ или такъ называемымъ колдунамъ, гдѣ также лечится наговорами. Очевидно, что внушеніе, систематически проведенное при условіи разобщенія больныхъ другъ отъ друга и обособленія ихъ отъ здоровыхъ или освободившихся отъ припадковъ съ цѣлью устраненія взаимовнушенія и вліянія однихъ на другихъ, является однимъ изъ важнѣйшихъ лечебныхъ мѣропріятій, къ которымъ отнынѣ слѣдуетъ прибѣгать въ каждомъ случаѣ эпидеміи кликушества, порчи и бѣсноватости.

Но разобщеніе больныхъ другъ отъ друга и отъ здоровыхъ и леченіе внушеніемъ при соответствующемъ врачеваніи физическихъ недуговъ, поддерживающихъ предрасположеніе къ болѣзненному состоянію, представляютъ во всякомъ случаѣ мѣры, дѣйствующія противъ развившейся уже эпидеміи; тогда какъ полное искорененіе зла возможно лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ имѣть въ виду не однѣ только лечебныя мѣры, но и мѣры предупреждающія. Однихъ медицинскихъ и административныхъ мѣропріятій здѣсь, очевидно, недостаточно.

Для достиженія указанной цѣли прежде всего должно имѣть въ виду устраненіе изъ народнаго обращенія грубыхъ суевѣрій и распространеніе среди простого народа здравыхъ религіозныхъ понятій, въ каковомъ отношеніи могло бы оказать большую пользу наше духовенство. Къ сожалѣнію, изложенные въ книгѣ факты наводятъ на иныя размышленія.

В. Бехтеревъ.

Глава I-я.

Развитіе суевѣрій.—Извѣстный и неизвѣстный міры.—Страхъ передъ неизвѣстнымъ.—Первыя попытки объясненія неизвѣстнаго по аналогіи съ извѣстнымъ.—Оживотвореніе причинъ природныхъ явленій.—Развитіе понятія о духовномъ мірѣ.—Дѣленіе духовъ на добрыхъ и злыхъ.—Вмѣшательство злыхъ духовъ въ жизнь человѣка.—Злые духи, какъ причины смерти, болѣзней и людскихъ несчастій.—Одержимость.—Изгнаніе и вселеніе бѣсовъ въ людей колдунами.—Развитіе идеи о колдовствѣ.

Съ временъ глубокой древности, задолго до начала исторической жизни народовъ, съ того самаго момента, какъ умъ человѣческій научился различать свое „я“ отъ окружающаго міра и сталъ приводить созерцаемыя въ рамкахъ времени и пространства явленія внѣшней природы въ причинную связь, — весь міръ подѣлился для него на — извѣстный и неизвѣстный. Все то, что ему удавалось поставить въ причинную связь съ другими явленіями, притомъ, въ связь всеобщую и необходимую (аргіог'ныя сужденія по Канту), составляло міръ вѣдомый и умъ успокаивался на этомъ знаніи, не чувствуя потребности въ дальнѣйшемъ анализѣ. Наоборотъ всѣ явленія, стоящія внѣ этой причинной связи, оставались неизвѣстными, непонятными уму человѣческому и возбуждали въ немъ чувство неудовлетворенности, непрерывно побуждая къ дальнѣйшему анализу и попыткамъ поставить эти неизвѣстныя явленія въ связь съ остальными. Только шагъ за шагомъ въ теченіе тысячелѣтій завоевываеъ умъ человѣческій область неизвѣстнаго, расширяя сокровищницу человѣческаго знанія и по крохотной лептѣ съ сотенъ поколѣній созидае то великое зданіе науки и знанія, которымъ такъ гордится современное человѣчество.

Однако, если область неизвѣстнаго съ каждымъ днемъ въ настоящее время отвоевывается наукою, если запасъ теперешнихъ знаній въ сотни и тысячи разъ превосходитъ тотъ запасъ, которымъ обладало человѣчество на порогѣ цивилизаціи, — область эта была и есть безконечно велика по сравненію со всѣмъ запасомъ нашей науки и высказанное во второй половинѣ XIX столѣтія знаменитымъ естествоиспытателемъ ignoabimus ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ величіемъ необъятнаго и повергаетъ насъ во прахъ нашего ничтожества предъ міровымъ величіемъ.

Такимъ образомъ, во всѣ времена человѣчество жило подавляемое понятіемъ о величіи и тайнахъ непостижимаго. По особому психоло-

гическому закону все непонятное, неизвѣстное, всегда возбуждало и возбуждаетъ въ людяхъ элементарную эмоцію — страхъ или боязнь передъ неизвѣстнымъ. Это состояніе свойственно самымъ первобытнымъ народамъ и Спенсеръ правъ ¹⁾. говоря, что „боязнь неизвѣстнаго есть повидимому эмоція универсальная — даже когда это неизвѣстное не имѣетъ въ себѣ ничего угрожающаго.“ „Подобное же состояніе испытываетъ животное въ присутствіи незнакомаго ему явленія: даже животное, отличающееся большою силою и смѣлостью, обнаруживаетъ несомнѣнный страхъ въ присутствіи движущагося предмета, котораго оно раньше не видѣло“. Вотъ почему всѣ явленія, приведенныя въ умѣ человѣка въ связь времени, пространства и причинности между собою — т. е. извѣстныя ему, не поражаютъ его страхомъ, если не заключаютъ въ себѣ чего либо угрожающаго его жизни и здоровью. Наоборотъ, всякое явленіе наступающее неожиданно и нарушающее обычный ходъ вещей — подобно затмѣніямъ небесныхъ свѣтилъ — поражаетъ умъ первобытнаго человѣка испугомъ и онъ стремится выйти изъ этого состоянія страха, распознавъ неизвѣстную причину и суть явленія и поставивъ его въ связь съ остальными извѣстными ему. Лекки ²⁾ говоритъ, что страхъ вездѣ былъ началомъ религіи.

Однако познаніе неизвѣстныхъ явленій дается человѣческому разуму нелегко и первоначально умъ цѣпляется за самое наглядное объясненіе по аналогіи съ уже извѣстными ему. Пока еще критическая способность не достигла извѣстной степени развитія, умъ часто довольствуется готовою формулою, сообщенною ему другимъ индивидуумомъ. Отсюда возникаетъ та прочная вѣра, или вѣрнѣе, чуждое всякихъ сомнѣній легковѣріе, которое такъ свойственно мало цивилизованнымъ народамъ. По Спенсеру въ эгомъ легковѣрїи и кроется одинъ изъ факторовъ въ генезисѣ суевѣрїй. „Явленіе, неожиданно нарушающее обычный ходъ вещей, вызываетъ въ первобытномъ человѣкѣ испугъ, за которымъ слѣдуетъ нелсное внушеніе присутствія какого нибудь дѣятеля, мысленно уподобляемаго имъ другимъ дѣятелямъ, изъ числа обнаруживавшихся передъ нимъ въ его прежнихъ опытахъ. Отсюда у него происходитъ стремленіе считать всякое явленіе, неповторяющееся въ опредѣленные сроки, какимъ нибудь живымъ существомъ. Во первыхъ въ умѣ первобытнаго человѣка возникаетъ простая ассоціація идей между явленіемъ, которое по своему характеру наводитъ на мысль о живомъ дѣятелѣ, такомъ живомъ дѣятелѣ, который обыкновенно видимъ но близости отъ того мѣста, гдѣ произошло яв-

¹⁾ Спенсеръ. Основаніе соціологіи. 1898 г. т. I, стр. 380.

²⁾ Лекки. Исторія рационал. въ Европѣ. 1871 г., стр. 24.

леніе. Во вторыхъ, представляющійся ему дѣятель не принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ сверхъестественныхъ—не принадлежитъ къ такъ называемому міру духовъ; это вполне естественный дѣятель: вѣтеръ приписывается имъ хлопанью крыльевъ, звукъ той-же-причинѣ, или птичьему крику и молнія—сверканію глазъ“. „Въ первобытномъ умѣ все неправильно повторяющіяся явленія, которыя вслѣдствіе этого, а также по своей вѣшной самопроизвольности наводятъ на мысль о живомъ дѣятелѣ—именно и приписываются такимъ дѣятелямъ, весьма мало отклоняясь при этомъ отъ извѣстныхъ формъ послѣднихъ, причеиъ релігіозная эмоціонная идея отсутствуетъ. Въ то время, какъ явленія объясняются дѣйствіями неизвѣстныхъ живыхъ существъ, однородными съ дѣйствіями существъ уже извѣстныхъ, все же въ качествѣ дѣйствующихъ причинъ въ одномъ мѣстѣ является превращенный человекъ, въ другомъ—богъ. Такимъ образомъ, истолкованіе утрачиваетъ уже свой чисто естественный характеръ“. На основаніи легковѣрія первобытнаго человекъ и малоразвитой способности критики у него—смѣшиваніе сновидѣній съ дѣйствительностью въ дѣтствѣ и у дикарей—даетъ почву для развитія суевѣрій. Позднѣйшимъ факторомъ въ развитіи суевѣрія является употребленіе возбуждающихъ веществъ.

Разбирая эволюцію суевѣрій Спенсеръ ¹⁾ говоритъ, что первая мысль, различающая одушевленное отъ неодушевленнаго, та, что движеніе предполагаетъ жизнь. Позже движеніе, указывающее на жизнь, начинаетъ отличаться отъ всякаго другого движенія по своей самопроизвольности. „Восходя отъ низшихъ типовъ животныхъ къ высшимъ, мы видимъ, что способность различенія одушевленнаго отъ неодушевленнаго все увеличивается. Сперва—движеніе, затѣиъ самопроизведенное движеніе и, наконецъ цѣлесообразное самопроизведенное движеніе“. По мнѣнію Спенсера „въ основѣ суевѣрій лежитъ приписываніе жизни такимъ вещамъ, которыя ею не обладаютъ, но вѣрованія эти не первичны, а вторичны и къ нимъ первобытнй человекъ былъ приведенъ своими ранними попытками понять окружающій міръ“.

Гипотеза о духѣ, какъ о нѣкоторомъ внутри—живущемъ существѣ была совершенно чужда первобытному человеку. Не обладая достаточною критическою способностью, дикарь часто смѣшиваетъ свои сновидѣнія съ явленіями дѣйствительной жизни. Спенсеръ ²⁾ утверждаетъ, что опыты во снѣ необходимо предшествуютъ образованію понятія о нашемъ духовномъ я—они именно тѣ опыты, изъ которыхъ потомъ вырастаетъ представленіе о духовномъ нашемъ я. Будучи

¹⁾ Спенсеръ. Осн. соціол. 1898 г. т. I, стр. 80.

²⁾ Л. с. стр. 91.

свидѣтелемъ во время своей полной войнѣ и опасностей жизни, многихъ случаевъ временнаго безчувствія раненыхъ и оглушенныхъ, дикарь, не умѣя различать состоянія обмиранія отъ настоящей смерти, создаетъ себѣ первоначальную идею о временномъ отсутствіи изъ тѣла этого втораго Я—будущаго духа человѣка“. По его дальнѣйшимъ понятіямъ и во время смерти это второе Я временно разлучается съ тѣломъ, чтобы странствовать въ это время по другимъ мірамъ, подобно тому, какъ странствуетъ духъ человѣка въ мірѣ сновидѣній. Но дикарь, какъ и всѣ позднѣйшія религіи цивилизованныхъ народовъ, допускаетъ возможность новаго соединенія духа съ покинутымъ тѣломъ и идея о загробной жизни съ послѣдующимъ воскресеніемъ, есть универсальная идея всего человѣчества. Отсюда вытекаетъ существующій у большинства первобытныхъ народовъ обычай снабжать могилу покойниковъ оружіемъ, пищею и одеждою, ибо жизнь загробная въ ихъ понятіи снабжена всѣми потребностями жизни дѣйствительной. Идеи о духахъ и о загробной жизни развиваются чрезвычайно послѣдовательно и проходятъ многочисленныя ступени развитія. Изъ понятія дикаря о второмъ „Я“, о двойникѣ временно покидающемъ тѣло во время сна, обмороковъ и смерти, въ теченіе тысячелѣтій создается сложный культъ христіанскаго загробнаго міра съ безсмертною душою, сонмомъ ангеловъ въ раю и устрашающимъ адомъ.

Какъ только въ понятіяхъ первобытнаго человѣка установилось понятіе о душахъ или тѣняхъ умершихъ, очень скоро онѣ дѣлятся на добрыхъ и злыхъ сообразно друзьямъ и врагамъ при жизни. Врагъ по ихъ понятіямъ могъ вредить людямъ не только при жизни, но и послѣ смерти, откуда произошелъ рядъ обычаевъ у дикихъ народовъ вродѣ наваливанія надъ могилой большаго количества земли, съ цѣлью помѣшать покойнику встать изъ могилы. На слѣдующей ступени развитія, души враговъ обращаются въ злыхъ духовъ и постепенно развивается культъ дьявола, свойственный христіанской религіи.

Съ самой колыбели человѣчества вмѣшательство злыхъ духовъ въ людскую жизнь сказывается сильнѣе вліянія добрыхъ невѣдомыхъ силъ. Всѣ случайности и несчастья, которыя нельзя было приписать видимому врагу, приписывались вліянію невидимаго. Многие первобытныя народы совершенно не допускали мысли о естественной смерти и, если она не случалась на полѣ брани, или вслѣдствіе несчастнаго случая—ее приписывали злымъ духамъ.

Въ связи съ этимъ болѣзнь, какъ главный родъ несчастій человѣческихъ у многихъ народовъ приписывались вліянію злыхъ духовъ.

У многихъ нецивилизованныхъ народовъ и въ настоящее время

можно найти объясненія происхожденія болѣзней вліяніемъ злыхъ духовъ.

Лэбокъ ¹⁾ говоритъ, что „дикари почти всегда считаютъ духовъ за существа злыя. Они считаютъ злого духа источникомъ болѣзней, смерти и всякихъ несчастій. Въ Новой Зеландіи каждая болѣзнь причиняется особымъ богомъ. Лучшимъ средствомъ исцѣленія считается — шумѣть около больного, какъ можно больше, чтобы заставить злого духа скорѣе выйти изъ него. Кусса кафиры, кола въ Нагпурѣ, черкесы и китайцы приписываютъ болѣзни злему духу или колдовству.“

По мнѣнію Каролинскихъ племенъ въ Сѣверной Америкѣ всякаго рода нездоровье причиняется злыми духами. По понятіямъ ново-зеландцевъ болѣзни причиняются имъ „Атуа“, который будучи голоднымъ, входитъ въ нихъ въ видѣ ящерицы и поѣдаетъ ихъ внутренности, пока они умрутъ ²⁾).

Спенсеръ ³⁾ говоритъ, что „первобытная форма этого объясненія обнаруживается у племени амазулу, даже боль въ боку объясняется ими такимъ образомъ. Самоанцы полагали, что духи умершихъ могли возвращаться и причинять болѣзнь и смерть остальнымъ членамъ семьи. Ново-каледонцы считаютъ больныхъ людей духами умершихъ и думаютъ, что они приносятъ болѣзнь. Дайяки и австралійцы приписываютъ всякую болѣзнь духамъ. Араукасы называютъ боль „стрѣлою злого духа“, а дайяки долинь вѣрятъ, что болѣзнь причиняется по временамъ духами, наносящими людямъ невидимыя раны невидимыми копьями. Но повсюду предполагаемая причина болѣзней имѣетъ личный характеръ. Въ Азій карены приписываютъ болѣзни вліянію невидимыхъ духовъ; лепчасы принимаютъ всякія боли за дѣйствія чертей, подобно бодасамъ и дималамъ. Въ Африкѣ береговые негры приписываютъ болѣзнь или колдовству (порчѣ), или дѣйствию боговъ; каусы считаютъ причиною болѣзней враговъ или злыхъ духовъ, а оскорбленный предокъ одного изъ зулусовъ представляется говорящимъ такъ: „я явлюсь къ тебѣ въ видѣ болѣзни“. Въ Америкѣ команчи думаютъ, что болѣзнь причиняется вредоноснымъ дыханіемъ непріятели; а мундурукусы считаютъ ея причиною чары какого-нибудь неизвѣстнаго врага“ ⁴⁾).

„Болѣзнь есть дѣло враждебнаго демона: нападая на человека, онъ касается его своею рукою, наноситъ ему гнойныя раны, оскверняетъ его тѣло нарывами, вередями, сыпями, нерѣдко даже поселяется

¹⁾ Лэбокъ. Начало цивилизац. 1871 г. стр. 99—101.

²⁾ Лэбокъ. Начало цивил. 1876 г. стр. 162.

³⁾ Спенсеръ. Основ. соціол. т. I. стр. 144.

⁴⁾ Спенсеръ. Осн. соц. т. I, стр. 144—145.

въ немъ, грызеть и мучить его различными муками. Вѣрованіе это принадлежитъ глубочайшей древности и встрѣчается у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ¹⁾. Гомеръ приписываетъ тяжкіе недуги прикосновенію злого духа²⁾. „Въ Америкѣ грубыя расы³⁾ приписываютъ болѣзни дѣйствию злыхъ духовъ. Патогонцы думаютъ, что болѣзнь причиняется вхожденіемъ духа въ тѣло больного и что всякій больной человѣкъ одержимъ. Въ Африкѣ по воззрѣніямъ басутовъ и зулусовъ причины болѣзней суть духи умершихъ, входящіе въ человѣка, чтобы призвать его къ себѣ или побудить къ приношеніямъ въ пользу умершихъ. Въ Полинезій каждой болѣзнь приписывается духовному вліянію божествъ, возстановленныхъ противъ больного, или приношеніямъ его враговъ“.

Сумцовъ⁴⁾ отмѣчаетъ, что „болѣзни издавна у разныхъ народовъ являются въ формѣ демоническихъ существъ. Духи мрака—враги здоровья и жизни; они проникаютъ въ тѣло человѣка и служатъ источникомъ болѣзней; они помрачаютъ умъ и терзаютъ тѣло человѣка. Уже въ кирпичныхъ книгахъ древнихъ халдеевъ находятся заговоры противъ болѣзней, какъ демоническихъ существъ. У иранцевъ были весьма распространены магическія заклинанія и очищенія отъ болѣзней, какъ нечистыхъ демоническихъ существъ. Въ Атарва—Вега ляхорадка имѣетъ значеніе демоническаго существа. У Грековъ и Римлянъ болѣзни также имѣли демоническое значеніе. У древнихъ скандинавовъ внутреннія болѣзни приписывались дѣйствию злыхъ духовъ и лечили ихъ заговорами и симпатическими средствами. Въ Англіи въ V—XI в. и позднѣе внутреннія болѣзни считались непосредственно причиненными злыми духами, эльфами, демонами, чарами колдуновъ или пагубнымъ вліяніемъ дурнаго глаза. И такъ начиная отъ IV-го тысячелѣтія до Р. Х. и кончая современными берлинскими мѣщанами, мы видимъ проявленія вѣрованія въ демоническое значеніе внутреннихъ болѣзней у разныхъ цивилизованныхъ народовъ. Славяне, въ частности русскіе, раздѣляютъ со всѣми другими народами вѣрованіе въ демоническое происхожденіе болѣзней“.

Но изъ всѣхъ болѣзней одна группа благодаря своимъ рѣзкимъ проявленіямъ всегда дѣйствовала устрашающимъ и подавляющимъ образомъ на окружающихъ и, такъ какъ причины и ходъ этихъ болѣзней были совершенно непонятны, то онѣ издавна были поставлены въ связь съ вліяніемъ злыхъ духовъ на людей. Къ этой группѣ болѣз-

1) Аванасевъ. Поэт. возр. сл. т. III, стр. 63.

2) Одиссея. V. 396—6.

3) Тейлоръ. Перв. культ. т. II, стр. 190.

4) Сумцовъ. Культурн. переживанія. Кіевск. стар. 1889. № 11, стр. 300.

ней относятся тяжелыя судорожныя состоянія, при которыхъ человѣкъ бьющійся въ состояніи сильнаго припадка, тѣло и мимика котораго изображаетъ глубокое страданіе,—придя въ сознаніе, ничего не помнить о бывшемъ съ нимъ и отрицаетъ самый фактъ. Тяжелая картина эпилепсіи и, вѣроятно, нѣкоторыхъ формъ истеріи дала основаніе приписывать эти явленія одержимости злымъ духомъ, который вселяется на время въ тѣло больного, мучить и корчить его и оставляетъ его, повергаетъ въ безпамятство. Объясненіе это встрѣчается въ глубокой древности и свѣйственно всѣмъ народамъ земного шара.

„Болѣзненные¹⁾ симитомы являются результатомъ дѣятельности другого начала подобнаго душѣ, т. е. посторонняго духа. Человѣкъ одержимый беспокоится и мечется въ горячкѣ, рвется и тоскуетъ, какъ будто внутри его находится какое-то терзающее его существо, худѣетъ и изнемогаетъ, точно кто нибудь день за днемъ пожираетъ его внутри—такой человѣкъ естественно ищетъ какой либо олицетворенной духовной причины своихъ страданій. Ему даже иногда случается видѣть своего мучителя въ страшномъ сновидѣніи въ формѣ призрака или кошмара. Когда же эта таинственная невидимая сила повергаетъ безпомощнаго человѣка на землю, корчитъ и ломаетъ его въ судорогахъ и заставляетъ бросаться съ непоимѣрной силой и яростью дикаго звѣря на окружающихъ; когда эта сила побуждаетъ человѣка съ искаженнымъ лицомъ и дикими движеніями, произносить не своиимъ, какъ-будто даже нечеловѣческимъ голосомъ, дикія безсвязныя рѣчи, или когда вдругъ у одержимаго являются мысли и краснорѣчіе далеко превышающія обычный уровень его способностей и онъ начинаетъ повелѣвать, давать совѣты и предсказывать будущее,—то понятно, что такой человѣкъ долженъ казаться окружающимъ и самому себѣ орудіемъ духа, который овладѣлъ имъ или вселился въ него, жилищемъ демона, въ личностъ котораго больной вѣрить такъ твердо, что часто выдумываетъ для него имя, которое онъ можетъ назвать, когда говоритъ отъ имени этого духа. Наконецъ, когда тѣло медиума со всѣмъ истощено духъ выходитъ изъ него такъ-же, какъ вошелъ.

„Въ этомъ состоитъ понятіе дикарей объ одержимости бѣсами и вселеніи ихъ—понятіе бывшее съ незапамятныхъ временъ и остающееся до сихъ поръ у нисшихъ расъ преобладающей теоріей болѣзней и вдохновеннаго состоянія“.

„Описаніе того, какъ демонъ по злобной волѣ колдуна тихо подкрадывается сзади къ своей добычѣ и бьетъ ее палицей по затылку или какъ духъ мертвеца приходитъ въ ярость, когда произносятъ его

¹⁾ Тэйлоръ. Первоб. культ. стр. 195—206.

имя и вползаетъ въ тѣло говорящаго, чтобы пожрать его внутренности, представляютъ крайне яркіе примѣры дикаго анимизма.

„На дальнемъ Востоку, на островахъ Товарищества и Георга, злые демоны ниспосылаются корчить и мучить людей судорогами и истерическими припадками, терзать несчастныхъ больныхъ какъ бы зазубренными крючьями или крутить и вязать въ узлы ихъ внутренности, пока жертва не умретъ въ жестокихъ мученіяхъ. Сумасшедшіе пользуются тамъ большимъ уваженіемъ какъ люди, посѣщенные богомъ, а идіоты обязаны мягкости обхожденія съ ними убѣжденію въ ихъ сверхъестественномъ наитіи.

„Случаи, гдѣ болѣзненное одержаніе духами переходило въ прорицательное одержаніе, связаны въ особенности съ истерическими, конвульсивными и эпилептическими страданіями. У патагонцевъ, люди страдающіе падучей болѣзью или пляскою Св. Вита, предназначаются въ волшебники,⁹ какъ люди избранные самими демонами.

„Такимъ путемъ на ступеняхъ низкой культуры болѣзненные энтузіасты начинаютъ обнаруживать то сильное вліяніе надъ умами окружающихъ ихъ болѣе нормальныхъ людей, которое они сохраняютъ столь замѣчательнымъ образомъ во всѣ историческія времена“:

Описывая картину одержимости, Тэйлоръ говоритъ: „фиджіійскій жрецъ сидитъ среди глубокаго молчанія, упорно уставивъ глаза на украшеніе изъ китоваго уса. Черезъ нѣсколько минутъ онъ начинаетъ дрожать, въ лицѣ и въ конечностяхъ появляются слабыя подергиванія, которыя усиливаются до жесточайшихъ судорогъ, сопровождающихся вздутіемъ венъ, бредомъ и стопами. Въ это время въ него входитъ божество и прорицатель съ вращающимися, выпученными глазами, блѣднымъ лицомъ и посинѣлыми губами, обливаясь потомъ, съ видомъ совершенно бѣшеннаго человѣка, высказываетъ неестественнымъ голосомъ волю божества; затѣмъ припадокъ стихаетъ, прорицатель тупо глядитъ вокругъ себя и божество возвращается въ страну духовъ.

„Явленія одержимости бѣсами у варваровъ и цивилизованныхъ народовъ не требуютъ подробнаго описанія, представляя собою не болѣе, какъ продолженіе тѣхъ же явленій у дикарей. И въ этомъ случаѣ точно также все говоритъ въ пользу заключенія, что теорія одержимости есть самобытный продуктъ нисшей культуры, постепенно вытѣсняемый высшей врачебной наукой“.¹⁾

Въ Индіи и теперь можно видѣть, какъ одержимые демонами вопятъ, корчатся, бѣснуются и даже разрываютъ связывающія ихъ

¹⁾ Тэйлоръ. стр. 201.

веревки, пока на нихъ не подѣйствуютъ заклинанія; тогда бѣснованіе прекращается, больной тупо смотритъ кругомъ, вздыхаетъ, падаетъ въ изнеможеніи на землю и приходитъ въ себя.

Эпилепсія, какъ первоначальное названіе, обозначала схватываніе больного сверхъестественнымъ дѣятелемъ; причинная связь между одержимостью бѣсами и умопомѣшательствомъ или бредомъ была одною изъ аксіомъ греческихъ философовъ.

Втеченіе первыхъ вѣковъ христіанства случаи одержимости бѣсами дѣлаются особенно частыми. потому что господствовавшее тогда религіозное возбужденіе усиливало возможность подобныхъ явленій.

Въ Европѣ и въ настоящемъ столѣтіи, начиная отъ Греціи и Италіи и кончая Франціей, народъ приписываетъ помѣшательство и истерику одержимости духами и лечитъ ихъ заклинаніями совершенно такъ-же, какъ и въ первобытныя времена.

Въ 1861 г. въ Марзинѣ, деревушкѣ къ югу отъ Женевского озера, развилась яростная эпидемія бѣснованія, достойная поселеній краснокожихъ индѣйцевъ, или негритянскаго царства западной Африки; подъ вліяніемъ заклинаній суевѣрнаго патера, эта эпидемія усилилась до такой степени, что не болѣе какъ въ одной этой деревнѣ было 110 бѣсноватыхъ.¹⁾

Въ описаніи Гвинеи Дж. Л. Уильсонъ, по отношенію къ неграмъ, говоритъ: „одержимость бѣсами здѣсь вещь обыкновенная и признаки, которыми она выражается, нѣсколько похожи на описанные въ Новомъ Завѣтѣ. Дикіе жесты, конвульсіи, пѣна у рта, проявленіе сверхъестественной силы бѣшенства, терзаніе собственнаго тѣла, скрежетъ зубовъ и другіе подобныя признаки указываются въ каждомъ случаѣ, гдѣ предполагается дьявольское навожденіе.“²⁾

Идеѣ объ одержимости суждено было сыграть роковую роль въ исторіи человѣчества и болѣе всего замѣчательно, что роль эта росла параллельно съ развитіемъ цивилизаціи и достигла своего крайняго развитія въ XVI и XVII столѣтіи въ Западной Европѣ, гдѣ въ то же время зарождалась и возрождалась современная наука и цивилизація. Идеѣ о вселеніи бѣса въ тѣло человѣка, свойственная всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ, особенно привилась къ христіанскому ученію католической церкви и дала основаніе къ развитію многочисленныхъ эпидемій бѣснованія, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе времени съ XVI-го вѣка по настоящее время и страннымъ образомъ приуроченныхъ къ жизни и исторіи монастырей и ихъ вліянія на общество.

¹⁾ Тэйлоръ. стр. 206.

²⁾ Тэйлоръ. стр. 195.

Какъ скоро идея объ одержимости больныхъ злымъ духомъ, достаточно оформилась и утвердилась, естественно должны были возникнуть попытки къ изгнанію этихъ злыхъ демоновъ изъ бѣсноватаго, конечно прежде всего при помощи враждебныхъ имъ духовъ добра. Такимъ образомъ возникло заклинаніе бѣсовъ, еще не такъ давно достигшее своего апогея въ христіанскомъ ученіи католической церкви.

Отъ способности изгонять бѣсовъ человѣчѣскою властью и знаніемъ былъ конечно одинъ шагъ къ роковому для исторіи человѣческой культуры выводу о способности нѣкоторыхъ людей вселять бѣсовъ въ другого человѣка и по своему произволу влѣдствіе личнаго недоброжелательства насылать бѣсовъ на здороваго человѣка. Эти люди, имѣющіе общеніе съ злыми духами и ихъ искусство портить людей получили названіе колдуновъ и ученіе о колдовствѣ, получившее вполнѣдствіи столь широкое распространеніе, кровавыми буквами вырѣзано въ исторіи человѣческой культуры, составляя безспорно самую печальную страницу изъ исторіи наиболѣе цивилизованныхъ народовъ.

Забылинъ ¹⁾ говоритъ: „во всѣ времена и у всѣхъ народовъ умъ человѣческой имѣлъ стремленіе ко всему чудесному, таинственному и старался открыть и изслѣдовать то, что для него было загадочнымъ и необъяснимымъ. Видя свои силы слабыми и сознавая чувства ограниченными противъ могущественныхъ силъ природы, онъ невольно боялся ихъ вліянія и дивился; а все то, что ему было непонятно, относилъ къ тайной высшей силѣ. Чѣмъ менѣе развитъ человѣческой умъ, тѣмъ ему кажется шире область чудеснаго и сверхъестественнаго. Онъ удивляется всему сверхъестественному и въ то же время находить необходимымъ вѣрить, что есть невидимая, сверхъестественная сила, которая управляетъ всѣми видимыми, но непонятными явленіями, которая одарена высшимъ разумомъ и могуществомъ. Люди относились къ невидимой, могущественной, отвлеченной силѣ съ благоговѣніемъ, съ робостью и съ полнѣйшимъ уваженіемъ, и не только къ ней одной но и ко всѣмъ тѣмъ явленіямъ, которыя ихъ удивляли и становились для нихъ необъяснимыми. Со временемъ эту силу признали за божество, управляющее ими самими, воздвигали ей алтари, избирали изъ среды себя достойныхъ, которые управляли дѣлами богослуженія и такимъ образомъ жрецъ становился между народомъ и божествомъ, между небомъ и землею посредникомъ. Далѣе возникаетъ существованіе духовъ чистыхъ и нечистыхъ, а изъ этого ученія современемъ произошли всѣ суевѣрія, таинства и чародѣйскія сумасбродства. При

¹⁾ Забылинъ. Русскій народъ. Москва 1880 г., стр. 194.

развитіи суевѣрій у дѣтей сначала имѣется любопытство, потомъ страхъ, игра воображенія, страшныя сновидѣнія, вѣра на слово безъ критики“.

Мы видимъ такимъ образомъ, какъ изъ первоначальной ранней понятки понять окружающій міръ, возникаетъ понятіе о духовномъ мірѣ, аналогичномъ существующему, какъ далѣе этотъ духовный міръ расширяется, подраздѣляется на царство духовъ добрыхъ и злыхъ, однако все время не теряющихъ связи съ человѣческимъ міромъ. Злые духи получаютъ большое вліяніе въ судьбахъ человѣческой жизни, насылая несчастія, смерть и болѣзни. Они не довольствуются отдаленнымъ вліяніемъ, но сами вселяются въ людей, чтобы лучше мучить и терзать ихъ. Наконецъ выясняется группа людей, входящихъ въ общеніе съ этими злыми духами и обладающихъ способностью насылать ихъ на здоровыхъ людей, откуда уже возникаетъ ученіе о колдовствѣ съ его кровавыми казнями и кострами подѣтъ цивилизаціи послѣднихъ вѣковъ.

Хотя по развитію своему ученіе объ одержимости предшествовало колдовству и послужило почвою для его развитія, однако обѣ идеи такъ быстро слились и сплелись между собою, что уже съ глубокой древности до настоящаго времени, повсюду у дикихъ и наиболее культурныхъ народовъ мы находимъ эти понятія тѣсно связанными и нераздѣльными. Тогда какъ въ Западной Европѣ и въ христіанской католической религіи преобладала идея одержимости, у большинства нецивилизованныхъ народовъ яснѣе обрисовывается понятіе „порчи“ и колдовства, а въ русскомъ народномъ понятіи одержимость отступаетъ далеко на задній планъ, оставляя совершенно туманнымъ культъ демона и почти все сводя на порчу, т. е. колдовство.

Поэтому, мы разсмотримъ оба эти понятія въ связи одно съ другимъ, сначала въ общемъ развитіи, потомъ въ частности на Западѣ и въ Россіи.

Глава II-я.

Одержимость и колдовство.

Ученіе объ одержимости и колдовствѣ свойственно всѣмъ народамъ земнаго шара съ временъ глубокой древности до настоящаго времени. Почти у всѣхъ народовъ мы находимъ вѣру въ колдуновъ, вѣдьмъ, въ ворожбу и знахарство, въ оборотней и упырей. Тэйлоръ ¹⁾ говоритъ: „я едва-ли ошибусь, если скажу, что въ ученіе о демонической одержимости въ его существенныхъ чертахъ, вѣритъ и теперь еще цѣлая половина человѣческаго рода, которая является такимъ образомъ упорной представительницей своихъ самыхъ отдаленныхъ первобытныхъ предковъ“. Дѣло въ томъ, что „дикарь почти повсюду вѣритъ въ колдовство. Смѣшивая субъективное съ объективнымъ, онъ вѣчно находится въ страхѣ чего-нибудь“. Но уже очень рано въ представленіяхъ народовъ о злыхъ духахъ и о причиняемыхъ ими болѣзняхъ—появляется посредничество колдуновъ, которые насылаютъ нечистыхъ духовъ на людей. Колдунъ можетъ насылатъ любую болѣзнь и это понятіе о „порчѣ“ людей колдунами обще всѣмъ народамъ.

Вообще подъ колдовствомъ понимаютъ способность особой группы людей, находящихся въ общеніи съ злыми духами и извѣстныхъ подъ именемъ колдуновъ и колдуній или вѣдьмъ, влиять черезъ посредство свойственной имъ таинственной силы на жизнь, здоровье и благосостояніе другихъ людей. Понятіе о силѣ колдуновъ и вѣдьмъ и образъ ихъ сходны въ общемъ почти у всѣхъ народовъ. Подъ именемъ колдуновъ и вѣдьмъ разумѣются люди, находящіеся въ общеніи съ злыми духами, нечистою силою, демонами, сатаною и потому обладающіе этою сверхъестественною силою, употребляемою ими во зло по отношенію къ другимъ людямъ, враждебнымъ имъ. Огромное большинство людей, занимающихся колдовствомъ,—женщины. Колдуны у всѣхъ народовъ встрѣчаются гораздо рѣже, особенно у цивилизованныхъ. Сила колдовства основана на общеніи вѣдьмъ съ дьяволомъ. Вѣдьмы бы-

¹⁾ Тэйлоръ. Первобытн. культ. 1873 г. т. II, стр. 206.

вають врожденныя и ученныя. Первые обладают своею таинственною силою отъ природы, вторыя получаютъ ее отъ дьявола иногда черезъ посредство другихъ вѣдьмъ. Образъ вѣдьмы по народнымъ представленіямъ согласно описанія Иванова ¹⁾ рисуется въ видѣ пожилой женщины, чаще старухи, высокой, тонкой, худой, костлявой, нѣсколько сторбленной, съ растрепанными волосами, злымъ взглядомъ, желтыми или сѣрыми глазами, косымъ взглядомъ изъ подъ насущенныхъ бровей, всегда направленнымъ вбокъ, а никогда не прямо въ глаза другому человѣку; ротъ широкій, губы тонкія, подбородокъ выдавшійся впередъ, руки длинныя. У прирожденной вѣдьмы имѣется хвостъ и черная полоска волосъ вдоль спины. По преданіямъ многихъ народовъ вѣдьмы имѣютъ особые отличительные признаки, по которымъ ихъ можно безошибочно узнавать. Такъ онѣ не тонуть въ водѣ, имѣютъ хвостъ и носятъ на себѣ „печать дьявола“, т. е. мѣсто на тѣлѣ, лишенное кожей чувствительности и не дающее крови при небольшомъ надрѣзѣ или уколѣ. Эта „печать дьявола“ въ среднихъ вѣкахъ послужила признакомъ, благодаря которому были сожжены сотни тысячъ неповинныхъ жертвъ по обвиненію въ колдовствѣ. При смерти вѣдьма испытываетъ жестокия страданія, а послѣ смерти, колдуны превращаются въ упырей и, выходя по ночамъ изъ могилъ, высасываютъ кровь изъ спящихъ людей. Жизнь свою вѣдьма можетъ продлить посредствомъ чародѣйства. Мужчины „вѣдуны“, по понятіямъ русскаго народа, въ противоположность вѣдьмамъ занимаются знахарствомъ и дѣлаютъ людямъ скорѣе добро ²⁾).

Нужно замѣтить однако, что поэтическій образъ вѣдьмы, созданный пародной фантазіей и воплощенный въ древнихъ сказаніяхъ, значительно отличается отъ дѣйствительнаго представленія народа о вѣдьмахъ и колдунахъ. Насколько поэтичны германскія сказки о вѣдьмахъ и фантастичны чудеса таинственной силы, настолько же просто и грубо колдовство въ исторіи дѣйствительной германской жизни. Въ дѣйствительности вѣдьмой можетъ быть, рѣшительно всякая женщина, независимо отъ ея наружности, возраста и положенія. Среди сотенъ тысячъ колдуновъ и колдуній, сожженныхъ въ средніе вѣка, были люди всѣхъ классовъ, положеній, состояній, возрастовъ и видовъ.

Давая краткій очеркъ представленія о вѣдьмахъ, нельзя не упомянуть объ одномъ фантастическомъ сказаніи о нихъ, которое въ тѣ же злополучные вѣка получило широкое практическое значеніе въ процессахъ вѣдьмъ, — это сказаніе о шабашахъ. Не смотря на свою полную

¹⁾ Ивановъ. Народн. разск. о вѣдьм. и упыр. Сборн. Харьк. ист.-фил. Общества 1891 г. т. III.

²⁾ Ефименко. Судъ надъ вѣдьмами. Киевск. стар. 1883 г. № 11.

фантастичность, сказаніе это долгое время считалось неопровержимымъ фактомъ у цѣлыхъ народовъ и мнимыя колдуньи или на горѣвшіе костры, расточая признанія въ участіи въ этихъ ночныхъ сборищахъ вѣдьмъ.

Реньяръ ¹⁾ слѣдующимъ образомъ описываетъ эти шабаша. „Изъ зависти къ Богу, дьяволъ задумалъ, подобно Ему, разъ въ недѣлю собирать своихъ приверженцевъ; съ этою цѣлью онъ учредилъ шабашъ, на которомъ совершаются въ искаженномъ видѣ всѣ церковные обряды.

„Существуетъ два главныхъ шабаша—малый и большой; они однородны: вся разница между ними заключается лишь въ томъ, что на большой шабашъ собираются колдуньи цѣлаго округа. Обыкновенно это сборище происходитъ ночью, въ пустынной мѣстности, заросшей верескомъ, на покинутомъ кладбищѣ, вокругъ висѣлицы, разваливъ замка или монастыря. Чтобы попасть туда, вѣдьмы пользуются весьма простымъ средствомъ: дьяволъ приготовилъ специальную мазь, приготовленную изъ печени дѣтей, умершихъ некрещеными. Колдуньѣ достаточно только намазать себѣ тѣло этой мазью, произнести магическія слова и сѣсть верхомъ на помело, чтобы тотчасъ же полетѣть по воздуху; по мнѣнію всѣхъ, въ составъ этихъ мазей входилъ сокъ паслена, мандрагоры и белладоны, обладающихъ свойствомъ вызывать продолжительныя и связныя галлюцинаціи. Взгляните на приложенную гравюру XVII вѣка; на ней изображена колдунья намазывающая себѣ тѣло, въ то время какъ другая вылетаетъ уже изъ трубы, верхомъ на палкѣ (стр. 22). Иногда же колдунья просто призывала своего демона; тотъ сажалъ ее себѣ на плечи и летѣлъ съ нею. Нѣчто подобное изображено на гравюрѣ заимствованной нами изъ „Богословскаго трактата“ написаннаго въ XVI вѣкѣ преподобнымъ отцемъ Гуачіусомъ“.

„Колдуньи предохраняли себя отъ дождя во время пути какими нибудь магическими словами. Посѣтители шабаша подвергались предварительному осмотру и должны были доказать, что носятъ на тѣлѣ печать сатаны. Затѣмъ, разъ вступивши на шабашъ, надлежало совершить поклоненіе сатанѣ, какъ предсѣдателю собранія. Онъ сидѣлъ на тронѣ, не перереяженный и не переодѣтый, при чемъ голова и ноги оказывались у него козлиныя (старинное преданіе о богѣ Панѣ); кромѣ того его украшалъ громадный хвостъ и крылья, какъ у летучей мыши. Впрочемъ онъ иногда принималъ и другой обликъ (вѣдь галлюцинаціи не могли же совпадать у всѣхъ колдуній), и тогда онъ являлся въ видѣ осла, большого кипариса, чернаго кота и т. п.

¹⁾ Реньяръ. Умственн. эпид. 1889 г. стр. 20—26.

На шабашѣ все происходило наизнанку: сатанѣ отвѣщивали низкіе поклоны, но только повернувшись къ нему спиною; затѣмъ торжественно отрекались отъ Бога, Вогородицы, Святыхъ и посвящали себя сатанѣ. Но сатана шелъ еще дальше: онъ крестилъ вновь обращеннаго, издѣваясь надъ истиннымъ таинствомъ Крещенія, и принуждалъ всякаго наступать на Крестъ; далѣе всѣ колдуны, вооруженные факелами, танцевали, образуя изъ себя кругъ, но повернувшись другъ къ другу спинами. Когда била полночь, всѣ падали ницъ передъ своимъ повелителемъ. Это была минута наивысшаго поклоненія. Послѣ того происходило пиршество, самая старая колдунья, царица шабаша, садилась рядомъ съ сатаной и всѣ помѣщались вокругъ трапезы. Особенно много тутъ поѣдалось жабъ, труповъ, печенокъ и сердець дѣтей, умершихъ некрещеными. Послѣ пира возобновлялись танцы при чемъ самъ сатана не прочь былъ принять въ нихъ участіе или же исполнять роль оркестра. Марія Девинь, бѣдная дѣвушка, сожженная въ Валансенѣ, рассказывала, что она слышала, какъ сатана однажды пѣлъ комическую пѣсню. Танцы были въ высшей степени циничны и разрѣшались общимъ блудомъ съ сатаной. Къ концу шабаша происходила *черная обѣдня*. Сатана облеченный въ черную ризу, восходилъ на алтарь и пародировалъ обѣдню, повернувшись спиною къ св. Дарохранительницѣ. Это служило общимъ посмѣшищемъ: въ моментъ возношенія даровъ, онъ предлагалъ для поклоненія свеклу или крупную красную морковь. Толпа вновь принималась плясать до появленія зари и пѣнія пѣтуховъ: тогда все исчезало и присутствующіе разлетались, какъ стая ночныхъ птицъ, спугнутыхъ наступленіемъ дня. На пути колдунья выбрасывала свои мази и яды на жатву своихъ враговъ. Если путь былъ очень дальній, то сатана превращалъ колдунью въ какое нибудь заурядное домашнее животное: она могла такимъ образомъ возвратиться домой незамѣченной. Излюбленныя мѣста для шабашей Броккенъ въ Гарцѣ, а въ Россіи въ Кіевѣ на Лысой-Горѣ“.

Какъ образъ колдуни, такъ и употребляемые ими приемы колдовства, творчество народовъ обставило таинственностью и возвело въ сказочные образы поэтической фантазіи.

Колдунъ посредствомъ чародѣйства и съ помощью нечистой силы можетъ причинить своему врагу смерть, болѣзнь и всякаго рода несчастія. Отсюда вытекаютъ различныя виды колдовства. Но колдуны обладаютъ также властью и надъ нѣкоторыми природными явленіями: они могутъ скрадывать съ неба дождь и росу, причинять засуху, уничтожать посѣвы, вызывая градъ, и производить голодъ. Наиболѣе древнимъ является объясненіе колдовствомъ смерти.

Вмѣстѣ съ видомъ колдовства употреблялись и особые приемы чародѣйства. Такъ приемы съ цѣлью извести когонибудь, или нанести вредъ его здоровью—извѣстны почти всеѣмъ народамъ. Пословамъ Лэбока ¹⁾), „Патеръ Меролла упочинаетъ объ одномъ негрѣ Конго, который хотѣлъ его извести: онъ вырылъ яму въ землѣ и положилъ въ нее растение. Какъ засохнетъ оно, такъ погибнетъ и тотъ, кого колдунъ подъ нимъ подразумѣвалъ. На Фиджи одинъ изъ способовъ изводить людей состоитъ въ томъ, что зарываютъ кокосовый орѣхъ глазомъ вверхъ возлѣ очага, на которомъ не переводятъ огня и, какъ уничтожается жизнь орѣха, такъ будетъ уничтожаться и здоровье человека вплоть до смерти. Въ Матуку есть гротъ, посвященный богу вѣтра, такалау. Жрецъ обѣщаетъ уничтоженіе всякаго врага въ четыре дня, если тотъ, кто ему желаетъ смерти, принесетъ прядь его волосъ, клочекъ одежды или оставленной имъ нищи. Тутъ тоже жрецъ постоянно поддерживаетъ огонь и подползаетъ къ нему на четверенькахъ. Если жертва выкупается до четвертаго дня, чары рушатся. Самая обыкновенная метода—вакадранико или сборъ нѣкоторыхъ листьевъ, которымъ приписываютъ магическую силу; ихъ завертываютъ въ другія листья или вкладываютъ въ маленькій бамбукъ и зарываютъ въ садъ человека, котораго хотятъ околдовать, или въ щель его дома. Туземное воображеніе до такой степени безусловно подъ контролемъ страха этихъ чаръ, что люди, узнавъ, что они были предметомъ подобныхъ чаръ, ложились на землю и умирали со страха“. Тайлоръ ²⁾ рассказываетъ, что человекъ, желающій околдовать другого, старается достать чтонибудь принадлежавшее ему и, произнося заклинанія, зарываетъ въ землю, и какъ вещь сохнетъ, такъ долженъ иссохнуть и человекъ. И это неизбежно случалось, если жертва узнавала о разставляемыхъ ей козняхъ; страхъ совершалъ желаніе врага“.

„Въ Сѣверной Америкѣ для успѣха войны, сватовства или охоты, пидѣйцы дѣлаютъ грубый рисунокъ, изображающій человека, женщину или животное, затѣмъ къ нимъ прикладываютъ зелье, или, если желаютъ причинить смерть, то пронзаютъ сердце. Въ Индіи тоже знахари дѣлаютъ маленькія фигурки изъ глины, на груди которыхъ пишутъ имя того, кого хотятъ извести, затѣмъ пронзаютъ фигурку спицами или калѣчатъ ее, чтобы причинить соответствующій вредъ изображаемому лицу. Въ другихъ случаяхъ, обладаніе именемъ лица достаточно. Настоящее имя часто скрывается, такъ какъ знаніе его дало бы надъ нимъ власть врагу. Вообще, однако,

¹⁾ Лэбокъ. Началъ цивил. 1871 г., стр. 109.

²⁾ Лэбокъ. Нач. цив. 1871 г., стр. 109—111.

считалось необходимымъ, чтобы у знахаря было что нибудь принадлежавшее предмету мести: ногти, волосы, слюна и проч. Все это считалось путями, которыми демонъ можетъ войти въ человѣка, который вслѣдствіе этого окажется одержимымъ бѣсами“.

По мѣрѣ того, какъ вмѣстѣ съ развитіемъ цивилизаціи уменьшается у дикарей убѣжденіе въ несуществованіи естественной смерти, главныя посягательства колдуновъ сводятся на стараніе нанести вредъ здоровью своего врага и матеріальный ущербъ.

„Колдунъ и вѣдьма обладаютъ способностью портить домашній скотъ, особенно лишать коровъ молока. Это выдаиваніе вѣдьмами коровъ одно изъ наиболѣе распространенныхъ повѣрій въ Россіи и на Западѣ Европы. Согласно повѣрью большинства народовъ колдуны обладаютъ способностью превращаться въ звѣрей (особенно часто въ волковъ) и превращать въ нихъ другихъ людей. Такъ въ Россіи до сихъ поръ широко распространено ученіе въ оборотней, вовкулаковъ, причемъ утверждаютъ, что часто цѣлые свадебные поѣзда превращаются въ волковъ“.

„По мнѣнію русскихъ поселянъ ¹⁾ колдуны и колдуньи напускаютъ на людей и домашній скотъ *порчу*, т. е. томятъ, супатъ, изнуряютъ болѣзненными припадками. Силою страшныхъ заклинаній колдуны и колдуньи насылаютъ нечистыхъ духовъ по воздуху и черезъ воду. Колдуны и вѣдьмы могутъ причинять недуги прикосновеніемъ, дыханіемъ, словомъ, взглядомъ и самою мыслью, въ нихъ все исполнено губительной чародѣйной силы!... своимъ глазомъ онъ можетъ сглазить, а своимъ дыханіемъ *озвѣать* человѣка, т. е. насылать на него *порчу*“. По мнѣнію народа ²⁾ болѣзни посылаются по вѣтру или по водѣ. Колдунъ выходитъ на дорогу и выжидаетъ: не подуетъ-ли попутный вѣтеръ въ ту сторону, гдѣ живетъ обреченный на порчу. Выждавши, онъ беретъ съ дороги горсть пыли или снѣга и бросаетъ на вѣтеръ, произнося заклинанія. Главныя напускныя болѣзни—икота и стрѣлы“.

Колдунъ можетъ мѣшать человѣку во всѣхъ его дѣлахъ: можетъ разстроить его семейное счастье, заставить того или другого человѣка полюбить не любимую имъ особу. Обладая способностью насылать болѣзни, колдуны могутъ силою чародѣйныхъ заклинаній и изгонять болѣзни; отсюда заговоры и заклинанія, получившіе столь широкое практическое значеніе во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Въ народныхъ понятіяхъ знахарь почти отождествляется съ колдуномъ. По

¹⁾ Аванасьевъ. Поэтич. возвр. слав. т. III, стр. 519.

²⁾ Аванасьевъ. I. с. стр. 69.

словамъ Аванасьева ¹⁾ „народное врачеваніе издревле и до нынѣ совершается черезъ заговоры и нашептыванія. Греки по свидѣтельству Гомера (Одиссея, XIX, 457) лечили заговорами; римляне употребляли противъ болѣзней *сacina*; пѣснями и музыкѣ славянское повѣрье приписываетъ цѣлебныя свойства отъ тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ. Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ о гудцѣ, который могъ привораживать зельемъ и пѣснями“.... „Оговорить—напустить на кого нибудь болѣзнь недобрыми или не въ пору сказанными словами; оговоръ—напущенная болѣзнь, заговоръ, заклятье“. „Вѣщія жены ²⁾ и знахари позднѣйшей эпохи, утративъ непосредственную связь съ языческою стариною, всю сущность дѣла полагаютъ въ могущество чародѣйнаго слова и сопутствующихъ ему обрядовъ“. „Заговоры на любовь ³⁾ называются присушками (отъ сушить), а на утрату этого чувства—отсушками или остудою. Для того, чтобы уничтожить въ комъ-нибудь любовь, надо погасить въ немъ пылъ страсти, охладить внутренній сердечный жаръ. Заговоры на любовь состоятъ изъ заклинаній, обращенныхъ къ божественнымъ стихіямъ весеннихъ грозъ: къ небесному пламени молній и раздувающимъ его вѣтрамъ.... Кто влюбленъ—тотъ очарованъ“. „Колдуны ⁴⁾ и колдуньи, знахари и знахарки до сихъ поръ еще занимаются по деревнямъ и селамъ врачеваніемъ. Болѣзнь разсматривается народомъ, какъ злой духъ, который послѣ очищенія огнемъ и водою, покидаетъ свою добычу и спѣшитъ удалиться. Народное леченіе главнѣйшимъ образомъ основывается на окуриваніи, сбрызгиваніи и въ умываніи, съ произнесеніемъ на болѣзнь страшныхъ заклинаній“.

Извѣстный знатокъ русской жизни В. И. Даль ⁵⁾ говоритъ, что „о колдунахъ народъ вѣритъ также, что они *отводятъ глаза*. т. е. напускаютъ такую мару или мароку, что никто не видитъ того, что есть и всѣ видятъ то, чего вовсе нѣтъ. Напримѣръ: ѣдутъ мужики на торгъ и видятъ толпу обступившую цыганъ, изъ которыхъ одинъ, какъ народъ увѣряетъ вновь прибывшихъ, пролѣзаетъ сквозь бревно во всю длину его, такъ что бревно трещитъ, а онъ лѣзетъ! Вновь прибывшіе, на которыхъ ве было напущено мары, стали смѣяться надъ толпою, увѣряя, что цыганъ лѣзетъ по длинѣ бревна, а не сквозь него; тогда цыганъ обратился къ нимъ и сказалъ: „а вы чего не видали тутъ? Поглядите лучше на возы свои, у васъ сѣно-то горитъ!“ Мужики кинулись, сѣно точно горитъ; отхватили на скорую

¹⁾ Аванасьевъ т. I, стр. 409.

²⁾ Аванасьевъ т. I, стр. 414.

³⁾ Аванасьевъ т. I, стр. 449.

⁴⁾ Аванасьевъ. В. с. т. III, стр. 427.

⁵⁾ В. Даль. О повѣряхъ. суевѣр. и предрас. русск. нар. 1861 г. стр. 24.

руку лошадей, перерѣзавъ упряжь, а толпа надъ ними во все горло хохочетъ; оглянулись опять—возы стоятъ, какъ стояли, и не думали горѣть“. По мнѣнію Дала ¹⁾ ворожба и гаданье, а затѣмъ и заговоръ—принадлежатъ къ такимъ повѣрьямъ, къ которымъ прибѣгаетъ бѣдствующій, чтобы найти хоть какую нибудь мнимую ограду, чтобы успокоить себя надеждой“. „Заговоръ ²⁾ составляетъ для меня самый загадочный предметъ между всѣми повѣрьями и суевѣрїями. Тутъ кроется не одинъ только обманъ, а еще что нибудь другое. Жаль, что ученые испытатели природы, козаясь по годамъ надъ каплею гнилого настоя и отыскивая въ ней микроскопическихъ наливняковъ, не посвящаютъ средствъ и силъ своихъ сему болѣе общему и важному предмету. о коемъ они, не зная его вовсе, по одному только предупрежденію относятся презрительно. Народъ вѣрить, что, кто умѣетъ проиhrнести заговоръ, какъ слѣдуетъ, не только языкомъ, но и душою, соблюдая при всемъ томъ установленные для сего по таинственнымъ предписанїямъ прїемы и условїя, тотъ успѣетъ въ своемъ дѣлѣ. Народъ вѣрить въ таинственную силу, во вліяніе духа на духъ, на незримыя по себѣ и невѣдомыя силы природы, которыя однако же обнаруживаются затѣмъ въ явленїяхъ вещественныхъ, доступныхъ, нашимъ чувствамъ. Это, въ сущности, есть то же явленіе, которое, нѣсколько въ иномъ видѣ, ученые наши прозвали животнымъ магнетизмомъ. Утверждаютъ, что заговоръ дѣйствуетъ только на вѣрующихъ.—Вправдѣ ли мы отвергать положительно подобное вліяніе незримыхъ силъ природы челоуѣка на животное царство вообще?.. Не вѣрю, но не рѣшусь сказать—это ложь. Любовные заговоры бываютъ двоякіе—приворотъ милыхъ и изводъ постылыхъ. Заговоры бываютъ заглазные, голословные или съ нашептыванїемъ на воду, которую даютъ пить (отравленіе). Но и попросу также и въ этомъ случаѣ не упускать изъ виду—на всякій случай, дѣйствіе и вліяніе животнаго магнетизма“.

„Сглазъ“, ³⁾ притка или порча отъ глаза, недобрый глазъ—повѣрье довольно общее между весьма многими древними и новыми народами. Безспорно есть изрѣдка люди, одаренные какою-то темною, непостижимою для насъ силою и властью, поражать приковыванїемъ или даже однимъ взглядомъ своимъ другое, въ извѣстномъ отношенїи подчиненное, слабѣйшее существо, дѣйствовать на весь составъ его, на душу и тѣло благотворнымъ или разрушительнымъ образомъ, или по крайней мѣрѣ обнаруживать на него временно явно какое-либо

¹⁾ В. Даль. I. с. стр. 28.

²⁾ Даль. I. с. стр. 32.

³⁾ Даль. I. с. стр. 48.

дѣйствіе. Ученые называли это животнымъ магнетизмомъ, но какъ очень трудно объяснить другому то, чего и самъ не понимаешь... Явленія эти состоятъ въ томъ, что животныя силы дѣйствуютъ не всегда отдѣльно въ каждомъ недѣлимомъ, но иногда также изъ одного животнаго, или черезъ одно животное на другое, въ особенности черезъ человѣка. Ученые называютъ это магнетизмомъ, а народъ сглазомъ". На стран. 68-й Даль говоритъ по поводу заговора отъ крови: „почему бы считать положительной сказкой примѣненіе магнетизма и къ этому частному случаю, т. е. къ кровотеченію?“ По мнѣнію Дала заговоръ отъ зубной боли основанъ на животномъ магнетизмѣ“.

Какъ одинъ изъ видовъ колдовства въ Россіи широко извѣстенъ, такъ называемый заломъ или закрута, состоящій въ томъ, что хлѣбъ на корню заламывается и верхушки стеблей извѣстнымъ образомъ сплетаются между собою. Дѣлается это обыкновенно колдуномъ по злоумышленію на хозяина нивы или съ цѣлью перетянуть отъ него къ себѣ урожай, или причинить смерть тому хозяину нивы, который бы самъ рѣшился сорвать заломъ. По народному повѣрью заломъ этотъ не можетъ быть уничтоженъ кѣмъ либо, кромѣ священника, который послѣ молебна разрываетъ его крестомъ, или знахаря, иначе дерзнувшаго на это постигнетъ большое несчастье.

По сообщенію Коваленко ¹⁾ для уничтоженія закрутки и дурныхъ послѣдствій отъ нея, въ нѣкоторыхъ селахъ крестьяне обращаются къ священнику, который за извѣстное вознагражденіе, выѣзжаетъ на мѣсто найденной закрутки и читаетъ надъ нею заклинанія по старинному требнику Петра Могилы“.

По сообщенію Ефименко ²⁾ макъ въ народномъ повѣрѣ играетъ роль предмета, отвлекающаго колдуновъ, вѣдьмъ, мертвецовъ и проч. отъ людей въ случаѣ нападенія первыхъ. Но въ то же время маку приписывается совершенно противоположное свойство: посыпаніе макомъ считается средствомъ привлечь къ себѣ любовь или расположеніе другого человѣка, уже обыкновеннаго; напримѣръ, дѣвушка, умѣющая влюбить въ себя парня, старается обсыпать его макомъ, освященнымъ на Пасху.

Черемшанскій ³⁾ въ описаніи Оренбургской губ. говоритъ, что крестьяне обыкновенно вѣрятъ въ порчу и при нѣкоторыхъ внутреннихъ болѣзняхъ прямо жалуются на колдуновъ, отъ которыхъ будто бы они страдаютъ. Для излеченія этихъ болѣзней обращаются не иначе

¹⁾ Коваленко. О народ. медиц. въ Переясл. у. Полт. г. Обозр. 1851 № 2, стр. 141.

²⁾ Кіевск. стар. 1864.

³⁾ Черемшанскій. Описаніе Оренбургской губ. Уфа. 1859. стр. 210.

какъ къ знахарямъ, которые будто-бы посредствомъ своихъ наговоровъ могутъ избавлять отъ порчи.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ цивилизаціи расширяется и понятіе челоуѣка о таинственномъ, невѣдомомъ мірѣ; религіозный культъ усложняется и вмѣстѣ съ тѣмъ распространяется вѣра въ колдовство и чародѣйство, принимающая уже характеръ многихъ разновидностей и формъ. Таковымъ встрѣчаемъ мы колдовство у очень многихъ современныхъ народовъ. Часто оно бываетъ связано съ поэтическими воззрѣніями на природу и народными обычаями.

Съ одной стороны религія и мифическое міросозерцаніе вырабатываютъ мифическіе образы домовыхъ, духовъ водъ и лѣсовъ, надѣляя ихъ особенными качествами,—съ другой стороны приписываемое имъ вліяніе на природныя стихіи, ставитъ этотъ міръ духовъ въ общеніе съ челоуѣчествомъ. Изъ этого же мнимаго могущества духовъ и общенія ихъ съ людьми возникаетъ ученіе о колдунахъ, обладающихъ сверхъестественнымъ могуществомъ, изъ этого могущества возникаютъ различныя виды чародѣйства въ формѣ волхованія, прорицанія, гаданія, заклинанія, сглазу и проч.

Вѣра въ прорицаніе будущаго и гаданіе существуетъ у всѣхъ народовъ. Способы гаданія существуютъ у черокизовъ въ Западной Африкѣ, у лапландцевъ, въ Новой Зеландіи. Почти въ той же формѣ встрѣчается гаданье и у самыхъ цивилизованныхъ народовъ, напримеръ—среди высшаго круга петербургской аристократіи.

Чародѣйство и колдовство съ ихъ таинственными явленіями изъ области религіи перешли въ область поэзіи и у всѣхъ народовъ занимаютъ извѣстное мѣсто въ поэтическихъ воззрѣніяхъ ихъ на природу. Аванасьевъ ¹⁾ утверждаетъ, что „подъ вліяніемъ метафорическаго языка глаза челоуѣческія должны были получить таинственное сверхъестественное значеніе. То, что прежде говорилось о небесныхъ очахъ, въ послѣдствіи, понятое буквально,—перенесено челоуѣкомъ на самого себя. Знойный блескъ солнечнаго ока производитъ засуху, неурожай, болѣзни; сверкающіе взоры Перуна посылаютъ смерть и пожары: та же страшная сила усвоена и челоуѣческому зрѣнію. Отсюда родилась вѣра въ *призоръ* или *сглазъ*, общая всѣмъ индо-европейскимъ народамъ. „Дурной“, „недобрый“ глазъ распространяетъ свое вліяніе на все, чего только коснется его взглядъ: посмотреть ли на дерево—оно тотчасъ засыхаетъ: глянетъ-ли на свинью съ поросятами—она навѣрно ихъ съѣстъ и т. д. Недобрый глазъ влечетъ за собою болѣзни, убытки и разнаго рода несчастья и такое дѣйствіе его не зависитъ даже отъ

¹⁾ Аванасьевъ. Поэт. возвр. т. I, стр. 172.

воли человѣка. Недобрыми очами считаются а) косые, б) выглядывающіе изъ за большихъ нахмуренныхъ бровей, с) черные. („бойся черного да караго глаза“, „черный глазъ—опасный“) и д) глаза чрезмѣрно выкатившіеся или глубоко впавшіе.

„Могучія дѣйствія проявляемая природой въ буряхъ и грозѣ, были приданы и тѣмъ чародѣйнымъ музыкальнымъ инструментамъ, которые на поэтическомъ языкѣ древняго эпоса служили ихъ метафорическими представленіями. Таковы сказочные гусли самогуды, которые сами играютъ, сами пѣсни поютъ и которые съ одной стороны, согласно съ мифомъ объ Орфеѣ заставляюгъ плясать не только звѣрей, но и самые неодушевленные предметы—и лѣса, и горы, а съ другой стороны, игрою своею напускаютъ непреодолимый сонъ, подобно тому, какъ Вейнемейненъ звуками своей кангелы усыпилъ обитателей враждебной Похиолы. Музыкальные инструменты, звуки которыхъ обладали такимъ волшебнымъ свойствомъ, что, слыша ихъ, волею—неволею пляшутъ и люди, и звѣри, и лѣса, и камни, извѣстны въ преданіяхъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ“.¹⁾

По мнѣнію Забѣлина²⁾ „одною изъ самыхъ обыкновенныхъ формъ творчества суевѣрныхъ мифическихъ образовъ былъ павѣтъ, навожденіе и такъ называемая порча, сопровождаемая почти всегда вселеніемъ въ человѣка бѣсовской силы“.

Сумцовъ³⁾ однако несогласенъ съ такимъ объясненіемъ и думаетъ, что Аванасьевъ совершенно ошибочно объясняетъ сглазъ древнимъ жутьомъ солнца и грозы. По его мнѣнію „источникъ вѣрованій въ сглазъ скрывается въ простѣйшей демоніи. „Дурной“ глазъ по народнымъ повѣрьямъ встрѣчающійся въ Россіи повсемѣстно распространяетъ свое вредное вліяніе на все, чего только касается его взглядъ: отъ него болѣютъ и умираютъ люди и животныя, деревья портятся и засыхаютъ. Вѣрованіе въ сглазъ встрѣчается чуть-ли не у всѣхъ народовъ славянскихъ и иноплеменныхъ“.

Мы видимъ такимъ образомъ, что область колдовства чрезвычайно обширна; оно имѣетъ много разновидностей, и въ той или иной формѣ и въ настоящее время свойственна большинству человѣчества. Находясь отчасти въ связи съ религиозными вѣрованіями и мифическими воззрѣніями, колдовство занимаетъ обширную область въ поэзіи народовъ, давая обширный матеріалъ фантастическимъ сказаніямъ, полнымъ волшебной таинственности и поэтической прелести.

Не таково, однако, колдовство въ дѣйствительной жизни. Не поэзіей

¹⁾ Аванасьевъ. Е с. т. I, стр. 332—333.

²⁾ Забѣлинъ. Опытъ изуч. русск. древн. 1872 г. стр. 116

³⁾ Сумцовъ. Кіевск. Стар. 1889. № 11. стр. 313.

звучать кровавые факты исторіи средневѣковаго колдовства, а мрачнымъ знаменіемъ ничтожества и слабости человѣческаго ума. Эти страницы исторіи справедливо считаются самыми тяжелыми и подавляюще дѣйствующими на современнаго читателя. Но если поэзія проходитъ мимо средневѣковыхъ ужасовъ и жертвъ колдовства, то наука не вправѣ отвернуться отъ этого факта жизни человѣческой и должна напоминать предостерегающимъ образомъ, что милліоны невинныхъ жертвъ гибли въ страшныхъ мукахъ, отдавая дань глупости и заблужденіямъ рода человѣческаго, а можетъ быть, если поискать поглубже, жизнь даетъ и теперь еще эту дань въ видѣ отдѣльныхъ жертвъ.

Глава III-я.

Краткій очеркъ истории процессовъ о колдовствѣ и эпидемій бѣсноватости въ Западной Европѣ.

Не смотря на столь древнее происхожденіе идеи одержимости и колдовства, практическое значеніе ея въ жизни человѣчества было не такъ велико, и только начиная съ XV вѣка, въ эпоху наивысшаго развитія и распространенія христіанскаго ученія, — колдовство неожиданно принимаетъ новый оборотъ и начинаетъ имѣть выдающееся значеніе въ жизни наиболѣе цивилизованныхъ народовъ. Роковымъ образомъ колдовство въ исторіи связывается съ инквизиціей и играетъ въ исторіи религіозныхъ распрей большую роль.

Съ начала развитія христіанскаго ученія, въ немъ была отведена довольно значительная область идеѣ о духѣ зла — сатанѣ, его могуществѣ и его борьбѣ съ добромъ и Богомъ. Принявъ почти полностью все библейское ученіе Ветхаго Завѣта, Новый Завѣтъ еще болѣе развилъ идею о власти сатаны и ея значеніи въ жизни человѣческой. Идея о борьбѣ добраго и злаго началъ въ среднихъ вѣкахъ особенно сильно способствовала созданію культа сатаны и его значенію. Богу и его могуществу противопоставляли сатану съ его полчищами злыхъ духовъ. Для міра дьявола была создана цѣлая іерархія. Извѣстный демонологъ Жюль Вейеръ насчитываетъ въ дьявольской арміи 62 герцоговъ, маркизовъ и графовъ и 7,405,928 чертенятъ.¹⁾ Начальники ихъ имѣли различныя имена — Вельзевулъ, Асмодей, Магогъ, Дагонъ и проч., и каждый изъ нихъ имѣлъ свой особый образъ; нѣкоторые рисунки ихъ приведены въ цитируемомъ сочиненіи Реньяра. Значеніе сатаны росло въ эти мрачныя вѣка мистицизма, волнующихся страстей, а неустойчивое равновѣсіе, въ которомъ находилась тогда мысль общественныхъ массъ, постоянное ожиданіе кончины міра, религіозныя распри — все это дѣлало обликъ сатаны еще грознѣе, еще мрачнѣе и вызывало въ суевѣрныхъ массахъ ужасъ и содроганіе.

¹⁾ Реньяръ. Умств. эпид.

Естественно, что при такихъ условіяхъ старое ученіе объ одержимости, о способности дьявола вселяться въ тѣло человѣка—получило новое подтвержденіе, и убѣжденіе о бѣсноватости и силѣ колдовства стало всеобщимъ.

По убѣженію того времени люди либо продавались дьяволу добровольно, превращаясь тогда въ колдуновъ, и пріобрѣтали этимъ таинственную чародѣйскую силу, либо дьяволъ вселялся въ нихъ насильно, тогда они становились одержимыми. Никакая власть не могла заставить дьявола покинуть одержимое имъ тѣло за исключеніемъ Божьей воли, привлекаемой извѣстными заклинаніями.

Колдуньи и одержимые сдѣлались самыми сильными врагами человечества и породили невѣроятное и безпримѣрное по своей жестокости преслѣдованіе ихъ, выразившееся въ сожиганіи живемъ на кострахъ, душеньемъ и прочими казнями, число которыхъ нѣкоторые изслѣдователи опредѣляютъ до 9-ти милліоновъ.

Церковь соединила колдовство съ ересью, а судебныя власти вопреки всякимъ законамъ совѣсти и права, жгли тысячи невинныхъ жертвъ, хвастаясь и соперничая въ числѣ произнесенныхъ смертныхъ приговоровъ.

Въ XV, XVI и XVII вѣкахъ по всей Западной Европѣ горятъ костры и въ страшныхъ мукахъ гибнутъ тысячи несчастныхъ, не вызывая ни сожалѣнія, ни протеста, со стороны себѣ подобныхъ и даже ближайшихъ родныхъ. Безумное ослѣпленіе, умственная эпидемія времени охватываетъ цѣлыя государства.

Сумцовъ ¹⁾ говоритъ: „во всемірной исторіи бываютъ періоды, когда общество страдаетъ психическою болѣзью. Геродотъ упоминаетъ о психическихъ эпидеміяхъ. Плутархъ говоритъ о мономаніи милезійскихъ дѣвицъ. Вѣра въ колдовство была также психическою болѣзью времени. Вѣра въ дьявола и его пагубное могущество проникла во всѣ отправления умственной дѣятельности. Это былъ періодъ повальнаго и, такъ сказать, легальнаго сумасшествія... мрачный мистицизмъ“ ...

Робкіе голоса нѣсколькихъ мыслителей и ученыхъ остаются безсильными и цѣлыя столѣтія потребовались для того, чтобы отрезвить человечество отъ этого охватившаго его безумія.

Въ 1484 г. была издана знаменитая булла папы Иннокентія VIII, въ которой признавалось, что многія лица входятъ въ союзъ съ дьяволомъ и занимаются колдовствомъ. Булла предписывала доминиканцамъ Генриху Инститору и Якову Шпренгеру бороться съ этими пре-

¹⁾ Сумцовъ. Очеркъ исторіи колдовства въ Западной Европѣ. Харьк. 1878 г., стран. 24.

ступленіями, преслѣдуя ихъ безъ всякаго снисхожденія, давъ имъ самыя неограниченныя полномочія.

Въ 1489 г. была издана знаменитая книга *Malleus maleficarum* принадлежавшая упомянутому Шпренгеру и изданная съ благословенія папы и одобренія Кельнскаго теологическаго факультета. Книгу эту всѣ изслѣдователи считаютъ самымъ чудовищнымъ произведеніемъ, когда либо вышедшимъ изъ подъ пера человѣческаго, а зло причиненное ею человѣчеству, во много разъ превосходящимъ результаты самыхъ кровавыхъ войнъ.

Со второй половины XV вѣка колдуновъ и одержимыхъ жгутъ вездѣ и, что поразительно,—вмѣстѣ съ этимъ растетъ ихъ число. Среди массы людей, казненныхъ по злобѣ, по неправильнымъ доносамъ ихъ враговъ, несомнѣнно преобладающее число всетаки падаетъ на долю людей, которые и сами не отрицаютъ своей связи съ дьяволомъ и одержимости.

Лекки въ своей „исторіи раціонализма въ Европѣ“ (Спб. 1871 г.) говоритъ „почти въ каждой области Германіи преслѣдованіе спирѣнствовало съ ужасающей силой. 7000 жертвъ были сожжены въ Трирѣ, 600 смегъ одинъ епископъ въ Бамбергѣ и 800 сожжено было въ 1 годъ въ епископствѣ Вюрцбургскомъ. Во Франціи постановленія эти дѣлались парламентами Парижа, Тулузы, Бордо, Реймса, Руана, Дижона и Ренна и за ними всегда слѣдовала кровавая жатва. Въ Тулузѣ на мѣстѣ пребыванія инквизиціи 400 человѣкъ погибло за колдовство въ одну казнь, а въ Дуэ 50 человѣкъ въ одинъ годъ. Реми, судья въ Нанси, хвастался, что въ 16 лѣтъ онъ осудилъ 800 человѣкъ на смерть за колдовство. Казни происходившія въ Парижѣ въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ были „почти безконечны“. Бѣглецы, спасшіеся въ Испанію, были тамъ схвачены и сожжены инквизиціей. Въ этой странѣ преслѣдованіе распространялось до самыхъ небольшихъ городовъ, и эта вѣра такъ глубоко вкоренилась въ умахъ народа, что 1 колдунъ былъ сожженъ еще въ 1780 году. Въ Италіи, въ провинціи Комо, въ 1 годъ казнили 1000 человѣкъ; а въ другихъ частяхъ этой страны жестокость инквизиторовъ произвела наконецъ совершенное возстаніе. Такія же сцены совершались въ дикихъ долинахъ Швейцаріи и Савойи. Въ 1670 году 70 человѣкъ было осуждено за колдовство въ Швеціи и значительная часть ихъ была сожжена.

„Буллы, подобныя упомянутой Иннокентія VIII, изданы были папами Юліемъ II въ 1504 г. и Адрианомъ VI въ 1593 г... Легковѣріе, которое обнаруживалъ Лютеръ во всемъ, что относится къ дьявольскимъ навожденіямъ, было изумительно, даже для его времени.

„Я не имѣлъ бы никакого состраданія къ этимъ вѣдьмамъ“, восклицаетъ онъ, „я всѣхъ бы ихъ сжегъ“. Въ 12-мъ столѣтіи впервые появилось представленіе о вѣдьмѣ, какъ мы принимаемъ его теперь. Около 12 вѣка прежняя самопадѣнность, почти игравшая съ сатаной, и въ избыткѣ полной вѣры смѣлывшаяся надъ его замыслами, смѣнилась суровымъ и мрачнымъ аскетизмомъ. Видъ сатаны сталъ болѣе страшнымъ и видъ Христа менѣе ободряющимъ. Инквизиторы всегда замѣчали, что значительную часть осуждаемыхъ на сожженіе составляли женщины, жизнь которыхъ омрачена какой нибудь тяжелой печалью; и что музыка, которая утишаетъ страсти и облегчаетъ горечь сожалѣнія, имѣла необыкновенную силу надъ бѣсноватыми (53 стр.).

„Суды за колдовство умножились со страшною силою. Въ 15-мъ и 16-мъ столѣтіяхъ. они можно сказать, достигли высшаго предѣла. Никогда не было движенія, которое бы въ своихъ конечныхъ результатахъ, такъ сильно содѣйствовало освобожденію человѣческаго ума отъ всѣхъ суевѣрныхъ ужасовъ, какъ Реформація. По первую половину 17-го столѣтія гражданская власть неизмѣнно принимала свои мѣры для уничтоженія вѣдьмъ. Исторія колдовства въ протестантскихъ странахъ мало отличается отъ его исторіи въ странахъ католическихъ. Въ обоихъ случаяхъ причиной вѣрованія было стремленіе къ чудесному и сила преслѣдованія опредѣлялась степенью религіознаго терроризма. Въ Англіи это суевѣріе было гораздо слабѣе, чѣмъ на континентѣ“.

Главное явленіе, которымъ выражалась одержимость—были т. наз. демоническіе припадки, о которыхъ сохранились довольно точныя описанія и рисунки.

Я не буду останавливаться на изложеніи исторіи судопроизводства въ процессахъ вѣдьмъ, т. к. изложеніе этого можно найти въ специальныхъ изданіяхъ (между прочимъ въ сочиненіи Канторовича „Средневѣковые процессы вѣдьмъ“), а остановлюсь на описаніи самаго проявленія демономаніи, какъ оно сохранилось въ дошедшихъ до насъ источникахъ и на характерѣ эпидемическаго распространенія этой болѣзни.

Припадки демоническіе обыкновенно проявлялись у больныхъ при всякомъ богослуженіи, особенно при попыткахъ принять причастіе. Дьяволъ тогда начинаетъ терзать тѣло своей жертвы.

Zacharia ¹⁾ въ сочиненіи 1600 г. описываетъ картину одержимости слѣдующимъ образомъ: „у одержимой злымъ духомъ языкъ опухшій, покрытъ темною корою, выдается изо рта, горло также опух-

¹⁾ Цитир. по Канторовичу. стр. 122.

шее; одержимая какъ бы задыхается, плачетъ. сама не зная о чемъ; съ гнѣвомъ отвѣчаетъ на вопросы и зачастую вовсе не хочетъ говорить. Стираетъ зубы и отказывается отъ пищи; обнаруживаетъ ненависть по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ; произноситъ бессмысленныя слова, удручена чѣмъ-то страшнымъ и какъ-бы лишена всѣхъ чувствъ. Ударяетъ себя кулакомъ, рветъ на себѣ одежду и волосы, дико вращаетъ глазами, испытываетъ необычайный страхъ, отъ котораго внезапно успокаивается. Подражаетъ голосу различныхъ звѣрей: рыканью льва, блянію овецъ, мычанію быка, лая собакъ, хрюканью свиньи; скрежещетъ зубами, изо рта идетъ пѣна и вообще ведетъ себя какъ бѣшеная собака. Иногда ее насквозь пронизываетъ страшный зной или холодъ; она чувствуетъ, что по ея тѣлу бѣгаютъ муравьи, скачутъ лягушки, ползутъ змѣи, рыбы, мухи и проч. Слышитъ и видитъ сверхъестественныя вещи. Когда священникъ кладетъ ей руку на голову, она чувствуетъ то холодъ, то жаръ, и кричитъ, если ей ставятъ св. Дары на голову, восклицая: „уберите это съ меня, я не могу выносить этого, мнѣ становится дурно.“ Затѣмъ она рычитъ, трясетъ головою, пытается опрокинуть св. Дары, раздражается на священника и присутствующихъ. Незавидитъ всѣ церковныя предметы, чувствуетъ ужасъ при видѣ престола и св. Таинства. Не жслаетъ смотрѣть на иконы и особенно на Распятіе, у подножія котораго она сумасшедше извивается. Не произноситъ никакихъ молитвъ, и если хотятъ ее къ этому принудить, то бормочетъ что-то непонятное; подъ вліяніемъ заклинаній теряется, раздражается; рычитъ и отбивается. Будучи безграмотною, понимаетъ наиболѣе трудныя мѣста священнаго писанія и говоритъ на неизвѣстныхъ ей языкахъ: предсказываетъ будущее и говоритъ сверхъестественныя вещи“.

Лабертонъ ¹⁾ имѣвшій случай видѣть Лувьевскихъ монахинь, описываетъ видѣнное слѣдующимъ образомъ: „Эти 15 дѣвушекъ обнаруживаютъ во время причастія страшное отвращеніе къ св. Дарамъ, строятъ имъ гримасы, показываютъ языкъ, плюютъ на вихъ, и богохульствуютъ съ видомъ самаго ужаснаго нечестья. Онѣ кощунствуютъ и отрекаются отъ Бога болѣе 100 разъ въ день съ поразительною смѣлостью и безстыдствомъ. По нѣскольку разъ въ день ими овладѣваютъ сильныя припадки бѣшенства и злобы, во время которыхъ онѣ называютъ себя демонами, никого не оскорбляя при этомъ и не дѣлая вреда священнику, когда тѣ во время самыхъ сильныхъ приступовъ кладутъ имъ въ ротъ палецъ. Во время припадковъ онѣ описываютъ своимъ тѣломъ разныя конвульсивныя движенія и перегибаются назадъ

¹⁾ Ренъяръ. I, с. стр. 48.

въ видѣ дуги, безъ помощи рукъ, такъ что ихъ тѣло покоится болѣе на теменѣ чѣмъ на ногахъ, а вся `остальная часть находится на воздухѣ; онѣ долго остаются въ такомъ положеніи и часто вновь принимаютъ его. Послѣ подобныхъ усиленныхъ кривляній, продолжавшихся непрерывно иногда втеченіе 4 часовъ, монахини чувствовали себя вполне хорошо даже во время самыхъ жаркихъ лѣтнихъ дней; не смотря на припадки, онѣ были здоровы, свѣжи и пульсъ ихъ бился такъ же нормально, какъ если бы съ ними ничего не происходило. Между ними есть и такія, которыя падаютъ въ обморокъ во время заклинаній, какъ будто произвольно: обморокъ начинается съ ними въ то время, когда ихъ лицо наиболѣе взволновано, а пульсъ становится значительно повышеннымъ. Во время обморока, продолжающагося полчаса и больше, у нихъ не замѣтно ни малѣйшаго признака дыханья. Затѣмъ онѣ чудеснымъ образомъ возвращаются къ жизни, причеиъ у нихъ сначала приходятъ въ движеніе большіе пальцы ногъ, потомъ ступни и самыя ноги, а за ними—животъ, грудь и шея; во все это время лицо бѣсноватыхъ остается совершенно неподвижнымъ; наконецъ оно начинаетъ искажаться и вновь появляются страшныя корчи и конвульсіи“.

Эспри де-Бороже, ¹⁾ заклинавшій монахинь въ Лувье, говоритъ: (1652 г.) „въ девь Троицы 1644 г., Дагонъ (такъ назывался демонъ, вселившійся въ сестру Марію монастыря Св. Духа) причинялъ втеченіе цѣлыхъ четырехъ часовъ самыя ужасныя бѣснованія, какія только можно себѣ представить и это для того, что бы пошѣмать дѣвушкѣ пріобщиться св. Тайнъ. Все время онъ подвергалъ ее страшнымъ конвульсіямъ, нѣсколько разъ бросалъ на полъ, заставлялъ дѣлать сотни прыжковъ, сотни разъ бѣгать вокругъ церкви, толкать и сшибать съ ногъ народъ... Милосердый Боже! какія удивительныя движенія! какія странныя кривлянья! какое бѣшеное верченье! Какія частыя и неистовыя судорги и въ такихъ нѣжныхъ созданіяхъ и при такихъ многократныхъ, ужасныхъ усиліяхъ! Я готовъ бы былъ согласиться, увѣрю Васъ, съ мнѣніемъ разумныхъ и разсудительныхъ людей, желающихъ объяснять всѣ эти конвульсіи болѣзнию, а всѣ эги страшныя движенія и кувырканья ломаніемъ скоророховъ. Но что наглядно убѣждаетъ въ противномъ, противъ чего нѣтъ возраженій и что громогласно признается лучшими врачами, это полнѣйшая невозможность, чтобы конвульсіи, въ особенности столь интенсивныя, были естественнымъ слѣдствіемъ болѣзни; чтобы онѣ могли продолжаться такъ долго, возобновляться такъ часто, не вызывая ни малѣйшаго утомленія послѣ ихъ прекращенія и не дѣйствуя разрушительно на субъекта“.

1) Рише. Сомнамбулизмъ 182.

Уже очень давно у одержимыхъ былъ замѣченъ признакъ, остающійся у нихъ и внѣ припадка, который получилъ широкую извѣстность подъ именемъ „печати дьявола“. Состоитъ онъ въ томъ, что у одержимыхъ находили гдѣ-нибудь на тѣлѣ мѣсто, лишенное кожной чувствительности, которое при небольшомъ уколѣ или надрѣзѣ не давало кровотеченія. Присутствіе этого признака считалось безусловнымъ доказательствомъ связи съ дьяволомъ и осуждало жертву на сожженіе.

Припадки характеризовались судорогами, развитіемъ значительной мышечной силы, вздутіемъ живота, пѣной изо рта, беспорядочными движеніями и кривляніями. Одержимыя не переносили ничего святого, богохульствовали въ церкви и особенно во время причастія.

При развитіи преслѣдованія колдуній, когда каждую изъ нихъ пытали много разъ и полумертвую тащили на костеръ, многія изъ нихъ каялись подъ вліяніемъ пытки во всемъ томъ, что отъ нихъ требовалось. Но были и такія, которыя подъ вліяніемъ экстаза сами предавались въ руки правосудія, фантастически и съ глубокимъ убѣжденіемъ рассказывая о томъ, какъ они чародѣйствовали, какъ бывали на шабашахъ, бѣгали оборотнями и портили людей.

Много и другихъ болѣзней приписывали порчѣ и колдовству, хотя неизмѣннымъ образомъ оно приурочивалось къ судорожнымъ припадкамъ и умопомѣшательству.

Исторія инквизиціи и колдовства полна случаями, когда дѣти доносили на отцовъ, а отцы предавали въ руки правосудія дѣтей и женъ. Цѣлыя семьи гибли на крестахъ и пыткахъ при одобрительныхъ возгласахъ своихъ близкихъ.

Съ начала же XVII вѣка одержимость начинаетъ появляться въ формѣ эпидемическихъ заболѣваній. Поражаются по нѣсколько чело- вѣкъ сходными припадками и мѣстомъ развитія этихъ эпидемій явля- ются монастыри.

Одна изъ первыхъ эпидемій бѣсноватости, обратившая на себя вниманіе возникла въ 1610 г. въ Провансѣ, въ Эксѣ, въ монастырѣ урсулинокъ¹⁾. „У двухъ монахинь этого монастыря появились какія-то необычайныя движенія и другіе удивительныя симптомы. Согласно господствовавшему тогда вѣрованію, Ромильонъ вообразилъ, что эти монахини одержимы дьяволомъ. Онъ попробовалъ дѣлать надъ ними заклинанія, но неуспѣшно; дьяволы продолжали мучить бѣдныхъ урсулинокъ. Убѣдившись въ своемъ безсиліи, бѣдный священникъ обратился къ болѣе могущественнымъ заклинателямъ. Обѣихъ одержимыхъ—Луизу Капо и Магдалину де-ля-Палю, дочь провансальскаго

1) Рише. Сомнамбулизмъ. 1885.

дворянина, отправили въ монастырь Сентъ Бомъ, къ инквизитору Михаэлису. Михаэлисъ, не надѣясь исключительно на свои силы, пригласилъ на помощь фламандскаго доминиканца, отца Домціуса. Онъ самъ изъ Лувена, говоритъ Мишле, не разъ производилъ заклинанія, былъ стало-быть, обстрѣленъ на этихъ нелѣпостяхъ. Луиза, скорѣе сумасшедшая, чѣмъ злая, но злая въ своемъ сумасшествіи, призналась, что въ ней сидятъ три дьявола: Верринъ— добрый дьяволъ, католикъ, легкій, одинъ изъ демоновъ воздуха: Левіаѳанъ, дурной дьяволъ, любящій разсуждать и протестовать: и наконецъ третій— духъ нечистыхъ помысловъ. Чародѣй, пославшій ей этихъ дьяволовъ, князь всѣхъ колдуновъ Испаніи, Франціи, Англіи и Турціи, патеръ Луи Гофриди, бывшій въ то время приходскимъ священникомъ церкви des Accoules въ Марселѣ. Магдалина, подстрекаемая Луизой и обезумѣвшая отъ страха, сдѣлала такое же признаніе. Она сказала, что Гофриди испортилъ ее своими чарами. что онъ наслалъ на нее цѣлый легіонъ, т. е. шесть тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ шесть дьяволовъ. Михаэлисъ, какъ монахъ, ненавидѣлъ Гофриди— священника и съ радостью ухватился за прекрасный случай. Онъ донесъ на чародѣя прованскому парламенту И хотя на сторонѣ Гофриди были капуцины, епископъ марсельскій и все духовенство, тѣмъ не менѣе парламентъ въ союзѣ съ инквизиціей лобились того, что имъ выдали Гофриди. Его, какъ преступника, привели въ Эксъ предъ Магдалиной де-ля-Палю. Несчастный священникъ сначала клянется именемъ Бога, пресвятой Дѣвы Маріи и Св. Іоанномъ Крестителемъ, что всѣ эти обвиненія ложны; но скоро онъ понялъ, что онъ погибъ; мужество его покинуло и подъ пыткой, а можетъ быть и ранѣе, онъ признался во всемъ. Да, во всемъ, во всѣхъ преступленіяхъ, которыхъ онъ не совершалъ. Онъ сознался, что дьяволъ посѣщалъ его часто, что онъ поджидать сатану у дверей церкви и заразилъ до тысячи женщинъ ядовитымъ дыханіемъ, сообщеннымъ ему Люциферомъ. Признаюсь и въ томъ, говорилъ онъ, что когда я желалъ отправиться на шабашъ, я становился ночью у открытаго окна, черезъ которое являлся ко мнѣ Люциферъ и въ мигъ переносилъ на сборище, гдѣ я оставался два, три, а иногда и четыре часа. Стали искать на его тѣлѣ печать дьявола. Когда сняли съ глазъ Гофриди повязку, онъ съ ужасомъ узналъ, что въ его тѣло до трехъ разъ вонзали иглу и онъ ничего не чувствовалъ. И такъ онъ былъ трижды помѣченъ дьявольскимъ клеймомъ. Инквизиторъ замѣтилъ: Если бы мы находились въ Авиньонѣ, этого человѣка завтра же сожгли бы.

Его и сожгли. 30 апрѣля 1611 года, въ Эксѣ въ 5 час. полудни, Луи Гофриди, бенедиктинскій священникъ церкви des Accoules,

быть отрѣшенъ отъ сана. Палачъ подвелъ его къ главному входу въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ каяться и просить прощенія у Бога, короля и правосудія. На площади проповѣдниковъ былъ уже воздвигнутъ костеръ. Несчастный взомелъ на него, и нѣсколько минутъ спустя отъ него остался одинъ пепелъ“.

Другая не менѣ знаменитая эпидемія возникла въ обители урсулинокъ въ Луденѣ ¹⁾. „Первая заболѣвшая между ними оказалась сама настоятельница—Жанна де-Вельсіель. Эпидемическая болѣзнь, распространившаяся въ послѣдствіи съ такою силою среди монахинь, началась съ 1631 г., а быть можетъ и раньше. Во всякомъ случаѣ, это осталось неизвѣстнымъ для всѣхъ, кромѣ духовника игуменни, аббата Миньонъ. Миньонъ поступилъ такъ-же, какъ Ромильонъ въ Эксѣ; онъ пытался отчитывать дьяволовъ, но не успѣвъ въ этомъ, пригласилъ къ себѣ въ помощники отъявленнаго фанатика—Барре, священника въ Шиньонѣ. Первое публичное заклинаніе происходило 11 октября 1631 года, въ присутствіи Гюильома де-Серизо, луденскаго судьи (Baillé), чловѣка твердаго ума и непреклонной честности, и хирурга Маннури, игравшаго во всемъ этомъ дѣлѣ весьма двусмысленную роль. Дьяволы объявили, что колдунъ, созвавшій ихъ—Урбанъ Грандье

Грандье, священникъ изъ Людѣна, воспитывавшійся въ Бордо у іезуитовъ, былъ краснорѣчивымъ и страстнымъ проповѣдникомъ. Умный и гордый, онъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе значительной части городского населенія не столько своимъ легкимъ нравомъ, сколько вызывающимъ обращеніемъ и пренебреженіемъ къ общественному мнѣнію. Конечно, нельзя сомнѣваться, чтобы въ его время такой выдающійся умъ, пользовавшійся столь заслуженной славой, не произвелъ сильнаго впечатлѣнія на воображеніе монахинь. Грандье пренебрегъ обвиненіями Миньона и Барре, а его прямой начальникъ въ Бордо, воинственный епископъ де Сурди, даже расхохотался, когда услышалъ про исторію дьяволовъ. Увѣдъ судья, его неустрашимая жена и нѣкій докторъ, по имени Дунканъ, рядомъ неопровержимыхъ доказательствъ опровергли эти ложныя обвиненія, такъ что въ теченіе всего 1632 г. и начала 1633 г., казалось, что Урбанъ Грандье спасенъ.

Демоны, однако, не унимались. Слава о ихъ подвигахъ разнеслась по всей Франціи. Пріѣзжали изъ Парижа, Марсея, Лилля, чтобы посмотрѣть ихъ дѣянія. Ришелье, желая положить всему этому конецъ, отправилъ въ Луденъ де Лобардемона, въ качествѣ королевскаго комиссара, снабдивъ его самыми неограниченными полномочіями (ноябрь 1633 г.) Историки и поэты отнеслись весьма строго къ Лобардемону. Они его обвинили въ личной злобѣ къ Грандье и представили его

¹⁾ Рише. Сомнамбулизмъ.

въ видѣ злодѣя—палача. Весьма однако возможно, что это неполнѣе согласно съ исторіей, и я скорѣе склоненъ думать, что Лобардемонъ, подобно де-Ланкру, Божюе, Бодену, подобно всѣмъ верховнымъ парламентскимъ судьямъ и комиссарамъ, искренно вѣрилъ въ одержимость и въ колдовство Грандье. Повидимому, въ этомъ прискорбномъ процессѣ все дѣйствовало съ искреннимъ убѣжденіемъ, какъ Грандье, отрицавшій свою виновность, такъ и Миньонъ, Баррэ и Лобардемонъ, настаивавшіе на противномъ, и урсулиняки, въ припадкахъ бреда обвинявшія Грандье въ колдовствѣ.

„Эти послѣднія въ особенности были искренни. Нѣсколько протестантскихъ памфлетистовъ XVIII вѣка и нѣкоторые изъ историковъ XIX вѣка придумали какую-то комедію, будто-бы разыгранную урсулиняками, сообща съ Лобардемономъ и Ришелье, съ цѣлю погубить священника—свободнаго мыслителя. Это сущій вымыселъ. Вѣрно одно, что урсулиняки были безумно искренними. Ихъ болѣзнь была не напускная, а дѣйствительная, столь-же дѣйствительная, какъ и тѣхъ умалишенныхъ, которыхъ лишаютъ свободы.

„Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на самые симптомы: Въ день заклинанія, игуменья прошла въ капель и набросилась на присутствующихъ, стараясь всѣми силами оскорбить самого отца Сюрина. Когда заплѣли гимны, дьяволъ сталъ извиваться, ползати и крутиться; онъ приблизился (довелъ тѣло Жанны де Бельсіель) къ самому выходу молельни, и здѣсь, высунувъ громадный черный языкъ, принялся лизать каменный полъ, съ отвратительными ужасками, воемъ и ужасными судоргами. Онъ повторилъ то-же самое у алтаря, послѣ чего выпрямился и, оставаясь все еще на колѣняхъ, гордо смотрѣлъ, какъ бы показывая видъ, что не хочетъ сойти съ этого мѣста. Но заклинатель, держа въ рукахъ св. Дары, приказалъ ему отвѣчать, тогда выраженіе лица исказилось и стало ужаснымъ, голова откинулась совершенно назадъ, и послышался сильный голосъ, какъ бы выходящій изъ глубины груди: Королева неба и земли, прости!

„У другихъ монахинь припадки совершенно аналогичны: опрокинувшись назадъ до того, что голова ихъ касалась пятокъ, онѣ передвигались въ такомъ видѣ доягое время и съ замѣчательной быстротой. Я видѣлъ одну изъ нихъ, которая, выпрямившись во весь ростъ, ударяла головой въ грудь и лопатки съ такой быстротой и такой силой, что ни одинъ человекъ, какой бы ловкостью онъ не отличался, не въ состояніи этого сдѣлать. Ихъ крики походили на неистовый вой грѣшниковъ въ аду, на вой волковъ или другихъ ужасныхъ звѣрей. Нельзя себѣ представить, съ какою силою онѣ кричали. Въ нихъ не было ничего человѣческаго. Иногда конвульсіи смѣнялись состоя-

ніемъ экстаза, каталепсией или симптомами, напоминающими сомнамбулизмъ: во время своего сна онъ пріобрѣтали гибкость олова. Можно было сгибать ихъ тѣло въ разные стороны — впередъ, назадъ, на бокъ и притомъ до того, что голова прикасалась къ землѣ и онъ оставались въ положеніи, которое сообщали имъ, пока кто нибудь не измѣнялъ его.

„На другой же день своего прибытія въ Луденъ, Лобардемонъ приказалъ арестовать Грандье, виновника всѣхъ этихъ ужасовъ. Грандье, продолжавшій упорно отрицать свою виновность, былъ приведенъ къ одержимымъ, чтобы дать очную ставку дьяволамъ съ ихъ княземъ. Сцена вышла драматическая: присутствіе Грандье вызвало сильнѣйшіе припадки у монахинь. Всѣ одержимыя стали кричать нечеловѣческимъ голосомъ, упорно обвиняя Грандье въ колдовствѣ; у нихъ появились такія ужасныя конвульсіи, такое страшное ломаніе всего тѣла, что, казалось, все это происходитъ на какомъ нибудь шабашѣ. Вдругъ одинъ изъ демоновъ воскликнулъ, что между Грандье и калуциномъ Транкиль стоитъ Вельзевулъ; въ ту же почти минуту, всѣ одержимыя стали бросаться на Грандье, предлагая растерзать его, показать всѣмъ его печать, и удушить его, хотя онъ и повелитель ихъ. Злость и бѣшенство дошли до того, что, еслибы присутствующіе не воспренятствовали, Грандье тутъ же погибъ бы отъ руки изступленныхъ монахинь.

„Вслѣдствіе упорнаго отрицанія, Грандье былъ подвергнутъ пыткѣ. Хирургу Маннури, разъ уже искавшему на несчастномъ клеймо дьявола, вновь было поручено повторить эту операцію. Но такъ какъ Грандье воспротивился отдать себя въ руки Маннури, то это испытаніе было поручено другому, болѣе человѣчному хирургу, Фурно. Когда монахини и судьи потребовали, чтобы послѣдній вогналъ остріе шила подъ ногти, онъ отказался на отрѣзъ. Не смотря однако на это смягченіе, Грандье перенесъ страшнѣйшую пытку. Ему связали ноги веревками и стали вбивать межъ ними клинья до совершеннаго раздробленія костей. Тѣмъ не менѣе (какъ бы не клеветали на него обвинители) Грандье не сознался ни въ чемъ: онъ только призналъ себя авторомъ одной рукописи, найденной въ его бумагахъ, въ которой шла рѣчь о безбрачій священниковъ.

18 августа 1634 года Урбанъ Грандье, приходской священникъ Лудена, былъ отведенъ на площадь Святаго Креста въ Луденъ, привязанъ къ столбу и заживо сожжѣнъ, съ договорами и волшебными письмами, свидѣтельствовавшими о всѣхъ ужасахъ его преступленія“.

Со времени Луденской, подобныя эпидеміи возникали въ монастыряхъ неоднократно. Правда, съ теченіемъ времени, когда средне-

вѣковые предрасудки значительно ослабѣли—отношеніе общества къ нимъ измѣнилось. Казни, пытки и костры постепенно сходятъ со сцены, но эпидеміи бѣсноватости повторяются даже въ послѣдніа десятилѣтія и почти въ той же формѣ, какъ и средневѣковыя. Если теперь нѣтъ костровъ, то заклинанія демоновъ господствуютъ еще и понынѣ, и суевѣрные католическіе патеры еще не уступаютъ своего поля брани вмѣшательству врача—психіатра.

Въ 1857—64 г. ¹⁾ въ Савойѣ молодныя дѣвушки при первомъ причастіи заболѣли одержимостью. Посланный правительствомъ врачъ Констансъ, потребовалъ удаленія виновныхъ духовниковъ и, принявъ гигиеническія мѣры, безъ леченія прекратилъ эпидемію.

---

¹⁾ Штейнбергъ. Бликушество. Арх. Суд. М. 1870. № 2.

Глава IV-я.

Колдовство въ Россіи.

Понятіе о колдовствѣ въ Россіи было также широко распространено какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, но практическое значеніе его въ жизни русскаго народа далеко не достигало тѣхъ размѣровъ, которыми оно ознаменовалось на Западѣ.

Причина этого лежитъ по мнѣнію изслѣдователей даннаго вопроса въ томъ, что идея о сатанѣ въ восточной церкви не достигала такого развитія, какъ на западѣ. По мнѣнію Антоновича ¹⁾ „народный взглядъ, допуская возможность чародѣйнаго таинственнаго вліянія на бытовья. повседневныя обстоятельства жизни, не искалъ начала этихъ вліяній въ сношеніяхъ со злымъ духомъ; демонологія не только не была развита, какъ сводъ стройно развитой системы представленій, но до самаго конца XVIII столѣтія, насколько можно судить по процессамъ, совсѣмъ не существовала въ народномъ воображеніи, даже въ видѣ неяснаго зародыша. Народный взглядъ на чародѣйство былъ не демонологическій, а исключительно пантеистическій“.

Онъ говоритъ: „какъ въ процессахъ прошлаго вѣка, такъ и въ современныхъ вѣрованіяхъ народа, колдовство обходится безъ черта. Оно совершается посредствомъ предметовъ природы, или дѣйствій, имѣющихъ таинственную силу. Ко всему этому чертъ непричастенъ“. Антоновичъ не находитъ въ процессахъ, о которыхъ сохранились документы въ Кіевскомъ центральномъ Архивѣ, ничего аналогичнаго съ тѣми процессами, которые возникли въ Западной Европѣ до конца прошлаго столѣтія. Причина относительной мягкости судебныхъ приговоровъ всѣхъ судовъ лежала не столько въ гуманномъ настроеніи судей, сколько въ отсутствіи тѣхъ демонологическихъ понятій, которыя вызывали на Западѣ жестокія преслѣдованія колдуновъ.

¹⁾ Антоновичъ. Колдовство. Спб., 1877 г.

Суевѣріе было свойственно славянамъ не меньше чѣмъ другимъ народамъ. Съ начала русскаго государства волхвы, или прорицатели будущаго, играютъ въ ней достаточную роль. Согласно переходу отъ языческихъ понятій къ христіанству. сначала выступаетъ власть чародѣйства и колдуновъ надъ природными явленіями, а затѣмъ опредѣляется и понятіе о зловредномъ вліяніи колдуновъ на другихъ людей и возникаетъ идея о порчѣ.

Какъ колдовство вообще, такъ порча въ частности, занимаетъ видное мѣсто въ народной поэзіи и лишь нѣкоторое время ведетъ къ практическому слѣдствію въ видѣ преслѣдованія колдуновъ. Были издѣсь жертвы пытокъ и казней по обвиненію въ колдовствѣ, но число ихъ едва достигаетъ немногихъ сотенъ и въ этомъ проявленіи прогресса человѣческой культуры Россія, къ чести своей, отстала отъ запада не меньше чѣмъ въ другихъ отдѣлахъ.

По указанію Забылина ¹⁾ „дѣла о волшебствѣ издревле принадлежали въ Россіи завѣдыванію духовной власти и чародѣевъ сжигали на кострахъ точно такъ же, какъ и въ Западной Европѣ, въ чемъ увѣряетъ Карамзинъ.

Въ 1227 г. въ Новгородѣ 4 волхва были приведены въ архіепископскій дворецъ и тамъ сожжены не смотря на заступничество бояръ. Въ началѣ XV вѣка было сожжено во Псковѣ 10 вѣщихъ жонковъ. Эта форма наказанія согласовалась съ общимъ народнымъ убѣжденіемъ въ XVI и XVII вѣкахъ.

„Есть на Поморьи ²⁾ (говорить рукописное житіе Зосимы и Саватія), наволокъ унежма; въ мѣстѣ же томъ челоувѣкъ нѣкій именемъ Никонъ. Сему Никону случися болѣзнь тяжка зѣло. Два кудесника бысть въ волости той, имуще прю нѣкую межъ собою. Никону же тому случися промежду ихъ свидѣтельствовати; единому ихъ угоди, а другого оскорби“. Послѣдній „зѣльнѣ огорчися“ и „яко же обычай имъ укоренился злокозненнаго дѣйства, бѣсовскою прелестью нача кудесъ бити—таже—насылаетъ бѣса на Никона“. (Щапов. 43).

Вѣра въ колдовство, по словамъ Аванасьева ³⁾ въ донетровскія времена была достояніемъ всѣхъ классовъ общества.

Великій князь Симеонъ Гордый отослалъ супругу свою Евпраксию въ 1345 г. къ ея отцу за то, что она на свадьбѣ была испорчена и всякую ночь казалась ему мертвецомъ ⁴⁾.

¹⁾ Забылинъ. Русск. нар. 1880 г., стр. 227.

²⁾ Цитир. по Аванасьеву.

³⁾ Аванасьевъ. т. III. стр. 519.

⁴⁾ Терещенко. Бытъ русскаго народа. Сиб. 1848 г.

Въ XVI вѣкѣ колдовство въ Россіи въ формѣ порчи сильно распространяется.

Супруга великаго князя Василя Іоанновича, Соломонія Юрьевна (1526 г.) искала отъ неплодія помощи у русскихъ знахарокъ.

Въ Стоглавѣ составленномъ Московскимъ соборомъ въ 1551 году сказано: „по селомъ и волостемъ ходять лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отроствивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являюся Св. Пятница и Св. Анастасія, и заповѣдуютъ въ среду и пятюкъ ручного дѣла не дѣлати и женамъ не прѣсти, и платья не мыти, и каменья не разжигати“.

„Къ обычному обвиненію прибѣгали и противники Адашева и Сильвестра при кончинѣ царицы Апастасіи (1560 г.).¹⁾ Они говорили „аки бы счаровали ее оныя мужи“. Иванъ Грозный говорилъ на допросѣ князю Воротынскому: „се на тя свидѣтельствуешь слуга твой, иже мя еси хотѣлъ счаровати, и добывалъ еси на меня бабъ шепчущихъ“. Въ 1591 г. рассказываетъ лѣтописецъ, бусурмане прислали изъ Крыма вѣдуновъ и тѣ испортили царевича Муратъ-Гирея. Въ 1674 г. въ Тотмѣ сожжена въ срубѣ жонка Ѳедосья, оговоренная въ порчѣ.

Въ 1598 г., присягая Борису Годунову, клялись: ²⁾ „ни въ платѣ, ни въ иномъ ни въ чемъ лиха никако не учинити и не испортити, ни зелья лихово, ни коренья не давати.... Да и людей своихъ съ вѣдомствомъ не посылати и вѣдуновъ не добывати на государское лико.... и наслѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаньемъ не испортити, и кто такое вѣдовское дѣло похочетъ мыслити или дѣлати... и того поймати“.

Что вѣдьмы были обвиняемы въ распространеніи болѣзней, засвидѣтельствовано грамотою царя Михаила Ѳеодоровича, упоминающаго о бабѣ—вѣдунѣ, которая наговаривала на хмѣль съ цѣлью навести на русскую землю моровое повѣтріе.

Всѣ были убѣждены, что невѣста царя Михаила Ѳеодоровича Марья Хлопова была испорчена ³⁾.

Вскорѣ колдовство возбуждаетъ уже преслѣдованіе со стороны духовной и свѣтской власти.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ крестьянинъ боярина Никиты Ивановича Романова, Мишка Ивановъ, былъ заточенъ въ монастырь за чародѣйство и за косный разводъ и за наговоръ, что объявился въ дѣлѣ Рафа Всеволожскаго. Дочь этого Всеволожскаго была наз-

¹⁾ Аванасьева т. III, стр. 618, 622, 627.

²⁾ Цит. по Аванасьеву.

³⁾ Н. И. Михайловъ. Библ. д. чт. 1859 г. VIII, стр. 1.

начена невѣстой царя; при объявленіи ей объ этомъ она упала въ обморокъ, изъ чего всѣ заключили, что она была подвержена падуцей болѣзни. Ей слишкомъ перетянули волосы“....¹⁾

Всѣ указанія, которыя мнѣ удалось найти въ сочиненіяхъ по русской исторіи до 1600 года, касаются колдовства въ формѣ порчи. Порчѣ приписывались тогда всѣ болѣзни вообще, но съ начала XVII вѣка съ понятіемъ о порчѣ связывается особый видъ болѣзненныхъ явленій, извѣстный подъ названіемъ кликушества. Съ этого времени оба понятія тѣсно сплетаются, область *порчи* ограничивается и неразрывно связывается съ такъ называемымъ кликушествомъ.

Первыя указанія на кликушество или икотную болѣзнь, какъ слѣдствіе порчи относятся къ 1606 г. когда „въ Перми²⁾ поданы были 2 челобитныя жалобы: оба челобитчика сдѣлали извѣтъ одинъ на крестьянина Тренку Талева, что тотъ *напустилъ икоту* на его жену, а другой на посадскаго Семейку Ведерника, который будто-бы напустилъ икоту на его товарища по торговлѣ; обвиняемыхъ пытали и кинули въ тюрьму.

Забѣлинъ³⁾ описывая домашній бытъ русскихъ царей, говоритъ: что вѣра въ колдовство была распространена и въ придворныхъ кругахъ. „Въ 1635 г, 30-го января одна изъ мастерицъ Аптоняда Чашникова, выронила нечаянно у мастерицы въ палатѣ, т. е. въ свѣтлицѣ, платокъ, а въ томъ плату „заверченъ корень невѣдомо какой“. Платокъ съ корнемъ подняли двѣ бѣлыя мастерицы и тотчасъ же объявили, т. е. представили государынѣ. На другой день по государеву указу и по именному приказу царицы велѣно дьяку царициной мастерской палаты объ этомъ сискать накрѣпко. Слѣдствіе выяснило, что корень ей дала ворожея „отъ лихово мужа, чтобы мужъ ее любилъ, и велѣла ей тотъ корень положить на зеркальное стекло, да въ то зеркало смотрѣться и до нее до будетъ мужъ добръ. 5-го февраля, государь, слушавъ это дѣло, велѣлъ ѣхать къ пыткѣ околыничьему Василию Ивановичу Стрѣшневу да дьяку Сурьянину-Тороканову и про то бы сыскивать и мастерицу и женку Таньку (ворожею) спрашивать на крѣпко“... „коли она тотъ корень привесла на Верхъ и она для чего привесла и по какому умышленію; и его, государя и и царицу и ихъ царскихъ дѣтей портить не хотѣла ль и кто иной ее съ тѣмъ не засылалъ ли? На пыткѣ злого умысла обнаружено не было, а потому объ обвиняемыя были лишь высланы въ Казань за опалу. Корень тотъ Танька называла „обратимъ“.

¹⁾ Н. И. Михайловъ. Народные предрасудки. Вѣра въ порчу и врачеваніе. Выбл. для чт.: 1899 г. т. VІІІ.

²⁾ Аонасьевъ. I. с. т. III стр. 634.

³⁾ Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царей. 1869. т. II стр. 529.

Въ 1638 г. ноября 16-го обвинялась мастерица Дарья Ламанова въ томъ, что сыпала песокъ на слѣдъ государыни царицы Евдокии. У пытки дарья повинилась, что „спознала ее съ ворожеею подруга ея для того, что она людей приворачиваетъ, а у мужей къ жонамъ и сердце и ревность отымаеъ; а наговариваетъ на соль и на мыло; да тотъ соль даютъ мужьямъ въ ѣствѣ и въ питьѣ, а мыломъ умываютца; да и надъ мужемъ де она, Авдотья своимъ то-жъ дѣлала и умъ отняла: что она Авдотья ни дѣлаеъ, а онъ ей въ томъ молчитъ.

На пыткѣ и Дарья, и колдунья Настасьяца говорили, что одна сыпала, а другая велѣла ей сыпать пепелъ во слѣдъ государыни для того, чтобы царица ее Дарью жаловала, а не для лихого дѣла. По цареву указу Дарья Ламанова съ мужемъ была сослана въ Сибирскій городъ Пельимъ“.

Въ 1669 году предписано было дозваться въ Шуѣ, какія и отъ кого именно бывають порчи посадскимъ людямъ и жонамъ и дѣтямъ, да накрѣпко разспросить Микшику, какое воровство онъ вѣдаеъ за Григоріемъ Трофимовымъ, что его де надо „въ срубѣ сожечъ“. На слѣдующій годъ шуяне сдѣлали заявленіе въ стѣзжей избѣ воеводѣ для того, — „чтобы намъ всѣмъ шуянамъ посадскимъ людишкамъ въ томъ не погибнуть и въ пѣнѣ и въ опалѣ не быть; а кто тѣхъ страждущихъ скорбныхъ людей портитъ, про то мы не вѣдаемъ.

Въ 1671 г. заявилъ въ шуйской земской избѣ посадскій чело-вѣкъ Ѳедька Саратовцевъ: „была де у нихъ свадьба, женился братъ его Степка, и на той де свадьбѣ учинилась надъ матерью ихъ Ѳе-доркою и надъ снохою Овдотьицею скорбь — почали быть безъ ума и безъ памяти, стали кликать въ порчѣ; а отпускалъ де ту свадьбу отъ всякаго лиха Гриника Трофимовъ сынъ Панинъ“.

Въ 1674 г. поступило явочное челсбитье отъ шуянина Юешина на Ѳедосью, жену Степана Ибонника, которая бранила его всякою бранью и поносными словами да взвела на него злохитрымъ своимъ умысломъ, будто онъ ее испортилъ“.

Еще при жизни царя Ѳедора Алексѣевича въ 1681 году въ народѣ ходила молва, что царь былъ испорченъ какою-то бабою вѣ-дуньей и этотъ слухъ снова распространился въ самомъ разгарѣ стрѣ-лецкаго бунта.

Въ показаніи Евтрошки Маркова, обвиненному по доносу Малю-тина въ колдовствѣ, онъ говоритъ, „что лечилъ... отъ еликтотныхъ болѣзней травами и кореньями, безъ наговору ¹⁾).

1) Есиповъ. Колдовство въ XVII и XVIII вѣк. Древн. и нов. Росс. 1878., т. III.

По словамъ Есипова ¹⁾ „въ 1698 году въ народѣ существовалъ особенный страхъ къ кликушамъ и причина этого страха была совершенно основательна. Кликуши по преданіямъ народнымъ, перешедшимъ въ убѣжденіе были произведеніе колдовства, порчи и во время отравныхъ (?) припадковъ выкликали имена тѣхъ, которые ихъ испортили. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ о кликушахъ 18-го столѣтія оказывается, что въ большинствѣ случаевъ кликуши выкликали имена тѣхъ, которымъ они мстили изъ личной ненависти и этихъ несчастныхъ, какъ колдуновъ и волшебниковъ, вели въ застѣнокъ на дыбу и подъ кнутъ палача. Вообще порча играла очень серьезную роль въ домашнемъ быту не только крестьянъ, но и помѣщиковъ, и людей высшаго общества. Порча по убѣжденію современниковъ производилась большею частью наговоромъ на соль, на хлѣбъ, которые давали съѣсть, или на вино, на воду, на масло. При условіи крѣпостного состоянія, помѣщики боялись порчи отъ своихъ крѣпостныхъ и крестьяне, желая получить свободу, доносили на помѣщиковъ въ колдовствѣ.

Въ 1698 году въ маѣ, стольникъ Петръ Артемьевичъ Волинскій жаловался въ сыскной приказъ на людей своихъ, что они портятъ жену его Авдотью Ѳедоровну. Люди показали, что портить помѣщицу дворовая жена Дунька Якушкина. Воевода повелъ ее въ застѣнокъ къ пыткѣ. Дунька закричала государево слово и дѣло;—ее переслали въ Преображенскій приказъ. На допросѣ она обвинила боярыню Авдотью Ѳедоровну въ колдовствѣ на слѣдъ государя Петра Алексѣевича. Свидѣтельница Ѳіонка, жена крестьянина изъ с. Кимры, показала: „въ прошлыхъ годахъ, какъ она со своимъ мужемъ жила въ томъ с. Кимрѣ и въ то время она Ѳіонка испорчена была кликотною болѣзнию, и отъ той ея болѣзни лечилъ травами пріѣзжій человекъ, Ивашкомъ звали, а чей онъ былъ, про то не вѣдаеть, давалъ съ тѣхъ травъ ей пить; а съ наговоромъ ли пить давалъ и нынѣ онъ гдѣ и живъ или мертвъ, про то про все не вѣдаеть и отъ того де его лекарства она, Ѳіонка, оздравѣла и какъ... тому де другой годъ, мужъ ея умре, а она кормилась, ходи въ дома, лечила всякихъ чиновъ людей мужеска и женска полу отъ всякихъ болѣзней, кромѣ кликотной болѣзни“... „Дунька ее Ѳіонку, клеплетъ напрасно, а она Дунька... живучи въ домѣ ея Авдотинѣ, испортила кликотною болѣзнию двухъ жонокъ, да двухъ дѣвокъ“... „отъ тѣхъ де кликотныхъ болѣзней тѣхъ жонокъ да дѣвокъ лѣчилъ невѣдомо какого чина человекъ. а зовутъ его Ивашко Егоровъ“. Ни одинъ изъ свидѣтелей не подтвердилъ доноса Дуньки. Волинская заявила, что тѣ

²⁾ Есиповъ. Колдовство въ XVII и XVIII вѣк. Древн. и нов. Росс. 1878., т. III.

порченые люди въ той порчѣ кличуть на имя Дунькино. Дуньку подвергли пыткамъ и она созналась, что должно донести на Волынскую. Чѣмъ кончилось дѣло, изъ дѣла не видно“.

Костомаровъ²⁾ останавливаясь на значеніи, которое имѣла идея о порчѣ и колдовствѣ въ исторіи русской жизни, даетъ слѣдующій очеркъ: „Подъ именемъ порчи въ обширномъ смыслѣ разумѣлось вообще нанесеніе вреда человѣческому здоровью отъ злоумышленія или зложелательства, при участіи нечистой силы; но въ тѣсномъ смыслѣ сюда относились по преимуществу тѣ нервныя болѣзни, которыя внезапною и исключительнымъ ужасомъ припадковъ потрясаютъ воображеніе, настроенное къ таинственнымъ толкованіямъ. Не только вѣрили, но даже избѣгали сомнѣнья въ томъ, что причины такихъ явленій надобно искать исключительно во влияніи злыхъ духовъ, а не въ обыкновенной природѣ. Очень часто въ разныхъ мѣстахъ появлялись бѣснующіяся и кликуши; въ особенности онѣ толпились тамъ, гдѣ была какая нибудь чудотворная икона или мощи святого, — вообще мѣста, прославленныя религиозною святостью. Кликушами они называются потому, что выкликали или кликали на кого-нибудь т. е. указывали, что такой-то ихъ испортилъ. Припадки ихъ усиливались во время литургіи: тутъ по выраженію вѣка они *мнѣются всякими казнопѣйствами*. Женщины страдали этимъ преимущественно. О такихъ бѣсноватыхъ ходили изустно и письменно исторіи самыя мрачныя и вмѣстѣ самыя затѣйливыя. Въ одномъ изъ сборниковъ XVII в. есть замѣчательная повѣсть въ этомъ родѣ, объ одной священнической дочери, въ первую ночь своего брака подвергнувшейся власти бѣсовъ, потому что мужъ ея неосторожно вышелъ, оставивъ дверь отворенною и неосѣненною крестнымъ знаменіемъ. Бѣсы таскали ее на болото, терзали и мучили. Она дѣлалась беременною и рожала чудовищъ, на подобіе змѣй, которыя сосали ее до крови. Послѣ неслезанныхъ мученій, эта страдалица исцѣлилась спасительнымъ влияніемъ чудотворной иконы Пресвятой Богородицы. Независимо отъ несчастныхъ, которые дѣйствительно страдали нервными недугами, несравненно болѣе было такихъ, которые или усвоили себѣ эти припадки отъ воображенія, или же притворялись, выкидывая разные фарсы, показывали толпѣ видѣ, будто пророчествуютъ. Стоглавый соборъ просилъ царя, чтобы онъ повелѣлъ жителямъ гонять отъ себя лукавыхъ пророковъ и пророчицъ, которые являлись тогда во множествѣ. То были преимущественно старыя дѣвки: онѣ бѣгали босая, съ распущенными волосами, тряслись, падали, коверкались, бились и

²⁾ Костомаровъ. Очеркъ домашн. жизни и нрав. великорусск. нар. въ XVI и XVII в. Сиб. 1887 г.

такимъ образомъ предсказывали будущее и возвѣщали народу разные заповѣди, вродѣ слѣдующей: „бабы, не прядите и печей не топите по средамъ и пятницамъ: св. апостолы и св. пятница являлись и не велѣли“. Другія подущали людей на всякіе пороки. Появленіе кликуши въ городахъ было истиннымъ наказаніемъ для всего общества; ихъ указанія часто принимались и преслѣдовались судомъ. По одному клику бѣсноватой женщины брали обвиняемаго ею человѣка и подвергали пыткамъ; иногда притворныя кликуши служили орудіемъ корыстолюбивымъ воеводамъ и дьякамъ; послѣдніе нарочно подущали ихъ обвинять богатыхъ хозяевъ, чтобы потомъ придратъся и обирать послѣднихъ; а если кто нибудь, обезумленный страданіями пытки, наскажеть на себя, что онъ дѣйствительно колдунъ, того сжигали на срубѣ.

„Между тѣмъ правительство, получивъ извѣстіе о распространеніи порчи и появленіи кликушъ въ какомъ нибудь краѣ, посылало туда нарочныхъ сыщиковъ отыскивать и выводить вѣдуновъ и вѣдуній: всеобщее зло удвоивалось. Часто обыкновенная болѣзнь служила началомъ дѣла о колдовствѣ. Больное воображеніе искало причинъ болѣзни и тотчасъ нападало на мысль, что болѣзнь происходитъ отъ супостатъ. Томить сухота сердечная, вѣтъ, пить не хочется, свѣтъ бѣлый не милъ,—вѣрно напустили, можетъ быть изъ подъ вѣтру, или со слѣда, а можетъ быть зелія чрево-отравнаго дали, что чаровница собирала въ ночь Купала. Домашніе придумывали, отъ кого бы могла случиться бѣда. Они имѣли право указывать на вѣдуна и просить сыску; а нужно, чтобы только заподозрили въ вѣдовствѣ,—до пытки не далеко, особенно если у истговъ есть средства располагать въ свою пользу правосудіе. Обвиняемыхъ жгли, давали на пыткахъ по 3 встряски, потомъ сажали въ тюрьму. Если послѣ всѣхъ операцій подсудимый не признавался, то наряжали обыскъ; священники, посадскіе, старосты, цѣловальники съ выборными обывателями подавали для окончательнаго обвиненія или оправданія. И обвинители, и обвиняемые равно не бесполезны были для воеводы и дьяковъ. Самый ничтожный фактъ, если его не могли объяснить, былъ достаточенъ, чтобы обвинить человѣка въ колдовствѣ. Такимъ образомъ во время пожара въ Москвѣ, при Михаилѣ Феодоровичѣ, хотѣли сжечь какъ колдуна одного нѣмца живописца за то, что нашли у него черепъ, и никакъ не могли объяснить себѣ, для чего онъ его держитъ. Порча сообщалась черезъ разные предметы: посредствомъ вѣтра и выемки слѣда. Колдуны пересылали свое зложелательство черезъ подлетъ (подвидку) разныхъ вещей. Волшебство переходило черезъ все, что принадлежитъ къ конской упряжи и вообще къ ѣздѣ. Отъ этого къ царскимъ лошадямъ не допускали никого“.

„Опасеніе, чтобы лихіе люди не нанесли порчи царю и царскому семейству не имѣло границъ. Чуть только случилось прихворнуть государынѣ или кому нибудь изъ царскихъ дѣтей, сейчасъ педозрѣвали, что ихъ испортили, сглазили или напустили на нихъ худобу. Если въ домашнемъ царскомъ быту возникалъ какой нибудь споръ между супругами, — и этому искали причины въ вѣдовствѣ и порчѣ. Болѣзнъ царскаго младенца приписывалась сглазу и порчѣ“.

„Въ XVII в. повсемѣстно преслѣдовали вѣдуновъ, вѣдуній и зеленяиковъ, сажали подъ стражу проѣзжихъ людей за то единственно, что находили у нихъ корешокъ, заточали въ монастырь, того, кто вздумалъ бы попробовать поучиться заговорнымъ словамъ; сожигали тѣхъ, кто имѣлъ ихъ при себѣ. Народная месть преслѣдовала колдуновъ въ эпохи общественныхъ бѣдствій.

„На одной посадской свадьбѣ въ XVII в. мать жениха, а потомъ и сноха вдругъ начали кликать безъ ума и памяти. Явился знахарь, взялся ихъ поставить на прежнюю степень, но, набравши за это денегъ, не сдѣлалъ ничего хорошаго, и они подали на него челобитную“.

„Сверхъ всѣхъ свадебныхъ чиновъ былъ одинъ очень важный, котораго должность была отпускать свадьбу отъ всякаго лиха и предохранять ее отъ колдовства и порчи, ибо свадебное время считалось особенно удобнымъ для порчъ и колдовскихъ лиходѣйствъ. Онъ назывался ясельничій или конюшій“.

Въ царствованіе Петра Великаго вопросъ о порчѣ и кликушествахъ вступаетъ въ новый фазисъ своего существованія. Впервые официально признается, что порчи не существуетъ, что кликушество бываетъ притворнымъ, и что обвиненіе въ порчѣ нерѣдко служитъ для разныхъ лицъ орудіемъ мести и сведенія личныхъ счетовъ.

7-го мая 1715 г. былъ объявленъ Петромъ Великимъ указъ о поимкѣ кликушъ и приводѣ въ приказы для розыску.¹⁾ „Великій Государь указали: ежели гдѣ какія явятся мужеска и женска пола кликуши, и ихъ имаа, приводить въ приказы, и розыскивать, для того въ прошломъ 1714 г ноября въ 7 и 8 числахъ, въ Санктпетербургѣ въ церкви Св. Исаакія Далматскаго во время святой литургии плотничья жена Варвара Логинова кричала, будто испорчена и потомъ она распрашивана, а въ допросѣ сказала, что она не испорчена, и кричала притворствомъ будто испорчена, только для такой причины, тому нынѣ близъ года, была она съ мужемъ своимъ Елисеѣмъ и деверемъ Стафѣемъ Лукьяновыми въ гостяхъ у плотника-жъ Михайла

¹⁾ Полн. собр. зак. т. V. 2906.

Маковеева, а съ нимъ Михайломъ въ одной избѣ плотникъ Григорій подрался съ вышписаннымъ деверемъ ея Стафѣемъ Дукьяновымъ, и билъ его Стафѣя онъ Григорій въ избѣ и на улицѣ. и она его отняла и потомъ разошлись по домамъ; и послѣ того стала она Варвара мыслить. какъ бы тому плотнику Григорью отомстить за своего деверя, что онъ его билъ, и умыслила, чтобъ кричать, будто испорчена и выговаривать на него Григорья, что ее испортилъ, чтобъ его тѣмъ погубить; и послѣ помянутой драки спустя съ недѣлю начала она кричать дома въ недѣлю по дважды и по трижды, и будто безъ памяти кричала, что ее испортилъ онъ Григорій; и въ вышписанныя 7 и 8 числа ноября, будучи въ церкви Св. Исаакія Далматскаго, во время Божественнаго пѣнія, такожъ кричала она нарочно, будто испорчена и выговаривала, что ее испортилъ онъ Григорій; и то она дѣлала только для того, чтобы ему Григорію тѣмъ отомстить за своего деверя и его погубить; а се Варвару никто не порчивалъ, и кричала она притворно, въ томъ принесла вину свою“.

Въ воинскомъ уставѣ 1716 г. однако сказано, что если кто изъ воиновъ будетъ чернокнижникъ, заговорщикъ ружья и богохульный чародѣй, то наказывать его пшицрутепами и заключеніемъ въ желѣзахъ или сожженіемъ.¹⁾

Не смотря на приведенный Указъ Петра Великаго кликушество въ Россіи не унималось, что побудило Императрицу Анну Иоановну подтвердить его 20 мая 1731 г. „ежели впредь кто, гнѣва Божія не боясь и сего Ея Императорскаго Величества указа не страшась, станутъ волшебниковъ къ себѣ призывать, или къ нимъ въ дома для какихъ волшебныхъ способовъ приходить, или на путѣхъ о волшебствахъ разговоры съ ними имѣть и ученію ихъ послѣдовать, или какіе волшебники учнутъ собою на вредъ или мяще якобы на пользу волшебства чинить, и за то оныя обманщики казнены будутъ смертію, сожжены; а тѣмъ которые для мнимой себѣ душевредной пользы станутъ ихъ требовать, учинено будетъ жестокое наказаніе, биты будутъ кнутомъ, а иные по важности винъ и смертію казнены будутъ“.

Въ указѣ Сенату отъ 15 ноября 1737 г. говорится: „Ея Императорское Величество была въ несомнѣнной надеждѣ, что указъ Петра I объ искорененіи суевѣрій во всей Имперіи точно исполняется, а нынѣ уже имѣетъ основаніе сомнѣваться, не преданы ли тѣ указы забвенію, понеже, къ великому ея Императорскаго Величества неудовольствію, извѣстно ей учинилось. что въ церквахъ и монастыряхъ являются многія *кликунни*, которыя отъ того не токмо не унимаются

1) Забылинъ. Русскій Народъ 1880. стр. 232.

но и наипаче имъ въ той притворности и шалости свободы дается и сверхъ того надъ ними и молитвы отправляются“.

Указомъ Св. Синоду отъ 25 ноября 1737 г. строжайше предписано было всемъ архіереямъ о недопущеніи и искорененіи подобныхъ суевѣрій согласно указамъ Петра.

„Сего ноября 15 дня,¹⁾ въ полученномъ Ея И. В., за подписаніемъ собственныя Ея И. В. руки, Святѣйшему Синоду въ указѣ, сего же ноября 14 дня состоявшемся (между прочимъ) объявлено: можетъ де памятно быть не токмо суду, но и прочимъ духовнымъ и мірскаго чина подданнымъ Ея И. В., тщательнымъ къ твердому содержанію вѣры и закона Божія и догматовъ церковнымъ людямъ, какія въ прошедшихъ лѣтахъ явились въ Россійской Имперіи отъ нѣкоторыхъ незнающихъ совершенно закона и правилъ и истиннаго ко спасенію души пути, самовымышленныя къ поколебанію и сумнительствамъ простого народа разныя суевѣрія, между которыми находились индѣ и кликуши; но все такіе бездѣльные суевѣрцы, тогда-жъ по взятіи ихъ къ слѣдствію въ тѣхъ противныхъ закону и совѣсти प्रदेशахъ признались и за то жестоко наказаны, и впредь того во всей Ея И. В. Имперіи не токмо указами предecessоровъ Ея И. В. прилежно пререгегать и такихъ суевѣрцевъ, гдѣ-бъ иногда кто явился, хватать и наказывать повѣлѣно; но сверхъ того, въ Регламентѣ Духовнаго Синода между прочихъ онаго должностей, не меньше и о кликушахъ, какъ генерально Духовному Синоду, такъ наипаче и именно каждому Архіерею въ своей епархіи тщательно наблюдать и смотрѣть и о кликушахъ, чтобъ оныхъ до суевѣрныхъ шалостей не допускать и искоренять, довольно изображено; и для лучшаго того смотрѣнія и пререженія указано Епископамъ по всемъ городамъ учредить изъ духовнаго чина нарочныхъ закащиковъ или благочинныхъ которые-бъ, сколь скоро, гдѣ что въ народѣ къ суевѣрію подлежащее появилось, тотчасъ объявляли о томъ имъ, яко же Ея И. В. потому и въ несомнѣнной падеждѣ быть соизволили, что все оное по указамъ и Регламенту во всей Ея И. В. Имперіи точно исполняется; но выгдѣ де принуждены Ея И. В. сомнѣніе имѣть, понеже де, къ великому Ея И. В. неудовольствію здѣсь извѣстно учинилось, что въ Москвѣ въ церквахъ и монастыряхъ являютя вновь многія кликуши, которыя не токмо отъ того не унимаются, но наипаче имъ въ той притворности и шалости свобода дается и сверхъ того, надъ ними и молитвы отправляются, но понеже прежніе многократные выданные указы и вышеупомянутый Регламентъ духовный, по которымъ такія

¹⁾ Полн. собр. законовъ. т. X. 7450. (1737).

суевѣрія и обманства допускать и производить наикрѣпчайше запрещено, безъ всякой отмѣны въ своей силѣ состоятъ; того де ради Ея И. В. разсудили... дабы такія являющіяся суевѣрія какъ наискорѣе пресѣчены и искоренены были, и впредь-бы вездѣ о недопущеніи того съ крайнимъ прилежаніемъ смотрѣніе и престоереженіе всегда имѣлось.

А въ духовномъ Регламентѣ во 2-й части о дѣлахъ Епископовъ, подъ числомъ 8 напечатано: смотрѣти долженъ Епископъ... дабы иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не вымышлено, тако-жъ о кликушахъ ... и прочихъ всего того добрѣ наблюдать; тамъ же въ 9 пунктѣ: Спросить же Епископа священства и прочихъ человекъ... не обрѣтаются-ли кликуши и проч... и таковыя бездѣлья запретить со угроженіемъ клятвы на противляющихся упрямцевъ.

И во исполненіе оного Ея И. В. указа... гдѣ являются въ церквахъ и монастыряхъ кликуши, также и въ городахъ и селахъ притворно юродцы и босые и съ колтунами, тѣхъ закащикамъ для распросовъ же, чего ради такія притворства, а кликуши въ церквахъ и монастыряхъ безобразія и соблазны чинять и для учиненія имъ за то по указамъ отсылать въ сѣтской судъ, при промеморіяхъ безъ всякаго отлагательства“.

По словамъ проф. А. С. Лебедева ¹⁾ однако „не видно, чтобы духовенство было расположено преслѣдовать „непотребство“ этого рода. Напротивъ, духовенство имъ замѣтно покровительствовало — прежде всего думаемъ потому, что для его простодушной вѣры, которая едва ли много возвышалась надъ вѣрою самого народа, эти запрещаемыя указами суевѣрія въ большинствѣ случаевъ вовсе не казались непотребствами, а во вторыхъ, потому что въ то же время они были и не безвыгодны для него. Борьба собственно духовная со стороны духовенства, была едва замѣтна. Борьба была чисто внѣшняя“.

„Въ 1750 г. возникло напимѣрь дѣло ²⁾ о сержантѣ Тулубевѣ, который обвинялся въ совершеніи любовныхъ чаръ“.

Въ той же статьѣ проф. Лебедева находимъ слѣдующій случай: въ 1752 г. бригадира Федора Ксестюрина дворовая жонка Марфа Королева взята была въ курскую воеводскую канцелярію по обвиненію ея въ томъ, что она портила господина своего и госпожу волшебствомъ. Марфа созналась, что „чинила волшебство и вынимала у оного господина своего слѣдъ на землѣ съ приговоромъ, отъ котораго ея волшебства съ того времени оный господинъ ея и понынѣ находится въ болѣзни, да она жъ Марфа волшебствомъ своимъ показан-

¹⁾ Лебедевъ. О борьб. духов. власти въ бывш. епарх. бѣлгор. съ суевѣріями. Кіевск. Стар. 1890. № 1.

²⁾ Аенасевъ. Поэтичск. возвр. славянъ на природу. 1865 г.

наго помѣщика своего двоюродную женку Домну испортила, наговаривала на водѣ, чтобъ оная Домва всегда была скорбна, отъ которой ея порчи означенная женка скорбна и поныиѣ“. Консисторія, усмотря въ дѣлняхъ Марфы преступленіе, которое по силѣ указа подлежитъ наказанію смертною казнію, отослала ее въ Бѣлгородскую губернскую канцелярію для учиненія съ нею по указамъ разсмотрѣнія“.

Тѣмъ не менѣе и послѣ смерти Анны Іоановны кликуши продолжаютъ появляться въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Такъ:

„Въ 1770 году въ Яренскомъ уѣздѣ, Вологодской губ. ¹⁾). Нѣсколько бабъ и дѣвокъ притворились кликушами и по злобѣ на разныхъ лицъ, стали оговаривать ихъ въ порчѣ. Оговоренные были схвачены, привезены въ городъ и тамъ подъ плетями вынуждены были признать себя чародѣями и чародѣйками. Одна изъ этихъ мнимыхъ преступницъ (по ея собственному сознанію) напускала порчу по вѣтру посредствомъ червей, полученныхъ ею отъ дьявола; она доставила судьямъ и самыхъ червей, а тѣ препроводили ихъ въ сенатъ; оказалось, что это личинки обыкновенныхъ мухъ. Сенатъ отрѣшилъ за такое невѣжество городскихъ властей отъ мѣстъ, а кликушъ за ихъ ложныя обвиненія присудилъ къ наказанію плетями; да и впредь подобныхъ кликальщицъ предписалъ наказывать и оговорамъ ихъ не вѣрять“...

По словамъ Минха ²⁾) „изъ дѣлъ бывшаго Волинскаго духовнаго правленія (труд. Саратовск. учен. арх. ком. т. II, вып. 2, 1888 г.) видно, что 13 мая 1773 г. послѣдовалъ указъ св. Синода о воспрещеніи духовенству пѣть молебны и читать слово Божіе надъ кликушами и проч. порченными людьми, о которыхъ „не иное должно имѣть разсужденіе, какъ о прямомъ притворствѣ и обманѣ и суетвѣріи“.

Въ 1782 году находимъ впервые описаніе колдуновъ и кликушъ.

Въ словарѣ русскихъ суетвѣрій Чулкова (Спб. 1782 г.) находимъ: ворожей, колдуны, чернокнижники, чародѣи, волхвы и кудесники. Ворожеями называютъ тѣхъ, кои посредствомъ нѣкоторыхъ травъ, кореньевъ и наговоровъ на вино, масло и воду, вылѣчиваютъ разныя болѣзни или оныя насылаютъ. Заподлинно утверждаютъ, что они знаютъ съ дьяволами. Съ ними заключаютъ контрактъ, и во всемъ отъ нихъ помощи, что касается, до добра и худа получаютъ; когда же умираютъ, то волшебную свою книжку отказываютъ кому нибудь изъ родни или изъ друзей, своихъ; а естли не откажутъ, то по смерти своей ходятъ въ полночь въ саванѣ въ свой домъ и требуютъ той книжки; отъ котораго посвщенія наводящаго ужасъ всѣмъ домашнимъ,

¹⁾ Аванасевъ. Поэтич. возр. славянъ на природу. 1865 г.

²⁾ Минхъ. Народн. обыч., суетвѣрія и предразсудки и обряды крестьянъ Саратовской губерніи. Спб. 1890 г.

иначе избавиться не можно, какъ выкопавъ такого мертвеца, положить паки въ гробъ ничкомъ, подрѣзать ему пяты и вколотить между плечами осиновый колъ, прочитать заклинательныя молитвы, зарыть паки землю. Обыкновенно оные ворожеи портятъ на свадьбѣ, либо гостей, либо жениха, или невѣсту. Дѣлаютъ между мужемъ и женою несогласіе, жениха въ то время не дѣйствующимъ, а у невѣсты скрываютъ тайное естество, которое, иногда находятъ подъ горшкомъ, лукошкомъ рѣшетомъ и пр. Испорченныя ими женщины кличуть разными голосами животныхъ, а особливо собакою или кошкою, и выкликаютъ имена ихъ испортившихъ, при чемъ пляшутъ и себя бьютъ и терзаютъ. Для отвращенія такихъ опасностей, кои по большей части случаются въ деревняхъ, призываютъ другихъ ворожей, и платятъ за то деньги, а сія отговорщики порчей слывуть у нихъ Доками.

„Игра бѣсовъ, когда какая Башкирка незадолго до разрѣшенія отъ бремени впадаетъ въ болѣзнь, а особливо когда будетъ чувствовать отмѣнное въ животѣ давленіе, или судорожныя порывы, то Башкирцы безъ всякаго сомнѣнія приписуютъ сіе прикосновенію нечистаго духа; въ такихъ случаяхъ призываютъ своихъ чародѣевъ, называемыхъ Шайтанъ Кунязя (Чертовидца), который съ великими обрядами дѣлаетъ съ чортомъ сраженіе и его прогоняетъ, и сіе то называютъ они игра бѣса“ На стран. 184.: „Кликуши, бывають кликушами вдохновенныя, или испорченныя женщины, кои приходя въ нѣкоторое неистовство, плетуть всякій вздоръ и дѣлаютъ иногда пророчества, онѣ кричатъ голосами разныхъ животныхъ по временамъ, и выкликаютъ того имя, кто ихъ испортилъ“. На стр. 224: „порчи, портятъ людей колдуны и колдовки, лишаютъ ихъ разума, отвращаютъ жену отъ мужа, или мужа отъ жены, и дѣлаютъ постылымъ, впускаютъ въ чрево змію, или ужа, такъ что баба испорченная весьма то чувствуетъ и гворитъ, что оная порча часто ей подкатывается подъ сердце, и лежитъ подъ онымъ какъ пирогъ“.

Съ начала XIX столѣтія кликушество по прежнему непрерывно проявляется въ Россіи повсемѣстно и, какъ явленіе русской народной жизни, обращаетъ на себя болѣе вниманія со стороны этнографовъ, юристовъ и врачей. Колдовство и порча, какъ причина кликушества, продолжаетъ оставаться всеобщимъ народнымъ убѣжденіемъ, а преслѣдованіе мнимыхъ колдуновъ переходитъ изъ рукъ государственной и духовной власти къ народному самосуду. Народное озлобленіе противъ виновниковъ „порчи“ влечетъ за собою расправу и месть изступленной толпы и не одно изъ подобныхъ дѣлъ имѣло результатомъ убійство и сожженіе колдуновъ. Поэтому большинство проникшихъ въ печать свѣдѣній о кликушествѣ находимъ въ судебныхъ дѣлахъ старыхъ и

новыхъ судовъ. Много вниманія отведено колдовству и кликушеству этнографами и менѣе всего — врачами.

Есть въ русской литературѣ три изслѣдованія о кликушахъ, принадлежащихъ врачамъ, и два изъ нихъ очень обстоятельны: работы Клементовскаго и Штейнберга.

Привожу здѣсь всѣ данныя и указанія, которыя мнѣ удалось найти при занятіяхъ въ Императорской Петербургской Публичной библиотекѣ, при чемъ въ перечисленіи фактовъ я буду стараться излагать ихъ въ хронологическомъ порядкѣ по годамъ происшествія, а при цитированіи мнѣній и изслѣдованій разныхъ авторовъ по времени ихъ появленія.

„Въ Пинежскомъ уѣздномъ судѣ ¹⁾ хранится любопытное дѣло, рѣшенное въ 1815 году. Крестьянинъ Михаилъ Чухаревъ былъ обвиненъ въ порчѣ икотой своей двоюродной сестры Офимьи Лобановой и ту Офимью (сказано въ прошеніи) теперь злой духъ мучить. Чухаревъ показалъ на допросѣ, что дѣйствительно насылалъ порчу на свою двоюродную сестру, а научилъ его тому крестьянинъ Федоръ Крапивинъ. Чара совершается такъ: снявши съ себя шейный крестъ, должно нашептывать на соль: „приставьте къ человѣку (имя рекъ) скорби — икоты, трясите и мучьте его до скончанія вѣка; какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и тотъ человѣкъ. Отступите отъ меня дьяволи, а приступите къ нему.“ Наговоренную соль слѣдуетъ бросить на дорогу или вообще на то мѣсто, которымъ долженъ проходить осужденный на икоту. Судъ приговорилъ Чухарева къ 35 ударамъ кнута и къ публичному церковному покаянію“.

Въ 1820 г. ²⁾ въ д. Сибирцевой. Усть Тартеской волости, Каинскаго округа, производилось слѣдствіе, начатое по ходатайству всего сельскаго общества о томъ, что крестьянская жена Дарья Горчакова и солдатка Афимья Безстрашника портятъ разныхъ женщинъ и дѣвокъ. Изъ числа такихъ испорченныхъ 13 человѣкъ нерѣдко приходили въ бѣснованіе, икали, кричали по птичьи, лаяли по собачьи, ругали всякаго, кто имъ встрѣчался, ломали и кусали себѣ руки, щипали тѣло, а нѣкоторые, находясь въ такомъ возбужденномъ состояніи, говорили, что ихъ испортила Горчакова, Безстрашника же разносила порчу, при чемъ называли этихъ женщинъ „матерями“. По заключенію Каинскаго уѣзднаго лекаря Ковреина „случающееся съ сей жонкой по временамъ бѣснованіе происходитъ не отъ порчи, а отъ испугу, печали, сѣтованія, горести, излишней радости и при всѣхъ душевныхъ возмущеніяхъ“.

¹⁾ Афанасьевъ. Поэтичск. возвр. славянъ на природу. 1865 г.

²⁾ Костровъ. Колдовство и порча между крестьянами Томской губ.

Въ 1824 г. ¹⁾ общество крестьянъ д. Аксеновки, Сольвычгородскаго уѣзда, доносило, что крест. Андрей Копалинъ, живущій мельникомъ на мукомольной мельницѣ „имѣя за собою колдовство, портить людей, „садить икоты подѣ названіемъ кликушь и выпускаетъ другія болѣзни, какъ-то: грыжи, вздутіе живота, боль въ поясицѣ и проч“. Копалинъ „въ колдовствѣ не признался“. Крестьяне заявили, будто-бы многіе уже померли отъ этого въ волости и что поэтому держать въ селеніи Копалина они не согласны. Въ числѣ обвинителей Копалина явился между прочимъ родной племянникъ Евдокимъ „одержимый болѣзнию и не въ полномъ разумѣ“. Когда съ нимъ „случалось“, онъ кидался при людяхъ на своего дядю-мельника, называлъ его отцомъ и „выговаривалъ“, что тотъ впустилъ ему въ утробу воробья съ золотыми перышками. Крестьянинъ Иванъ Мысовъ увѣрялъ, что мельникъ „напустилъ ему на правую ногу болѣзнь съ большою опухолью подѣ названіемъ грыжа. Крестьянинъ Рычковъ удостовѣрялъ, что жена его отъ *порчи* Копалина „подвержена такой икотѣ, что зачастую и вовсе ума лишалась“. Во время припадковъ она „бьется объ землю, не щадя жизни своей“. При встрѣчѣ съ мельникомъ порченная кидается ему въ ноги и вопить, обвиняя его колѣна: „не троньте моего батюшку!“ Такихъ больныхъ кликушь, испорченныхъ Копалинымъ оказалось въ волости не менѣе 17. Каждая изъ нихъ заявляла, что Копалинъ испортилъ ее „по злобѣ на мужа, брата или отца; ссоры, по ихъ словамъ, были „изъ за рыбной ловли“, изъ за дрекольной палки, изъ-за денегъ, которыхъ ему не дали въ займы. Кр. Урентовъ показалъ, что вскорѣ послѣ свадьбы его 17-ти лѣтняя жена Марья сдѣлалась больна икотю и современемъ эта болѣзнь стала такъ тяжела, что она уже болѣе не встаетъ съ постели и не выходитъ изъ избы. Порчу эту Копалинъ напустилъ на нее единственно за то, что „на свадьбѣ молодая не подала ему вина“. Старуха Ларіонова жаловалась, что ея 23-хъ лѣтній сынъ „съ глазу Копалина началъ скучать и болѣть сердцемъ и расходится оная его болѣзнь по всей утробѣ“. У другихъ также съ глазу оказывается ломота во всѣхъ членахъ. Вологодскій совѣстный судъ первоначально порѣшилъ „предавъ дѣло волѣ Божьей, наказатъ Копалина въ селѣ прутьями, давъ ему 70 ударовъ“, но, спустя 8 лѣтъ, крестьяне, недовольные рѣшеніемъ, составили приговоръ о ссылкѣ Андрея Копалина въ Сибирь вмѣстѣ съ свояченицею его и еще 3-хъ крестьянъ за „зловредныя дѣйствія ихъ порчею людей напусканіемъ кликуши или икоты, отъ которой порчи люди страждутъ. Слѣдователь при вторичномъ разслѣдованіи дѣла пригласилъ

1) Недѣли 1879 г. № 7—8. Колдуны и чародѣи.

мѣстнаго штабъ лекаря „для изслѣдованія въ истинѣ болѣзни одержимыхъ“. Врачъ послѣ тщательнаго осмотра далъ слѣдующій отзывъ: „таковые люди одержимы истерическими припадками, а не порчею или напущеніемъ на нихъ посредствомъ чародѣйства икоты или кликушъ“.

Въ 1825 г. ¹⁾ въ дер. Меньшиково, Каинскаго округа, 3 крестьянки стали кричать на разные голоса и выкликать, что ихъ испортили, посадивъ въ утробу чорта. 3 другихъ крестьянки, при чемъ называли ихъ „матерями“. Лекарь Лазаревъ, освидѣтельствовавъ больныхъ, нашелъ, что онѣ отравлены чѣмъ-то изъ „вяжущихъ веществъ“.

Въ 1826 г. ²⁾ на крестьянской пирушкѣ кр. Пришвицынъ насильно поцѣловалъ кр-жу Марюу Нечунаеву и дунулъ на нее при этомъ. Съ этого времени она почувствовала „величайшую грусть, какъ будто-бы что нибудь потеряла“. Такое состояніе продолжалось недѣль 10. Послѣ того Марѳа „пришла въ безуміе и стала говорить, что внутри ея молодецъ запасенъ и закрѣпленъ, а засадилъ его туда Пришвицынъ по просьбѣ дѣвки Авдотьи. При этомъ больная рвала на себѣ платье и волосы и билась такъ сильно, что ее не было возможности удержать. На сходѣ, куда ее позвали, спрятавши предварительно обвиняемыхъ ею, съ ней сдѣлался припадокъ и она кричала, что они, злодѣи, здѣсь.

Въ 1829 г. кр-ве дер. Мурашиной, Каинскаго округа, объявили, что нѣсколько женщинъ оказались испорченными, „посажены въ нихъ нечистые духи и во время ихъ тѣми нечистыми духами разслабленія, онѣ кричатъ разными необыкновенными голосами, при чемъ выговариваютъ, что посажены въ нихъ нечистые духи дѣвицею Катериною“. Испорченные показали: 1) жена Гудошникова, Анна 51 г., „назадъ тому годовъ около семи, она, въ зимнее время, неизвѣстно отчего, начала чувствовать тоску, какъ-бы что то потеряла, каковая продолжалась недѣль 7, вмѣстѣ съ открывшеюся красною грыжею; а потѣмъ въ одно время ночью она почувствовала въ животѣ необыкновенную боль, подошедшую къ сердцу и начавшую точить также и оное; наконецъ она вышла изъ силъ и что съ нею было—не знаетъ; только на другой день, когда она очуствовалась, домашніе сказывали, что она производила крики по собачьи, по кошачьи, и другими разными голосами; тоже самое происходитъ съ ней и по настоящее время всякій разъ, какъ ее кто разсердитъ или она чѣмъ огорчена; кричала ли она о томъ, кто ее испортилъ, она не помнитъ, а посторонніе сказываютъ, что она указывала на Катерину Алымову и

¹⁾ Костровъ. Колдовство и порча между кр. Томской губ.

²⁾ Тамъ же.

ея мать. 2) Кулагина 40 лѣтъ — нездоровою она сдѣлалась въ 1829 г. со святой недѣли; болѣзнь открылась тѣмъ, что она почувствовала боль въ животѣ, а потомъ стѣсненіе дыханія и стѣсненіе сердца: это продолжалось съ $\frac{1}{2}$ года; наконецъ она стала впадать въ безуміе, падать и кричать разными голосами, ругаться помагерно и говорить, что ее испортили Алымовы, посадивъ черта въ утробу; происходитъ это всякій разъ отъ досады, табачнаго дыма, а иногда просто отъ собачьяго лая. 3) Дѣвка Абрамова 16 лѣтъ, въ 1828 г. 6-го декабря была у нея въ гостяхъ Катерина Алымова. Проводивъ гостью изъ избы, она только что переступила порогъ, какъ почувствовала „лихо“, всѣ члены ея стало тянуть и голова съ шеей поворачиваться во всѣ стороны; она упала и пробыла въ безуміи до разсвѣта; затѣмъ это стало повторяться съ ней очень часто при малѣйшей досадѣ, оскорбленіи, даже при одномъ лаѣ собакъ, при чемъ она кричитъ разными голосами и выкликаетъ, кто ее испортилъ; но мать поила ее какъ-то травами и она почувствовала облегченіе.

Въ 1833 г. ¹⁾ крестьяне дер. Березовой заявили, что въ ихъ деревнѣ находится до 18 испорченныхъ женщинъ, которыя часто приходятъ въ безпамятство, кричатъ разными голосами, ругаются и выкрикиваютъ, что ихъ испортили крестьянки Кунгурцова и Шмакова. Уѣздный лекаръ Зерчаниновъ, осмотрѣвъ ихъ, отозвался, что „порча не можетъ быть допущена по медицинѣ и есть болѣзнь сія ложная“.

Въ 1837 г. ²⁾ крестьяне села Бородина (Вологодской губерніи), сбравшись на сходѣ, объявили волостному старшинѣ, что крестьянка дѣвка Марья, „будучи испорчена“, 3 дня подрядъ въ одинъ и тотъ же часъ приходила къ дому вдовы Дарьи Кузьминой, старухи 68 лѣтъ, къ окошку ея и въ безумствѣ своемъ выбила оконницы, „вывапывая“ именно на Кузьмину, что „она ее испортила“. Со своей стороны сходѣ, свидѣтельствуя объ этомъ, добавилъ: „вѣдомо намъ, много отъ нея (Кузьминой) происходитъ злоупотребленій и нападеній порчи“. Сама „испорченная“ 17 л. кр-ка Максимова показала на слѣдствіи, что въ великомъ посту, она случайно зашла къ Кузьминой, та ее угостила „мягкимъ печенымъ хлѣбомъ“; вернувшись домой, она почувствовала себя дурно, „въ сердцѣ боль“ и впадала „въ безпамятство“. Съ той поры припадки повторяются; она въ безпамятствѣ кричала, что Кузьмина ее „испортила“. Нѣсколько лѣтъ ранѣе, въ той же губерніи крестьяне с. Чексары жаловались, что 70-ти лѣтняя старуха Проковьева съ 20-ти лѣтнимъ сыномъ Федоромъ „портятъ здоровыхъ сосѣдскихъ бабъ и дѣвокъ“. На слѣд-

¹⁾ Костровъ. Л. с.

²⁾ Недѣли. 1879 г. № 7—8. Колдовство и чародѣйство.

ствіи крестьяне заявили, что Проковьева уже „испортила 4 дѣвокъ, 7 жонокъ и 1 мужчину“—всего 12 человекъ. Изъ этихъ порченныхъ „иния, когда ихъ ломаетъ и корчитъ, выкликаютъ и выговариваютъ“, что ихъ испортила Проковьева съ сыномъ. Порченные во время припадковъ одержимы даромъ предвидѣнья; такъ онѣ угадываютъ, кого Проковьева еще будетъ портить“, и всегда предсказаніе сбывается. При встрѣчѣ съ колдуньей „порченные впадаютъ въ бѣшенство и неистовство. Къ этому крестьяне добавили, что теперь они и на улицу выходить боятся, чтобы „и всѣхъ не перепортила Проковьева“. Слѣдователь, „для удостовѣренія въ правильности этихъ показаній собралъ всѣхъ порченныхъ въ одно мѣсто при другихъ жителяхъ с. Чекарсы и приказалъ привести Проковьеву и сына ея. Лишь только увидѣли ихъ, порченные, — говорится въ протоколѣ слѣдователя, измѣнились въ лицѣ, закрещетали зубами и упали съ ногъ, а 4 изъ нихъ, завопили благимъ матомъ, что испортила ихъ Проковьева съ сыномъ и бросились на нихъ драться, выговаривая, которую когда именно испортила, такъ что едва нѣсколько мужчинъ могли остановить ихъ отъ бѣшенства. На прочихъ же людей ни на кого не говорили и не кидались, добавляетъ слѣдователь.

Проковьева и сынъ ея въ колдовствѣ не признались; они полагали, что крестьяне „по злобѣ“ оговаривали ихъ. Было спрошено еще 25 крестьянъ сосѣдней волости и тѣ „подтвердили обвиненія противъ Проковьевой, заявивъ, что когда бываютъ въ с. Чекарсы, то отъ „Проковьевой порчи“ многихъ дѣвокъ и жонокъ во время церковнаго пѣнія „ужасно съ крикомъ ломаетъ и корчитъ и вывапливаютъ онѣ на Проковьеву съ сыномъ“. Вологодскій совѣстный судъ опредѣлил: „дѣло предать волѣ Божьей, пока само объявится, а Проковьеву съ сыномъ „за смуту“ и обманъ наказать розгами“.

Въ 1842 г. ¹⁾ крестьяне Казанской вол. (Томской губ.) дер. Усть-Тандовой, обвиняли крестьянку Малышеву въ порчѣ женщинъ и дѣвокъ. Порченные показали, что болѣзнь ихъ начинается сильною икотой, потомъ онѣ чувствуютъ боль сердца, наконецъ поднимаютъ крикъ и приходятъ въ безпамятство; всѣ эти припадки появляются особенно при куреніи ладономъ или табакомъ, а равно при чтеніи Евангелія и церковномъ пѣніи. Слѣдователь произвелъ опытъ. Больные начали усиленно кричать, силы ихъ напрягались, биеніе сердца усиливалось, въ желудкѣ начинало урчать, но несть перекатывалось что-то твердое, приближаясь все болѣе и болѣе къ груди; онѣ стонали, плакали, тряслись всѣмъ тѣломъ, просили выпустить ихъ на

---

¹⁾ Костровъ Е. с.

чистый воздухъ; но въ безпамятство не впадали. На чистомъ воздухѣ припадки кликушъ проходили. Обвиняемую въ порчѣ выселили и черезъ 10 лѣтъ крестьянское общество объяснило, что съ переселеніемъ ея порча дѣвокъ и бабъ въ деревнѣ ихъ прекратилась; а крестьяне новаго мѣста жительства Малышевой отозвались, что она живетъ хорошо и ни въ чемъ дурномъ не замѣчена.

Броневскій въ Отеч. Зал. 1830 г., описывая киргизскихъ шамановъ и ихъ припадки, говоритъ: (стр. 220) „Басчи надѣваетъ на себя короткое, съ бѣлыми полосами, особаго рода платье, садится среди юрты передъ больною, играетъ на кобузѣ и поетъ, начинаетъ качаться и вертѣться, созываетъ громкими кликами духовъ, показываетъ, будто-бы они уже припли и начинаютъ его давить; дѣлая разные отвратительныя коверканья и крикъ, приходитъ въ безчувствіе, валяется, растянувшись на землѣ и, пробывъ недолго въ такомъ положеніи вспрыгиваетъ, бьетъ въ бубенъ, прыгаетъ какъ сумасшедшій, то падая на полъ, то вскакивая, кричитъ дикимъ голосомъ и потомъ въ изнеможеніи затихаетъ, какъ будто-бы послѣ пароксизма, опять вскакиваетъ, плюетъ больному въ глаза, ударяетъ его нѣсколько разъ плетью и схвата палку, выгоняетъ ею духовъ изъ юрты“. „Ташкентскій шаманъ во время молитвы движеніемъ своимъ приходитъ въ сладостное восхищеніе, но замѣтивъ, что тутъ же явилось нѣсколько дьяволовъ, приходитъ въ ожесточеніе; бѣгаетъ по юртѣ, гоняетъ ихъ жезломъ. Наконецъ, требуетъ лошадь и, сѣвъ на нее, преслѣдуетъ отъ аула иногда за версту; но мгновенно возвращается, вертится раза 3, садится по прежнему. Но вдругъ падаетъ въ обморокъ и получаетъ сильнѣйшія конвульсіи, такъ что едва 4 человекъ въ состояніи бываютъ удерживать его, постепенно дѣлается тише и наконецъ затихаетъ“.

К. А. Авдѣва въ своихъ „запискахъ о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ (Спб. 1842), описывая на стр. 65 перенесеніе чудотворной иконы изъ Курска въ с. Коренную во время ярмарки, говоритъ: „изъ деревень приводятъ множество больныхъ, такъ наз. *кликушъ*, или бѣснующихся, которыя кричатъ, или *кличутъ* неистовыми голосами. Думаютъ, да и сами больныя увѣрены, что онѣ *испорчены*, но кажется, что это истерика въ сильной степени.

Въ народномъ быту почти каждую болѣзнь, не изслѣдывая ея причины, приписываютъ дурному глазу или порчѣ. *Порчею* называютъ всякую неизвѣстную болѣзнь: думаютъ, что лихой человекъ *напустилъ*, или *ополъ* въ чемъ нибудь. Истерику и ипохондрію называютъ *тоскою*, *напущенною по насердкѣ*; даже когда молодая женщина не рождаетъ дѣтей, и то приписываютъ злымъ людямъ. Всякій

внезапный недугъ относятъ къ худому глазу; такое мѣтніе столь всеобщее, что ему есть разныя мѣстныя названія. Въ Курскѣ и въ Москвѣ говорятъ: *сплазими* или *сплазу*; въ Ярославлѣ—*озеи* или *озенили*; въ Сибири—*изурочили*, или *съ уроковъ*—тамъ увѣрены, что можно даже умереть *съ уроковъ*. Признаками сглаженія почитали зѣвоту, ознобъ, жаръ, а у дѣтей бессонницу. Мнѣ случалось видѣть, какъ наговариваютъ воду, и отъ шарлатанства ли, или отъ увѣренности въ силѣ наговора, но я видала, что наговорщикъ или наговорница, сами сначала начинаютъ звать, потомъ дѣлать разныя гримасы и даже иногда слезы катятся у нихъ изъ глазъ.

Сахаровъ (Сказанія русскаго народа. 1849 г., томъ II, 704). говоритъ: „въ народныхъ повѣрьяхъ есть преданіе, что на Васильевъ день можно образумить *каженника*. Каженикъ такой же человекъ, какъ и все мы грѣшныя; онъ и видитъ, и слышитъ, какъ и все добрыя люди. Все это издали только. Подойдите поближе и сейчасъ же будетъ видно всякому, что каженикъ, не то дѣлаетъ, что видитъ, и не то и говоритъ, что слышитъ. Задумаетъ ли онъ что дѣлать, все выходитъ наоборотъ. Смотришь: начинаетъ дѣлать по умному, а къ концу ужъ вѣрно выйдетъ дѣльце хоть брось. Попробуйте заговорить съ каженикомъ, то что твой грамотный: такъ слова рѣвкой и льются. За то ужъ не гнѣвайтесь послѣ, что въ его рѣчи нѣтъ ни смысла, ни толку. Вѣдь за то-то и зовутъ его каженикомъ. Одного только не знаютъ, отъ чего каженику не миль бѣлый свѣтъ? Отчего онъ не дорожитъ своею жизнью? Жить или не жить—ему все равно. Нѣтъ ни тоски, ни кручины, а горюетъ обо всемъ. Живетъ между родными... а для каженика хоть ничего не будь. По словамъ Сахарова,—это были люди, одержимые меланхоліей,—лечили ихъ знахари заговорами“.

У В. Даля (О повѣрьяхъ, суевѣрїяхъ и предрасудкахъ русскаго народа. Кликушество и гаданье) находимъ: „есть поговорка: просватать міряка за кликушу, это значить свести вмѣстѣ такую пару, которая другъ друга стоитъ, такую ровню, гдѣ оба никуда не годятся. Кликуша извѣстна почти всей Россіи—по народному повѣрью это чудовище, одержимая бѣсомъ, кои по старинному обычаю показываютъ шутки свои преимущественно по воскресеньямъ на погостѣ или на паперти церковной. Онѣ мечутся, падаютъ, подкатываютъ очи подъ лобъ, кричатъ и вопятъ не своимъ голосомъ; увѣряютъ, что въ нихъ вошло сто бѣсовъ, кои гложутъ у нихъ животы и проч. Болѣзнь эта прїстаетъ отъ одной бабы къ другимъ, и гдѣ есть одна кликуша, тамъ скорѣ показывается ихъ нѣсколько. Онѣ другъ у друга перенимаютъ эти проказы, потому что имъ завидно смотрѣть на подобострастное

участіе и сожалѣніе народа, окружающее кликушу и нерѣдко снабжающихъ ее изъ состраданія деньгами. Кликушею по большей части бываетъ какая нибудь бездомная вдова, разсорившаяся съ мужемъ, дурного поведенія жена или промотавшаяся со стороны нищяя. Есть глупыя кликуши, которыя только ревуть и вопять до корчи и пѣны на устахъ, есть и болѣе ловкія, кои пророчествуютъ о гнѣвѣ Божьемъ и скоромъ преставленіи свѣта. Покуда на селѣ одна только кликуша, можно смолчать, потому что иногда это бываетъ баба съ падучей болѣзью, но какъ скоро появится другая и третья, то необходимо собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, въ субботу передъ праздникомъ и высѣчь розгами. Двукратно опытъ убѣдилъ меня въ отличномъ дѣйствиіи этого средства: какъ рукой сыметь. (стр. 5). Нигдѣ не услышите Вы столько о порчѣ, изуроченіи, какъ на Сѣверѣ нашемъ“.

. У И. Д. Любимова (Мед.-топограф. описаніе Кузнецкаго уѣзда Саратовской губ., протоколъ Общ. русск. врачей 1858—1859 гг. 25-й годъ стр. 453) говорится: „Наковецъ остается сказать нѣсколько словъ о *порчѣ* (стр. 497), явленіи странномъ и необыкновенномъ, до сихъ поръ вполнѣ необъясненномъ опытнѣйшими медиками, которое имѣетъ защитниковъ не только между людьми легковѣрными и необразованными, или между шарлатанами, поддерживающими въ простомъ народѣ всякіе предрасудки съ корыстною цѣлью, но которому вѣрятъ люди вполнѣ образованные, повидимому свободные отъ предрасудковъ, неподчиняющіеся безъ различія авторитетамъ. Мы удерживаемся высказывать свое мнѣніе объ этой болѣзни; представимъ только на судъ читателей одинъ случай, бывшій осенью прошлаго года и начавшійся и окончившійся на нашихъ глазахъ. Крестьянка дѣвочка 12 лѣтъ, довольно крѣпкаго тѣлосложенія, тихаго нрава, привезенная назадъ тому 3 года съ Кавказа, гдѣ она лишилась родителей, и теперь находящаяся на воспитаніи у хозяевъ занимаемой нами квартиры, въ половинѣ октября 1858 г., рано утромъ безъ всякой видимой причины захворала и уже не могла оставить постели. При изслѣдованіи мы нашли у больной жаръ, языкъ сухой, пульсъ ускоренный, неровный, дрожащій; больная жаловалась на боль въ головѣ, особенно же подъ ложечкой и въ животѣ. На наши вопросы она отвѣчала неохотно, неясно и неудовлетворительно. Назначена была прохлаждающая масляная микстура и небольшой горчичникъ на животъ. Въ тотъ же день по служебнымъ обязанностямъ, намъ нужно было отлучиться изъ батальоннаго штаба на цѣлыя сутки. Возвратившись, мы узнали отъ хозяина, что больная испорчена и кричитъ. Полюбопытствовавъ видѣть ее, мы нашли ее въ жалкомъ состояніи: дѣвочка лежала въ безпамятствѣ, лицомъ внизъ, нѣсколько согнувшись, не узнавала окружаю-

пихъ и, какъ говорится, кричала. Мы рѣшились вступитъ съ ней въ разговоръ, изъ котораго представляемъ слѣдующее: наканунѣ своей болѣзни она оставалась одна въ домѣ, сидѣла у окна; въ то время мимо дома проѣхалъ свадебный поѣздъ; нашей дѣвочкѣ новобрачный показался некрасивымъ и она въ душѣ осудила его, назвавъ-длинноногимъ. Обстоятельство это рассказано больною отъ 3-го лица. Дальнѣйшій рассказъ былъ отъ перваго лица: во время свадебнаго поѣзда я сѣлъ на ноги къ новобрачному, потому что онъ вышелъ изъ церкви безъ молитвы, когда же она (больная дѣвочка) осудила молодого, то я перешелъ къ ней и буду сидѣть въ ней 30 лѣтъ; до этого времени я сидѣлъ 18 лѣтъ въ А. С., крестьянкѣ с. Б., Самарской губ. и оставилъ ее назадъ тому только мѣсяць, по случаю ея смерти. На нашъ вопросъ у больной: съ кѣмъ мы говоримъ, она отвѣчала отъ 1-го лица: я майоръ и даже выше полковника. Когда мы усумнились въ обѣщаніи рассказчика мучить больную столько лѣтъ, дѣвочка въ безпамятствѣ предложила намъ считать сколько разъ она крикветъ; по счету вмѣсто 30 оказалось 27. На наше обѣщаніе вылечить ее, больная положительно отвѣчала, что не придумано еще для этого лекарство. Въ подобномъ состояніи больная находилась 5—6 дней; безпамятство и крикъ повторялись ежедневно 2—3 раза, больная бранилась, употребляла неприличныя выраженія, по предложенію хозяйки дѣлала крестное знаменіе, но неохотно и въ молитвѣ Божіей Матери никакъ не могла произнести извѣстныхъ словъ: „плодъ чрева Твоего“. Лекарствъ принимать не хотѣла, приходя въ себя жаловалась на слабость и боль подъ ложечкой, аппетитъ совсѣмъ потеряла; однажды оставила было домъ и скрывалась почти цѣлыя сутки въ сосѣдней деревнѣ. Наконецъ отдана была для отчитыванія къ одной столѣтней старухѣ — раскольницѣ безпоповщинской секты, занимающейся этой профессіей съ своими дочерьми — старыми дѣвками уже болѣе 20 лѣтъ. Черезъ 3 недѣли наша дѣвочка возвратилась домой совершенно здоровою и рассказывала, что все леченіе ограничивалось огоньми семейными молитвами. Въ настоящее время эта дѣвочка совершенно здорова, при воспоминаніи о своихъ припадкахъ нисколько не конфузится, но утверждаетъ, что ничего не помнитъ о прежнемъ, кромѣ какого-то испуга, мгновенно случившагося съ нею въ то время, какъ она сидѣла у окна и смотрѣла на свадебный поѣздъ. Къ сожалѣнію, наши запросы объ А. С., которая упоминается въ описанномъ случаѣ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, остались безъ отвѣта. Какъ объяснить данный случай? Больная въ своемъ семействѣ, хотя и не родномъ, пользуется совершенною любовью и расположеніемъ, слѣдовательно, ей не было нужды притворяться, какъ это бываетъ въ большинствѣ слу-

чаевъ порчи; скорѣи можно предположить здѣсь моральное разстройство, перевѣсъ воображенія надъ прочими мыслительными способностями, недостатокъ твердости воли, неумѣнье совладать съ собою, влияние предрасудковъ и разказовъ о необыкновенныхъ присиществляхъ; слѣдовательно болѣзнь была воображаемая, но она при благоприятныхъ обстоятельствахъ могла перейти въ дѣйствительную и вести къ физическому разстройству. Что избавило больную отъ такого страннаго страданія? Неужели молитвы расколъницы? Не подѣйствовалъ-ли здѣсь самый процессъ моденія, такъ же какъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ дѣйствуетъ лучше всякихъ лекарствъ моціонъ и легкое утомленіе“.

Н. И. Михайловъ ¹⁾ описываетъ разказъ кликуши Хоменко.— „По его словамъ, его испортилъ крестьянинъ за то, что Хоменко рюжкой вина обнесъ его.

„Мнѣ Морозенко далъ выпить рюмку вина. Я выпилъ и поперхнулся, точно мнѣ въ глоткѣ гвоздь поперекъ сталъ. Страшно какъ-то мнѣ стало. Жаръ со мной такой сдѣлался. Легъ я, *заснулъ* и вижу предомною стоитъ бѣлый котъ и мурло у него точно у Морозенка, на меня зеленые буркулы уставилъ.... проснусь въ испугѣ— нѣту. Опять засну, опять бѣлый котъ, глядитъ, да вдругъ какъ кинется на меня, да вцѣпится мнѣ въ горло зубами, а самъ когтями по животу царапаетъ.... Такъ вотъ цѣлую ночь меня и мучилъ. Утромъ всталъ, тоска такая, туда, сюда брожу, мѣста не найду и все бѣсъ меня къ рѣкѣ гналъ, заставлялъ смерти искать, но только вспомнишь, гдѣ я, перекрестись и легче станеть.

Тутъ этакъ бить меня начало, бѣсъ во мнѣ кричать началъ, я упалъ и не помню, что со мною было. Свойкъ меня нашелъ въ степи и принесъ домой. Такъ съ тѣхъ поръ временемъ меня и бьетъ, а какъ въ церковь пойдешь, то тамъ сильнѣе еще онъ начнетъ выкликать“.... Больной не притворялся, самъ хотѣлъ избавиться отъ болѣзни.

Въ другой разъ привелось видѣть мнѣ кликушу совсѣмъ другого свойства. Это была притворщица, но цѣлая деревня вѣрила въ нее, какъ въ святую. Дѣвка лѣтъ 30-ти по своей некрасивости, уже безнадежная къ замужеству, потому занималась этими фокусами на досугѣ. Она меня увѣряла, что когда она начнетъ выкликать, то въ эту минуту все будущее предъ ней *претворяется*. Зло, какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, важнѣе и глубже, и труднѣе для излеченія, чѣмъ оно кажется съ перваго взгляда. Оно хотя и въ неравной степени, но повсемѣстно. Это зло не врачуется. Полицейскія мѣры

¹⁾ Народные предрасудки. Вѣра въ порчу и врачеваніе. Библ. для чтен. 1859. VIII. стр. 19. 33, 34.

не могутъ имѣть на него вліянія. Съ каждымъ годомъ оно растетъ все болѣе и болѣе.

Цѣлыя селенія нерѣдко походятъ на больницы, въ которыхъ и больные и здоровые дышатъ однимъ зловреднымъ воздухомъ, другъ отъ друга восприимая болѣзнь“.

Клементовскій, въ статьѣ о кликушахъ въ 1860 г. говоритъ: „Исторія о *порчи* давно уже отнесена къ сказочному міру нашей народной фантазіи. Что же касается до кликушъ, то онѣ не представляютъ собой ничего сверхъестественнаго и вопросъ о нихъ почти рѣшенъ нѣкоторыми изъ нашихъ писателей. Кликушные припадки рѣдко обнаруживаются безъ какихъ-либо предшествующихъ припадковъ (предвѣстниковъ), припадки же эти въ свою очередь почти никогда не являются самопроизвольно, но всегда имъ предшествуютъ предрасполагающія и производящія причины, чаще всего психическія. Незавидный матеріальный бытъ нашего народа въ созданіи кликушъ долженъ играть очень немаловажную роль. Дѣйствіе этихъ физическихъ, располагающихъ причинъ, однако, не такъ замѣтно, потому что имъ подвергается въ одно время все деревенское населеніе, изъ котораго, сравнительно съ массою его, кликушъ выходитъ еще немного. Гораздо ястѣе вліяніе психическихъ причинъ. Здѣсь, конечно, на первомъ планѣ должно стоять духовное и интеллектуальное развитіе русскаго народа и безъ этого важнаго условія кликушъ у насъ вовсе-бы не было. Затѣмъ, какъ болѣе ближайшія причины суть: угнетающія душевныя вліянія, потеря спокойствія, потеря надеждъ, разстройство семейнаго счастья, неудачная любовь и все, что только поражаетъ человѣческое сердце въ лучшихъ его желаніяхъ. Первымъ предвѣстникомъ болѣзни у будущей кликуши является разстройство моральнаго ея состоянія; характеръ ея болѣе или меньше измѣняется, она дѣлается печальною, раздражительною, безпкойною, легко поддается вліянію ничѣмъ необъяснимаго страха, тоскуетъ, безотчетно волнуется странными идеями, приобрѣтаетъ безпричинную ненависть и отвращеніе къ людямъ, которыхъ прежде даже любила; при этомъ она страдаетъ головокруженіемъ, тяжестью въ головѣ, бессонницею, слабостью, потемнѣніемъ въ глазахъ, звономъ въ ушахъ, сердцебіеніемъ, стѣсненіемъ въ груди, болѣю въ желудкѣ. Къ этимъ довольно обихновеннымъ явленіямъ вскорѣ присоединяются такія, на которыя преимущественно направляется ея вниманіе: это бывающія часто раздутія живота, бурчаніе и странныя ощущенія въ немъ, странное трепетаніе подъ ложечкой (*pulsatio epigastrica*) и наконецъ чувство—какъ будто что-то подкачивается подъ сердце и ложится тутъ какъ пирогъ. Послѣднія ощущенія имѣютъ страшное вліяніе и безъ того на разстроенный рассу-

докъ. Всѣ суевѣрныя повѣрья о порчѣ... приходятъ бѣдной женщинѣ на память, и она, подъ вліяніемъ народнаго убѣжденія, начинаетъ вѣрить, что сдѣлалась жертвою злыхъ людей. Вскорѣ является къ ней на помощь экзальтированное воображеніе и она начинаетъ дѣйствительно видѣть внутри себя нечистую силу (галлюцинація). Несчастья и горести, которыя мы потерпимъ въ жизни, рѣдко приходятъ къ намъ безъ помощи людей; волей или неволей, умысленно или неумысленно, но человекъ часто вредитъ своему ближнему; въ этой избитой истинѣ заключается причина, почему кликуша и безъ того подозрительная и склонная къ ненависти, всегда находитъ въ комъ-нибудь своего недоброжелателя и виновника порчи. Когда съ нею сдѣлается приступъ болѣзни, она среди мученій сознательно или безсознательно, больше подъ вліяніемъ воспоминаній, начинаетъ выкликать имя того, кого считаетъ своимъ врагомъ. Первый кликушный приступъ дѣлается вслѣдствіе какихъ-нибудь новыхъ душевныхъ движеній, но чаще отъ простого присутствія въ церкви. Убѣдившись въ пребываніи у себя злого духа, больная получаетъ сознательный страхъ ко всему религіозному и потому избѣгаетъ, сколько возможно, божественной службы. Случается, однако, что, побуждаемая увѣщаніемъ родныхъ, она рѣшается переломить себя и идетъ къ обѣднѣ; здѣсь, мучимая со страхомъ бѣднязка ждетъ роковой минуты „иже херувимы“ и, когда наступитъ она, напряженныя душевныя силы не выдерживаютъ и болѣзнь разражается бурнымъ пароксизмомъ. Прежде всего она чувствуетъ, что-то, что у ней уже прежде подкатывалось подъ сердце и что она принимала за бѣса, начинаетъ въ это время сильно волноваться, оно то опускается внизъ, то поднимается вверхъ, давитъ грудь, давитъ горло, у кликуши захватываетъ духъ, мутится въ глазахъ, голова кружится, и она съ воплями падаетъ на землю; вопли эти дико, продолжительны, состоятъ изъ ряда криковъ, прерываемыхъ ускореннымъ дыханіемъ, въ нихъ слышится и ревъ, и мычаніе, и вой, и собачій лай, и рыданія, однимъ словомъ, голоса разныхъ животныхъ. Вмѣстѣ съ этимъ больная судорожно бьется, и руками, и ногами колотитъ себя, иногда кусаетъ, скрежещетъ зубами, закидываетъ назадъ голову, безпрестанно приподымаетъ и опускаетъ туловище или мечется имъ изъ стороны въ сторону и все это съ такою силою, что ее напрасно стараются удержать самые сильныя мужчины; суставы ея трещатъ, животъ то раздувается, то опадаетъ, кишки въ немъ ворочаются, дыханіе тоскливо, кромѣ криковъ прерывается еще всхлипываніемъ, иногда хохотомъ, иногда икотой; глаза закрыты, лицо то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, часто больная приходитъ въ бѣшенство, изрыгаетъ проклятія, повторяетъ въ бреду одно какое-нибудь слово, или имя; по

временамъ судорги прекращаются (клоническія) и она вытягивается неподвижно и какъ-бы деревянѣть (столбнякъ), при чемъ зубы стискиваются съ необыкновенной силой; иногда однако сильныя судорги хотя и перестаютъ, но кликуша дрожить всею тѣломъ и трясется; нерѣдко по минованіи первой силы приступа, больныя начинаютъ говорить отъ имени присутствующаго въ нихъ бѣса; иногда впадаютъ въ странную восторженность и пророчествуютъ (экстазь) о Божьемъ гнѣвѣ и свѣтопреставленіи. Пароксизмъ кончается слезами, отрыжкою газа, страшнымъ бурчаніемъ въ животъ, иногда обморокомъ или глубокимъ сномъ, чаще слабостью, которая скоро проходитъ, и кликуша приходитъ въ себя, при чемъ или помнитъ немного, что съ нею было, но чаще ничего не помнитъ. Подобныя пароксизмы повторяются черезъ неопредѣленный промежутокъ времени, нѣсколько разъ въ жизни; возвраты бывають вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, отъ которыхъ произошелъ первый припадокъ; впоследствии на вызовъ ихъ вліяетъ запахъ ладона, принятіе антидора, артуса, богоявленной воды, поклоненіе мощамъ и чудотворнымъ иконамъ. Въ промежутки между приступами кликуши или сохраняють прежнее разстройство духа или интеллектуальная сфера ея еще больше поражается; безпокойство, раздражительность, усиленная моральная воспримчивость, безсонница, часто смѣняются апатіей, безхарактерностью, потерю воли, равнодушіемъ къ прежнимъ привычкамъ, любимымъ вещамъ и лицамъ, неспособностью къ тѣлесному и душевному напряженію, наклонностью къ лѣни, отращеніемъ къ движенію, сонливостью, и такъ какъ пученіе живота и прежнія ощущенія въ немъ по временамъ продолжаются, то характеръ ея дѣлается ипохондрическимъ, она ищетъ къ себѣ участія, желаетъ состраданія и для возбужденія его часто даже преувеличиваетъ свои страданія; о физической красотѣ вовсе не заботится и потому часто неряшлива и неопрятна. Убѣжденіе въ присутствіи злого духа укореняется въ ней еще болѣе; часто она слышитъ его голосъ, его угрозы и т. п. (галлюцинаціи слуха). Въ крайнихъ случаяхъ кликуша даже впадаетъ въ сумасшествіе, въ меланхолію, или психическія ея способности до того ослабѣвають, что она дѣлается слабоумною“ (стр. 2-6). Сахаровъ, Авдѣевъ, Писемскій, Тороповъ—думаютъ, что болѣзнь, которою страдаютъ кликуши, есть просто истерика“. Авторъ даетъ прекрасный анализъ всѣхъ явленій кликушнаго приступа— „выводя ихъ всѣ изъ усиленной раздражительности нервно-мышечнаго аппарата и судорожныхъ сокращеній произвольной и гладкой мускулатуры. Онъ различаетъ 3 рода судоргъ—столбнякъ, подергиваніе и трясеніе. На стр. 7-й: „измѣненія въ интеллектуальной сферѣ не представляютъ ничего особеннаго, они встрѣчаются очень часто при психичес-

комъ разстройствѣ чловѣка: Вліяніе нервовъ на мышечный аппаратъ всѣмъ извѣстно и потому неудивительно, что всякій органъ, снабженный мышцами можетъ судорожно сокращаться. Судорги бываютъ клоническія, тоническія и трясеніе. Въ истерикѣ бываютъ всѣ эти виды судоргъ и при томъ такъ, что въ 1 минуту одинъ, а въ другую другой. Оттого у кликушъ являются по временамъ учащенныя и усиленныя сердцебіенія, спазматическое стѣсненіе въ груди и т. д.; но въ особенности важна роль судоргъ въ слѣдующихъ явленіяхъ, когда кишки судорожно и довольно надолго сократятся—отдѣляющіеся газы не имѣютъ выхода и поневолѣ должны раздувать животъ—отсюда бурчаніе и отхожденіе вѣтровъ послѣ припадка.... Судорожное сокращеніе кишекъ подымаясь вверхъ къ желудку, пище-пріемнику и зѣву, производятъ чувство катающагося клубка.... Судорги сами по себѣ уже сопровождаются, смотря по своей силѣ, разными ощущеніями. Судорожныя сокращенія дыхательнаго аппарата производятъ чувство задушенія, и отсюда являются потемнѣніе въ глазахъ, головокруженіе большая или меньшая потеря сознанія. Это и распространеніе судоргъ на конечности производятъ паденіе больныхъ. Вопли и крики обусловливаются судорожнымъ сокращеніемъ мышечнаго аппарата дыханія и напряженіемъ голосовыхъ связокъ. Отъ послѣдней причины происходитъ также тоскливое дыханіе, хохотъ, икота. Судорги обусловливаютъ большую мышечную силу больныхъ и вызываютъ трескъ въ сочлененіяхъ.... Изъ приведеннаго анализа описываемой нами формы болѣзни видно, что всѣ явленія кликушъ объясняются простыми естественными законами и что необычайнаго тутъ ничего нѣтъ (стр. 14). Есть еще родъ кликушъ, у которыхъ хотя и замѣтны судорожныя явленія, но они ограничиваются больше мышцами, служащими для дыханія, для произведенія голоса и движенія кишечнаго канала. Такія кликуши встрѣчаются около Пинегы и называются тамъ икотницами. Страданія, характеризующія усиленное рефлекторное раздраженіе нервовъ въ высшей степени сильны: больные, будучи испуганы или раздражены, бросаются въ бѣшенствѣ на своего противника, плюютъ на него, бьютъ его, ругаютъ; рѣчь ихъ дѣлается безсвязной и походитъ на звуки, издаваемые животными.--Случай Любимова авторъ сводитъ на однопредметное помѣшательство. По словамъ Максимова, наблюдавшаго икотницъ, болѣзнь начинается судорожнымъ сокращеніемъ грудно-брюшной преграды, за которымъ слѣдуютъ громкіе, дикіе крики, напоминающіе то лай собаки, то плачь грудного ребенка, то густой хриплый басъ, то глубокіе вздохи, сопровождаемые икотой. Пароксизмъ оканчивается истерическимъ плачемъ или смѣхомъ. Въ нѣкоторыхъ, случаяхъ, однако за этимъ слѣдуетъ

общее параличное состояніе и обморокъ, послѣдуемый всеобщю слабостью. Припадки у однихъ продолжаются $1\frac{1}{2}$ —2 часа, у другихъ преимущественно старухъ—5—6—7 час. Икота преимущественно распространена между женскимъ населеніемъ по правую сторону отъ рѣки Сѣверной Двины. Дальше къ западу отъ нея болѣзнь эта пропадаетъ и въ Кенскомъ поморѣ является подъ новою формою (нѣсколько слабо) и подъ новымъ названіемъ стрѣлья или щипоты (стр. 17). Оказывается, что между лицами низшаго класса общества, истерика встрѣчается еще чаще, чѣмъ у женщинъ высшаго круга, и что у деревенскихъ жителей болѣзнь эта почти такъ-же часта, какъ и у городскихъ (стр. 18). Мейеръ Аренсъ говоритъ, что у его больныхъ приступы кликовъ были тогда, когда ихъ сердили или дразнили. Кликушъ у насъ считаютъ по большей части притворщицами. Вездѣ онѣ суть просто больныя женщины, а не бѣснующіяся. По Сахарову порчи могутъ быть временныя и вѣчныя (стр. 35). Для того, чтобы вылечить кликушу, не нужно никакихъ отчитываній. Барыня—колдунья (М. П. 1859 № 153) вылечивала ихъ и глауберовою солью, и лавровишневою водою, а главное тѣмъ, что умѣла успокаивать разстроенное состояніе ихъ духа; на этомъ-то простомъ обстоятельстве и основывается весь успѣхъ вышеупомянутыхъ искателей приключеній. Однимъ изъ главныхъ признаковъ присутствія злого духа, на примѣръ, считается то, что кликуши не могутъ пить Богоявленской воды, и что какъ тайно не дать ее, непременно послѣдуетъ припадокъ послѣ этого. Мы дѣйствительно наблюдали такіе факты; но дѣло въ томъ, что кликуши съ одной стороны чрезвычайно подозрительны, а съ другой—невольное измѣненіе фізіономіи людей, сдѣлавшихъ такой опытъ, перешептываніе и т. п., часто выдаютъ кликушѣ тайну,—и пароксизмъ не замедляетъ своимъ появленіемъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ способовъ происхожденія коллективныхъ нервныхъ болѣзней—есть подражаніе.... Эгогъ причинный моментъ играетъ очень важную роль въ происхожденіи нашихъ кликушъ. Истерика однако и осталась бы истерикою, если бы народное убѣжденіе не примѣшивало къ ней идеи о порчѣ, о колдунахъ, о дьяволѣ. (стр. 40). Понятно, что у кликушъ вызываются припадки болѣзни одними и тѣми же извѣстными религіозными предметами“. Авторъ отстаиваетъ мнѣніе, что нѣкоторыя судорожныя болѣзни въ нашемъ отечествѣ и особенно извѣстная степень истерики, вызывается извѣстнымъ образомъ мыслей и потомъ подражаніемъ. „Мозгъ есть органъ, который раздражается не только физическими дѣятелями, но и нравственными, и послѣдними, можетъ быть, болѣе, чѣмъ первыми. (стр. 44). Наши кликуши тоже существуютъ издавна. Въ потребникѣ

мірскомъ (Москва 1630 г.) говорится объ оборотняхъ: и есть же она злая волхвованія, яже и велицей Россіи, ово убо звѣрски рыкати творять, яко же медвѣдь и волкъ і инъ скотски всяко и птически гласы и пѣсьими мучитися. (стр. 54). Наши кликуши хотя и представляютъ родовое сходство съ кликушами и одержимыми бѣсомъ на Западѣ, но въ частности во многомъ разнятся отъ нихъ. Тамъ припадки бѣспующихся были гораздо многочисленнѣе, но за то обманъ и притворство настолько усложняли ихъ, что не знаешь, что должно приписать истинѣ и что лжи. У насъ припадки проще и все могутъ быть объяснены съ фیزیолого-патологической точки зрѣнія. По физическимъ и нравственнымъ условіямъ, производящимъ русскихъ кликушъ, никакъ нельзя отрицать участія въ большинствѣ случаевъ истерики, не слѣдуетъ забывать и умственного разстройства, доводящаго ихъ до однопредметнаго помѣшательства. Мы назовемъ болѣзнь нашихъ кликушъ—истерическою демономанією. Средства противъ нея—улучшеніе народнаго быта, улучшеніе положенія женщины и образованіе“.

Въ „преданіяхъ о народн. русск. суевѣріяхъ“ (Москва 1861) на стран. 114 говорится: „по народному суевѣрію кликушами бывають испорченныя женщины, которыя, приходя какъ бы въ неистовство, говорятъ всякій вздоръ, по временамъ кричатъ голосами разныхъ животныхыхъ и выкликають имя того, кто ихъ испортилъ“.

„Въ хуторѣ Букрѣвскомъ, Екатеринославской губерніи ¹⁾, весною 1861 года на людяхъ появилась болѣзнь, отъ которой заболѣвающіе падаютъ безъ чувствъ на землю и одни изъ нихъ хохочуть, другіе плачуть, нѣкоторые лаять по собачьи и кукукають по птичьи и въ припадкѣ болѣзни разсказываютъ, какъ они испорчены и кто еще черезъ нѣсколько сутокъ будетъ онять пораженъ такою болѣзнью. Нѣкоторыя изъ предсказаній скоро сбывались. Пораженныхъ такою болѣзнью 7 душъ. Подозрѣвали въ порчѣ проживающую въ хуторѣ Федосью Букрѣву. Однодворцы Букрѣвскаго хутора (Екатерин. губ. Павлоградскаго уѣзда) подали въ Павлоградскій земскій судъ объявленіе объ этомъ и просили скорого и немедленнаго обслѣдованія со стороны начальства и скорѣйшаго пособія со стороны медицинской. Это объявленіе вмѣсто неграмотныхъ однодворцевъ подписалъ духовный ихъ отецъ, священникъ Донцовъ. Испорченные будто люди показали: Иванъ Б.: съ Филиппова поста 1860 года началъ онъ чувствовать въ груди и около сердца какое-то давленіе и боль; это продолжалось до середины великаго поста 1861 года; съ этого времени онъ сталъ впадать въ безпамятство и кричать по птичьи, и лаять по собачьи;

¹⁾ Дѣло о кликушахъ. Журн. Министр. Юстиціи 1862 г., т. XIII, стр. 617.

во время припадковъ, выражался, какъ послѣ ему люди говорили: „я—Сазонъ—утопленникъ и хочу погулять въ тебѣ, а кто меня всадила въ тебя не скажу, не скажу“, изъ чего понимать должно, что говорила въ немъ нечистая сила, сгубившая душу утопленника Сазона, самъ же онъ ничего этого не помнитъ. Въ юнѣ 1861 г. чувствуетъ въ себѣ только слабую боль, но припадковъ не имѣетъ и не кричитъ; облегченіе получилъ потому, что ходилъ вмѣстѣ съ испорченными бабами въ с. Богдановку для излеченія у разныхъ знахарокъ. Причины болѣзни не знаетъ и подозрѣваетъ, что его испортила крѣстьянка Ѳедосья Букрѣва, взятая на хуторъ въ замужество изъ села Богдановки, потому что онъ у мужа ея удержалъ при покупкѣ лошади 3 рубля, за что она, Ѳедосья, выразилась такъ: „я тебѣ этого не забуду, чтобы ты не удерживалъ чужихъ денегъ“. Остальные 6 человекъ показали приблизительно то же, что и Иванъ Б. Одну изъ испорченныхъ Марью Б. слѣдователь засталъ въ припадкѣ, произносящую какіе-то дикіе звуки, не выражающіе ни одного внятнаго слова, почему она была отправлена въ Павлоградскую городскую больницу. По заключенію врача во время двухнедѣльнаго пребыванія Маріи Б. въ больницѣ, послѣ разувѣренія ея въ грубомъ предубѣжденіи, съ нею не было ни одного приступа. (стр. 619) Государств. крестьянка Прасковья Выходцева (знахарка) показала, что она около 5 лѣтъ занимается леченіемъ испорченныхъ людей кликушъ, которымъ даетъ пить наговоренную воду, отъ которой они излечиваются; по этому случаю въ 1861 г. была она приглашена въ хуторъ Букрѣвскій и говорила имъ, что они испорчены и что когда выпьютъ наговоренной ею воды, то виновникъ испортившій ихъ выскажется самъ, т. е. они во время припадка увидятъ его сами, какъ она это замѣтила на богдановскихъ кликушахъ. Дѣйствительно, выпивъ наговоренной ею воды, они стали выкликать имя Ѳедосьи Букрѣвой; увѣрена же она была въ той ихъ болѣзни по чувствуемой ими тошнотѣ, боли въ животѣ и по крику ихъ на разные манеры и голоса, чему подвержены многіе и въ с. Богдановкѣ, которыхъ она тоже лечитъ, изъ коихъ нѣкоторые выздоравливаютъ, а другіе остаются больными до самой смерти своей отъ обикновенной болѣзни; собственно же отъ порчи и кликушества никто никогда не умираетъ. Научилась она искусству леченія отъ отца своего солдата Петра Шишалова. По показаніямъ другихъ крестьянъ лечила Выходцова: сглазъ, колоты и кликушъ; лечитъ всѣхъ такъ: становится на колѣни и молится, потомъ беретъ херувимскій ладонъ, растираетъ его и мѣшаетъ съ водою, надъ которою тоже читаетъ молитвы и даетъ выпить больной. Больная впадаетъ въ сильный припадокъ и начинаетъ биться, рвать все на себѣ и бранить

Выходцову. Во время этого припадка Выходцова читаетъ надъ больною молитву: „Вѣрую“ и друг.“ и крестить больную по всему тѣлу. Другая больная приходила къ ней 2 раза въ мѣсяць—въ день рожденія мѣсяца и на полнолуніе, въ эти дни у нея обыкновенно бывали припадки. Лечила такъ-же какъ и предыдущую. Всѣ кричавшія женщины по словамъ Прасковьи Б. были взяты изъ с. Богдановки, гдѣ болѣзнь водилась издавна. Эпидемія, вслѣдствіе общанія прекратить ее полицейскими мѣрами, совершенно прекратилась. Екатериносл. врачебная управа призвала болѣзнь за истерію. Разсмотрѣвъ дѣло Екатериносл. уголовная палата нашла виновнымъ священника Донцова въ томъ, что онъ, вмѣсто того, чтобы вразумить однодворцевъ въ невѣжественномъ заблужденіи, подписалъ объявленіе, и постановилъ поступокъ его передать на разсмотрѣніе духовной консисторіи. Что у всѣхъ лицъ нельзя предполагать злостнаго обмана, полная наивность и искренность ихъ объясненій, доказываетъ противное. Подобное болѣзненное состояніе зависитъ отъ предубѣжденія и настроенія мыслей необразованныхъ людей.

Палата находитъ, что всѣ названныя выше лица подлежатъ не наказанію за свои заблужденія, а разумному вразумленію, могущему разсѣять эти заблужденія, и постановила: 1) не подвергать ихъ никакому наказанію, 2) поступокъ священн. Донцова передать на разсмотрѣніе Екатеринославской духовной консисторіи, 3) Просить консисторію принять съ ея стороны мѣры къ разсѣянію заблужденій крестьянъ хут. Букрѣвскаго и села Богдановки путемъ убѣжденія“.

Максимовъ (Годъ на сѣверѣ. 1864 ч. II), описывая видѣнный имъ случай кликушества, говоритъ (на стр. 408): „Изъ избы вырывались время отъ времени какіе-то крики, подхватываемые вѣтромъ и, потому, отрывочные. Въ нихъ слышались то лай собаки, то плачь грудного ребенка, то густой, хриплый басъ, то глубокіе—глубокіе вздохи, сопровождаемые судорожной сильной икотой. Непріятное положеніе слушающаго усиливали еще болѣе и сдержанная тишина кругомъ, и темнота ночи, и нечаянность этого явленія. Рисовались невѣдомыя и невидимыя страданія и много изъ того, что такъ тяжело и безысходно ложится на душу и тяготитъ наболѣвшее сердце. По объясненію ящика, это была дѣвка—икотница; „сто бѣсовъ у ней животы гложуть, оттого, связываютъ, и выкрикиваетъ“. Надо быть какой-токой злой человѣкъ испортилъ ее. Когда въ церкви со святыми Дарами выходятъ, тогда кричитъ шибко, и хоть не видитъ она этого, не слышитъ, а ужъ взвопитъ, начнетъ ее ломать, да мучить: Молитву—то слышь, когда читаютъ надъ ней, она и не ругается, не коритъ никого. А безъ того ину-пору такъ расхо-

дится, что и въ кабакахъ не услышишь и другой хмѣльной, да блажной человѣкъ съ одури-то съ пьяной своей не вывалить. На ту пору ломаетъ ее и коробить, тремъ мужикамъ удержатъ не въ пору“ ... „Случается это съ ней по воскресеньямъ за обѣдней на всегда; опять же и въ будни, когда завопитъ, такъ и знай: гдѣ нибудь въ селахъ по сосѣдству обѣдни поютъ, а либо какую потребу правятъ. Духу она табашнаго не любитъ опять... Реветь она тутъ шибко, да недолго... да вотъ не сказывай при ней горя, то тогда по цѣлымъ суткамъ реветъ безъ уйму“...— „Въ нашихъ мѣстахъ икота эта не диво; у насъ, почитай, чуть-ли не каждая баба икотница; такъ ужъ это изъ вѣковъ“ (стран. 499). Болѣзнь эта мѣстно названа икотю, частая и повсемѣстная во всемъ томъ краю. Икотю страдаетъ вѣрная четверть всего женскаго населенія по правой сторонѣ отъ рѣки Сѣверной Двины. Дальше къ западу отъ Двины болѣзнь эта пропадаетъ и въ Кемскомъ поморѣ является подъ новою формою (нѣсколько слабѣе) и подъ новымъ названіемъ (стрѣль, щипота). Икота обыкновенно начинается подъ тѣмъ же видомъ, подъ какимъ является и простое спазмодическое сокращеніе груди брюшной преграды; начинаются громкіе крики, затѣмъ истерическій плачь и смѣхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общее параличное состояніе и обморокъ, сопровождаемый всеобщю слабостью, острою болью въ груди и головѣ. У нѣкоторыхъ припадки эти продолжаются часа 1¹/₂—2; у другихъ, преимущественно у старухъ, часто по нѣсколько часовъ (5, 6 и 7). Икота иногда (и даже въ нерѣдкихъ случаяхъ) переходитъ на мужчинъ, и тогда тому человѣку присваивается имя *міряка*. Туземный людъ приписываетъ причину этой болѣзни, естественно злему духу, и нѣкоторые — порчѣ человѣка. „Въ нашихъ мѣстахъ есть такіе злые люди и знающіе, что могутъ нагонять на тебя, по злости всякую скорбь“ (стр. 500). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ икота повсемѣстна, носитъ хроническую форму, въ другихъ, и часто ближайшихъ, она пропадаетъ вовсе; по преимуществу болѣзнь эта присуща женскому полу.

„Народъ думаетъ,¹⁾ что всѣ калѣки, разслабленные и хворые изурочены колдунами и нечистою силою; всякое тѣлесное страданіе и всякое тревожное чувство приписываются порчѣ „недобрыхъ людей“, ихъ завистливой мысли, оговору и сглазу и называются напускною тоскою; нервныя болѣзни—кликушество, икота и падучая, а равно грыжа, сухотка и колотье, признаются поселянами за дѣйствія злыхъ духовъ, насланныхъ на человѣка на срокъ или навсегда, мстительнымъ колдуномъ. Больные, раздѣляя такое убѣжденіе, выкрики-

¹⁾ Аванасъевъ. Поэтическ. возвр. славянъ на природу. 1866 г.

ваютъ, во время припадковъ, имена своихъ враговъ, подозрѣваемыхъ въ насланіи болѣзни, и обвиняютъ ихъ въ этомъ мнимомъ преступленіи... Икотою называютъ на сѣверѣ Россіи припадки кликушества; икать въ Псковской губерніи—кричать, кликать. Силою чародѣйскаго слова нечистый духъ заклиняетъ на чье нибудь имя. Иногда заговариваютъ икоту на камни или насѣкомыхъ. Стрѣлы (золотье) напускаются черезъ песокъ и проч. Припадки кликушества называются *ирецъ*—слово, которымъ обозначается и нечистый духъ; это указываетъ на древнее воззрѣніе, что бѣзъ, входя въ челоуѣка, мучительно играетъ имъ. По народному убѣжденію, все, что выкрикивается бѣсноватыми и кликушами, внушаетъ имъ поселившійся въ нихъ демонъ и потому имъ приписывается способность предсказывать будущее. Испорченные колдовствомъ люди называются кликушами: это—несчастные страдающіе падучею или другою тяжкою болѣзнию, соединенною съ бредомъ, пѣною у рта и корчами; они издаютъ дикіе вопли, и подъ вліяніемъ господствующаго въ народѣ суевѣрія утверждаютъ, будто злые вороги посадили въ нихъ бѣсовъ, которые и грызутъ ихъ внутренности (стр. 602). Къ волхвамъ и чаровницамъ чаще всего обращались съ просьбами объ исцѣленіи недуговъ. Томительная икота и до нынѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи считается нечистымъ духомъ, котораго чародѣи насылаютъ по вѣтру на своихъ враговъ и супротивниковъ, тоже воззрѣніе распространено и на болѣзни, сопровождающіяся конвульсіями, каковы: падучая болѣзнь и витова пляска. Страдающіе этими недугами извѣстны въ народѣ подъ общимъ названіемъ „кликушъ“. Подъ вліяніемъ глубоко коренящагося суевѣрія, кликуши выкликаютъ проклятія и жалобы на тѣхъ, кого подозрѣваютъ въ своей порчѣ.

„Крестьянка Ирина Иванова 20-го іюня 1868 г. ¹⁾ жаловалась на односельчанокъ Настасью Николаеву и Прасковью Алексѣеву за то, что тѣ, притворившись кликушами, кричали передъ Троицынымъ днемъ, что испортила ихъ она, Иванова, вслѣдствіе чего прочіе крестьяне дер. Алексѣевской постоянно бранятся и грозятъ убить ее, Иванову, какъ колдунью. 24 августа Иванова принесла ту же жалобу на крестьянку Марью Тимофееву. Дѣлали онѣ это вслѣдствіе того, что Настасья Николаева желала жить съ нею розно, чтобы показать, что жить съ нею невозможно. Обвиняемыя показали, что съ ними дѣлаются припадки, и во время припадковъ онѣ теряютъ сознаніе, такъ что ничего не помнятъ, не знаютъ онѣ и того, выкликаютъ ли, что ихъ испортила Ирина Иванова. По освидѣтельствованіи врачомъ обвиняемыя

1) Судебн. Вѣстн. 1869 г. № 172. Засѣданіе Ярославск. Окр. Суда 28 іюля.

оказались совершенно здоровыми и въ земской больницѣ ничего ненормальнаго съ 5-го ноября по 2-е декабря не замѣчалось. На основаніи этого онѣ обвинены въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ ст. 937 Улож. о нак., и на основаніи 200 ст. подлежатъ суду окружному безъ присяжныхъ. Настасья Николаева, сноха обвинительницы, „выкликала“ ее лѣтъ 15, еще при крѣпостномъ правѣ, другая—3 года, а послѣдняя одинъ годъ. У 1-й между припадками проходило равное время, иногда мѣсяцъ, иногда и менѣе. Во время припадка валяется по полу, бьется и выкрикиваетъ. У 2-й продолжается часъ и болѣе, „когда къ горю, то кричитъ и каждый день“. У Прасковьи Касаткиной припадки начались 4-й годъ; мужъ у нея и дѣти: 3 сына, дѣвушка, теперь беременна; не лечится никакъ: что лечиться!—на Царицу Небесную умоваешь, ужъ гдѣ врачу тутъ помочь. Свидѣтель Рыбкинъ: ходимъ по улицѣ, такъ и видимъ, что бываетъ. Случается съ ними и на улицѣ; не путемъ колятанются. Мы, мужики, не подходимъ, наше дѣло мужчинское; бабы все ходятъ. Слыхалъ, что кричатъ: „испортила Аринка“, кричатъ это, когда спрашиваютъ бабы и матерью ругаютъ, говорятъ. Какъ придетъ припадокъ, такъ лежатъ, ломаются, визжатъ, а потомъ, какъ отойдегъ, идутъ работать. „Дѣло до мужчинъ не касается—дѣло бабѣ“. Въ церкви припадковъ не бывало, а припадки дѣлаются на улицѣ или дома, какъ придется. Изъ свидѣтельскихъ показаній видно, что подсудимыя вовсе не были подвержены припадкамъ умоиступленія. Сознательно обвиняютъ Ирину Иванову. Сноха Ивановой—Настасья, хотѣла съ нею раздѣлиться и потому начала выкликать. Кликушество стало притворно съ цѣлью повредить Ивановой. Судъ призналъ подсудимыхъ виновными въ притворномъ кликушествѣ и приговорилъ ихъ къ тюремному заключенію на 2 мѣсяца“.

„Крестьянки ¹⁾ Подольскаго уѣзда дер. Бяконтовой Ирина Васильева, Дарья Федорова и Федосья Федорова и деревни Сыровой Матрена Уварова, по поводу случающихся съ ними припадковъ, указываютъ, что ихъ испортилъ односельный крестьянинъ Родіонъ Алексѣевъ. По ихъ показаніямъ, имъ дѣлается дурно, когда онѣ увидятъ Родіона, или когда онъ находится вблизи ихъ, онѣ начинаютъ кричать: Родька проклятый мучитель. Дарья Федорова увѣрена, что ее испортилъ Родіонъ Алексѣевъ потому, что ей снился сонъ, въ которомъ кто-то говорилъ ей: надо выгнать изъ села Родіона, принести изъ селенія Стрѣлькова икону Николая Чудотворца, отслужить молебень съ водосвятиемъ, обойти иконами вокругъ деревни, а потомъ всѣмъ жителямъ Бяновой вмѣстѣ съ дѣтьми выкупаться въ рѣкѣ.

Тогда все нечистое въ деревнѣ прекратится. По словамъ Матрены Уваровой, ей представляются черти, когда она увидитъ Родіона, которій разъ выпускалъ изъ своего рта чертей и эти черти загораживали ей дорогу. Съ Родіономъ во враждѣ она никогда не была. Родіонъ Алексѣевъ неказистый мужичекъ лѣтъ 60, глуховатый, худой, возбуждалъ сильный смѣхъ въ публикѣ. На напоминаніе предсѣдателя показывать правду онъ отвѣчалъ: „очень согласенъ“ и затѣмъ продолжалъ, „Батюшка (плачемъ), исчезни душа моя“, (за громкимъ плачемъ нельзя разобрать словъ). „Трое изъ нашей деревни, а 4-я изъ чужой. Эту я не видалъ съ замужества, а первыхъ видѣлъ часто. Не знаю, почему онѣ говорятъ, что я ихъ испортилъ, онѣ прежде на другихъ кричали“. Экспертиза признала притворство. Судъ приговорилъ подсудимыхъ къ заключенію въ смиренительный домъ на два мѣсяца“.

По словамъ Котляревскаго ¹⁾ „Смерть, а равно и болѣзнь, по понятіямъ славянъ, насылались невѣдомою силою или божествомъ, „од бога от старого кривника“; сообразно этому взгляду смерть и болѣзнь олицетворялись въ страшныхъ образахъ демоническихъ старухъ, которыя предвѣщаютъ кончину“.

„Сожиганію на кострехъ подвергались тѣ личности, которыя, по народнымъ понятіямъ, стояли въ связи со злыми враждебными чело-вѣку силами, таковы: вѣщія жонки—вѣдьмы, волхвы, вампиры; согласно съ такимъ взглядомъ и законодательство усвоило эту казнь для колдуновъ и колдуній, еретиковъ и святотатцевъ. Огонь является здѣсь не простымъ средствомъ казни, но имѣетъ особое назначеніе какъ очистительная стихія. Сожиганіе въ этихъ случаяхъ столько же казнь, сколько и забота о упокоеніи души, огненное очищеніе ея и, вмѣстѣ съ тѣмъ—очищеніе земли отъ губительнаго начала“.

Старшина села Мишенскаго, крестьянинъ Герасимъ Матвѣевъ, 7-го Октября 1867 г. ²⁾ заявилъ жалобу на то, что невѣстка его (вдова его брата) крестьянка Марья Фролова, выкликая въ церкви, клеветаетъ на него—будто онъ ее испортилъ и околдовалъ. По освидѣтельствованію Фроловой Вѣлевскимъ уѣздн. врачомъ, она оказалась въ сильномъ нервномъ раздраженіи, страдаетъ истерическими припадками и вторичнымъ сифилисомъ, посему была помѣщена въ лечебницу, гдѣ втеченіе 2-хъ мѣсячнаго пребыванія у нея было 2 истерическихъ припадка. Между Матвѣевымъ и подсудимой произошло неудоволь-

¹⁾ А. Котляревскій. О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Москва. 1868 г.

²⁾ Судебн. Вѣстн. 1870 г. № 66. Уголовн. Департ. Московск. Судебн. Палаты. 22 Января 1870 г.

ствіе по поводу спора о правѣ на ратническую квитанцію. Въ день Вознесенья она выкликала его въ церкви и потомъ, когда обходили съ образами хлѣба, бросилась на него, изорвала ему поддевку и назвала его колдуномъ. Кричитъ она въ церкви, когда пошть херувимскую. Въ это время чертъ изнутри ея говоритъ „пора мнѣ выйти изъ нея, долго-ли мнѣ здѣсь сидѣть“. Отецъ ея Иванъ Николаевъ Фроловъ, видя ее въ такомъ положеніи, повезъ ее въ Смоленскую губернію въ гор. Сычевку къ пустыннику Филиппу Ивановичу, чело-вѣку старому. Пустынникъ велѣлъ везти ее въ деревню, а оттуда на перекрестокъ. На другой день чертъ изнутри ея сталъ говорить: ведите на перекрестокъ и чтобы свидѣтели были“. Чорта спросили „какихъ тебѣ свидѣтелей—добрыхъ или злыхъ“? онъ сказалъ „добрыхъ“. На вопросъ же „кто же добрые“, отвѣчалъ „приведите польку вдову“. Тогда пустынникъ спросилъ черта: „кто тебя вогналъ?“, а онъ отвѣчалъ: „я заклятыя далъ не сказывать“. Нѣтъ скажешь, говорилъ на это пустынникъ, когда въ мои лапы попался“. Тутъ пустынникъ далъ травки, водицы, просвирку, помазалъ ее мвромъ и отпустилъ домой, сказавъ, что „чертъ самъ скажетъ, кто его впустилъ въ Марью“. Дома Марья начала опять кричать и когда полька вдова стала чорта спрашивать: „пустынникъ велѣлъ, чтобы ты назвалъ того чело-вѣка, который тебя въ Марью впустилъ“. Чертъ отвѣтилъ: „хотя было заклятыя не говорить, а теперь не сможешь не сказать: въ Марью меня послалъ Гараська, одного съ ней села крестьянина“. Послѣ этого, когда она еще стояла на перекресткѣ, чортъ какимъ-то зычнымъ голосомъ закричалъ: откуда ни взялся вѣтеръ и чертъ вѣтромъ вышелъ изъ нея. Послѣ того она до Вознесенья не кричала, но за обѣдней во время херувимской начала кричать, взывавшись Гараську по церкви. Идя изъ церкви домой, встрѣтила его и вцѣпилась въ воротъ, но народъ ронялъ ихъ. Потомъ, когда Герасимъ ушелъ на рожъ къ мірекому молебну, она вырвалась отъ своихъ домашнихъ побѣжала туда, нашла Герасима и обняла его рукой, при чемъ чертъ сталъ изъ нея говорить: „ты теперь отъ меня не уйдешь, бери меня съ собой“. Герасимъ же наотмашъ ударилъ ее кулакомъ по зубамъ: у нея изо рта хлынула кровь и она упала замертво. За это отецъ ея пожаловался и ихъ позвали въ волостное правленіе. Она пришла прежде Герасима и, когда онъ вошелъ, бросилась ему на шею, а чертъ кричалъ: „бери меня, куда хочешь, мнѣ въ Машкѣ долѣе оставаться нельзя, у ней есць трава, вода, просvirка“. Герасимъ сталъ ходить по конторѣ, а она волочилась за нимъ на колѣняхъ, при чемъ чортъ все время твердилъ: „бери меня, куда хочешь, туда и дѣвай“. Прежній старшина Кирилла Ивановичъ говоритъ черту: „поди ко

миѣ“, но чертъ отвѣтилъ: „къ тебѣ не пойду, не ты меня послалъ въ Марью“. Тогда теперешній старшина говорить Герасиму: „скажи, что возьмешь ее къ себѣ“. Герасимъ отвѣчалъ „ну, что же, хошь, возьму“ и при этихъ словахъ взялъ ея лѣвую руку своею тоже лѣвою рукою, старшина ихъ руки рознялъ и съ этого времени Богъ послалъ ей облегченье. Стала она молиться, а то прежде на Господа плевала, говорятъ. Но съ Цокрова дня снова начала выкликать и, когда была вызвана къ слѣдователю и отправлена въ больницу, то чертъ изъ нея кричалъ „хочу поцѣловаться съ Герасимомъ“; возвратясь изъ больницы домой, она также продолжала выкликать. Но уповая на Господа, она все-таки полагаетъ, что когда Герасимъ дастъ росписку, что не будетъ къ ней близокъ и не будетъ до нея ни въ чемъ касаться и *когда онъ отдастъ деньги за лечение ея въ больницу*, тогда она совѣмъ перестаетъ кричать, шабашъ—и чертъ сказалъ: „я пойду туда, куда миѣ сказалъ пустынный“. Фролова прибавила, что такъ сказывали ей люди, сама же она того, что было съ нею, совершенно не помнить. Фролова помимо выкликанія вообще смирна, ласкова и услужлива, но работать ничего не можетъ, ѣсть только гречневое тѣсто и пьетъ одну воду. Слѣдователь предложилъ Бѣлевскому уѣздному врачу вопросы: 1) не находится-ли Фролова въ ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей и 2) не слѣдуетъ-ли ее помѣстить въ домъ умалишенныхъ. Врачъ отвѣтилъ, что онъ въ Фроловой скорѣе подозрѣваетъ какое-то фанатическое сектанство, чѣмъ такое ненормальное умственное состояніе. Тульскій Окружной Судъ присудилъ Фролову въ тюрьму на 3 мѣсяца и возложить на нее судебныя издержки. На этотъ приговоръ Фролова подала апелляціонную жалобу въ Московскую Судебную Палату. При освидѣтельствованіи Фроловой врачи заключили, что подсудимая находится въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей, но крайне впечатлительна и нервна, что во время совершеннаго ею преступленія она въ совершенномъ безпамятствѣ и умоизступленіи не была, но была въ сильномъ нервномъ раздраженіи, что подсудимая отвѣчаетъ на вопросы здраво и логично, но крайне болтлива; что тѣсная сфера, въ которой она выросла и развилась, вліяніе самаго грубаго суевѣрія и нелѣпыхъ предубѣжденій при подвижности и раздражительности нервной системы, сильно располагали подсудимую ко всевозможнымъ галлюцинаціямъ и иллюзіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ она и поступала. Московская Судебная Палата признала ее невмѣняемою и оправдала. Судебная Палата, видѣла въ этомъ не злостный обманъ, но вліяніе суевѣрія въ той тѣсной сферѣ, въ которой Фролова выросла и развилась; Фролова при подвижности и раздражительности нервной своей

системы, сильно расположенной къ галлюцинаціямъ, способна принимать мнимыя свои ощущенія и впечатлѣнія за что нибудь реальное и готова со всею добросовѣстностью увѣрять другихъ въ вещахъ, несуществованіе которыхъ ясно до очевидности. Разстроенное воображеніе, представляющее ей цѣлый рядъ картинъ“.

Интересныя данныя о кликушахъ находимъ въ статьѣ д-ра С. И. Штейнберга ¹⁾. „Рѣдко случается, чтобы кликуша не предчувствовала припадка, т. е. чтобы непосредственно передъ нимъ не усиливались нѣкоторыя болѣзненные субъективныя ощущенія и не измѣнилось бы настроеніе духа; иногда бываютъ слабыя подергиванія особенно въ области развѣтвленія личнаго нерва и невралгіи нѣкоторыхъ вѣточекъ 5-й пары или другихъ нервовъ; боль подъ ложечкой, подкатываніе шара по направленію къ горлу; непріятныя ощущенія въ половыхъ органахъ и т. д. Самый припадокъ внезапно начинается иногда безъ всякой видимой или предшествовавшей причины, вскрикиваніемъ, визгомъ—вообще явленіемъ характеризующимъ усиленное невольное и продолжительное рѣдко прерывистое выдыханіе при чемъ сжимается голосовая щель. Авторы сравниваютъ этотъ крикъ съ воплемъ, рыданіемъ, воемъ, ревомъ, собачьимъ лаемъ; нѣкоторые называютъ этотъ крикъ дикимъ; онъ производитъ непріятное, даже страшное впечатлѣніе. За вскрикиваніемъ являются судороги различнаго характера и въ различныхъ частяхъ тѣла; одинъ родъ судорогъ иногда вдругъ смѣняется другимъ, поэтому больная мечется то въ одну, то въ другую сторону, то остается неподвижною: иные увѣряютъ, что у кликушъ развивается во время припадка необыкновенная сила мышцъ. Лицо во время приступа мѣняется свое выраженіе и цвѣтъ (что конечно, зависитъ отъ судорогъ и отъ ненормальнаго кровообращенія); сознаніе болѣе или менѣе помрачается или совсѣмъ терлется, или же сознаніе почти нормально, у иныхъ же во время приступа бываютъ бредъ, иллюзіи или галлюцинаціи или то и другое вмѣстѣ. Мнѣ приходилось наблюдать во время припадка больную, у которой были иллюзіи зрѣнія, и она то сознавала, что онѣ были обманъ чувства, субъективное явленіе, то ошибалась, принимала ихъ за объективныя, при чемъ состояніе сознанія смѣнялось довольно быстро безсознательнымъ состояніемъ. Припадокъ часто прекращается почти внезапно, субъектъ чувствуетъ себя усталымъ, раздражительнымъ; иногда припадокъ оканчивается сномъ; иные помнятъ все, что происходило съ ними во время припадка; другія говорятъ, что смутно помнятъ о происходившемъ съ ними; иные увѣряютъ, что рѣшительно ничего

¹⁾ Штейнбергъ. Кликушество и его суд. мед. значеніе. Арх. Суд. Мед. 1870 г. № 2, стр. 67.

не помнятъ о томъ, что происходило съ ними во время припадка. Припадокъ длится отъ $\frac{1}{4}$ часа до 7 час., особенно у престарѣлыхъ женщинъ. Пароксизмы повторяются черезъ неопредѣленные промежутки, въ теченіе которыхъ кликуши чувствуютъ себя почти совсѣмъ хорошо, или же у нихъ замѣчаются слабыя различныя болѣзненные явленія въ области нервной системы. Случается, однако, что бываютъ довольно сильныя: общая усталость (физическая и психическая), бессонница или, напротивъ, сонливость, раздражительность или тупость, нерасположеніе духа, безотчетная грусть, тоска, умственная тупость; физическая лѣнь, иллюзіи, галлюцинаціи. Въ крайнемъ случаѣ кликуши (непритворныя) кончаютъ помѣшательствомъ.

Публика считаетъ ихъ или: 1) притворщицами, 2) относится къ нимъ съ религіознымъ благоговѣніемъ или 3) съ чувствомъ суевѣрнаго страха (стр. 64). Сравнивая явленія кликушества съ явленіями у демономановъ средневѣковыхъ временъ или „истеролемономаніей“, находимъ не только сходство, но почти тождество (стр. 68). Подъ „бессодержимостью“ теперь понимаютъ помѣшательство, при которомъ содержаніе бреда состоитъ изъ идеи о дьяволѣ. Такъ какъ бредъ можетъ состоять изъ представленій, уже извѣстныхъ субъекту до заболѣванія и наиболѣе его интересовавшихъ, то по мѣрѣ того, какъ суевѣрныя понятія теряютъ свою силу, уменьшается и число случаевъ подобнаго проявленія бреда у помѣшанныхъ (стр. 69). Демономанія среднихъ вѣковъ у новыхъ авторовъ есть истеро-демономанія—у насъ кликушество. „Демономанія современныхъ авторовъ есть группа болѣзненныхъ явленій, замѣчаемыхъ у меланхоликовъ, которые до болѣзни были суевѣрны и много думали и говорили о вліяніи дьявола на человека и т. д., и что наконецъ, далекій сѣверъ, востокъ, югъ и западъ платятъ порядочную дань этимъ болѣзнямъ (стр. 70). Самые важныя причины: 1) бѣдность и плохія гигиеническія и социальныя условія, 2) болѣзни въ области нервной системы (судорги, невралгія, полупараличъ, анестезія), увеличенная раздражительность внѣшнихъ чувствъ и т. д., словомъ, всѣ тѣ многочисленныя болѣзненные явленія, замѣчаемыя у женщинъ, у которыхъ истерика готова обнаружиться или уже вполне развилась, 3) страданія въ различныхъ органахъ и системахъ и общія сифилисы, золотуха, анемія и т. п. 3) Невѣжество. 4) Обособленность (дикая природа). 5) Суевѣріе (стр. 70). Колдунъ своею сверхъестественною властью, по народнымъ понятіямъ, можетъ всякому повредить, все „испортить“... Подъ словомъ „порча“ понимается вредъ (нездоровье, болѣзнь), нанесенный человекомъ человеку же; это понятіе родовое. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣхъ ихъ нельзя свести въ одну и ту же группу: одни дѣйствительно больны,

другіе, вслѣдствіе ненормальнаго питанія и въ частности нервной системы, сдѣлались ненормально воспріимчивы и потому легко поддаются такимъ вліяніямъ, которыя нисколько-бы не подѣйствовали на человѣка совершенно нормальнаго, третьи—пользуются невѣжествомъ массы и становятся притворщиками, обманщиками и т. д.; „содержаніе какъ идей бреда, такъ и галлюцинацій зависитъ отъ степени образованія человѣка, отъ того запаса представленій, которыя были усвоены имъ до болѣзни. У второй группы наблюдается сумма явленій, характеризующая ненормальность отпавленій въ чувствахъ и двигательныхъ сферахъ, психическія же явленія и различныя ненормальности состоянія душевнаго строя стоятъ далеко на второмъ планѣ. Истерицескіе припадки у крестьяновокъ объясняются окружающими—порчею, бѣсоодержимостью и пр., и больная вѣритъ этому. Все дѣло здѣсь въ ложномъ объясненіи причины страданія, заимствованномъ извнѣ. Кликуша не помѣшана, хотя между ними и могутъ быть такія, которыя кончаютъ помѣшательствомъ. Равно какъ и не помѣшаны истеро-демономаны средневѣковые, и демономаны новѣйшихъ временъ.

Къ 1-й и 2-й группѣ принадлежатъ люди дѣйствительно больные. Въ 1-й группѣ врачъ найдетъ помѣшательство, во 2-й—различныя нервныя страданія, но безъ помѣшательства. По Мейеръ-Аренсу—на далекомъ сѣверѣ Россіи: въ Лапландіи, на побережьяхъ Пинеги, Мезени, въ Иркутскѣ, Камчаткѣ и вообще въ Сибири замѣчаются странныя нервныя болѣзни, объясняющіяся ненормальною, усиленною отражательною дѣятельностью нервныхъ центровъ. Причины: дурныя гигиеническія условія, неразвитость и бѣдность народа, продолжительное дѣйствіе усиленнаго солнечнаго свѣта. Припадки: внезапное поразительное вскрикиваніе, бываютъ судорги; иногда во время припадка больные ожесточенно бранятъ предполагаемаго виновника своихъ страданій. Конвульсіи похожи то на истерицескія, то на эпилептицескія; иные впадаютъ въ экстазъ или даже совершенную маію, иные очень много плачутъ“ (стр. 73).

По отношенію къ приведеннымъ 3-мъ случаямъ кликушества авторъ говоритъ: „Нельзя отрицать притворства со стороны подсудимыхъ въ обоихъ случаяхъ; подозрительно, что у *всѣхъ* сознаніе терялось совершенно и всегда во время припадковъ. 2) *Всѣ* женщины во 2-мъ случаѣ обвиняли въ порчѣ одну и ту же женщину. Замѣтно вліяніе психическаго зараженія“ (стр. 79).

Андреевъ (Расколъ и его значеніе 1870 г.),—описывая хлыстовскія радѣнія, говоритъ: „по закону индукціи электрическихъ процессовъ движеніе одного живаго существа сообщается другимъ, и если эти другія существа—слабые организмы, то они иногда безотчетно

вторягъ движеніямъ главной животно-электрической машины. Отсюда всѣ виды хорей (невольнаго подражанія дѣйствіямъ другихъ), большая часть общихъ движеній по темпу или размѣру, танцевъ и т. д. (стр. 379).

Успенскій ¹⁾ говоритъ: существованіе молитвъ въ старинныхъ церковныхъ требникахъ отъ презора, очесъ, отъ порчи, надъ очарованнымъ мѣстомъ или лицомъ, указываетъ на признаніе фактовъ сглаза, порчи и очарованія и служителями христіанскихъ алтарей; но они смотрѣли на такіе факты другими глазами, очами христіанскаго вѣроученія. Обращаясь къ кликушамъ, можно утвердительно сказать, что однѣ изъ нихъ несчастныя жертвы, мучимыя духомъ злобы, отъ котораго онѣ избавляются постомъ и молитвою, или чудесными дѣйствіями угодниковъ Божіихъ, другіе же, пользуясь суевѣрнымъ убѣжденіемъ членовъ своей семьи, притворяются, чтобы съ одной стороны возбудить къ себѣ въ нихъ сожалѣніе и большее снисхожденіе въ домашнихъ трудахъ, съ другой, — поселить непріятныя чувства къ особамъ, заговариваемымъ ими. Такіе факты нерѣдко встрѣчаются въ большихъ семьяхъ, гдѣ двѣ или три невѣстки и столько же имъ золовокъ.

По вѣрованію нашихъ предковъ ²⁾ св. Параскева Пятница считалась цѣлительницею разныхъ человѣческихъ недуговъ. въ особенности ее призывали на помощь отъ дьявольскаго навожденія. Страждущіе отъ навожденія нечистой силы считали за непремѣнное правило ставить предъ иконою св. Параскевы — Пятницы свѣчи въ надеждѣ получить свободу отъ нечистаго духа.

1879 г. февраля 4 въ деревнѣ Врочевѣ, ³⁾ Деревской волости, Тихвинскаго уѣзда была сожжена въ своей избѣ солдатская вдова Аграфена Игнатѣва, 50 л., которая еще съ молодости своей слыла за колдунью, обладавшую способностью „портить людей“. Съ своей стороны Игнатѣва, не увѣряя положительно, что она колдунья, не старалась и разубѣждать въ этомъ крестьянъ, пользуясь внушаемымъ ею страхомъ для того, чтобы жить на чужой счетъ. Убѣжденіе, что Игнатѣва колдунья, находило себѣ поддержку въ нѣсколькихъ случаяхъ первыхъ болѣзней, которымъ подвергались крестьянки той мѣстности, гдѣ поселилась Игнатѣва. Около крещенія 1879 г. Игнатѣва приходила въ домъ къ крестьянину Кузьмину и просила

¹⁾ Успенскій. О народн. примѣтахъ и повѣрьяхъ. Курск. Епарх. Вѣд. 1875 г. № 10. стр. 501.

²⁾ Церковно-народный мѣсяцесловъ на Руси. Записки Императорскаго Русск. Географич. Общ. 1877 г. ст. 7 стр. 307.

³⁾ Правительств. Вѣстникъ 1879 г. № 230. Дѣло о 17 крестьянахъ, обвиняемыхъ въ сожженіи солдатки Игнатѣвой, слывшей въ средѣ крестьянъ за колдунью.

творогу, но въ этомъ ей отказали, и вскорѣ послѣ того заболѣла его дочь, которая въ припадкахъ выкликала, что испорчена Игнатьевою. Такою же болѣзнию (см. прим.) была больна и крестьянка деревни Передниково Марья Иванова. Наконецъ, въ концѣ января 1879 г. въ деревнѣ Врачевѣ заболѣла дочь крестьянки Екатерина Иванова Зайцева, у которой ранѣе того умерла отъ подобной же болѣзни родная сестра, выкликавшая передъ смертью, что испорчена Игнатьевою. Такъ какъ Иванова выкликала, что испорчена Игнатьевою, то ея мужъ отставной рядовой Зайцевъ подалъ жалобу уряднику, который и пріѣзжалъ въ Врачево, для производства дознанія за нѣсколько дней до сожженія Игнатьевой. Крестьянинъ Никифоровъ просилъ крестьянъ защитить его жену отъ Игнатьевой, которая будто бы собирается ее испортить, какъ объ этомъ выкликала больная Екатерина Иванова.

Игнатьеву заперли въ хатѣ заколотили окна и сожгли. 3-хъ участниковъ приговорили къ церковному покаянію, остальные признаны невиновными.

Въ селеніи Талуши, ¹⁾ Сухумскаго округа, у одной старой вдовы скоропостижно умеръ младшій сынъ, а черезъ нѣсколько времени опасно занемогъ и старшій. Больной обратился къ ворожеѣ. Ворожея указала на мать, какъ на виновницу его болѣзни и смерти брата. Сосѣди развели костеръ и стали убѣждать мать больного или сознаться въ грѣхахъ, или добровольно отдать себя на сожженіе. Потерявшую отъ страха способность рѣчи старуху привязали къ шесту и, какъ на вертелѣ, поджаривали, пока она не умерла.

Въ статьѣ Н. Лѣскова (Случай изъ русской демономаніи. „Новое Время“ 1880 годъ, № 1529—1542) находимъ слѣдующія свѣдѣнія о кликушествѣ „жена священника въ Орловской губерніи; лѣтомъ разъ въ годъ, а иногда и не каждый годъ, „ее бралъ бѣсъ и водилъ во исходяще“. Она вдругъ начинала тосковать, томилась, плакала и рыдала, а затѣмъ, устроивъ все, что могла по хозяйству, исчезала и „бѣгала“. Это продолжалось иногда мѣсяцъ, въ теченіе котораго ее встрѣчали въ разныхъ очень отдаленныхъ мѣстахъ, оборванную, голодную, иногда будто бы даже совсѣмъ нагую, при томъ она всегда рассказывала страшныя вещи о томъ, зачѣмъ „онъ ее водить“. „Потомъ она возвращалась домой здоровою“. Беллюстинъ прямо высказался, что „порча“ есть и что портельщики знаютъ секретныя средства губить людей, разстраивая ихъ здоровье, но демоническій характеръ всему этому сообщаютъ не они. Что человѣкъ отъ порчи затоскуетъ и нач-

¹⁾ Якушкинъ. Обычн. право, вып. II, стр. 364.

нетъ сохнуть—это возможно, но чтобы подъ вліяніемъ тоски больному сталъ мерещиться дьяволъ, это скорѣе зависить отъ настроенія больного. Въ с. Гороховѣ нѣкогда было чрезвычайно распространено кликушество“. „Портельщики здоровья, т. е. просто сказать, отравители, въ нашемъ сельскомъ быту, вѣроятно, есть, но чтобы въ ихъ, или въ чьихъ бы то ни было рукахъ находились физическія средства заставить человѣка воображать себя звѣремъ, кричать на голоса, видѣть дьявола и слышать его велѣнья, которому нѣтъ силъ не подчиняться,—это, я думаю, невозможно. Всѣ эти явленія, къ сожалѣнію, несомнѣнно существующія, всего вѣроятнѣе происходятъ отъ другихъ причинъ—нравственныхъ. Многія женщины подвергаются припадкамъ, во всемъ схожимъ съ порчею, совершенно неожиданно, при внезапномъ извѣстїи о смерти близкихъ имъ лицъ, особенно дѣтей. Нѣкоторыя вдругъ начинаютъ „кликать при страшныхъ разказахъ странниковъ и странницъ о мукахъ за тайные грѣхи, а другіе ведутъ начало своей болѣзни отъ перепуга, отъ пожара, отъ рекрутскаго набора. Я самъ помню случай въ Кіевѣ съ крестьянкою, малороссійянкою, которая, услышавъ, какъ сыну крикнули „любъ“, взвизгнула, потомъ закричала „хлоп, хлоп, хл“ и, наконецъ, закричала разныя срамныя слова. А порчи тутъ никакой не было мѣста, да и у малороссійянъ кликушество отъ порчи совсѣмъ не въ употребленїи, не смотря на то, что они вѣрятъ въ вѣдьмъ и знахарей. Но болѣе всего, какъ я думаю и какъ я наблюдалъ, тутъ дѣйствуютъ вышеупомянутые мною „тайные грѣхи“, сознавая которые, бѣдныя женщины томятся подъ неодолимымъ гнетомъ невозможности прощенія и примиренія съ Богомъ. Я самъ видѣлъ и не разъ слышалъ отъ многихъ сельскихъ священниковъ, что многія молодыя женщины первые припадки кликушества получаютъ, наприм., въ тотъ моментъ, когда хотятъ приложиться къ Кресту или иконѣ, или же подходятъ къ чашѣ. Или вдругъ вспомнится что-то столь ужасное для нихъ и оскорбительное для святыни, что, „ихъ отбросить“ и больная кричить: „не хочу, не хочу, не могу, недостойна, чертъ вмѣсто креста мнѣ гадость суетъ. Въ адъ меня!...

Отчитываніе хорошими благочестивыми священниками иногда помогаетъ, а иногда нѣтъ. Бываетъ, что послѣ отчитыванія становится еще хуже.... Терпѣливая и внимательная исповѣдь нерѣдко дѣйствуетъ лучше отчитыванія, особенно если исповѣдникъ человѣкъ добрый и способный дѣйствовать на совѣсть. Въ наше время едва ли кто нибудь испѣлялъ столько бѣсноватыхъ, какъ извѣстный всему Кіеву удивительной жизни старецъ, схимникъ Пароеній. Разрѣшеніе его благотворно дѣйствовало на такихъ женщинъ, которыя по цѣлому десятку лѣтъ не могли слышать звона и перенести ноги чрезъ цер-

ковный порогъ. Гдѣ изцѣлившаяся отъ бѣснованія попадала въ семью добрую, не спорливую, не досадительную, тамъ леченіе было прочно, но если больную начинали беспокоить, попрекали и иного сорта семейными гоненіями, тамъ опять начиналась чертовщина.... все это безъ всякаго отравнаго зелья, отъ горя, отъ досады, отъ гоненій, вообще отъ причинъ нравственныхъ, преимущественно семейнаго характера. Одинъ генераль наѣзжалъ въ село изъ Петербурга ненадолго, но бывало сейчасъ напроказить. Только дѣвушекъ не трогалъ, а заставлялъ ихъ бить себя розгами (полов. извр.?). Одна дѣвочка сильно испугалась и разъ ударивъ его, со страху едва добѣжала домой. Съ того времени она затосковала. Позднѣе, выйдя замужъ, она „стала на голоса кричать“, подъ гнетомъ того тяжелаго воспоминанія. Повело это къ тому, что въ селѣ, услыхавъ объ этомъ, начали нѣсколько дѣвушекъ кликать, и все боялись той же или иной срамоты. И обратилось это, наконецъ, въ своего рода мѣстную болѣзнь, что называютъ „по вѣтру напущено“. Одна совершенно непричастная къ дѣлу дѣвушка уронила горшокъ; негодующая мать въ запальчивости крикнула ей: „или и ты генерала сѣкла?“ Дѣвушка мгновенно упала, стала корчиться, у рта ея появилась пѣна, а черезъ мѣсяць она уже кричала пѣтухомъ, лаяла собакой и куковала кукушкою, а при всемъ этомъ выговаривала на пѣтушій крикъ: „сѣкъ, сѣку вы-ы-сѣку!“ Люди несомнѣнно попорчены, и кричатъ, и поютъ, и воютъ, и бѣснуются, и жить съ ними и мучительно, и *жутко*. Порченныя кликуши есть только въ русскихъ селеніяхъ и болѣе нигдѣ.... Что это значить? Не должно-ли это значить, что происхожденіе кликушества прямо зависитъ отъ цѣлаго склада несчастной, темной, горестной русской семейной жизни, полной всякихъ несправедливостей и притѣсненій, которыя можетъ очистить и истребить только ясно понятая христіанская вѣра и умственное просвѣщеніе, царство которыхъ еще не настало.

По указанію Магницкаго (повѣрья и обряды въ Уржумскомъ уѣздѣ, Вятской губ. 1883 г.) по мнѣнію мѣстныхъ поселянъ, въ живыхъ людей садятъ бѣсовъ люди (колдуны) (ст. 422). Одержимые бѣсами для излеченія ходятъ въ монастырь, гдѣ ихъ монахи отчитываютъ (стр. 423).

Въ 1884 г. 3-го октября ¹⁾ въ д. Щетинской, Пошехонскаго уѣзда волостной судъ приговорилъ кр. Харитонову: „за сажаніе X-вымъ упомянутымъ лицамъ болѣзни „килы“ подвергнуть его 20-ю ударами розогъ, о чемъ объявить сторонамъ. Судья Назаръ Гавриловъ“.

¹⁾ Ярославскія губ. вѣдомости 1889 г. № 67.

Въ с. Охочей, Зміевскаго уѣзда, Харьковской губ. ¹⁾ проживаль крестьянинъ Селезневъ, имѣвшій репутацію колдуна. Былъ онъ какъ-то на свадьбѣ крестьянскаго сына Булгакова, и на другой же день послѣ того съ новобрачною случился припадокъ *кликуншества*, что возбудило въ родныхъ подозрѣнія и сильное раздраженіе противъ С.; еще черезъ день Б. съ нѣкоторыми другими былъ въ гостяхъ у крестьянина Пензева, гдѣ тоже присутствовалъ С. и въ самое это время припадокъ кликушества случился съ дочерью крестьянина Полотинцева, причеиъ больная прокричала, что ее испортилъ ни кто другой, какъ С.

Тутъ раздраженіе дошло до высшей степени. Сынъ Б. съ 3 другими крестьянами ушли съ пирушки и, вернувшись потомъ, сказали, что они уже проучили С. такъ, что онъ не только портить, а даже „росы топтать больше не будетъ“. На утро въ полѣ, не далеко отъ деревни, нашли С. страшно избитаго и еле дышавшаго. Онъ едва успѣлъ назвать 4-хъ своихъ казнителей, какъ испустилъ духъ. Началось дѣло, которое и поступило на разсмотрѣніе Харьковскаго Окружнаго Сула. 14 свидѣтелей съ полнымъ убѣжденіемъ выказывали, что С. былъ колдунъ, и описывали цѣлый рядъ страшныхъ „порчъ“, имъ надѣланныхъ. Не отпиралось отъ участія въ побояхъ и большинство обвиняемыхъ, такъ что происшествіе это явно оказывалось послѣдствіемъ крестьянскаго невѣжества. Присяжные обвинили троихъ, давши списхожденіе, а 4-го оправдали. Судъ приговорилъ обвиненныхъ къ 8 мѣсячному тюремному заключенію.

Костровъ, описывая колдовство и порчу между крестьянами Томской губерніи, говоритъ „здѣшній крестьянинъ вообще далеко не такъ суевѣренъ, какъ крестьянинъ многихъ мѣстностей великороссійскихъ губерній. Послѣдствія колдовства всѣмъ извѣстны: чаще всего они бывають подвержены странной и непонятной для простаго человѣка болѣзни, во время припадкавъ которой кричатъ на разные голоса, называютъ имена тѣхъ, кто ихъ испортилъ, рвутъ на себѣ волосы и платье и т. п.

15 октября 1889 г. ²⁾ въ дер. Евлахахъ убитъ крестьянинъ Иванъ Жидкій, который занимался леченіемъ посредствомъ напештываній на воду, почему слылъ за знахаря и колдуна. Жена одного изъ Шишковыхъ, Федора, страдающаго болѣзнию груди и спины, обращалась за помощью къ покойному, который нѣсколько лѣтъ давалъ ей напештанную воду, получая за это вознагражденіе. Отъ леченія у Шишковыхъ составилось мнѣніе, что больная выздоровѣетъ только тогда, когда не будетъ существовать Жидкій. Онъ былъ убитъ.

¹⁾ Искдѣл. 1888 г. № 48. стр. 1526.

²⁾ Могил. Губ. Вѣд. 1889 г., № 88.

Сумцовъ (Культурн. переж. Кіевск. Стар. 1889 г. № 11, стр. 303) говоритъ: нервныя болѣзни—кликушество, икота и падучая, а равно грыжа, сухотка и колотье признаются поселянами за дѣйствіе злыхъ духовъ, насланныхъ на человѣка на срокъ или навсегда мстительнымъ колдуномъ.

Минхъ ¹⁾ пишетъ: „кличутъ *кликунши* или испорченныя, чаще всего женщины. *Кликанье* есть истерическій прерывистый крикъ. *Кликунши* были очень часты въ крѣпостное время, когда большая часть лѣнвивыхъ бабъ притворялась испорченными, чтобы не ходить на барщину; ихъ пронзительный, судорожный крикъ, лаяніе, кудахтанье часто раздавались въ деревенскихъ церквяхъ во время херувимской и передъ причастіемъ, производя на насъ, дѣтей, непріятное впечатлѣніе. Теперь съ уничтоженіемъ крѣпостного права, *кликунши* стали очень рѣдки. Кликунши были и встарину на Руси.—Когда человѣкъ подвергнется *порчѣ* и въ немъ сидитъ нечистый духъ, то другіе приходятъ къ нему ворожить. Подойдя къ больному надо назвать имя и отчество нечистаго духа; духъ начинаетъ биться, кричать и черезъ нѣсколько минутъ падаетъ со всего размаха на полъ, съ $\frac{1}{2}$ часа лежитъ совершенно бездыханный, неподвижный трупъ; въ это время говорятъ, духъ вылетаетъ изъ человѣка и рыскаетъ по свѣту, отыскивая о чемъ просили. Наконецъ духъ возвращается... одержимый бѣсомъ быстро вскакиваетъ и начинаетъ сказывать“.

Харузинъ ²⁾ говоритъ о русскихъ лопаряхъ: „если у кого появятся колотья, призываютъ нойду, на обязанности котораго лежитъ узнать прежде всего, кто наслалъ „стрѣлы“; ему даютъ платокъ и серебряный рубль. Нойда завязываетъ его въ платокъ и, отираясь спать, кладетъ его подъ ухо; во снѣ онъ кричитъ и цсетъ и, проснувшись, объявляетъ, что такой-то напустилъ стрѣлы на больного... Тогда больной долженъ сказать колдуну: „сними съ меня стрѣлы“. Нойдѣ даютъ другой платокъ съ деньгами, и онъ снова ложится спать и во снѣ отсылаетъ стрѣлы пославшему ихъ. Послѣ этого больной долженъ выздоровѣть“.

Запольскій (Чародѣйство въ сѣверо западномъ краѣ въ XVII и XVIII вв. Этногр. обзор. 1890 г. № 2) на стран. 50-й говоритъ: Область неизвѣстнаго, таящагося за предѣлами знаній, человѣка, стоящаго на низкой ступени развитія культуры, представляется ему чѣмъ-то таинственнымъ, страннымъ, неизвѣстнымъ; онъ боится этого невѣдомаго ему міра, но въ то же время благоговѣетъ передъ нимъ, хотя и

¹⁾ Минхъ. Народн. обыч., суевѣрія и предрасудки и обряды крестьянъ Саратовской губерніи. Спб. 1890 г.

²⁾ Харузинъ. Русскіе лопари. Москва. 1890 г.

называетъ тайную силу нечистью... эта сила можетъ вредить и приносить пользу. Выразителемъ нечистой таинственной силы на землѣ служатъ нѣкоторые люди, предъизбранные ею или же добровольные служители ея. По отношенію къ людямъ чародѣйство могло имѣть прежде всего значеніе для ихъ здоровья. Цѣлое дѣло было возбуждено по подозрѣнію въ томъ, что попадья Громыкина вмѣстѣ съ другими хотѣла чарами повредить здоровью маршалка лиговскаго Салѣги... Если вообще чарами можно было вредить здоровью людей, то въ частности встрѣчаются указанія на то, что отъ чаръ человекъ лишался рассудка, терялъ зрѣніе и т. п.

По словамъ Лебедева ¹⁾ при Петрѣ I духовному чину вмѣнено было въ непремѣнную обязанность изыскивать: „не обрѣтаются ли гдѣ кликуши, не проявляетъ ли кто для скверноприбытства ложныхъ чудесъ при иконахъ, при кладязяхъ или источникахъ?“ (Дух. реглам. Москва, 1861 г. стр. 42).

Обнинскій говоритъ (Въ области суевѣрій и предрассудковъ. Юридическій Вѣстникъ 1890 г. Ноябрь. стран. 359): „Въ такой-то, сравнительно бойкой и цивилизованной мѣстности сохранялось и господствуетъ среди населенія традиціонное вѣрованіе въ бѣса. По глубочайшему убѣжденію обывателей, онъ вселяется въ человекъ, „портитъ“ и мучитъ его, проявляя себя выкликаніями, припадками, необъяснимыми болѣзнями и „влякънемъ по собачьи“; существуютъ лица, одаренныя способностью изгонять этого бѣса, но для того необходимо, чтобы одаренный ею самъ прежде былъ одержимъ бѣсомъ и отъ него исцѣлился. Употребительнѣйшими для этой цѣли приемами являются: чтеніе надъ одержимымъ извѣстныхъ молитвъ, воздѣваніе на него „пахальнаго хомута“, сдавливаніе горла, откуда собственно и выходитъ сидящій въ человекѣ бѣсъ, возвѣщая о томъ хрипами, стопами, выкрикиваніями, блеваніемъ и т. п. признаками; при этомъ производится оперирующими рядъ именъ тѣхъ изъ односельцевъ или жителей, которые подозрѣваются въ передачѣ бѣса—въ „порчѣ“; при произнесеніи имени бѣсъ выходитъ окончательно, и освобожденное лицо вмѣстѣ съ исцѣленіемъ пріобрѣтаетъ и вышесказанную способность. Въ одной деревнѣ проживала крестьянская семья средняго достатка—мужъ съ женою, въ возрастѣ около 40 л., и мать послѣдней—старуха. Семья проживала мирно, безъ раздоровъ, и только бѣсъ, послѣдовательно вселяясь сначала въ мужа, потомъ въ жену, смущалъ по временамъ это семейное благополучіе. Оба супруга избавились, наконецъ, отъ одолѣвшей ихъ нечистой силы, но заподозрили ее въ ста-

1) „Кіевская Старина“ 1890 г. № 1.

рухъ матери. Обладая уже даромъ изгнанія, они увѣщевали мать подвергнуться обычной операци, но та, не чувствуя въ себѣ никакого бѣса, добровольно на это не соглашалась. Приписывая такое упрство не ея волѣ, а сидящему въ ней бѣсу, супруги рѣшились употребить въ дѣло насиліе ради спасенія одержимой. Къ началу манипуляцій въ избу собрались родственники; старуха сидѣла на лавкѣ; около нея стояла дочь, держа ее за руки и приговаривая: „выходи нечистая сила, изъ рабы Божьей Маріи“, а раба Божія Марія вырывалась и бранила дочь— „что ты со мною фокусы дѣлаешь, во мнѣ нѣтъ нечистой силы“. Дочь однако продолжала крѣпко держать старуху, такъ что та завyla и, обращаясь къ присутствующимъ, сказала: „да что же вы, дѣвки, стоите, вѣдь она меня убьетъ“. Тогда мужъ, который сидѣлъ за столомъ и читалъ книгу, всталъ изъ-за стола и, подойдя къ Маріи, сказалъ: „что же ты ей не повинешься, я ей повиновался „и ударилъ Марію книгою по головѣ. Родные стали кругомъ и молились Богу. Затѣмъ вывели мать изъ дому на улицу, куда сбѣжалось много народу. Старуха кричала: „караулъ, погибаетъ душа моя“, пыталась вырваться, но зять снова ее ударилъ по головѣ, отчего она упала, а дочь сѣла на нее верхомъ и стала давить ей горло. Кто то изъ присутствующихъ крикнулъ было: „вѣдь душатъ старуху!“, но тотчасъ же былъ остановленъ замѣчаніемъ другого зрителя: „аль вамъ жаль нечистаго духа“; безмолвная толпа окружала эту сцену и крестилась: дочь продолжала свои манипуляціи, приговаривая: „выходи, нечистая сила“, а мужъ ея сталъ въ головахъ и читалъ книгу. Послышались предсмертные хрипы; всѣ оживились: „выходить, выходить!“ Хрипы смолкли, — жертва была мертва“.

П. Ивановъ (Народн. разск. о вѣдм. и упыряхъ. Сборн. Харьк. ист.-фил. общ. 1891 г. т. 3-й), дѣлая попытку объясненія нѣкоторыхъ явленій изъ области колдовства, говоритъ: „мы допускаемъ возможность гипнотическаго внушенія со стороны лицъ, ворующихъ по ночамъ у коровъ молоко, такъ и со стороны лицъ, разыгрывающихъ роль знахаря“. „Настроенное традиціонными разсказами воображеніе человѣка, находящагося въ возбужденномъ состояніи, — легко переходитъ въ галлюцинацію.

Весинъ ¹⁾ говоритъ: „ознакомленіе въ послѣдніе годы съ гипнотизмомъ показало, что многія явленія въ человѣческомъ организмѣ, которыя заставляли и заставляютъ суевѣрныхъ людей прибѣгать къ объясненію ихъ вмѣшательствомъ злыхъ силъ, должны быть приписаны естественнымъ процессамъ, хотя еще и не выясненнымъ исполнѣ наукою...

²⁾ Народный самосудъ надъ колдунами. „Сѣверный Вѣстникъ“ 1892 г. № 9.

Многіе случаи такъ называемой порчи вызываются непосредственно дѣйствующими физическими факторами, при нѣкоторомъ вниманіи доступными наблюденію почти всякаго... Итакъ, порча имѣетъ реальныя основанія.. „Колдуны могутъ портить, какъ самого человѣка, такъ и скоть, и домашнее хозяйство. Во все колдунъ можетъ нагнать бѣду: и огородъ завянетъ, и лошадь станетъ вялою, кошка сбѣсится, а человѣкъ начнетъ икать, сохнуть, мѣшаться, въ умѣ ослабнетъ, покроется язвами, лишится рукъ, ногъ; порча можетъ быть направлена на разстройство семейнаго союза и все пойдетъ врозь: мужъ перестанетъ любить жену, сынъ будетъ нарочито убитъ отца“... (Записки по отдѣленію статистики, т. V)... Но всего чаще объектами своихъ дѣйствій колдуны избираютъ женщинъ, превращая ихъ въ „кликуншъ“:.. Многіе факты неопровержимо доказываютъ, что великороссы смотрятъ на колдовство именно какъ на проявленія бѣсовской силы... Въ началѣ 70-хъ годовъ, среди крестьянъ Тихвинскаго уѣзда. дер. Тишучино, появилось много порченныхъ женщинъ и одинъ мужчина, которые приписывали свою болѣзнь крестьянкѣ Харламовой: они были привлечены къ суду за извѣтъ и осуждены Устюжнскимъ Округн. Судомъ — женщины въ смиренный домъ на 4 мѣс., а мужчина къ 50 ударамъ розогъ, но Уголовн. департ. Петербургской палаты отмѣнилъ приговоръ. Въ 1887 г. въ Торжкѣ обвинялись въ колдовствѣ крестьяне Архиповъ и Дорофеевъ въ способности портить молодыхъ женщинъ, отъ чего въ дер. Новинки много кликушъ, такъ что, боясь порчи, крестьянскія дѣвушки не выходятъ даже въ помянутой деревнѣ замужъ... Онъ обращаетъ ихъ въ кликушъ посредствомъ поцѣлуя или даже своего волшебнаго дыханія. Лечить онъ кликушество, употребляя при этомъ наговоры и хлѣбъ съ ногтями или съ ладаномъ... Убитаго колдуна, Николаевского уѣзда, с. Иванова, 1879 г. Гомозкова, обвиняли въ томъ, что онъ портилъ людей, ударяя по плечу или поднося стаканчикъ, отчего у всѣхъ дѣлалась боль въ животѣ и шла кровь заднимъ проходомъ. Въ Сычевкѣ. Корч. уѣзда, крестьянинъ Злыдневъ убилъ свою жену, подозрѣвая ее въ томъ, что она его „испортила“, — онъ страдалъ половымъ безсиліемъ. По мнѣнію крестьянъ можно обезопасить себя отъ вреда, наносимаго однимъ колдуномъ при помощи содѣйствія другого, болѣе сильнаго колдуна, который перебьетъ порчу“.

Пономаревъ (Очерки народнаго права. Колдовство. — „Сѣверный Вѣстникъ“ 1895 г. № 5, стр. 82) говоритъ по поводу заломовъ: „Единственное средство уничтожить чары — это сжечь заломъ, такъ какъ если неусмотришь его ранѣе и сожнешь на ряду съ прочимъ хлѣбомъ, то человѣкъ засохнетъ и откажутся руки — ноги, нести свою службу. Въ Верхопольѣ куклы сжигаются священникомъ по прѣчтенію наро-

читой молитвы: этимъ разсѣваются чары. (Стр. 85). Колдунъ отъ бездѣля, а чаще по злобѣ и въ отместку за обиду или судбища, портятъ людей; съ колдуньями опасно ссориться; имъ угождаютъ всячески; но если станешь изъ-за чего нибудь нелюбъ ей, она напуститъ порчу. Бываетъ такъ, что порча, назначенная на одного человѣка, попадаетъ на другого, невзначай, и человѣкъ погибаетъ. Колдуну могутъ портить все: и огородъ, и садочекъ, и кошку, и собаку, и корову, и ребенка, и леченіе и ремесло; на все колдунъ можетъ нагнать бѣду: человѣкъ начнетъ икать, сохнуть, мѣшаться въ умѣ, разслабнетъ, покроется язвами, лишится рукъ, ногъ; порча можетъ быть направлена на разстройство семейнаго союза, и все пойдетъ врозь. Есть особаго рода порча—это насланіе на человѣка запоя... Спасенья этому человѣку отъ вина нѣтъ.. Но такъ или иначе, однако вылечить отъ порчи человѣка невозможно, по общимъ увѣреніямъ. Даже знаменитый въ Арзамаскомъ уѣздѣ лекаръ Трушка, и тотъ отказывается лечить кликушъ и головную трескотню... и каждая ворожея—лекарка скажетъ то же... Какъ извѣстно, кликуши особенно бѣсуются на Рождество и Пасху; родственники не пускаютъ ихъ въ церковь, а къ этому времени топятъ баню, и порченныя лежатъ тамъ всѣ праздники, въ нечистомъ банномъ мѣстѣ имъ лучше (с. Туманово). Такъ какъ порча ужасное бѣдствіе въ деревнѣ, то немудрено, что судбищъ по этому поводу не оберешься; по словамъ крестьянъ, ни одна баба не застрахована отъ порчи, такъ какъ иной разъ цѣлая деревня наполняется кликушами (въ весеннее половодье на Уралѣ подплыла барка къ Красногору и съ нея баба пустила порчу на всѣхъ поселковыхъ казачекъ, и всѣ закликали), то сходка весьма дѣятельно принимаетъ мѣры къ выясненію вопроса о томъ, кто виновенъ въ причиненіи повальной порчи. Или сама порченная выкликаетъ имя колдуна или она поднявши сарафанъ бѣжитъ къ дому колдуна съ воплями, зачѣмъ-де ты испортилъ меня и разбилъ дѣточекъ моихъ. Въ Тульской губерніи мать старшины стала бѣситься и выкликать; а разъ подкараулила колдуна въ полѣ, сѣла верхомъ на него и пріѣхала въ село, все время колотя его; міряне принялись тоже вплотную и били его своею громадою (папоротка). Въ Арзамаскомъ уѣздѣ, до-недавняго прошлаго крестьяне судили колдуновъ. Какъ кликуша выкликнетъ на испортившаго, такъ его вызываетъ: „ни на кого другого не выкликаешь“—резонно говорятъ старики—стало-быть онъ и виноватъ. На очной ставкѣ старики велятъ „простить“ порченную, то-есть излечить ее, и принуждаютъ къ этому силою. Подозрѣваемый, дѣйствительно, „прощаетъ, и порченная исцѣляется. Для дознанія, кто испортилъ,—деревенцы Арзамаскаго уѣзда, окутываютъ кликушу колокольнымъ кана-

томъ или надѣваютъ на нее хомутъ, и она сказываетъ, кто напустилъ недугъ. Въ Николаевскомъ уѣздѣ на грудь больной навѣшиваютъ замокъ съ ключемъ или съ потной лошади накидываютъ сбрую и пытаются хворую бабу“.

Въ 1895 г. д-ръ В. И. Яковенко описалъ ¹⁾ эпидемію истерическихъ судорогъ, развившуюся въ одномъ селѣ Подольскаго уѣзда Московской губ. во время свадьбы. Дѣло началось съ невѣсты, затѣмъ перешло на жениха и на гостей. Приписывали это наговору и колдовству одной бабы, которая „сдѣлала“ это жениху за то, что онъ не женился на ея дочери. Всѣхъ охваченныхъ эпидеміей было 15 человекъ крестьянъ, при чемъ явленія были не у всѣхъ одинаковы. У однихъ наблюдалось полное потемнѣніе сознанія, trismus, opisthotonus, размахистыя, безцѣльныя движенія конечностями, учащенный пульсъ, гиперемія лица, усиленное потоотдѣленіе, умѣренное расширеніе зрачковъ, выкрикиваніе отдѣльныхъ словъ и т. п.; у другихъ той же картинѣ предшествовали пѣніе и пляска; у третьихъ приступъ начинался качательными движеніями сначала головы, а потомъ всего туловища спереди назадъ. У нѣкоторыхъ во время приступа обнаруживалось стремленіе кусать, рвать на себѣ одежду; наконецъ, у нѣкоторыхъ дѣло ограничивалось тошнотой, учащеннымъ сердцебиеніемъ, головокруженіемъ, чувствомъ слабости, сонливостью и подавленнымъ настроеніемъ духа“.

15 декабря 1895 г. Кашинскимъ Окружнымъ Судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей слушалось дѣло о расправѣ съ мнимой колдуньей (см. Обзоръ Псих. 1896 г. стр. 87).

„У жены крестьянина Петра Брюханова развивается типическая картина „большой истеріи“, причины которой, по народному суевѣрію, заключаются въ порчѣ. Виновицей порчи подозрѣвается свекровь. Однажды въ 1-й день Пасхи въ присутствіи матери и сосѣдей Петръ Брюхановъ даетъ женѣ „святой воды“ и предлагаетъ вопросъ о томъ, кто ее испортилъ; „твоя мать“, отвѣтила жена Брюханова и при видѣ стоявшей передъ ней свекрови вдругъ сильно перемѣнилась въ лицѣ, вскочила, „точно ее вихремъ подняло“, зашла что-то и въ конвульсивныхъ судорогахъ бросилась на 70 лѣтнюю старуху, повалила ее на землю, стала таскать за волосы и наносить по всему тѣлу побои, требуя, чтобы она „отдѣлала порчу“. Къ ней присоединился мужъ, и они оба стали бить старуху ногами, куда попало. Всѣ присутствовавшіе молча смотрѣли на это, когда же старикъ—отецъ порывался защитить свою жену, одинъ изъ крестьянъ сѣлъ къ нему на

¹⁾ Вѣстн. общ. гигиены 1895 г. № 3.

колѣни и не допустилъ встать съ мѣста, а другой въ это время придерживалъ дверь. Наконецъ, крестьянинъ Виноградовъ предложилъ затащить старуху въ погребъ, чтобы она откопала порчу, и съ этой цѣлью принесъ веревку, надѣлъ ей на шею и потащилъ къ погребу, куда вмѣстѣ съ другими втолкнулъ ее, послѣ чего ей дали въ руки косарь, требуя, чтобы она откопала порчу. Наконецъ, когда старуха Марья совсѣмъ ослабла, ее оставили въ покоѣ. Къ этому времени сталъ собираться народъ изъ сосѣдней деревни, гдѣ уже узнали, что въ Синицахъ „быютъ колдунью“. Изъ вновь пришедшихъ кто-то посоветовалъ Петру Брюханову накалить желѣзный засовъ, чтобы прижечь вѣдьмѣ пятки, для чего тотъ и разложилъ во дворѣ костеръ, но въ это время Марья упала съ заваленки, на которой сидѣла, и скончалась. Жена Брюханова, находясь все время въ сильномъ истерическомъ припадкѣ, плясала, хлопала въ ладоши и кричала „сейчасъ раздѣлають, раздѣлають“ (снимутъ порчу). Привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ всѣ упомянутыя лица, не отрицая самого факта совершенія преступленія, утверждали, что сами они, кромѣ молодой Брюхановой, никакихъ побоевъ старухѣ не наносили, не имѣя намѣренія лишить ее жизни, а хотѣли только, чтобы она „отдѣлала порчу, которую, по ихъ мнѣнью, дѣйствительно причинила. Всѣ они, по ихъ словамъ, были „словно околдованные“, такъ что совсѣмъ потеряли рассудокъ.

На судебномъ слѣдствіи было установлено, что слухъ о „порчѣ“ жены Брюханова свекровью держался въ деревнѣ всю зиму; въ сосѣдней деревнѣ, Гороховѣ, также появилась „порченная“. Молва приписывала порчу той-же Марьѣ Марковой (свекровь). По народному вѣрованію, кого больная выкликаетъ, тотъ и „испортилъ“. — Слѣдуетъ отмѣтить, что Ольга Брюханова была подвергнута судебно-медицинскому испытанію въ Ярославской земской больницѣ и признана совершившей преступленіе въ состояніи умоизступленія. Экспертъ, уѣздный врачъ Ковалевъ, высказалъ мнѣніе, что сильный припадокъ большой истеріи дѣйствуетъ заразительно на окружающихъ, что обвиняемые, будучи сами нормальными и здоровыми людьми, по всей вѣроятности, однако находились въ состояніи психическаго оцѣпенѣнія и едва-ли сознавали, что они дѣлали.

Товарищъ прокурора, какъ видно, хирургъ по натурѣ, сказалъ между прочимъ, слѣдующее: невѣжество подсудимыхъ ихъ не оправдываетъ, присяжные должны „сдѣлать хирургическую операцію“ по отсѣчь нездоровые организмы.

Защитникъ, изложивъ подробно обстоятельства дѣла, указалъ на то, какъ медленно и неохотно убѣждался Петръ Брюхановъ въ томъ,

что его мать—колдунья и прибѣгалъ для этого ко всѣмъ доступнымъ ему способамъ провѣрки. Когда же онъ убѣдился,—Марья Маркова не была больше для него мать, а колдунья, губительница, злое начало, съ которымъ должно бороться для спасенія страдающей жены. „Въ свѣтлый праздникъ, въ день воскресенья добра и любви, темное начало, „бѣсъ“, кажется особенно возмутительнымъ, и во имя добра надо уничтожить зло. Такимъ образомъ, въ намѣреніи у подсудимыхъ не было ничего злого. Они находились въ положеніи необходимой обороны и спасали жизнь ближняго тѣми способами, которые имъ казались самыми рациональными. Такимъ образомъ, злой воли, которую единственно и слѣдуетъ карать, у нихъ не было. 100 миллионная Россія ставить судьямъ такой вопросъ: вотъ люди, которые по невѣжеству совершили преступленіе,—что съ ними дѣлать? Неужели „хирургическую операцію“? Развѣ просвѣщенію участь такимъ образомъ, что вскрываютъ черепъ и вставляютъ туда книжку? Нѣтъ, ее даютъ въ руки и дѣйствуютъ не ножемъ, а словомъ. Теперь, когда съ высоты престола указана болѣзнь русскаго народа—тьма и невѣжество, теперь указаны и способы леченія этой болѣзни: школа и образованіе. Нельзя рядомъ съ этимъ прибѣгать къ кандаламъ. Наказать ихъ—это значить бить лежачаго, ибо тьма спутала этихъ несчастныхъ по рукамъ и ногамъ.“

Подсудимые приговорены къ каторжной работѣ. Такимъ образомъ, къ пережитымъ страданіямъ прибавляется перспектива новыхъ. Отъ души желаемъ, чтобы это характерное дѣло, вѣющее мракомъ среднихъ вѣковъ, вразумило апостоловъ мракобѣсіи, гласно противодѣйствующихъ распространенію народнаго образованія“.

Въ Неврол. Вѣстн. за 1898 г.(т. VI в. 4) д-ръ Е. А. Геника описалъ вторую эпидемію истерическихъ судорогъ въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губерніи, которая, судя по его описанію, протекла подъ видомъ кликушества. Заболѣваніе развилось во время деревенской свадьбы, и черезъ нѣсколько минутъ одинъ послѣ другого заболѣло четверо. Болѣзненный приступъ пачался у мужчины наиболѣе пожилого (50 л.) Сила выраженныхъ явленій распредѣлялась въ нисходящемъ по возрасту порядкѣ: у Аремія картина судорогъ была выражена наиболѣе бурно, у его сестры припадокъ былъ выраженъ болѣе криками и взвизгиваніями; былъ opistotonus; у О. В—ой были тоже судорожныя движенія, но слабо выраженные и недолго продолжавшіяся; главнымъ же образомъ былъ сильный плачь и ощущеніе globus hystericus. Наконецъ, у М. Г—ой все дѣло ограничилось globus hystericus и не особенно сильнымъ плачемъ (вѣрнѣе „хныканьемъ“). Trismus былъ выраженъ у всѣхъ. Деревенская молва объяснила забо-

лѣванія „порчей“, въ которой обвинили своего односельчанина. Д-ръ Геника посѣтилъ больныхъ на 3-й день послѣ свадьбы и нашелъ всѣхъ въ значительно возбужденномъ состояніи. Старикъ Артемій находился въ состояніи упадка силъ и сообщилъ, что утромъ, когда онъ хотѣлъ достать роснй ладонъ, съ нимъ начались припадки, продолжавшіеся 2 часа. Съ его сестрой припадокъ продолжался въ моментъ посѣщенія врача, она дико вскрикивала, „выликала“, разбрасывала руками, колотила головой о кровать, скрежетала зубами; временами наступалъ характерный *opisthotonus*; ноги были вытянуты и мышцы ихъ сильно напряжены. Другіе больные жаловались на скуку и стѣсненіе въ груди. О. К—ва выражала идеи бѣсоодержимости, крича „докторъ, докторъ, выгони бѣса, выгони дьявола! ихъ во мнѣ 100 сидитъ, ихъ во мнѣ тысяча!“...

Къ сожалѣнію, это первое посѣщеніе д-ра Геника и его наблюденія изложены въ статьѣ нѣсколько неполно, такъ что трудно разобраться въ томъ, видѣлъ ли самъ авторъ у больныхъ судорги, или называетъ ихъ со словъ другихъ.

При второмъ изслѣдованіи больныхъ черезъ 3 дня д-ръ Геника отмѣчаетъ у 1-го больного повышеніе колѣнныхъ рефлексовъ, *ragesis facialis dextr.*, пониженіе болевой чувствительности, преимущественно на лѣвой конечности, ощущение *globus hystericus*. По словамъ больного, когда онъ пробовалъ приложиться къ иконѣ, у него сначала отнялся языкъ, а потомъ лѣвая рука (на короткое время). У О. К—вой констатировано: правая геміанестезія, рѣзче выраженная на ногѣ, чѣмъ на рукѣ, *neuralgia intercost. sin.*; лѣвый зрачекъ шире праваго; въ моментъ изслѣдованія—ритмическія подергиванія въ отдѣльныхъ мышцахъ плеча и предплечья правой руки и въ пальцахъ лѣвой; по временамъ судорожное сокращеніе *m. risorii* на одной сторонѣ лица; почти постоянный *globus hystericus*. М. Г—ва жаловалась на сильную головную боль; обнаружена гиперестезія кожи головы и въ особенности позвоночника; мать ея была кликуша. У 4-й больной было рѣзко выражено общее истощеніе и анемія; гиперестезія кожи головы; повышение колѣнныхъ рефлексовъ; расширеніе зрачковъ съ сильной реакціей на свѣтъ; при давленіи боль въ области яичниковъ.

Резюмируя болѣзненное состояніе больныхъ, авторъ указываетъ судорожныя явленія; различнаго рода аномаліи состоянія и распредѣленія чувствительности: временные параличи конечностей и временная же нѣмота; сосудодвигательныя расстройства, плачъ, смѣхъ, выкрикиванія; идеи бѣсоодержимости; явленія самоистязанія; наконецъ, враждебное отношеніе къ ладону, иконамъ и другимъ предметамъ религіознаго культа. Симптомы эти настолько характерны, что исклю-

чаютъ всякую возможность видѣть тутъ что-либо иное, кромѣ *истеріи* именно въ той ея формѣ, которая носитъ названіе *кликшества*. Въ числѣ причинъ эпидеміи авторъ отмѣчаетъ въ 2-хъ случаяхъ наслѣдственность и видную роль отводитъ патологическому воспоминанію по подражанію.

Д-ръ Геника единственный авторъ, отмѣтившій у кликушъ параличъ. Поэтому, слѣдовало бы согласиться съ заглавіемъ его статьи и принять судороги, если таковыя были, за настоящія истерическія, явленія же кликушества, наблюдавшіяся у описанныхъ больныхъ, — явленіемъ побочнымъ, имѣющимъ въ основѣ бытовья причины. Что описанная д-ромъ Геника эпидемія есть истерія, а не настоящее кликушество, вѣроятно еще и потому, что его изслѣдованіе обнаружило разстройство чувствительности кожи, характерныя для истеріи.

Мы видимъ, такимъ образомъ, на основаніи приведенной выше литературы, что кликушество и порча, какъ явленіе русской народной жизни, играли и играютъ въ ней далеко не послѣднюю роль.

Нельзя не замѣтить, изучая эту литературу, что бытовая и историческая сторона этого явленія изучена наиболѣе основательно и подробно. Судебной власти уже съ XVII вѣка не разъ приходилось считаться съ практическими послѣдствіями кликушества въ народной жизни и русскому судебному міру кликушество знакомо довольно близко. Менѣе всего вниманія посвящено кликушеству со стороны врачей, а со стороны специалистовъ психіатровъ имѣются лишь работы Штейнберга, Яковенко и Геника. Наиболѣе основательная работа о кликушахъ съ медицинской точки зрѣнія принадлежитъ Клементовскому.

Не смотря на приведенныя изслѣдованія, вопросъ о кликушествѣ и взглядъ на сущность этой болѣзни и бытовья явленія далеко не можетъ считаться установленнымъ, что и обнаруживается каждый разъ, когда дѣло доходитъ до экспертизы на судѣ.

Вообще въ этомъ отношеніи существуютъ три господствующихъ мнѣнія. Большинство авторовъ, экспертовъ на судѣ, законъ въ лицѣ приведенныхъ выше законоположеній — признаетъ кликушество притворствомъ, построеннымъ частью на народныхъ заблужденіяхъ, частью на умышленномъ обманѣ съ дѣлюю сведенія личныхъ счетовъ со своими врагами. Этой точки зрѣнія держатся нѣкоторые врачи, и такіе знатоки русской жизни, какъ извѣстный писатель и врачъ В. И. Даль.

Другая точка зрѣнія признаетъ кликушество за болѣзнь и отождествляетъ ее съ истеріей. Этой точки зрѣнія держится Клементовскій, Штейнбергъ, Геника. Академикъ В. М. Бехтеревъ признаетъ также

отношеніе кликушества къ истеріи (см. научн. собр. врачей СПБ. клиники душевныхъ болѣзней за 1900 г.). Его точка зрѣнія развита въ предисловіи къ настоящей книгѣ.

Наконецъ, изъ приведенной литературы выясняется третья точка зрѣнія. Правда она не формулируется опредѣленно, но нѣкоторыми авторами отмѣчается возможность объясненія нѣкоторыхъ явленій кликушества внушеніемъ и „животнымъ магнетизмомъ“. Цѣлымъ рядомъ авторовъ и врачей отмѣчены многіе факты, которые нельзя объяснить ни притворствомъ, ни болѣзью и которые представляются совершенно загадочными и непонятными. Сюда относятся указанія о ясновидѣніи кликушъ, ихъ способности предсказывать будущее, различать святую воду и проч.

Не имѣется также въ литературѣ ни одной попытки изслѣдовать вліяніе и значеніе гипноза и внушенія по отношенію къ кликушеству, хотя предположеніе объ этомъ вліяніи было высказано еще Далемъ.

Вотъ почему я съ большимъ интересомъ приступилъ къ возложенному на меня по предложенію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, г. Директоромъ Медицинскаго Департамента Л. Ф. Рагозинымъ порученію и командировкѣ съ цѣлью изученія и разслѣдованія причинъ эпидеміи кликушества, возникшей въ 1898—1899 г. въ Гжатскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, давшей мнѣ возможность близко познакомиться съ этимъ глубоко интереснымъ и все еще мало изученнымъ явленіемъ русской народной жизни.

Глава V-я.

Исторія ащепковской эпидеміи.

Деревня Ащепково, Мокринской волости, Гжатскаго уѣзда, Смоленской губерніи, расположена въ 27 верстахъ отъ г. Гжатска и въ 7 верстахъ отъ полустанціи Сычики Московско-Брестской жел. дороги. Эта часть Гжатскаго уѣзда граничитъ съ Московскою и Калужскою губерніями, при чемъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ 20 верстахъ отъ Ащепкова, почти на границѣ уѣзда расположенъ Колоцкій мужской монастырь, а въ близкихъ разстояніяхъ отъ него—такъ называемый Семеновскій или Бородинскій монастырь при с. Бородино, Можайскаго уѣзда, Московской губерніи, и Лужецкій монастырь въ Калужской губерніи. Нѣсколько дальше, на разстояніи около 90 верстъ, находится извѣстная въ Калужской губерніи Тихоповская пустынь. Это расположеніе монастырей необходимо отмѣтить здѣсь, чтобы можно было объяснить то значеніе, которое они имѣютъ въ жизни населенія, благодаря своему географическому расположенію. Гжатскій уѣздъ, Смоленской губ., благодаря своему сосѣдству съ Москвою и пересѣкающей его Московско-Брестской желѣзной дороги,—носитъ на себя характеръ одного изъ полмосковныхъ уѣздовъ, при чемъ жизнь населенія, и въ бытовомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ тѣсно связана съ жизнью столицы. Населеніе этой части уѣзда обыкновеннаго великорускаго типа, въ общемъ рослое и на видъ здоровое. Почти половина населенія мужского пола уходитъ постоянно на заработки въ Москву или Петербургъ, гдѣ служатъ въ дворникахъ или другихъ должностяхъ. По этому населеніе имѣетъ нѣсколько городской отпечатокъ и въ общемъ представляется довольно развитымъ. Женщины уходятъ въ Москву рѣже; онѣ, главнымъ образомъ, и почти однѣ ведутъ все хозяйство—пахутъ, косятъ, убираютъ хлѣбъ,—однимъ словомъ, исполняютъ всѣ полевые и домашнія работы; мужья часто являются просто гостями дома. Въ связи съ тѣмъ, что отхожіи промыслы является болѣе доходнымъ, стоитъ то, поражающее сначала

явление, что значительная часть надѣльной земли остается необработанною: мужъ въ Москвѣ, а женщинѣ не подь силу все обработать. Сама деревня Ащепково расположена въ лѣсистой мѣстности и имѣетъ видъ обыкновенной великорусской деревни, съ бревенчатыми избами, находящимися подъ общей крышей со скотнымъ дворомъ и сараями и представляющими, такимъ образомъ, какъ-бы одно строеніе. Въ составъ Ащепкова входятъ 46 дворовъ съ населеніемъ до 400 человекъ. Есть еще 2—3 курныя избы (безъ трубы), но большинство избъ хорошия и просторныя. Земли по 4 дес. на 166 ревизскихъ душъ, но у большинства крестьянъ имѣется еще купчая земля. Грамотность въ Гжатскомъ уѣздѣ вообще широко распространена. По свѣдѣніямъ Гжатскаго отдѣленія Епархіальнаго училищнаго совѣта на 117314 чел. населенія числится дѣтей школьнаго возраста 17190, дѣтей же отъ 8½ до 12 л., т. е. въ возрастѣ, въ коемъ дѣти дѣйствительно обучаются въ школахъ мальчиковъ 4025 и дѣвочекъ 4570. На такое число дѣтей въ 1897—98 гг. было 109 учебныхъ заведеній, такъ что одна школа приходилась на 1076 душъ народонаселенія и на 78 дѣтей обоого пола въ возрастѣ отъ 8½ до 12 лѣтъ. Въ числѣ школъ было: 39 церковно-приходскихъ, 43 школы грамоты, 18 земскихъ, одноклассныхъ, и 9 другихъ вѣдомствъ. Около 70% всѣхъ дѣтей школьнаго возраста обучаются въ школахъ. Изъ числа всѣхъ учащихся на долю церковныхъ школъ приходится 61,7%, на долю земскихъ—25,6% и на долю другихъ вѣдомствъ 12,7%. Дѣтей остающихся безъ образованія около 30%. На дѣлѣ значеніе школьнаго обученія широко сознано населенія. Въ Ащепковѣ вмѣстѣ съ сосѣдними деревнями, за отсутствіемъ земской школы, крестьяне часто нанимають отъ себя учителя. Особенность, довольно интересная сообразно близости мѣста къ такому большому центру, какъ Москва,—это высокая нравственность населенія въ извѣстномъ отношеніи. Развратъ очень рѣдкое явленіе, и почти не бываетъ случаевъ разврата со стороны дѣвушекъ до замужества. Населеніе очень религіозно. Въ Гжатскомъ уѣздѣ вообще и въ окрестностяхъ Ащепкова въ частности много раскольниковъ австрійской и отчасти безпоповской секты. По свѣдѣніямъ Епархіальнаго училищнаго совѣта число ихъ въ Гжатскомъ уѣздѣ равняется 8461 чел. Въ самой дер. Ащепково всего три двора раскольниковъ. Вражды между раскольниками и православнымъ населеніемъ нѣтъ. Раскольники живутъ зажиточнѣе православныхъ, что, повидимому, объясняется взаимной ихъ поддержкой. Населеніе свято хранитъ религіозные обряды и праздники; вообще же очень суевѣрно, несмотря на нѣкоторое развитіе. Въ каждомъ дворѣ есть священныя книги и много лубочныхъ картинокъ религіознаго содержанія.

Нѣкоторые крестьяне поражаютъ своимъ знаніемъ священнаго писанія и въ частности Четьи-Миней. Изъ обрядовъ и суевѣрій я самъ былъ свидѣтелемъ хороводовъ, сжиганія колесъ и прыганья черезъ огонь въ ночь на Ивана Купала. Населеніе вѣритъ въ знахарей, колдуновъ, оборотней. Мнѣ приходилось слышать много разсказовъ о колдунахъ, о порчѣ цѣлыхъ свадебныхъ поѣздовъ, о порчѣ коровъ и т. д.

Въ частности кликушество играетъ большую роль въ мѣстной народной жизни.

Матеріальное благосостояніе населенія относительно достаточное. Живутъ сносно, хотя во время постовъ питаются плохо, напримеръ, въ Петровскій—почти однимъ чернымъ хлѣбомъ и лукомъ. Женщины въ виду ихъ большой физической работы обладаютъ въ большинствѣ случаевъ хорошо развитыми мышцами и имѣютъ довольно цвѣтушій видъ.

Относительно здоровья населенія слѣдуетъ отмѣтить сильное развитіе сифилиса и нервныхъ заболѣваній. Интересно, что фактъ большаго числа душевно-больныхъ, отправляемыхъ въ Смоленскую больницу въ Гжатскомъ уѣздѣ, отмѣченъ врачами въ отчетахъ, но еще больше душевно и нервно больныхъ остается въ населеніи. Такъ въ двухъ деревняхъ Ащепково и Иваникахъ я нашелъ на приблизительно 750 чел. населенія 10 нервно и душевно-больныхъ, подлежащихъ помѣщенію въ больницу. Земская медицина поставлена плохо. Интересно отношеніе населенія къ алкоголизму. Оно сознаетъ вредъ его и всѣми силами старается избавиться отъ винной лавки въ деревнѣ. Ея присутствіе поселяне считаютъ настоящимъ несчастьемъ и всюду составляютъ приговоры объ ихъ закрытіи. Когда лавка есть въ деревнѣ, они не могутъ удержаться и пропиваютъ все заработки. По словамъ бабъ, тогда идетъ чистая бѣда въ семьѣ: мужья дерутся, тащутъ все изъ хозяйства, чтобы продать и выпить, а выпивши ложатся и курятъ подъ сараями: того и гляди спать. Въ Ащепковѣ винной лавки нѣтъ, а въ сосѣдней деревнѣ Иваникахъ она только что закрыта. Населеніе этимъ очень довольно и пьянства совершенно нѣтъ.

Такимъ образомъ, населеніе деревни Ащепково относительно довольно развито и живетъ зажиточно и трудолюбиво. Религіозность и суевѣріе общи всей массѣ населенія въ данной мѣстности.

Въ деревнѣ Ащепковѣ обыденная деревенская жизнь втеченіе многихъ лѣтъ текла мирно и безмятежно. На главной широкой улицѣ жили двѣ сосѣдки, Сиклитинья Никифорова и Василиса Алексѣева.

Первая изъ нихъ проживала въ Ащепковѣ 23 года, выйдя въ эту деревню замужъ изъ сосѣдней деревни Васильевской. До 17 лѣтъ

Сиклитинья жила безвыѣздно въ своей деревнѣ при родныхъ. Отецъ ея умеръ, когда ей было 15 л., мать же выдала ее замужъ въ 17 л., въ дер. Ащепково за Николая Бабаева. Мать умерла лѣтъ 15 назадъ, два брата ея умерли, а третій, Иванъ, живетъ по мѣстамъ, пьетъ: „что заработаетъ, то и пропьетъ, бездѣтнй, а когда и поддержится“. Вся семья была здоровая, зажиточная. Съ дѣтства сама Сиклитинья была здорова. Въ школѣ не обучалась; не грамотна. 4 сестры ея вышли замужъ въ свою волость. Семья Николая Бабаева, за котораго Сиклитинья вышла замужъ, состояла тогда изъ свекра, свекрови и молодыхъ. Свекоръ выпиваль, но вся семья жила между собою дружно. Жили достаточно, денегъ зажиточныхъ не было, но ни въ чемъ не нуждались. Свекоръ умеръ черезъ 5 лѣтъ, свекровь же жива по настоящее время. Первые дѣти Бабаевыхъ умерли отъ скарлатины, остальные же живы и здоровы. Жила Сиклитинья въ Ащепковѣ 21 годъ, съ мужемъ тихо и спокойно, съ сосѣдями не ссорились. Дѣтей обучали грамотѣ въ школѣ. Съ 1896 г. мужъ ея сталъ болѣть чахоткой и постепенно угасалъ, съ 1897 г. работалъ плохо и умеръ весною того же года. Мужъ былъ веселаго характера: я и сама веселая, прибавляетъ Сиклитинья, и на языкъ бойкая“. По смерти мужа Сиклитинья съ дочерью справлялись съ работою. Въ настоящее время (1899 г.) семья Сиклитиньи состоитъ изъ старухи свекрови за 70 лѣтъ, про которую Сиклитинья говоритъ: „свекровь у меня хорошая, умѣетъ за дѣтьми хорошо ходить“, дочери Марины 18 лѣтъ, сына Ивана 17 лѣтъ, Михаила 15 лѣтъ, Натальи 9 лѣтъ и Михаила 3 лѣтъ, а также имѣетъ питомца воспитанника 5 лѣтъ, котораго Сиклитинья сама выкормила, воспитала и любитъ, какъ родное дитя (получила за него награду отъ воспитательнаго дома). Вся семья жила всегда дружно, пользовалась хорошимъ достаткомъ и вела свое хозяйство. Дѣти обучены грамотѣ; старшій сынъ Иванъ былъ въ обученіи мастерству въ Москвѣ, а Михаилъ и по настоящее время обучается тамъ кузнечному мастерству. Въ деревнѣ семья Бабаевыхъ всегда пользовалась хорошою славою, какъ работающей и честной. Односельчане жили съ нею всегда дружно и не ссорились. О Сиклитинѣ всѣ говорили, что она женщина умная, на языкъ бойкая и спуска никому не дастъ. Временами мужъ Сиклитиньи и она сама уходили въ Москву и, однажды, Сиклитинья около 2-хъ лѣтъ прослужила въ Москвѣ въ больницѣ, въ качествѣ сидѣлки.

Мнѣ пришлось видѣть Сиклитинью лѣтомъ 1899 г. въ Москвѣ, гдѣ она проживала уже послѣ разыгравшейся въ Ащепковѣ исторіи. Жила она въ Москвѣ съ мая 1898 г. и съ января 1899 г. служить сидѣлкой при приемномъ покоѣ Якиманской полицейской части;

это женщина 39 лѣтъ, средняго роста, худощавая, на видъ немного старше своихъ лѣтъ и нѣсколько малокровная, съ сухимъ продолговатымъ морщинистымъ лицомъ. Она совершенно здорова, какъ физически, такъ и душевно, и не представляетъ никакихъ особенностей съ антропологической точки зрѣнія. Сиклитинья производитъ впечатлѣніе женщины, для своей среды умной и достаточно развитой. Одѣта она опрятно и скромно въ форму сидѣлки, держитъ себя очень прилично, сдержанно и вѣжливо. Сбѣняется толково, безъ излишней болтливости. Она неграмотна, но вполне разумно и критически относится къ своему положенію и къ окружающему. По собраннымъ мною свѣдѣніямъ и по отзыву врачей Ивановскаго и Нѣмцева, подѣвѣніемъ которыхъ она служитъ, Сиклитинья женщина порядочная, старательная, хорошо исполняющая свои обязанности, характера покойнаго, добрая, серьезная. Сама Сиклитинья говоритъ, что теперь она стала серьезнѣе, а раньше была характера веселаго и на языкъ бойкая. Жизнь ведетъ скромную, уединенную, не любитъ гулять, религіозна, и единственное ея развлеченіе пойти иногда въ церковь помолиться Богу. Съ окружающими живетъ въ мирѣ и не спорится, а по отношенію къ больнымъ ласкова и сострадательна. Она очень любитъ свою дочь и семью, съ которыми разлучена, благодаря постигнутому ея несчастью, и очень тяготится разлукою съ ними. Весь свой заработокъ она отсылаетъ домой — семьѣ.

Вторая сосѣдка — Василиса Алексѣева, 28 лѣтъ, уроженка села Коробкино, расположеннаго въ 10 верстахъ отъ Ащепкова, вышла замужъ 9 лѣтъ назадъ. Живетъ въ семьѣ мужа, которая состоитъ изъ свекора, свекрови и глухого и слѣпнаго старика — дѣда ея мужа. Имѣетъ дочь 6 лѣтъ. Семья, относительно пользующаяся достаточнымъ матеріальнымъ достаткомъ, живетъ совместно въ обширной избѣ своимъ хозяйствомъ. Мужъ большую часть времени живетъ по мѣстамъ въ Москвѣ, гдѣ въ настоящее время служитъ артельщикомъ въ банковской артели; хозяйство ведутъ старики и сама Василиса, которой пришлось не мало работать. Свекоръ и свекровь старики умные, работающіе и энергичные, съ твердымъ характеромъ. Свекровь въ особенности женщина умная, на языкъ бойкая, но закоревѣлая въ своихъ предразсудкахъ и сильно вліяющая на Василису. Дѣдъ мужа — немошный старикъ, лежащій, не вставалъ. Въ семьѣ еще живетъ золовка Василисы — 19 лѣтъ. Семья живетъ между собою и съ односельчанами дружно. Старики — оба работники хорошіе, довольно требовательные и строгіе. подговяли въ работѣ Василису, которая была нѣсколько лѣниваго и избалованнаго нрава. Сама Василиса со времени замужества живетъ постоянно дома, но часто бывала въ Москвѣ.

Есть молва о томъ, будто-бы мать Василисы одно время „кричала“ т. е. была кликушей.

За 9 лѣтъ замужества у Василисы была одна только дочь, которой теперь 6 лѣтъ.

Василиса женщина высокаго роста, хорошо сложенная и упитанная, съ хорошимъ цвѣтомъ лица. Она представляетъ скорѣе женщину городского типа, ходитъ въ городскихъ платьяхъ; довольно развита для своей среды, говоритъ довольно бойко и умѣетъ мотивировать свои сужденія. Она грамотна и кое-что видала въ Москвѣ, такъ что въ общемъ производитъ впечатлѣніе женщины неглупой и довольно сообразительной. По характеру Василиса медлительна и нѣсколько лѣнива. Въ противоположность своей свекрови она не энергична, а нѣсколько вяла и норѣшительна. Она, несмотря на сравнительное развитіе, вполне раздѣляетъ взгляды, свойственные ея средѣ и нечужда предрасудковъ. Очень религіозна и склонна къ ханжеству. По отношенію къ окружающимъ Василиса по внѣшнему виду довольно кроткаго нрава. Она рѣдко съ кѣмъ ссорилась, да и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ чаще отмалчивалась. Также и по отношенію къ свекрови своей она была покорна и не возражала на ея наладки и частые упреки. Съ мужемъ жила всегда тихо. Не таково однако ея отношеніе къ окружающимъ въ душѣ. Василиса женщина мало общительная, замкнутая въ себѣ и, какъ сказано, не глупая. Но она не такъ добра, какъ можно думать по внѣшней кротости. Довольно злобная и мстительная, она упорна въ своихъ чувствахъ и относится къ своимъ врагамъ далеко не сострадательно и безъ особенной жалости. Она довольно умна, чтобы смолчать, гдѣ нужно, но за то умѣетъ, когда понадобится, и объяснить свою неприязнь и разъяснить, какъ того требуютъ ея интересы. Въ остальномъ Василиса — женщина самая посредственная, чуждая страстей и слабая волей. Особенной привязанности къ близкимъ не проявляетъ. Любитъ, чтобы на нее обращали вниманіе и чтобы ей выражали сочувствіе.

Физически Василиса вполне здорова. Всѣ внутренніе органы въ совершенномъ порядкѣ. Подробное изслѣдованіе нервной системы не показало никакихъ измѣненій. Головные нервы, чувствительная, двигательная и рефлекторныя области вполне нормальны. Органы чувствъ функционируютъ правильно. Ни анестезій, ни измѣненій поля зрѣнія нѣтъ. Вазомоторныхъ разстройствъ нѣтъ. Движенія покойны и вполне координированы. Зрачки нормальны и нормально реагируютъ на свѣтъ. Никакихъ явленій, свойственныхъ истеричнымъ, не обнаруживается при объективномъ изслѣдованіи. Имѣетъ въ послѣднее

время томный и часто страдальческій видъ, заявляя что она „испорчена“ и тяжело больна.

До 1895 года Василиса жила въ дер. Ащепковѣ мирно и спокойно. Никакихъ распрей ни съ кѣмъ не имѣла и вела обычную деревенскую жизнь, занимаясь хозяйствомъ и работою.

Лѣтомъ 1895 г. по всей мѣстности бродилъ полумумный крестьянинъ одной изъ сосѣднихъ деревень по имени Захаръ. Въ одинъ лѣтній день онъ зашелъ въ деревню Ащепково и, идя по единственной широкой улицѣ деревни, подошелъ къ окну избы Василисы и попросилъ у нея спичекъ. Василиса подала ему въ окно спички, а Захаръ, взявъ коробочку, спокойно усѣлся у воротъ избы и сталъ закуривать. Увидѣвъ это, Василиса сильно испугалась, какъ бы онъ не поджегъ избы, и закричала ему, чтобы онъ уходилъ. На крикъ ея пришли люди и вывели Захара изъ деревни. Наступилъ вечеръ и стемнѣло. Въ это время пастухъ на выгонѣ увидѣлъ человѣка, подходящаго къ лошадямъ съ недоуздкою въ рукѣ. Онъ окликнулъ его и, не получивъ отвѣта, поднялъ крикъ. Сбѣжались люди и потащили этого человѣка въ деревню, подозрѣвая его въ конокрадствѣ. Вышедшая на шумъ изъ избы Василиса узнала въ приведенномъ человѣкѣ Захара и, сильно испугавшись, думая, ужъ не поджегъ ли онъ чегонибудь ея спичками, схватила за голову и истерически закричала: „воръ!“ Это было какъ-бы призывнымъ крикомъ. Толпа бросилась на несчастнаго Захара и убила его. Возникло дѣло по 1464 ст. и Окружный Судъ присудилъ нѣсколькихъ крестьянъ къ тюремному заключенію на 3 мѣсяца. Въ числѣ обвиненныхъ былъ сосѣдъ Василисы Николай Бабаевъ, мужъ Сиклителинѣ.

До того времени обѣ сосѣдки, Василиса и Сиклителинѣ, дворы которыхъ даже не разгорожены, жили между собою вполне мирно, видѣлись каждый день и никакой вражды другъ къ другу не питали. Однако, послѣ описаннаго событія отношенія сосѣдоевъ измѣнились.

Сиклителинѣ, какъ сосѣдка Василисы, знавшая исторію со спичками, предшествовавшую убійству Захара, и недовольная тѣмъ, что мужъ ея былъ въ числѣ обвиненныхъ, не разъ съ самаго начала дѣла упрекала Василису въ томъ, что „если бы не она, такъ ничего бы и не было“, что все это она надѣлала благодаря своему испугу и безпокойству о данныхъ спичкахъ. Во время суда Василиса была свидѣтельницей и подъ присягой показала, что спичекъ Захару не давала. Когда Бабаева обвинили и дѣло кончилось, Сиклителинѣ не разъ еще упрекала Василису, на этотъ разъ уже и въ лжесвидѣтельствѣ.

Отсюда завязывается скрытое недоброжелательство между двумя сосѣдками, встрѣчающимися каждый день и ходящими ежедневно по

общей тропинкѣ. Василиса отмалчивалась отъ упрековъ Сиклитиньи, но сама чувствовала раскаяніе и угрызеніе совѣсти въ ложной присягѣ. Многіе изъ односельчанъ также были недовольны на Василису. Она стала грустить и впала въ ханжество. Мужъ Василисы былъ на службѣ въ Москвѣ, а свекровь и свекоръ стали упрекать ее въ томъ, что она стала хуже работать. Присоединились семейныя неприятели, и жизнь Василисы сдѣлалась очень тяжела. Впавъ въ релігіозное настроеніе и ища въ молитвѣ успокоеніе разстроенной душѣ, Василиса стала ходить по богомольямъ и, между прочимъ, посѣщала Колоцкій монастырь, находящійся въ Гжатскомъ уѣздѣ въ 20 верстахъ отъ Ащепкова.

Въ Колоцкій монастырь издавна стекается со всѣхъ сторонъ много кликушъ и тамъ онѣ, по отчитываніи ихъ монахами и приложившись къ чудотворной иконѣ, получаютъ исцѣленіе. Особенно много кликушъ бываетъ въ Колоцкомъ монастырѣ въ день храмового праздника 9-го іюля.

Лѣтомъ 1897 года Василиса отправилась на 9-е іюля въ Колоцкій монастырь и тамъ, видя припадки кликушъ и будучи сильно расстроена, впала сама въ нервный припадокъ.

Возвратившись домой, Василиса по прежнему часто видѣлась съ Сиклитиньей и, хотя открытыхъ ссоръ у нихъ не происходило, затаенное чувство недоброжелательства жило между ними по прежнему. Къ этому времени мужъ Сиклитиньи уже умеръ.

Настала осень. Въ ноябрѣ 1897 г. въ дер. Ащепково принесли икону и служили молебень. Здѣсь, во время службы, съ Василисою случился второй припадокъ, по образцу видѣнныхъ ею въ Колоцкомъ монастырѣ. Припадокъ этотъ случился въ домѣ сестры Сиклитиньи, Матрены Артемовой, гдѣ служили молебень. Въ концѣ молебна Василиса вдругъ упала. Присутствовавшая при этомъ сестра Сиклитиньи, Матрена, спросила Василису, что съ нею. Та отвѣтила: „твоя сестра, Сиклитинья, меня испортила“. Матрена возразила: „зачѣмъ же это она тебя испортила?“ Василиса отвѣчала: „да такъ, для смѣха, чтобы я побилась, а она, Сиклитинья, посмѣялась!“

Уже около 10 лѣтъ тому назадъ въ дер. Ащепково истерическіе припадки, именуемые кликушествомъ, случались только съ одной крестьянкой Акулиной Семеновой, имѣющей въ настоящее время около 33-хъ лѣтъ; въ виду того, что 1-й припадокъ случился съ ней на другой день ея бракосочетанія, что дѣтей она никогда не рожала и въ виду тѣхъ объясненій, которыя были даны ея родственниками врачамъ, по мнѣнію послѣднихъ, слѣдуетъ заключить, что болѣзненные припадки ея — результатъ болѣзни ея половой сферы. Года три тому

назадъ эти припадкы участились, и Семенова впервые стала выкликать имя какого-то Бориса, по слухамъ, крестьянина сосѣдней Дятловской волости, откуда она сама родомъ („мнѣ лихо, а Борису еще лише“). Другихъ же кликушъ въ дер. Ащепковѣ не было.

Поэтому припадокъ и обвиненіе Василисы не произвело на население большого впечатлѣнія. Почти никто ей не повѣрилъ. Сиклитинья, которой объ этомъ сказали, обидѣлась и подала жалобу въ волостной судъ. Судъ вызвалъ обѣихъ сосѣдокъ. Василиса заявила, что она ничего не помнитъ о томъ, что во время припадка говорила на Сиклитинью, что та ее испортила, и что на Сиклитинью она не сердится. На судѣ только посмѣялись, ничего не порѣшили и посовѣтывали Сиклитиню бросить это дѣло. Писарь сказалъ Сиклитинѣ: „ну, и ты скажи, что она тебя испортила“.

Вся исторія притихла. — До этого времени недоброжелательство между сосѣдками было скрытое, по наружности же онѣ жили дружно, даже дѣлились по сосѣдски. Сиклитинья отзывалась о Василисѣ, какъ о женщинѣ хорошей: „совѣмъ хорошая, ничего противъ нея сказать не могу, одинъ разъ помирать, сколько разъ она меня выручала“. Но послѣ этого Сиклитинья стала упрекать Василису за то, что та на нее выкрикиваетъ, будто она ее испортила. Василиса отмалчивалась или говорила, что ничего не помнить о томъ, что говорить во время припадка. По словамъ Сиклитиньи съ того времени онѣ „ругаться не ругались и говорить не говорили, а все-таки она Василису остерегалась“, боясь, что Василиса ее ударитъ, отговариваясь тѣмъ, что ничего не помнить. Видѣлись сосѣдки каждый день. Сиклитинья говорила ей: „какъ ты, Василиса, помирать будешь, грѣхъ тебѣ, что ты на меня говорила“. Василиса на это, бывало, ничего не отвѣтитъ, помолчитъ; разъ только сказала: „насажала ты мнѣ чертей“. Послѣ того, бывало, Сиклитинья вернется домой, переплачетъ „ну и ладно“.

На крещенье 1898 г., въ с. Мокромъ, во время службы послѣ херувимской уже, когда стали иконы поднимать, Василиса вдругъ „заухала“. Къ ней подошелъ крестьянинъ Ефремъ Алексѣевъ, взялъ ее за безымянный палецъ лѣвой руки и спросилъ: „кто тебя спортилъ?“ Она „выкричала во весь махъ: Сиклитинья меня испортила! Много она насажала; она еще семерымъ насажала, и тѣ еще закричать! Не вѣрите мнѣ? — Тогда повидите, вмѣстѣ гулять будемъ!“ — Но именъ тѣхъ, кто заболѣетъ, не назвала. Какъ это прокричала, такъ и затихла, взяла икону въ руки, носила ее во время крестнаго хода и поѣхала домой. Во время припадка не падала и не билась, „крикнула только, чтобы весь народъ слышалъ“. Діаконъ замѣтилъ: „что она не во время закричала!“ Сиклитинья съ дочерью Мариною

были въ это время въ церкви. Ъхали домой всѣ ащепковскіе вмѣстѣ. По словамъ Сиклитиньи, она пріѣхала домой, поплакала, да и успокоилась.

До поста все шло тихо, хотя отношенія между сосѣдками уже совсѣмъ порвались: онѣ не говорили и сторонились другъ друга. На населеніе припадокъ и предсказаніе Василисы произвели большое впечатлѣніе. Общественное мнѣніе раздѣлилось на двое, одни повѣрили, другіе нѣтъ.

Но въ деревнѣ уже съ Крещенья пошла молва о томъ, что „вотъ подождите, Василиса накричала, вотъ посмотримъ, кто-то еще у насъ закричитъ, чи правда-ли?“

Тѣмъ временемъ болѣзнь Василисы развилась въ полной своей силѣ. Во время припадковъ она падала, плакала, ее трясло, она визжала и ломалась, но о припадкѣ ничего не помнила. Послѣ крещенья, по выраженію Василисы, ее „чаще стало забирать, но только тогда, когда иконы приносили или происходила какая нибудь служба. Причастить на дому ее не могли, потому что съ ней дѣлались такіе припадки, что мужчины не могли съ ней справиться. Мать Василисы говоритъ, что она сразу поняла, въ чемъ дѣло, что это не просто, и отчего ей дѣлается порча.

Послѣ крещенья 1898 г. Василису повезли по монастырямъ. Сначала повезли въ дер. Лешково, „такой домъ тамъ есть, отчитываетъ больныхъ старикъ Адрианъ. Тамъ бываетъ много кликушъ съ разныхъ сторонъ. Василисѣ стало лучше. Потомъ ее повезли къ Тихону Преподобному; тамъ съ ней были припадки; ее причащали, купали, хотѣли соборовать, но она не пожелала; заказали нѣсколько обѣдней за здравіе. Далѣе отправились въ Колецкій монастырь, тамъ 12 обѣдней стояли; были и тамъ припадки во время службы“. Оттуда поѣхали въ Семеновскій монастырь, тамъ тоже обѣдни заказывали и много разъ пріобщались. Монахи говорили, что болѣзнь эта есть порча. Потомъ еще была въ Лужецкомъ монастырѣ. По словамъ Василисы, она не помнитъ о томъ, что она во время припадковъ кричала. Говорили ей только другіе, что на крещенье кричала она: „мучаетъ меня! много, много еще на весну окажется такого народа, какъ я!“. Послѣ странствованія по мѣстнымъ монастырямъ, болѣзнь Василисы стала легче, она не такъ стала биться, къ веснѣ ее отправили, съ цѣлью дальнѣйшаго леченія, въ Москву, въ тамошніе монастыри.

Въ это время, въ отсутствіе Василисы, въ Ащепковѣ и начала разыгрываться эпидемія кликушества.

На 1-й или 2-й недѣлѣ поста, крестьянка дер. Ащепкова, Не-

онила Титова, 36 лѣтъ, прїѣхавъ изъ Москвы, вдругъ дома закричала, что те Сиклитинья спортила. При этомъ ее трясло, но она не падала. Къ ней въ хату стали носить ладонъ и святую воду. Какъ принесутъ, такъ съ ней и начнется трясеніе и крикъ.

Народъ сталъ говорить, что Василиса правду выкрикала, что вотъ еще закричала Неонила Титова.

Прошла недѣля. Вдругъ еще закричала Марина Максимова, 26 лѣтъ, которая ходила къ Неонилѣ, какъ ея сосѣдка, а вскорѣ закричала и Марья Федорова, 33 лѣтъ, обѣ у себя дома.

Народъ съ того времени сталъ бояться Сиклитиньи и ея дочери, Марины, на которую одновременно начала выкликать крестьянка той же деревни Марѳа Петрова.

Женщины деревни Ащепково встревожились. Каждая начала прислушиваться съ тревогою къ своему здоровью. Особенно боялись тѣ, кто поѣлъ чего-либо у Сиклитиньи, такъ какъ молва говорила, что порча передается черезъ пищу. Достаточно было простой боли подъ ложечкой, чтобы почувствовавшая ее подумала: „ужъ не порча-ли, не я ли закричу“, и, дѣйствительно, скоро заболѣвала.

Весною въ Ащепковѣ появилось много кликушъ, и населеніе, видя предсказаніе Василисы сбывшимся, стало считать Сиклитинью виновницей ихъ заболѣванія и обвинять ее въ колдовствѣ и порчѣ. Такъ какъ болѣзнь въ короткое время значительно усилилась, озлобленіе односельчанъ противъ Сиклитиньи стало сильно рости и дошло до того, что ея жизнь въ деревнѣ стала небезопасною.

По словамъ Сиклитиньи, „ужъ тутъ мало-ли болтали“. Она съ дочерью перестала показываться на улицу: „бывало идешь, слышишь, говорятъ, а подойдешь, шабашъ, замолчатъ“. Но никто не говорилъ открыто.

Многіе больные, съ которыми случались припадки, сначала тщательно ихъ скрывали, и болѣзнь ихъ обнаружилась лишь на Пасхѣ.

На Пасхѣ 1898 г. эпидемія разыгралась въ Ащепковѣ съ полною силою. Когда, по принятому обычаю, духовенство изъ с. Мокраго прїѣхало въ Ащепково служить молебень и ходило съ иконами по дворамъ, у всѣхъ кликушъ, заболѣвшихъ раньше, подѣлались припадки, а многія заболѣли вновь. Во время богослуженія закричала крестьянка Марья Алексѣева, 27 лѣтъ, и ея свекровь. Хавронья Савельева, 65 ти лѣтъ. „У сосѣдей служили молебень, а онѣ на воротахъ, во весь махъ, кричали, ломались, вертѣлись, а народъ ихъ держалъ. Кричали „спортила насъ Сиклитинья!“ Свекровь—Хавронья кричала: „дай погулять, дай погулять, 6 недѣль посижу, да и выйду!“ Тогда же закричала Хавронья Аполлонова, 33 лѣтъ, живущая въ полуверстѣ

отъ Ащепкова на купчей землѣ. Кликуши падали, бились, богохульствовали и кричали, что Сиклитинья ихъ испортила, посадивъ въ нихъ чертей, которые въ нихъ теперь гуляютъ и мучаютъ ихъ.

Изъ всѣхъ больныхъ только четверо, Марья Алексѣева, Хавровья Савельева, Неонила Титова и Василиса Алексѣева выкликаютъ иногда во время припадковъ ими Сиклитиньи, а Марѳа Петрова—ими Марины, остальные же, по общему отзыву, издаютъ только неистовые крики, или же на обращенныя къ нимъ слова успокоенія кричатъ грубымъ, необычнымъ своимъ голосомъ: „выйду, выйду, выхожу“.

Народъ все болѣе волновался. Многія женщины, глубоко вѣрящія въ порчу, хотя и не имѣвшія никакихъ подозрѣній противъ Сиклитиньи, съ затаенной тревогой начали прислушиваться къ своимъ ощущеніямъ, смутно опасаясь, не на нее ли падетъ жребій и не подвергнется ли она порчѣ. Стали упрекать Сиклитинью и Марину: „почему къ иконамъ не идуть?“ Марина пошла на молебенъ въ избу Абрама Ефимова, но тотъ не пустилъ, говоря: „васъ не слѣдуетъ пускать, вы колдуны, вы весь народъ попортите“. Марина пришла домой и плакала. Сиклитинья пошла къ старостѣ съ жалобой. Тотъ сказалъ, „подавай жалобу“. Но Сиклитинья жалобы не заявила: „гдѣ ужъ тутъ заявлять!“.

Когда на Пасхѣ съ молебномъ ходили по деревнямъ и до дома Сиклитиньи осталось два двора, у дома кр. Федора Адрианова народъ сталъ говорить: „оттого Сиклитинья съ Мариною на молебенъ не идуть, что ихъ враги (бѣсы) не пускаютъ“. Услыша это мать и дочь пошли на молебенъ къ Адрианову. Когда иконы понесли дальше, Марина вышла вмѣстѣ съ народомъ.

Въ это время одна изъ кликушъ, Марѳа Петрова, заболѣвшая одною изъ первыхъ еще постомъ, внезапно бросилась на Марину, повалила ее и начала ее грызть зубами, а свекоръ Абрамъ Ефимовъ и мужъ ея стояли и приговаривали: „бей ее, мало ей! тереби ее хорошенько, а то онѣ чертей насажали, глаза ей тереби!“ Другая кликуша, Марина Максимова помогала бить, а народъ кричалъ „мало!“ Сиклитинья въ это время отстала, чтобы свѣчу взять. Діаконъ сказалъ: „смотри твою дочь теребятъ“, на что та отвѣтила: „что же теперь только топоръ взять!“ Священникъ сталъ увѣщевать народъ, а крестьяне отговаривались: „пусть не портитъ людей!“ Съ трудомъ удалось отнять избитую и окровавленную Марину отъ разъяренныхъ кликушъ. Когда Сиклитинья вела свою дочь домой, народъ приговаривалъ: „не порти, не порти!“

Въ тотъ же день та же Марѳа Петрова бросилась на сына Сиклитиньи, Ивана, и разорвала на немъ одежду. Староста не совѣтовалъ семѣ Сиклитиньи ходить къ иконамъ, „а то еще убьютъ“.

Сиклитинья пожаловалась въ волостной судъ.—Предсѣдатель и судьи Мокринскаго волостного суда показали, что весною 1898 г. они приступили къ разбирательству дѣла о кликушахъ по жалобѣ Сиклитиньи Бабаевой, но кончить его не могли, т. е., какъ только больные подошли къ рѣшеткѣ, со всѣми сдѣлались припадки: женщины стали кричать пейстовымъ голосомъ, падали на полъ, бились, у нѣкоторыхъ была пѣна у рта; нѣкоторые кричали, что ихъ испортила Сиклитинья; каждую женщину держали по 2 мужчины и съ трудомъ удерживали. Нѣкоторые кричали: „дайте намъ ее, мы ее разорвемъ!“ „Одна за другой стали трястись и падать, онѣ бились головою, безъ памяти; корчились, всѣ растрепались; въ концѣ концовъ стали, повидимому, всѣ безъ памяти“.

На этомъ судъ и покончили. Во время суда народъ—кто сталъ смѣяться при видѣ ломаній и визжанья кликушъ, а кто приговаривалъ: „арапникомъ бы ихъ, острастку дать“.

Въ началѣ эпидеміи многіе крестьяне считали кликушъ притворщицами, но съ теченіемъ времени почти всѣ убѣдились, что дѣло состоитъ въ дѣйствительной порчѣ и колдовствѣ.

Число больныхъ послѣ Пасхи 1898 г. достигло 12-ти человекъ, въ томъ числѣ 10 женщинъ и 2 мужчинъ. Кромѣ того, заболѣли 2 женщины сосѣдней деревни Иваники.

По словамъ крестьянъ, почти одновременно такіе же припадки начались и съ мужемъ одной изъ кликушъ, Маркомъ Ивановымъ, 32-хъ лѣтъ.

Озлобленіе противъ Сиклитиньи все росло. Крестьянинъ Иванъ Артемовъ угрожалъ убить ее за то, что она весь народъ портитъ.

Сиклитинья, по ея словамъ, рѣшительно не могла объяснить себѣ, почему ее обвиняютъ въ порчѣ появившихся кликушъ, такъ-какъ по ея словамъ, она жила съ односельчанами дружно и ни съ кѣмъ изъ односельчанъ неудовольствій не имѣла. Она все время считала припадки кликушъ притворными и думаетъ, что онѣ сговорились другъ съ другомъ кричать.

Въ маѣ 1898 года она пожаловалась земскому начальнику и объяснила что крестьянинъ Абрамъ Ефимовъ предупреждалъ кликушъ, чтобы онѣ и при земскомъ начальникѣ кричали такъ же, какъ кричали на Пасху, а то, говорить, васъ въ Смоленскъ угонять въ сумасшедшій дождь.

Любопытны описанія припадковъ лицами, наблюдавшими ихъ въ упомянутый промежутокъ времени.

По словамъ старосты деревни, Герасима, довольно толковаго и развитаго мужика, долго служившаго въ Петербургѣ дворникомъ, при-

падки у кликушъ бываютъ преимущественно во время церковной службы. Больные начинаютъ трястись, лицо синѣеть, потомъ сразу ударяются объ полъ, или гдѣ придется; ихъ корчитъ, онѣ бьютъ руками, кричатъ. У Марьи Федоровой особенно было замѣтное вздутие живота, у другихъ это было менѣ замѣтно. Больные рвутъ на себѣ одежду; ихъ какъ-бы душить, топнить, позываетъ къ рвотѣ, но рвоты нѣтъ: нѣкоторые больные во время припадковъ кричатъ, что ихъ испортила Сиклитинья. Хавронью Савельеву, 60-ти лѣтъ, во время припадка не могутъ удержать 3 е мужчинъ. По описанію священника Смирягина, наблюдавшаго кликушъ въ Ащепковѣ во время богослуженій на Пасхѣ 1898 г., онъ видѣлъ, какъ Василиса Алексѣева, еще въ прошломъ году (1897 г.) во время припадка, упала на полъ, корчилась, животъ вздувался, она производила дикіе звуки. Никакихъ опредѣленныхъ словъ она не произносила. У другихъ кликушъ припадки выражались въ той же формѣ. При немъ никто изъ больныхъ имени Сиклитиньи не выкликалъ и не говорилъ, что ихъ испортила Сиклитинья, хотя слухъ объ этомъ до него доходилъ со стороны. Припадки, видѣнные священникомъ, произвели на него впечатлѣніе естественныхъ, не притворныхъ: такъ онѣ бились о полъ, о кровать, такъ вздувались животы. Пѣны изъ рта ни у кого не появлялось. Припадки происходили, по преимуществу, во время церковныхъ службъ.

По словамъ одной изъ свидѣтельницъ Марья Федорова во время припадка „ударилась объ полъ, ее корчило, ломало, она кричала не своимъ голосомъ, ее какъ-бы душило, но Сиклитиньи въ крикѣ не обвиняла. Другія кликуши сильно бились, рвали на себѣ платье, дико кричали: „лихо намъ! Дайте Сиклюху сюда!“

Двоюродный братъ Сиклитиньи, кр. Чугуновъ, заявилъ, что припадки кликушъ притворны, и что во время сельскаго схода всѣ онѣ молчали, пока одна не сказала: „что же вы молчите?“

5-го мая 1898 г. въ деревню Ащепково пріѣхалъ земскій начальникъ Н. О. Изюмскій и, созвавъ всѣхъ 11 больныхъ, сталъ ихъ расспрашивать. По письменному сообщенію Н. О. Изюмскаго, а также согласно личной передачѣ мнѣ его впечатлѣній, всѣ кликуши совершенно здраво отвѣчали на вопросы и были спокойны. Но какъ только рѣчь зашла о Сиклитиньѣ Никифоровой и было названо ея имя, 9 женщинъ тотчасъ же подверглись сильнымъ припадкамъ. Н. О. Изюмскій очень подробно въ слѣдующихъ словахъ описываетъ видѣнное имъ: „вначалѣ у нихъ подергивало лицо и глаза; онѣ подпрыгивали на скамьѣ; затѣмъ слѣдовалъ страшный крикъ, при чемъ онѣ доходили до изступленія, рвали на себѣ одежду, волосы и бросались со скамьи на полъ или подъ находившійся въ избѣ столъ; бились головами

о доски до такой степени сильно, что я боялся, что нѣкоторыя изъ нихъ расколятъ себѣ черепа. Сила у нихъ въ моментъ припадка была настолько велика, что 6 сильныхъ крестьянъ не могли удержатъ одной слабой женщины, которая у нихъ вырвалась и бросилась головою прямо подъ столъ. Благодаря только присутствію 40 человекъ крестьянъ мы могли предохранить ихъ отъ увѣчья. Послѣ припадковъ больные изображали изъ себя трупы. Всѣ были почти безъ признаковъ жизни: сильная блѣдность лица, впавшіе, закрытые глаза; дыханія грудного почти не было замѣтно; желудки были у всѣхъ страшно увеличенные и рѣзко поднимавшіеся вверхъ и внизъ. Въ такомъ положеніи нѣкоторыя изъ женщинъ оставались болѣе часа, а одна болѣе 2¹/₂ часовъ. Во время припадковъ одна или двѣ женщины выкликали: „Сиклитинья, зачѣмъ ты насъ погубила!“

Крестьяне говорили земскому начальнику, что всѣ больныя, получивъ отъ Сиклитиньи что-либо (напр. лешку, баранку, хлѣбъ и т. п.), въ скоромъ времени заболѣвали раздутіемъ желудка и послѣ того припадали. Двѣ женщины изъ сосѣдней деревни Иваники купили у Сиклитиньи въ мартѣ 4 мѣры ржи; послѣ употребленія хлѣба изъ этой ржи, у нихъ началось раздутіе желудковъ, боль подъ ложечкой и угнетенный видъ, но припадковъ въ то время еще не было, такъ какъ они появляются черезъ значительный промежутокъ времени послѣ первыхъ признаковъ болѣзни.

По отзыву земскаго начальника трудно было объяснить, почему крестьяне единогласно обвиняли Сиклитинью въ порчѣ, такъ-какъ она ни съ кѣмъ изъ больныхъ (кромѣ Василисы?) не состояла во враждѣ. Земскій начальникъ характеризуетъ ее какъ женщину услужливую, умную и не боявшуюся никакихъ угрозъ.

По описанію земскаго начальника, раздраженіе противъ Сиклитиньи въ народѣ было сильное. Одна женщина говорила ему, что отъ поцѣлуя Марины у ея грудного ребенка образовалась большая опухоль на верхней губѣ и что надняхъ, когда она сидѣла около окна, проходила Сиклитинья и сказала ей, что она будетъ „скоро кричать на всѣ голоса пѣтухомъ“. Сиклитинья произвела въ Ащепковѣ такую панику, что жена старосты, встрѣтивъ ее на улицѣ, поблѣднѣла и съ ужаснымъ безпокойствомъ стала просить мужа не пускать Сиклитинью въ избу, гдѣ готовится пища, такъ-какъ она непременно что-нибудь сдѣлаетъ.

По мнѣнію Н. О. Изюмскаго, видѣнные имъ припадки были дѣйствительные, а не притворные: „нельзя нарочно раздувать животъ; онъ не падали праздничныхъ нарядовъ, которыхъ у нихъ между прочимъ не много“.

Сиклитинья, утверждая, что припадки кликушь притворны, говорила, что онѣ кричать не во время херувимской, какъ обыкновенно дѣлають больные, а въ то время, когда прикладываются къ кресту, а также кричать не всегда, когда ее видятъ, и рядомъ на работѣ, на погснѣ работаютъ, какъ здоровыя, спокойно.

Прибывшіе около того же времени въ Ащепково доктора Е. И. Аѳонскій и Н. И. Преображенскій признали болѣзнь за заразительную форму истеріи и рекомендовали удалить на время изъ деревни Сиклитинью, чтобы успокоить взволнованное населеніе и прекратить дальнѣйшее распространеніе эпидеміи. По заключенію гжатскаго городского врача, д-ра Е. И. Аѳонскаго, „означенныя женщины страдаютъ истеро-эпилепсіей на религіозной почвѣ. Болѣзнь ихъ выражается въ припадкахъ съ потерей сознанія и съ конвульсивными движеніями всего тѣла съ судорожными сокращеніями мускуловъ пищевода и дыхательныхъ путей. Мышечныя сокращенія настолько сильны, что больную едва удерживаютъ 2—3 человекъ. Такіе припадки при немѣ были у двухъ женщинъ. Припадки эти безусловно не притворны такъ, какъ, во-первыхъ, мышечныя сокращенія настолько сильны, что не могутъ быть симулированы, а во-вторыхъ, сокращенія эти распространяются и на такія мышцы, которыя не зависятъ отъ воли человекъ.

По заключенію гжатскаго земскаго врача д-ра Н. И. Преображенскаго больныя страдаютъ истеро-эпилепсіей.

Выражаются припадки въ судорожномъ состояніи всѣхъ произвольныхъ и отчасти произвольныхъ мышцъ съ потерей сознанія. Припадки продолжаются отъ $\frac{1}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ часовъ. Послѣ припадковъ больныя были въ состояніи общей слабости; кожа ихъ покрывалась потомъ. Припадки эти безусловно не притворны. Означенные припадки преимущественно вызываются религіозной обстановкой, какъ-то: молебнами, ношеніемъ образовъ по деревнѣ. Эта форма нервной болѣзни заразительна для лицъ съ нервной конституціей“.

Причинами появленія припадковъ у ащепковскихъ кликушь, по указаніямъ упомянутыхъ лицъ, были всякія церковныя службы, отъ которыхъ больныя старались уклоняться; въ праздничные дни, въ то время, когда совершается обыкновенно литургія, у больныхъ замѣчается особенно угнетенное состояніе духа, а съ иными случаются и припадки. У нѣкоторыхъ уже одно напоминаніе о ихъ болѣзни вызвало припадки. Почти всѣ кликуши не могли слышать имени Сиклитиньи и при встрѣчѣ съ нею или упоминаніи ея имени впадали въ припадки.

Убѣдившись въ серьезности положенія и имѣя въ виду возможность катастрофы, земскій начальникъ сообщилъ о всемъ вышеизло-

женномъ Смоленскому губернатору В. О. Сосновскому. В. О. Сосновскій, самъ по образованію докторъ, принимая во вниманіе заключеніе врачей о необходимости разъединить кликушъ съ Сиклитиньей, сдѣлалъ распоряженіе исправнику о принятіи необходимыхъ предохранительныхъ мѣръ и предложилъ сдѣлать попытку убѣдить Сиклитинью съ дочерью Мариною, въ цѣляхъ огражденія ихъ отъ угрожающей ихъ жизни опасности и для успокоенія мѣстнаго населенія, добровольно оставить на нѣкоторое время свою деревню, снабдивъ ихъ документами и, въ случаѣ надобности, оказавъ матеріальную поддержку.

При посѣщеніи дер. Ащепково исправникомъ 18-го мая 1898 г., собранные имъ больные держались сначала какъ вполнѣ здоровые люди, но, какъ только вопросы коснулись ихъ болѣзни, они пришли въ неистовство, припадки ихъ продолжались весьма продолжительное время и тяжело вліяли на окружающихъ.

Въ виду продолжавшагося противъ Сиклитиньи общаго возбужденія относельчанъ, она согласилась съ предложеніемъ Губернатора покинуть на время Ащепково. Крестьяне съ своей стороны согласились на время отсутствія Сиклитиньи оказывать помощь ея старшему сыну Ивану, которому было передано хозяйство.

Сиклитинья съ дочерью уѣхала въ концѣ мая въ Москву, гдѣ и осталась, поступивъ на службу.

Сама Сиклитинья сознавала, что ея пребываніе въ деревнѣ было опасно и она даже удивлялась, какъ „Богъ ее сохранилъ: того и жди, что кто или камнемъ, или изъ ружья ударить“. Когда кто изъ деревенскихъ встрѣчался, то говорилъ: „врагъ идетъ, врагъ идетъ“. Ея домъ обходили и, проходя мимо, закрывали ротъ платкомъ. Часто, всгрѣчаясь, читали громко молитвы или „Христось Воскресе“. Всѣ считали ее колдуньей.

Послѣ отъѣзда Сиклитиньи дальнѣйшее развитіе эпидеміи въ Ащепковѣ приостановилось. Заболѣла лишь еще одна старуха 64-хъ лѣтъ Мавра Михайлова.

Больныя однако не исцѣлялись. Съ ними и послѣ того повторялись прежніе припадки, въ той-же формѣ и при тѣхъ же условіяхъ, какъ и раньше.

Тѣмъ временемъ главная виновница Ащепковской эпидеміи Василиса Алексѣева странствовала по богомолямъ, въ поискахъ за исцѣленьемъ. На еоминѣ недѣлѣ отправили ее въ Москву, въ Симоновъ монастырь, гдѣ кликушъ собирается очень много: 30—40 человекъ, не меньше. Тамъ были очень сильныя припадки. Отправилась она къ отцу Марку, который отчитываетъ кликушъ. Василиса не могла

къ нему войти въ келью, но послѣ благословенія святою водою вошла. Отецъ Маркъ говорилъ, что нужно остаться ей тамъ 6 недѣль, но прибыла Василиса только 3 недѣли. Маркъ призналъ: порча. Василиса поселилась при монастырѣ, у внучка отца Марка въ деревнѣ за 2 рубля. Каждый день всѣ больныя ходили въ церковь съ 3-хъ часовъ утра до 1 часу дня. Во время службы со всѣми больными дѣлаются припадки. Большинство выздоравливаетъ черезъ 6 недѣль.

Ей полегчало. Бывала и у Иверской много, и у Пантелеймона. Оттуда получала масло и траву: „все святости“. Къ Сергію Преподобному ѣздила по машинѣ. Тоже за здравіе тамъ записывала. Послѣ того Василиса уже не кричала: про Сиклятинью могла говорить и слышать. Ходила къ Черняговской Божіей Матери.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, по словамъ Василисы, заболѣла она еще давно—года за два до проявленія кликушества: „щемило сердце, руки, ноги отнимались, подъ грудью болѣло“. Она полна религіознаго фанатизма вмѣстѣ съ своею матерью. Типъ скорѣе городской женщины, довольно развитой—смѣсь деревенской и городской культуры. Въ Москвѣ ходила къ схимницѣ одной въ Вознесенскій монастырь; она благословляла просфорой, артосомъ и масломъ. Съ этого времени постоянно ходила по монастырямъ. Стала припадокъ легче, стала пріобщаться и у обѣдни стоять. Когда изъ монастыря вернулась, были чирьи по лѣвой половинѣ тѣла: отецъ Маркъ говорилъ, что болѣзнь будетъ ранами выходить и не велѣлъ по докторамъ ходить. На мѣстѣ ихъ бѣлые рубцы. Болѣли они очень сильно.

По словамъ Василисы во все это время мѣсячныя у нея были „зря“: „какъ повезешь къ святынямъ, такъ сейчасъ и окажется“. Не могла говѣть ѣхать,—сейчасъ являлись мѣсячныя.

Вернувшись домой, Василиса, несмотря на отсутствіе Сиклятиньи, не поправлялась вполнѣ, какъ и всѣ остальные кликуши.

Вся осень 1898 г., зима и весна 1899 г. прошли для Ащенкова, ничего не измѣнивъ въ положеніи дѣла. Кликуши продолжали болѣть, молва о порчѣ твердо укоренилась въ населеніи и озлобленіе противъ Сиклятиньи упрочилось.

Сиклятинья же съ дочерью, тѣмъ временемъ проживавшая въ Москвѣ, не разъ порывалась вернуться на родину и подавала губернатору просьбу о такомъ разрѣшеніи. Лѣтомъ 1898 г. она подала Прокурору Смоленскаго окружнаго суда жалобу на ащенковскихъ кликушъ и просила привлечь ихъ къ отвѣтственности по 937 статьѣ.¹⁾

¹⁾ Ст. 937 Улож. о наказан. говоритъ: „такъ называемыя кликуши, которыя дѣлаютъ на кого-либо извѣты, утверждая, что онъ причинилъ имъ зло будто бы посредствомъ чародѣйства, подвергаются за сей злостный обманъ: заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 4-хъ до 8-ми мѣсяцевъ.“

Прокуроромъ было возбуждено дѣло и слѣдствіе подтвердило детально приведенные выше факты, но въ виду экспертизы врачей, признавшихъ несомнѣнно болѣзненное состояніе кликушъ, дѣло было прекращено и жалоба Сиклитиньи осталась безъ послѣдствій. Судебный слѣдователь, убѣдившись лично, что припадки кликушъ не притворны, и не усматривал преступленія, предусмотрѣннаго ст. 937-й, направилъ дѣло для прекращенія.

По сообщенію исправника, осенью 1898 года между крестьянами деревни Ащенково возникло по поводу возвращенія Сиклитиньи разногласіе. Тѣ крестьяне, въ семьяхъ которыхъ есть больные, безусловно не желали возвращенія ея на родину, остальная же часть населенія, которой пришлось въ настоящемъ году убирать хлѣбъ и сѣнокосъ Сиклитиньи, ничего не имѣли противъ ея возвращенія. Мнѣніе крестьянъ о томъ, что Сиклитинья виновница возникновенія болѣзни осталось прежнее. Крестьяне вмѣстѣ съ сельскимъ старостой заявили земскому начальнику, что они не ручаются за безопасность Сиклитиньи въ случаѣ ея возвращенія.

На сельскомъ сходѣ одинъ изъ больныхъ крестьянинъ Федоръ Фроловъ, какъ только узналъ о томъ, что Сиклитинья желаетъ возвратиться на родину, почувствовалъ призраки болѣзни.

Сиклитинья, переѣхавъ въ Москву, сначала служила въ кухаркахъ, съ января же 1899 г. поступила сидѣлкой въ приемный покой яминанской полицейской части. Дочь ея Марина служила прислугой у фельдшера того же приемнаго покоя. На службѣ Сиклитинья и Марина зарекомендовали себя съ самой лучшей стороны. По отношенію къ больнымъ, при которыхъ она состояла сидѣлкой, Сиклитинья была добра, ласкова и сострадательна; по отношенію къ администраціи покорна и вѣжлива; по отношенію къ дѣлу исполнительна и старательна. Она не любила говорить о своихъ ащенковскихъ дѣлахъ: за время ея полугодовой службы въ приемномъ покоѣ никто не зналъ о ея исторіи по обвиненію въ колдовствѣ и выселеніи изъ родной деревни. Заботливость Сиклитиньи о семьѣ выражалась во время проживанія ея въ Москвѣ тѣмъ, что она тщательно оберегала зарабатываемыя деньги и отсылала ихъ дѣтямъ.

Между тѣмъ хозяйство Сиклитиньи въ Ащенковѣ пришло въ упадокъ. Односельчане, добровольно принявшіе на себя обѣщаніе помогать ея несовершеннолѣтнему сыну въ хозяйствѣ, своего обязательства не исполнили. Земля осталась необработанною; пришлось продать нѣсколько штукъ скота. Съ другой стороны и нравственное положеніе семьи было тяжелое, такъ какъ озлобленіе населенія противъ Сиклитиньи косвенно отзывалось на семьѣ.

Время шло, а положеніе дѣла не измѣнялось. Это побудило Сиклитинью въ январѣ 1899 г. подать г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ просьбу о разслѣдованіи ея дѣла и о принятіи мѣръ съ цѣлью помочь ея положенію.

Весною 1899 года Сиклитинья получила отъ своихъ родныхъ письмо гдѣ ее увѣдомляли, что хозяйство ея совершенно пришло въ упадокъ, и она, посовѣтовавшись съ дочерью, рѣшила отправить Марину въ Ащепково, не смотря на предубѣжденіе и возбужденіе противъ нее населенія. 1-го мая Марина пріѣхала въ Ащепково, а 17-го мая губернаторъ В. О. Сосновскій, получивъ объ этомъ извѣщеніе отъ исправника, предложилъ установить въ Ащеповѣ наблюденіе и, въ случаѣ проявленія со стороны населенія какого-либо насилія по отношенію къ ней, немедленно сообщить ему и принять соотвѣтственныя мѣры для ея безопасности.

Глава VI-я.

Собственные наблюдения и исследования ащепковскихъ кликушъ.

Сиклитинью Никифорову Бабаеву я видѣлъ въ Москвѣ въ июнѣ 1899 г. Мое личное впечатлѣніе вполне подтвердило приведенныя выше указанія. Она по прежнему служила сидѣлкой въ приемномъ покоѣ полицейской части. Какъ физически, такъ и психически Сиклитинья была совершенно здорова и обнаруживала полное сознаніе своего положенія. Умственное развитіе ея, принимая во вниманіе ея неграмотность и отсутствіе образованія, должно быть признано выше средняго для круга лицъ ея среды и образа жизни. Она очень разумно и вполне критически относится къ своей жизни и ащепковской исторіи. О многочисленныхъ несчастьяхъ, постигшихъ ее въ послѣдніе годы, она говоритъ съ горечью, но покойно, безъ всякаго озлобленія, съ нѣкоторою долею философской покорности судьбѣ, ссылаясь на волю Божію. Что очень характерно при оцѣнкѣ ея характера и душевной дѣятельности, это ея отношеніе къ людямъ, причинившимъ ей такъ много зла: она не только чужда злобы противъ нихъ, но какъ-будто сожалѣетъ о ихъ невѣжествѣ, послужившемъ причиною обвиненія ея въ колдовствѣ, и возникшаго на этой почвѣ гоненія на нее. Она чужда личной ненависти къ своимъ гонителямъ и вполне правильно и критически относится къ своему положенію, сознавая, что только счастливыя обстоятельства позволили ей уѣхать изъ родной деревни живой и не изуродованной. Проживъ нѣкоторое время внѣ своей деревни, Сиклитинья, видимо, получила нѣкоторый практическій опытъ, который замѣнилъ отсутствующее первоначальное образованіе. Сиклитинья религіозна, но совершенно чужда всякихъ предрассудковъ и суевѣрій. Однако она не смѣется надъ умственнымъ убожествомъ своихъ односельчанъ и считаетъ, что гоненіе на нее вполне соответствуетъ ихъ преданіямъ и суевѣріямъ. При изложеніи своего положенія Сиклитинья не пользовалась случаемъ обвинить своихъ односельчанъ, но

спокойно излагала свои несчастья, ожидая не кары ея врагамъ, а умиротворенія и возстаповленія ея положенія въ деревнѣ. По словамъ Сиклитуны, она ничѣмъ не подавала повода заподозрить ее въ колдовствѣ; знахарствомъ и леченіемъ никогда не занималась. Разказала она всю ащепковскую исторію правильно, утаила лишь про столкновеніе, бывшее между ней и сосѣдкой Василисой послѣ того, какъ мужъ ея былъ осужденъ за убійство полумумнаго Захара, а также и о самомъ этомъ фактѣ.

Пріѣхаль я въ Ашенково въ первый разъ вмѣстѣ съ исправникомъ 18-го іюня 1899 г. Остановились мы въ избѣ старосты, который сообщилъ намъ, что болѣзнь въ деревнѣ продолжается, хотя и ослабла у нѣкоторыхъ лицъ.

Черезъ нѣкоторое время часть больныхъ собралась вмѣстѣ съ приведшими ихъ родственниками на крыльцѣ избы, въ которой мы ожидали. Молва о пріѣздѣ „начальства“ мгновенно разнеслась по всей деревнѣ и много дѣтвора и бабъ группами толпилось поотдалъ отъ крыльца, ожидая и наблюдая уже привычныя для нихъ картины. Съ четверть часа на крыльцѣ все было спокойно, больныя сидѣли и разговаривали; вдругъ послышался громкій женскій плачь: одна изъ бабъ, плача, громко кричала: „опять пріѣхали тревожить насъ! ничѣмъ вы намъ не поможете, только хуже растревожете!“ Выйдя на крыльцо, я увидѣлъ группу бабъ, преимущественно молодыхъ, разсѣвшихся на скамейкахъ и на ступенькахъ крыльца. Всѣ сидѣли покойно, какъ-будто нѣсколько смущенныя. Одна изъ нихъ, бабенка 32 лѣтъ, Марѳа Петрова, низенькая, довольно полная, но съ обрюзгшимъ лицомъ, сидѣла на ступенькахъ лѣстницы, согнувшись, уткнувъ голову въ колѣни, и, изрѣдка дѣлая порывистыя движенія плечами, съ плачемъ выкрикивала вышеприведенныя слова. Окружающая толпа, особенно женщины, съ соболѣзнованіемъ разводя руками, говорили: „во, во, начинается!“ При видѣ меня, Марѳа сначала немного успокоилась, но потомъ начала попрежнему выкрикивать. При этомъ она дѣлала движенія губами, широко оттопыривая ихъ, учащая дыханіе черезъ ротъ и взбивая слюну во рту въ мелкую совершенно бѣлую мелкопузырчатую пѣну. Я посмотрѣлъ на нее нѣкоторое время и, положивъ ей руку на голеву, сказалъ: „ну, успокойся, Марѳа!“ Она сейчасъ же стала кричать еще громче, съ большою злостью и остервенѣніемъ, взвизгивая и выкрикивая хрилымъ голосомъ: „пріѣхали тревожить, пріѣхали! Ничего вы намъ не поможете, не боюсь я васъ, не боюсь!“... При этомъ она повышала голосъ все больше и вдругъ перешла на разговоръ отъ имени третьяго лица и уже очень громко кричала: „сказаль семь годовъ гулять буду! не выгонишь меня, еще только годъ погу-

лялъ! не боюсь тебя, никого не боюсь!“... Въ промежуткахъ между выкрикиваніями кликуша все продолжала дѣлать тѣ-же пыхтящія и отдувающія движенія ртомъ, губами и щеками, взбивая въ пѣну слюну. Она сидѣла все въ томъ же положеніи, иногда откидывая голову назадъ. Лицо не блѣднѣло и не синѣло, цвѣтъ и инервация лица оставались нормальны. Зрачки были безъ всякаго измѣненія, нисколько не расширены и хорошо реагировали на свѣтъ. Глаза Марѳы жмуряла и сопротивлялась, когда я приподнималъ вѣки, чтобы посмотреть ихъ. Она по временамъ жестикулировала руками; лицо выражало злобу; слезъ почти не выдѣлялось. Подождая минуты 2—3, я спросилъ ее: „да кто же это гуляетъ то“? Она, все тѣмъ же крикомъ, нагнувшись головою къ полу, готовая повалиться, кричала: „кто? кого насадили туда?“! При этомъ она еще съ большимъ остервенѣніемъ стала кричать отъ имени 3-го лица: „не выйду, не выйду, не боюсь ничего, ни снатынь вашихъ, ни иконъ“ .. Разразилась наборомъ беспорядочныхъ ругательствъ по адресу Марины Николаевой, которую она обвиняла въ порчѣ ея: „дайте ее сюда, проклятую, я ее разорву!“ Я удержалъ ее, не давъ упасть на землю. Хотя она производила быстрыя движенія предилечьями и кулаками наподобіе дрожи, но положивъ свою руку на ея, я чувствовалъ лишь простое произвольное напряженіе мышцъ. Ни судоргъ, ни настоящей дрожи не замѣчалось.

Послѣ 8—10 минутъ она затихла; стала еще болѣе отдуваться, попрежнему взбивая пѣну изъ слюны. Во время выкликиванія она даже отвѣчала на мои вопросы, обращенные какъ-будто къ чорту:— сколько же лѣтъ ты уже гуляешь?— „Сколько?... (еще съ большимъ озлобленіемъ:) полтора года гуляю, и еще 7 лѣтъ гулять буду!“ При этомъ она попросту выла, топала ногами и дѣлала видъ, будто хочетъ растерзать Марину, если бы та попалась ей подъ руки.

Какъ только начался припадокъ, всѣ присутствующіе здоровые бросились по установившемуся обычаю „держать“ больную за руки и за ноги, что дѣлается въ продолженіе всего припадка. Я ихъ отстранилъ. Окружающія кликуши сидѣли пока смирно, понурившись, не смотря на Марѳу; только въ концѣ припадка Марѳы сильнѣвшая противъ нея старуха стала дрожать; въ лѣвой рукѣ появились движенія крупной дрожи, похожей на таковую при *ragal. agitan*; она стала плакать, всхлипывая, со стономъ, и дѣлая видъ, что ослабѣла и голова у ней кружится“.

Обратившись къ Марѳѣ, я сказалъ: „ну, встань теперъ!“ — Она со слабостью въ голосъ, съ закрытыми глазами, отвѣтила: „не могу, ослабѣла... ноги не держатъ!“ — Я попробовалъ колѣнные рефлексы: они были совершенно нормальны. „Ну, пустяки, встань!“ — при этомъ

я все время держалъ ее за плечо. Она встала, какъ-будто съ большимъ трудомъ и слабостью. Я отвелъ ее въ избу. Она шла твердо, отчетливо видя, куда идетъ. Войдя въ комнату, Марѳа сѣла на скамейку, но немедленно опять стала кричать, со злостью ругая испортившую ее Марину, то говоря отъ своего имени, то отъ имени третьяго лица: „много она ихъ насажала!“ Потомъ бросилась со скамьи на полъ, раза два плюнула, выпустивъ свою сбитую въ пѣну слюну, и стала кататься по полу, по временамъ ударая о полъ руками или ногами. Постепенно она утихла и перестала кричать, но продолжала кататься по полу. Во все время она не теряла сознания, зрачки были нормальны, языкъ безъ измѣненій, колѣнные рефлексы сохранены; пульсъ ускоренъ 112 въ минуту; кожная чувствительность была сохранена все время. Судорогъ ни въ однѣхъ мышцахъ не было. Во время этого припадка Марѳа испустила газы, довольно вонючіе. Она каталась по полу около $\frac{1}{4}$ часа, потомъ изображая усталость и разбитость, поднялась, говоря, что ничего не помнитъ. Когда при ней было сказано въ концѣ ея припадка, что ее придется отправить въ больницу, она сказала: „куда хочешь отправляй!“ Однако видимо это предложеніе ей не понравилось, и она быстро стала оправляться.

Весьма характерно, что во время своего крика Марѳа, прислушиваясь къ тому, что никто изъ кликушъ, сидящихъ на крыльцѣ, не кричитъ, стала во все горло съ сильною злобою кричать: „что жъ тѣ не кричатъ! напились, проклятыя, святой воды вѣсь передъ тѣмъ и сидятъ, окаянныя, не кричатъ!“ При этомъ она старалась кричать такъ, чтобы ее слышали.

Съ этого времени Марѳа была разобщена съ остальными кликушами. Когда ее привели черезъ 2 часа снова въ избу, съ ней повторился тотъ-же припадокъ. Она стискивала зубы, когда ей поднесли стаканъ воды, говоря, что это святая вода, но когда ее обрызгали ею, никакой реакціи не оказала. Третій припадокъ съ Марѳой повторился, когда ее привели въ комнату, гдѣ была Марина Николаева, которую она обвиняла въ порчѣ. Съ нею сейчасъ же сдѣлался припадокъ, еще болѣе неестественный, чѣмъ прежніе. Она неистово ругалась, крича: „не могу ее видѣть, разорву ее!“ металась и при полномъ сознаніи обвиняла: „насадила чертей!“ и т. д. Придя въ себя черезъ $\frac{1}{2}$ часа, все время сидѣла злобная, надутая, говорила, что ничего о припадкахъ не помнитъ. Въѣ припадковъ на вопросы отвѣчала правильно.

Остальныя кликуши первое время сидѣли покойно на крыльцѣ, смущенныя. Изъ нихъ Василиса Алексѣева въ костюмѣ городской женщины, съ лицомъ молодымъ, цвѣтущимъ, краснымъ отъ волненія, сидѣла въ углу съ томнымъ взглядомъ и въ утомленной позѣ, того и гляди

начнется припадокъ. Лицо у ней умное. Когда я съ ней заговорилъ, она отвѣчала вѣжливо и толково. А уже войдя въ тонъ покойнаго, разумнаго разговора, не время было впадать въ припадокъ. Такъ его у ней и не было.

Поговоривъ спокойно и съвъ между кликушами на крыльцѣ, я заговорилъ о томъ, что болѣзнь у нихъ у всѣхъ вылечится и что онѣ будутъ здоровы. Онѣ въ одинъ голосъ стали говорить: „эхъ, баринъ, еслибъ-то; мы бы ужъ какъ рады были! ужъ сколько намучились мы!“ и т. д. Я мимоходомъ, шутя, упомянулъ имя Сиклитиньи, которое прошло первый разъ незамѣтно. Я сказалъ, что Сиклитиньи бояться нечего. Немедленно одна изъ старухъ, Мавра Михайлова, уже все время всхлипывавшая, стала сильнѣе трястись и всхлипывать. При каждомъ упоминаніи имени Сиклитиньи эти явленія усиливались. Она сокращала мышцы руки и трясла ими (крупная искусственная дрожь, по характеру напоминающая дрожь при *ragalus agitans*, но одинаковая при покой и при движеніи). Я сѣлъ съ нею рядомъ и сталъ успокаивать. Окружающіе съ участіемъ опять хоромъ заговорили: „вотъ, какъ скажутъ про Сиклитинью, такъ съ ней и начинается!“ Зрачки въ это время нормальны, пульсъ 96 въ минуту. Поплакавъ минуты двѣ, она стала спускаться тихо со скамьи на полъ, но я ее легко сдержалъ, сказавъ: „ву, пустяки, не падай, ноги вѣдь здоровы!“ Старуха скоро успокоилась.

Увидѣвъ ея припадокъ, сидѣвшая противъ нея старуха Хавронья Савельева начала производить совершенно такія же движенія правою рукою; слезы показались у нея на глазахъ и она жаловалась на дурноту. Она попросила позволенія пройти и сейчасъ успокоилась. Я снова обратился къ первой старухѣ и заставилъ ее встать. Она увѣрила, что не можетъ; я пощупалъ ноги и сказалъ, что она можетъ идти. Она подвинулась какъ-бы съ большимъ трудомъ и медленно, съ моею поддержкой, сошла съ лѣстницы и пропласъ по двору. Она молчала и на вопросы не отвѣчала. Имѣла страдальческій видъ, очень покорный. Колѣнные рефлексъ были нормальны.

Все успокоилось и прошло съ $\frac{1}{4}$ часа. Я спокойно бесѣдовалъ съ кликушами; нѣсколько разъ упомянулъ имя Сиклитиньи; съ усмѣшкой говорилъ, „что только болѣзнь-то въша совѣмъ не отъ Сиклитиньи происходитъ, вотъ видите и говорю я про нее, а вамъ ничего“... Не прошло и 5 секундъ послѣ окончанія мною этой фразы, какъ сидѣвшая на скамейкѣ невдалекѣ отъ меня (черезъ упомянутую старуху) молодая женщина Марья Федорова, до тѣхъ поръ совершенно, тихая, вдругъ съ страшною силою стремглавъ бросилась на полъ и, судя по звуку, съ большою силою ударилась о полъ, какъ слыша-

лось, головою. Стукъ этотъ, глухой, короткій произвелъ на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. „Вотъ, вотъ!“ раздалось кругомъ, съ укоромъ по адресу сказанныхъ мною словъ. Признаюсь, первымъ моимъ движеніемъ было броситься посмотрѣть, не расшибла ли она себѣ черепъ: такъ силенъ былъ этотъ отвратительный звукъ паденія безжизненнаго человѣческаго тѣла. Я отстранилъ бросившихся къ ней людей и, видя что больная дышетъ спокойно, успокоился и сталъ наблюдать. Упавшая лежала ничкомъ, какъ пласть, безъ малѣйшаго движенія. Я взялъ пульсъ, онъ былъ хорошъ и нормаленъ. Осмотрѣлъ голову—ни малѣйшихъ слѣдовъ ушиба; оказывается она упала грудью, а не головою. Глаза закрыты. Открылъ вѣки: зрачки безъ измѣненій; колѣнные рефлексъ нормальны. Итакъ: покойное сидѣніе, паденіе стремглавъ и совершенно внезапное и затѣмъ полный покой и неподвижность. Эффектъ и впечатлѣніе на окружающихъ чрезвычайное! Въ такомъ положеніи она лежала съ $\frac{1}{4}$ часа, потомъ очнулась, какъ-бы проснувшись, и говорила, что ничего не помнитъ.—Снова покой и общій разговоръ. Видя мое совершенно спокойное отношеніе къ припадкамъ, кликуши, стали сами говорить покойнѣе. Онѣ стали жаловаться, что болѣзнь имъ мѣшаетъ работать. Стали уже упоминать имя Сиклитивьи безъ всякихъ послѣдствій. Характерно, что окружающіе больныхъ родственники постоянно старались вмѣшаться въ разговоръ и своимъ суевѣрнымъ убѣжденіемъ только раздражали кликушъ.

Въ это время сказали, что привели больного пастуха. Мимо меня изъ избы прошелъ быстрыми шагами обросшій большою бородою и волосами мужчина лѣтъ 45-ти, съ взволнованнымъ лицомъ; не смотря на меня, онъ жестами выражалъ, что ему дурно. Когда я попытался удержать его, онъ отстранилъ мою руку и прошелъ быстрыми и твердыми шагами во дворъ, гдѣ сѣлъ на бревно, понутивъ голову и говоря: „я боленъ“. Нѣкоторые изъ кликушъ все сидѣли понутивъ голову и даже на вопросы не отвѣчали.

Пошелъ дождь. Кликуши всѣ вышли въ сѣни и тутъ уже почти до вечера всѣ сидѣли покойно и больше припадка здѣсь ни съ кѣмъ не было, пока я поочередно вызывалъ ихъ въ комнату.

Предварительно позвавъ въ комнату Марину Николаеву, я ввелъ самъ туда Марину Максимову, которая обвиняла Марину въ порчѣ. Я ввелъ ее за лѣвую руку. Войдя въ комнату, она пріостановилась, молча посмотрѣла на Марину, потомъ задрожала, сокративъ мышцы рукъ, и вся, какъ бы въ состояніи столбняка, опустилась на землю, повиснувъ на рукѣ, за которую я ее держалъ. Она упала такимъ образомъ тихо, описавъ кругъ и повиснувъ на моей рукѣ, навзничъ и осталась лежать въ такомъ вытянутомъ положеніи безъ всякаго

движенія. Конечности расслаблены. Дыханіе совершенно покойное, пульсъ 96. Выраженіе лица покойное, глаза закрыты, цвѣтъ лица нормальный. Зрачки нормальны. Я положилъ ей немного горчицы на губы и въ ротъ, реакціи никакой. Анестезія къ уколамъ. Я сдѣлалъ ей ожегъ спичкой на кожѣ предплечья—не малѣйшей реакціи. Пролежала такъ 12 минутъ. Потомъ встала, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ бы проснувшись и говорила, что ничего не помнитъ о случившемся. Отвѣтивъ правильно на нѣсколько вопросовъ, она стала плакать 2—3 минуты. Успокоившись сказала, что не помнитъ чего плакала. Затѣмъ въ присутствіи Марины уже покойно и сознательно продолжала разговоръ. Говоритъ, что не можетъ видѣть Марину Николаеву, потому что она ей противна. Годъ назадъ работала она у Сиклитиньи, солому на крышѣ вязала, „оттуда пришла, свалилась и заболѣла“. „Когда я сидѣла на крышѣ, только хлѣбушка тепленькаго давала, въ этотъ же день мнѣ морду во какъ разнесло. Она вотъ мнѣ противна, вотъ не могу я ее видѣть. Прочіе мнѣ никто не противны, а она мнѣ противна, ну и ладно“.—Въ это время, когда я укололъ руку иглой, она вдрогнула и сказала, что больно. Я поднесъ спичку къ кожѣ руки, она отдернула руку, сказавъ,—„ишь ты, теперь-то больно!“ Когда я сейчасъ же спросилъ, а раньше, когда же не было больно?—Она стала объяснять, что, когда я держалъ спичку вдаль отъ руки не было больно. Впечатлѣніе было такое, будто она проговорила, что чувствовала и во время видимой анестезіи.

Упавшая раньше на крыльцѣ Марѳа Ѳедорова, совершенно сознательная, вошла въ избу покойно. Объяснила, что не помнитъ, какъ падала. „Когда заговорятъ про нее (Сиклитинью), такъ мнѣ дурвота“. Говоритъ, что при службѣ всегда падаетъ. „Какъ «Иже херувимы» запоютъ, такъ сейчасъ падаю“. О Сиклитинѣ говорили много, но припадка съ ней больше не было.

Марья Алексѣева, сидя на крыльцѣ нѣсколько разъ начинала плакать, всхлипывать и дрожать, какъ только называла имя Сиклитиньи. Она не падала, не было ни судоргъ, ни анестезіи. Глаза нормальны. Придя въ комнату, она снова начала плакать.

Хавронья Аполлонова при имени Сиклитиньи стала плакать, давиться, были рвотныя движенія, мычаніе, дулась; жаловалась на *globus histericus*. Зрачки не расширены.

Съ остальными кликушами припадковъ не было. Въ самомъ началѣ, когда были собраны кликуши, пришелъ мужъ Неонилы Титовой и заявилъ, что ее нельзя привести, такъ сильно ее бьетъ и ломаетъ. Къ вечеру ее однако привели.

Выйдя въ сѣни, я увидѣлъ ее сидящую на скамьѣ, прикрывшею локтемъ лицо и понурившуюся, ни на кого не глядѣвшею. При моемъ приближеніи у ней появилось трясеніе въ ногахъ. Она не отвѣчала на вопросы. Я взялъ ее за руку и, при легкомъ сопротивленіи съ ея стороны, ввелъ ее въ избу. Переступивъ черезъ порогъ, она стала, стиснувъ зубы, трястись и съ рыданіемъ повалилась на полъ. Она каталась по полу, ломалась, производила рвотныя движенія, душилась, какъ будто давилась. Глаза были зажмурены. На болевой уколъ она реагировала сначала, но потомъ не отвѣчала и на ожогъ спичкою. Она все сознавала. Глухо кричала, произносила отдѣльные слова съ ругательствами по адресу Сиклитиньи. Такъ она каталась около $\frac{1}{4}$ часа; сильно била кулаками по полу, лежа навзничъ на спинѣ; зрачки совершенно нормальны, колѣнные рефлексы также; потомъ она съѣла на полу, обхватила руками ножки кровати, пригнула голову къ груди и всхлипывала, по временамъ озлобленно выкрикивая ругательства по адресу Сиклитиньи. Когда при ней сказали, что ее отправятъ въ больницу, она сказала: „куда угодно, отправляйте!“

Послѣ переговора съ каждой изъ кликушъ по одиночкѣ, онѣ были отпущены по одной домой, и всѣ ушли, успокоившись и съ надеждой на излеченіе.

Окружающіе родственники больныхъ при малѣйшихъ проявленіяхъ болѣзни у кликушъ, сильно соболѣзновали и тѣмъ еще больше ихъ подстрекали и раздражали.

Чрезвычайно любопытное обстоятельство обнаружилось въ первое же мое посѣщеніе ащепковскихъ кликушъ: во время припадковъ нѣкоторыя изъ нихъ кричали, будто онѣ еще вчера знали о моемъ пріѣздѣ и выкрикивали это во время припадковъ. Такъ-какъ пріѣздъ мой былъ обставленъ такимъ образомъ, что о немъ никомъ образомъ не могло быть извѣстно заравѣ, заявленіе это представлялось мнѣ простымъ вымысломъ. Но, когда оно было проверено распросами крестьянъ, заслуживающихъ довѣріе, оказалось, что двѣ изъ кликушъ Василиса Алексѣева и Марѣя Петрова наканунѣ впали въ припадки, во время которыхъ говорили, что скоро пріѣдутъ ихъ тревожить.

Это заявленіе кликушъ произвело на севѣрное населеніе большое впечатлѣніе.

Съ цѣлью изученія ащепковскихъ кликушъ я поселился въ соседней деревнѣ Иваники, гдѣ и изслѣдовалъ кликушъ по одиночкѣ, вызывая ихъ къ себѣ. Ежедневно я посѣщалъ Ащепково, видя больныхъ и населеніе въ ихъ обыденной обстановкѣ и привычной жизни.

Всѣхъ больныхъ въ Ащепковѣ я засталъ 13, въ томъ числѣ 2 мужчинъ и кромѣ того 2-хъ больныхъ женщинъ въ дер. Иваники.

По возрасту и семейному положенію больные распредѣляются слѣдующимъ образомъ.

1) въ дер. Ащепково.

Имя и фамилія.	Возрастъ.	Брачное положеіе.	Число дѣт.	Грамотность.
1) Василиса Алексѣева	28	Замужемъ.	—	Не грам.
2) Марѳа Петрова	30	„	4	„
3) Неонила Титова	36	„	6	„
4) Марья Алексѣева	24	„	1	Грамотн.
5) Хавронья Савельева	70	Вдова.	1	Не грам.
6) Марья Ѳедорова	33	Замужемъ.	5	„
7) Марина Максимова	26	„	1	„
8) Хавронья Аполлонова	33	„	—	„
9) Мавра Михайлова	64	„	4	„
10) Акулина Семенова	32	„	—	„
11) Пелагея Тимофѣева	33	Супруги расколѣн.	8	„
12) Маркъ Ивановъ	37			
13) Ѳедоръ Фроловъ	38	Холостъ.	—	„

2) въ дер. Иваники.

1) Арина Ильина	50	Вдова.	—	„
2) Пелагея Константинова	44	„	—	„

Подробное изслѣдованіе больныхъ выяснило слѣдующее:

1) Василиса Алексѣева, главная виновница ащепковской эпидеміи, первая изъ заболѣвшихъ кликушъ выкрикнувшая на Сиклитинью и предсказавшая за два мѣсяца развитіе эпидеміи. Въ настоящее время она больна, но уже не кричитъ и не падаетъ во время припадковъ: „святыни помогли“. Родная мать Василисы изъ сосѣдней деревни

Коробкино была кликуша, а по нѣкоторымъ указаніямъ „кричить“ и теперь, хотя ни на кого не кидалась: „повизжитъ, повизжитъ, да и только“. Подробное физическое изслѣдованіе Василисы показало совершенно нормальную нервную систему. Оправленія 12-ти паръ головныхъ нервовъ совершенно правильны; со стороны зрачковъ никакихъ измѣненій, поле зрѣнія, также и цвѣтовое, насколько удается изслѣдовать безъ помощи периметра, вполне нормально. Чувствительность кожи—тактильная, болевая и температурная безъ малѣйшихъ отклоненій. Вазомоторная и рефлекторная системы нормальны. Ни одного измѣненія со стороны нервной системы, характернаго для истеріи, не имѣется. Внутренніе органы нормальны. Изслѣдованіе женской сферы (при участіи акушерки) показало, что органическихъ измѣненій въ пей нѣтъ. Однако, по заявленію Василисы, мѣсячныя у нея неправильны: „зря“ и появляются во время большихъ праздниковъ или когда странствуетъ по монастырямъ, такъ что мѣшаютъ ей посѣщать церковныя службы. Половая дѣятельность Василисы неправильна. Она большую часть времени живетъ съ мужемъ врозь и съ этой стороны слѣдуетъ отмѣтить полную неудовлетворенность фізіологической потребности. Со стороны психики личное изслѣдованіе вполне подтверждаетъ приведенныя выше данныя. Она вполне здорова душевно, сознательна и для своей среды достаточно развита. Типъ женщины скорѣе городской, чѣмъ деревенской. Очень религіозна и суевѣрна. Имѣетъ томный видъ, нѣсколько позируетъ. Читаетъ себя больною, говоря, что она испорчена, довольно убѣжденнымъ тономъ. О чертахъ, которые сидятъ въ ней, говоритъ съ усмѣшкой, называя ихъ „врагами“ и давая о нихъ самое неопредѣленное указаніе. Рассказываетъ подробно вышеприведенныя странствованія свои по монастырямъ. По ея словамъ, теперь ей значительно легче и она даже ходитъ въ церковь. О припадкахъ своихъ она ничего не помнитъ; говоритъ, что не знаетъ о томъ, будто-бы выкрикивала и предсказывала о заболѣваніи въ Ащепковѣ другихъ кликушъ. О своихъ болѣзненныхъ ощущеніяхъ даетъ самыя неопредѣленныя указанія. Производитъ впечатлѣніе женщины отлично взвѣшивающей свои поступки и дѣйствія. О Сиклитинѣ говоритъ, плохо скрывая свое недружелюбное отношеніе. Говоритъ, что та ее не разъ дразнила, говоря: „пора тебѣ на крышу слетѣть и пѣтухомъ кричать“. Въ домашней жизни Василиса свылкась съ своимъ положеніемъ, какъ больной, и съ тѣмъ сострадательнымъ отношеніемъ, которое вообще обнаруживаютъ родственники по отношенію къ кликушамъ. Будучи очень хорошо упитанною и физически крѣпкою, она лѣнится и почти не исполняетъ никакой работы. Въ день перваго моего пріѣзда Василиса заявила, что предчувствовала его наканунѣ:

ей было очень тяжело и она говорила, „вот будетъ намъ перемѣна“. Во время моего пребыванія въ Ащепковѣ, я видѣлъ Василису почти ежедневно, и при мнѣ типичныхъ припадковъ кликушества у ней не было. Она лишь сохраняла свой томный, болѣзненный видъ; ей видимо нравилось обращенное на нее всеобщее вниманіе и соболѣзнованіе. Въ комнатѣ ея можно было видѣть цѣлую коллекцію пузырьковъ съ святымъ масломъ, „травку Цантелеймона“ и прочія „святыни“.

Несомнѣнно было вліяніе Василисы на остальныхъ кликушъ, которыя смотрѣли на нее съ нѣкоторымъ особеннымъ какъ-бы уваженіемъ, какъ на главную страдальцу и пророчицу, а она среди нихъ держала себя съ достоинствомъ и величавою осанкою.

На основаніи изслѣдованія и наблюденія, Василиса произвела на меня впечатлѣніе не глупой притворщицы, отлично умѣвшей воспользоваться своимъ притворствомъ и для личной выгоды, и для сведенія счетовъ съ Сиклитиньей. Она ни по характеру, ни по физическимъ и душевнымъ симптомамъ не походила на настоящую истеричку.

Въ этомъ еще болѣе убѣдило меня то, что попытки мои подвергнуть ее гипнозу окончились полною неудачею, въ противоположность крайней легкости, съ которой гипнозъ удавался у другихъ кликушъ — не притворщицъ.

2) Марѳа Петрова, женщина около 32 лѣтъ, родомъ изъ деревни Катеринки. Вышла замужъ за крестьянина д. Ащепково Ивана Абрамова, на 18-мъ году. Наслѣдственности со стороны ея родныхъ нѣтъ; мать ея была здорова; сама Марѳа до выхода замужъ была совершенно здорова. Замужемъ уже 16 лѣтъ. Семейная жизнь ея шла спокойно; отношенія съ мужемъ и свекрами были хорошия. Жили они въ одной избѣ со стариками. Марѳа была хорошей работницей. На 4-мъ году брачной жизни родился первый сынъ. Въ наслоящее время у ней четверо дѣтей, два сына и двѣ дочери, старшему 12, младшему 4-й годъ. Трое дѣтей умерло. На вопросъ отчего — философскій отвѣтъ: „смерть пришла, ваше благородіе, похворали, да и померли“. Последній ребенокъ 3-хъ недѣль отъ роду умеръ недѣли полторы назадъ. Во время беременности съ ней бывали припадки, но сна не зашибалась: „стало быть, Господь сдерживаетъ“. До прошлаго года была совсѣмъ здорова.

Физическое изслѣдованіе Марѳы внѣ припадковъ показало, что она женщина ниже средняго роста, правильнаго сложенія, хорошаго питанія. Подкожножирный слой хорошо развитъ; животъ очень обемистый. Слизистыя оболочки хорошо окрашены. Цвѣтъ лица нормальный. Кожная чувствительность при вестороннемъ и повторномъ изслѣдованіи оказывается нормальною. Зрачки безъ измѣненій, съ хо-

рошей реакціей на свѣтъ и на аккомодацию. Со стороны отправленія 12-ти паръ головныхъ нервовъ ни малѣйшихъ отклоненій отъ нормы. Поле зрѣнія, насколько возможно изслѣдовать безъ помощи периметра, нормально. Со стороны двигательной системы никакихъ отклоненій отъ нормы нѣтъ. Механическая возбудимость мышцъ нормальна. Рефлексы кожные, вазомоторные и сухожильные нормальны. При изслѣдованіи внутреннихъ органовъ можно лишь отмѣтить почти постоянный метеоризмъ и болѣзненность живота. Давленіе на яичникъ не болѣзненно и никакого вліянія на припадки не оказываетъ. Женская сфера нормальна. Послѣдняя беременность и роды протекли правильно.

Со стороны психики Марѳа женщина глухая и малоразвитая для своей среды; она очень суевѣрна, по характеру довольно зла и мстительна. Въ частности, по отношенію къ Сиклитинѣ, проявляетъ и внѣ припадковъ раздраженіе и недружелюбность. Считаетъ себя тяжело больною, болѣзнь приписываетъ „порчѣ“ со стороны Марины Николаевой. Жалуется на сильную тоску, боль въ животѣ и подъ ложечкой. О припадкахъ и о томъ, что она выкликаеть, говорить, что ничего не помнитъ.

Возникновеніе своей болѣзни описываетъ слѣдующимъ образомъ: „приходила ко мнѣ Сиклюха, и какъ попила у меня квасъ въ кувшинѣ, стало у меня сердце болѣть, грудь и животъ схватывать. Только я на нее не думала, такъ по Божьему, и во вниманіе не брала. Тогда у насъ на нее и слуху не было. Василиса кричала, но мы не увѣряли... я сама, грѣшная, не увѣряла. Она ко мнѣ приходила на Николу (1897 г.), а до Стрѣтенья (1898 г.) я уже была больна, но припадковъ со мной не дѣлалось и на нее не кричала. Со Стрѣтенья (съ февраля 1898 г.) со мною стали припадки дѣлаться и стала я на нее кричать“. Съ весны 1898 г. больная находится въ томъ же состояніи: съ ней часто дѣлаются припадки, она убѣждена, что въ ней сидитъ бѣсъ, не переноситъ ничего святого и церковныхъ службъ. Не можетъ она также видѣть Маріану Николаеву: сейчасъ же съ нею дѣлаются припадки и она бросается на нее съ цѣлю избить. Внѣ припадковъ, Марѳа работаетъ съ мужемъ въ полѣ и вообще образъ ея жизни ничѣмъ не отличается съ такового другихъ здоровыхъ женщинъ. Бываютъ припадки черезъ очень различныя промежутки времени; иногда не случаются и по недѣлямъ, а въ другое время и по нѣсколько разъ въ день.

Мнѣ пришлось видѣть болѣе десяти припадковъ у Марѳы Петровой, которые проявлялись въ слѣдующей формѣ: Во время одного изъ первыхъ изслѣдованій Марѳа сначала вошла въ комнату спокойно, но очень неохотно отвѣчала на вопросы. Послѣ повторныхъ вопро-

совъ, едва удалось возстановить исторію ея болѣзни. Она нѣсколько разъ приходила въ волненіе, дыханіе становилось быстрымъ, лицо было хмурое. Нѣсколько разъ она говорила: „я ничего не знаю“. Однако все рассказала. Какъ только я спросилъ ее, на кого она кричить, на Марину или на Сиклитиню, лицо ея искривилось, губы и подбородокъ сжались, лицо приняло очень злобное выраженіе и она, лицомъ внизъ, повалилась на полъ. Нѣсколько секундъ она полежала покойно, потомъ стала плакать, взвывать на распѣвъ, мычать сквозь зубы, отдуваться, сильно оттопыривая губы, на букву ф, и выкрикивать: „ой лихо, страдаю я, страдаю... какъ спросилъ про злодѣйку... страда а-аю, ой лихо!“ При этомъ она стала кататься по полу, трясая руками и сильно бить головою и руками объ полъ. Она продолжала кричать: „заставила страдать злодѣйка! вотъ ужъ какъ заставила страдать! Сказала засушу рабу... заставила биться — колотиться... заставила страдать рабу... раба не виновата... ой лихо!... положу въ постелю, сдѣлаю больною... вотъ какъ обратала... буду гулять, буду гулять“.... Каждую фразу Марѳа выкрикивала въ тактъ, ударяя кулаками по полу. Голосъ былъ злобный, визгливый, пронзительно тонкій и нѣсколько хриплый. Въ каждой фразѣ голосъ повышался и сразу обрывался. Прокричавъ такъ минуты 4—5, она успокаивается, лежитъ распростершись на спинѣ, быстро отдувается съ закрытыми глазами. Потомъ начинаетъ дышать медленнѣе и ровнѣе, и какъ-будто бы засыпаетъ, предварительно охая и жалобно стоня. Однако все время, повидимому, созвавала и прислушивалась къ окружающему. Прележала такъ минутъ десять. Когда я подошелъ къ ней и сказалъ: „Марѳа, ты спишь?“, она сначала молчала, но, когда я ее сталъ увѣрять, какъ бы гипнотизируя, что она спитъ, возразила, что не спитъ, и снова со злостью стала по прежнему кричать и ломаться минуты 3—4. Затѣмъ снова постепенно успокоилась. Лежа въ спокойно 6—8 минутъ, она снова начинаетъ качать головою и уже спокойнѣе говоритъ: „вотъ взялись докорять, пусть мучать, придетъ время, и ей придетъ мука... вотъ ужъ іона насъ докорила... и ты будешь терпѣть... а меня заставила прежде всѣхъ... ну... нуу... ну... никого такъ не заставила топотать, какъ мени!“....

Я спросилъ ее: „можетъ ли она тебя заставить все сдѣлать и власть надъ тобою имѣть?“ Марѳа, сохраняя прежнее положеніе на полу съ закрытыми глазами, временами стуча ногами о полъ, отвѣчала: „ну неужели жъ не имѣетъ, что захочетъ. то и сдѣлаетъ!“ Когда я ей сказалъ, что Марина ей приказываетъ спать, она отвѣтила: „она велитъ мнѣ биться, ей это любо... сказалъ не на то посаженъ... замучаю ее... во какъ страдаетъ раба за дружку... во какъ лю-

буетъ “.... При этомъ въ тактъ бьетъ руками и ногами объ полъ. Далѣе стала выкрикивать о Василисѣ: „во какъ твоей Васюхѣ.... нѣмымъ сдѣлали.... вотъ глотку разнесло.... ¹⁾ и святыхъ ругаетъ.... и поповъ будемъ ругать.... не вѣрять пошъ, вотъ какъ жалѣетъ.... во какъ обработали Марина съ Секлюхой.... теперъ прыже, прыже, прыже.... она-бъ не то обществу сдѣлала, да не доберется.... а какъ доберется до деревни, то еще не то сдѣлаетъ.... много еще въ деревнѣ окажется.... придетъ время, повѣрятъ.... не вѣрятъ!... во какъ горазды! во какъ!“....

Во время этихъ выкрикиваній Марѳа отвѣчаетъ на вопросы и все правильно сознаетъ. „И святые не выгонять; на, сколько посажено!“ Я спросилъ ее, перебивая: „а на сколько посажено?—“ „Семь годовъ гулять буду!“ Я сказалъ: „ну встань!“ — „Не могу, буду лежать!“ Я спросилъ: „кто? ты или онъ?“ Отвѣтъ: „Онъ! Духъ посаженъ у меня Мариною,—стало быть, Мариною, а то кѣмъ же? Марина еще лучше Секлюхи, у ней много ихъ распущено, и у Иваниковскихъ посажено!“ На вопросъ, сколькихъ она ей насадила, отвѣтила: „одного, духъ одинъ!“

Я.—Какой онъ, черный или бѣлый?

Марѳа.—Никакой, ходитъ онъ и въ голову, и въ руки, и въ ноги, куды ему хочется, куды Марина велѣла увездѣ.

Я.—А гдѣ больше сидитъ?

Марѳа.—Охъ! ты хитрый, все хочешь знать, во умнаго какого прислали, ахъ ты хитрый, ты думалъ Марѳуша притворится! Они во какъ будутъ гулять! (Начинаетъ сильно биться и кататься по полу). Ты же стучалъ! ²⁾ Не знаешь, гдѣ сидитъ!.... А тѣ—Марина только руками молотитъ.... Хитрый! Все поразспросилъ.... Во какъ, во какъ!.... (бьетъ). „Къ нашей Марфушѣ не примѣнишься.... на молебнахъ косматый, косматый.... (отдѣльно выкрикиваетъ каждое слово, повторяя его 2—3 раза....) утихъ.... просфору прислали воскресенья.... думали буду есть.... не я буду.... не я буду.... дюже хитеръ-косматый ³⁾ усе (все) тревожитъ.... пусть на молебенъ придетъ.... во какъ Марина насмѣялась надъ нимъ.... пришла Марина, глянула на него, а пошъ и пошелъ гулять, не погрузилъ креста!“....

Я.—Какъ зовутъ врага, который въ тебѣ сидитъ?

Марѳа.—„Не скажу, не скажу (5 разъ). Ты во какой хитрый... откуль ты присланъ?... во какого начальство прислало.... во какъ

¹⁾ У Василисы Алексѣевой въ этотъ день была нарывъ въ горлѣ, о чемъ Марѳа знала....

²⁾ Передъ тѣмъ я ее изслѣдовалъ, выстукивалъ и выслушивалъ.

³⁾ Косматымъ Марѳа называла священника с. Мокраго.

растрогали! узялся ужъ насъ докорять.... похоже докорить! Охъ, ты все самъ знаешь, а все спрашиваешь.... во какая у тебя книга!

Я.—Лучше выгонимъ врага, если растревожимъ.

МАРӨА.—Едва ли выгонимъ? (вкрадчиво:) нѣтъ, нѣтъ... укрѣпила Марина здорово.... его никакія лѣкарства не возьмутъ.... можетъ заглушите только.... Можетъ у Нелли (Неонила Титовой), у той послабже, а у Марөуши.... нѣтъ. Его до времени не выгонешь, и никакая святыня не возьметъ и никакія лѣкарства.

Я.—Я и не такихъ выгонялъ.

МАРӨА.—(Все время продолжаетъ по временамъ биться). Ты раздъ, ты выгонялъ, да послабоднѣй, а у насъ укрѣпленный, можетъ у другихъ, а у меня—нѣтъ.

Въ теченіе полутора часовъ Марөа лежала на полу на спинѣ, спокойно разговаривая и сознательно отвѣчая на вопросы. Постепенно Марөа стала успокаиваться, а я сталъ съ увѣренностью говорить, что она поправится и что чертъ уже покидаетъ ее. Вся эта сцена была самая настоящая комедія. Она говорила съ ироніей и, какъ будто, съ насмѣшкой.

Въ первый же день моего пріѣзда, во время перваго припадка Марөы, который мнѣ пришлось наблюдать, обнаружилось очень любопытное обстоятельство. Во время выкрикиванья она нѣсколько разъ говорила: „мы еще за день знали, что ты пріѣдешь!“ Сначала я не обратилъ на эту фразу никакого вниманія, но когда Марөа настойчиво повторила нѣсколько разъ, я заинтересовался и сталъ спрашивать объ этомъ другихъ крестьянъ. По словамъ Марөы и мужа ея Ивана „передъ Богомъ“, наканунѣ моего пріѣзда съ Марөой во время паханья на участкѣ сдѣлался припадокъ (это было 17-го іюня, а же пріѣхалъ 18-го), и она, не имѣя возможности знать о моемъ пріѣздѣ, стала кричать: „пріѣдутъ насъ докорять, пріѣдутъ насъ докорять!“ Она при этомъ давилась; потомъ пріѣхала домой и говорила при до-машнихъ: „трясло, меня, не такъ насъ перебираетъ, ужъ ктонибудь пріѣдетъ“. Марөа говорила: „мы всегда знаемъ, когда начальство пріѣдетъ“. „Трудно намъ отъ тебя—придется выходить.... а жалко.... жалко рабу бросать.“ (послѣднія слова сказаны отъ имени бѣса).

Подробное изслѣдованіе Марөы во время припадковъ, показало слѣдующее: никакихъ отклоненій въ отравленіи 12-ти паръ головныхъ нервовъ нѣтъ. Кожная чувствительность вполне сохранена, хотя кликуша и не отвѣчала на болевныя раздраженія, произвольно задерживая реакцію. Рефлексы во все время припадковъ были нормальны. Всѣ движенія кликуши были произвольны, рассчитаны и координированы. Ни одного изъ движеній нельзя было разсматривать какъ су-

дорожное. Нельзя было также смѣшать трясеніе съ дрожью, а слѣдовало его разсматривать какъ искусственныя и произвольныя движенія. Повышенія механической возбудимости мышцъ въ сколько нибудь черемѣрной степени не замѣчалось. Характерно было, что ни ціаноза, ни покраснѣнія лица самого по себѣ не наступало, а замѣчалось оно лишь тогда, когда Марѳа искусственно надувалась. Слюноотдѣленіе во время припадковъ было усиленно, но и здѣсь слѣдуетъ отмѣтить произвольное взбиваніе ея въ пѣну. Мои наблюденія не подтвердили указаній свидѣтелей на то, что у Марѳы во время припадковъ вздувался и пучился животъ. Она его выгибала искусственно, метеоризмъ же ей свойственъ былъ почти постоянно. Она дѣйствительно испустила 2—3 раза газы, благодаря двигательному возбужденію. Мышечная сила, развиваемая Марѳою во время припадка не была значительною и рассказы очевидцевъ о томъ, будто бы ее нельзя удержать во время припадковъ, не подтвердились, такъ какъ при умѣнїи ее безъ труда могъ удержать одинъ человекъ. Труднѣе судить о состоянїи психики Марѳы во время кликушескаго припадка. Однако приведенный выше діалогъ ясно показываетъ, что сознаніе и пониманіе окружающаго и ея положенія было у ней вполне нормально. Во всемъ поведенїи ея во время припадка было несомнѣнно, что она разсчитывала свои движенія, избѣгая сильныхъ ушибовъ и порчи вещей: она ясно обнаруживала выборъ. Эмоціи правильно слѣдовали за ходомъ мыслей и, переходя отъ гнѣвно-раздражительныхъ обвиненій противъ Марины къ вопросу о своемъ излеченїи и изгнанїи сидящаго въ ней бѣса, она мѣняла свой тонъ на жалобно-мечтательный. Она сердилась, когда обнаруживали недоувѣріе къ ней и, въ самый разгаръ припадка, упрекала другихъ кликушъ въ томъ, что онѣ не кричать при прїѣздѣ „начальства“. Вообще во время припадка Марѳа сообразовала свое поведеніе съ обстоятельствами, а для этого несомнѣнно необходимо было, чтобы она понимала и обдумывала все воспринимаемое.

Труднѣе было объяснить утвержденіе Марѳы о томъ, будто бы она ничего не помнитъ о припадкахъ послѣ того, какъ придетъ въ себя. Эта амнезія совершенно соответствовала рѣзкой переменѣ и той быстротѣ, съ которою Марѳа преобразовалась изъ бѣснующейся кликуши, въ скромную, добродушную женщину, смиренную и ласковую, очень вѣзливую и робкую. Она охотно и добродушно бесѣдовала съ врачомъ, очень благодарила за обѣщаніе полечить ее и, крестясь говорила, что уповаешь на Господа, и желаетъ исцѣлиться.

Въ суевѣріяхъ о порчѣ убѣждена непоколебимо. По характеру внѣ припадковъ робка, смиренна. Дома работаетъ сносно. Въ дни же

припадковъ лежитъ цѣлый день дома и къ работѣ не способна.

Вся совокупность явленій, наблюдавшихся у Марены, въ особенности же наличность сознания, выбора и произвольность движеній, наводила на мысль о притворствѣ, и только упорное и искреннее ея утвержденіе о томъ, будто бы она ничего не помнитъ о своихъ припадкахъ, поставило на очередь вопросъ о роли самовнушенія, какъ основы этой амнезіи. Съ этою цѣлью я примѣнилъ гипнозъ, въ первый разъ въ формѣ внушенія. Во время одного изъ первыхъ наблюдавшихся мною припадковъ, когда Марена начала успокаиваться, я сталъ увѣреннымъ тономъ говорить ей, что она поправится, что сидящій въ ней бѣсъ уже покидаетъ ее, и велѣлъ ей встать. Она отвѣчала: „ишь какой хитрый, знаешь вѣдь, что не могу, потому не приказалъ ты мнѣ“. Это напоминало гипнозъ при наличности сознания: передъ тѣмъ я, между прочимъ, сказалъ ей, что она не можетъ встать. Вдругъ Марена почувствовала, что „онъ выходитъ въ руки!“ Я поднялъ ея руку. Получилась каталепсія. Я сказалъ: „вотъ онъ выходитъ въ пальцы“.—Пальцы задвигались. Я сказалъ: „ну, вставай!“ . Марена: „Еще не вышелъ, въ ноги идетъ!“ . Я подождалъ:—ну, теперь вставай! Марена: „Еще не вышелъ, въ голову идетъ!“ . Я потеръ ей носъ и уши. Она замѣтила: „ишь какой хитрый!“ . Тогда я увѣрилъ Марену, что „онъ“ ее больше мучить не будетъ. Марена отвѣчала, что „онъ“ переселился въ Марину и что Марина завтра закричитъ. Я велѣлъ ей встать. Она отвѣтила: „не могу“. Я энергично поднялъ ее за руку. Она встала и моментально преобразилась: стала послушною, скромною, съ надеждою стала говорить о своемъ будущемъ выздоровленіи и утверждала, что ничего не помнитъ о бывшемъ съ нею припадкѣ.

Преобразование это изъ бѣснующейся кликуши въ скромную и покорную женщину было настолько рѣзкое, что трудно было вѣрить, чтобы это была одна и та же женщина.

Первые опыты гипноза я произвелъ во время припадковъ Марены, при чемъ дѣлалъ ей внушеніе, говоря, что она спитъ. Она, однако, упорно протестовала и отказалась заснуть. Однако, очень скоро, и въ первый же разъ, у нея получилась каталепсія въ рукахъ: она не могла измѣнить положенія, приданнаго рукъ, хотя и говорила, что не спитъ. Послѣ другого внушенія не могла открыть глазъ, говоря: „хоть и не могу открыть, а все слышу и не сплю“. Помощью внушенія, безъ вызваннаго сна, удавалось прекратить трясенье и движенія кликуши во время припадка и привести ее въ состояніе покоя. Скоро удалась и отрицательная галлюцинація, также безъ сна: во время сильнаго припадка я внушилъ ей, что мужа ея, стоявшаго подлѣ нея, въ комнатѣ нѣтъ, и она, успокоившись и открывъ глаза,

не видѣла своего мужа и не слышала его голоса. Положительная галлюцинація въ этотъ разъ не удалась: я внушала ей, чтобы она видѣла Сиклитинью сидящую въ комнатѣ.

Въ промежуткахъ между припадками Марѳа оказалась чрезвычайно воспримчивою къ гипнозу. Она быстро и глубоко засыпала послѣ однократнаго внушенія и особенно послѣ закрытія ея глазъ. Конечноности сначала разслаблялись, и немедленно наступала полная анестезія: можно было втыкать въ кожу иголки, прокалывая складку кожи насквозь, можно было жечь кожу спичкою безъ малѣйшей реакціи со стороны испытываемой. Анестезія эта получалась безъ всякаго внушенія и наблюдалась у Марѳы во всѣхъ опытахъ. Скоро получалось каталептоидное состояніе конечностей, которыя сохраняли приданное имъ положеніе неопредѣленно долгое время, при чемъ ригидности въ членахъ не замѣчалось и перемѣна положенія ихъ производилась безъ ощущенія какого бы то ни было сопротивленія или ригидности. Это каталептоидное состояніе послѣ первыхъ опытовъ наступало безъ внушенія. Рефлексы въ это время были сохранены и не измѣнены въ силѣ. Повышенія механической возбудимости мышцъ въ каталептизированныхъ членахъ не замѣчалось. Помощью внушенія легко удавалось вызвать у Марѳы ригидность и полную контрактуру любыхъ мышцъ, и тогда получались всѣ столь хорошо извѣстныя явленія у загипнотизированныхъ субъектовъ, которыхъ можно было класть на двухъ стульяхъ съ опорю на затылокъ и пятки и проч. Глаза во время гипнотического сна у Марѳы были закрыты и мнѣ не удалось перевести ее согласно указаніямъ Шарко, изъ сомнамбулическаго состоянія въ каталептическое: при открытіи глазъ кликуша обычно просыпалась. Ни разу, ни въ одномъ періодѣ сна, не замѣчалось у Марѳы измѣненія рефлексовъ и механической возбудимости мышцъ. Внушаемость въ состояніи гипноза была рѣзко выражена. Удавались хорошо простыя постгипнотическія внушенія. Можно было, по произволу, въ любой моментъ вызвать и вновь прекратить кликушный приступъ. Интересно, что въ теченіе многочисленныхъ изслѣдованій Марѳы мнѣ ни разу не удалось заставить ее отвѣчать на вопросы въ состояніи искусственно вызваннаго сомнамбулизма: она упорно молчала, хотя выполняла другія внушенія. Послѣ пробужденія наблюдалась полная амнезія о всемъ періодѣ гипнотического сна, при чемъ Марѳа, какъ деревенская женщина, никогда ничего не слышавшая о гипнотизмѣ, даже не подозрѣвала, что ее гипнотизировали. Лечебное вліяніе гипнотического внушенія было рѣзкое. Послѣ первыхъ опытовъ, каждый припадокъ кликушества любой силы, мнѣ удавалось прекратить внушеніемъ, переводя его въ гипнотическій сонъ въ промежутокъ времени отъ нѣсколь-

кихъ секундъ до минуты. Всѣ болѣзненные ощущенія въ животѣ и конечностяхъ, тоска, страхъ быстро проходили послѣ внушенія и послѣ каждаго сеанса Марѳа уходила бодрѣе и веселѣе. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что послѣ каждаго сеанса она чувствовала тяжесть въ головѣ и общую слабость, часто продолжавшуюся до другого дня.

Въ теченіе 3-хъ недѣль Марѳа не знала, что съ ней происходитъ во время гипноза, и только въ концѣ наблюденія узнала отъ другихъ, что она спитъ во время сеансовъ.

Послѣ первыхъ же опытовъ состояніе Марѳы рѣзко улучшилось, и послѣ 2—3 дней припадки совершенно прекратились. Всѣ болѣзненные явленія исчезли, и она казалась совершенно выздоровѣвшею до послѣдняго дня передъ моимъ отъѣздомъ, когда она во время молебна снова впала въ сильный кликушный припадокъ.

Марѳа не переносила святой воды и, если ее давали даже въ скрытомъ видѣ, съ нею немедленно дѣлался припадокъ.

3) Неонила Титова 36 лѣтъ, замужемъ вторично 13 лѣтъ, за сифилитикомъ съ провалившимся носомъ (10 лѣтъ назадъ, когда женился, носъ еще былъ цѣлъ). Уроженка сосѣдней деревни Дятлова. До замужества была здорова. Въ первый разъ была замужемъ 3 года, годъ жила вдовой. За первымъ мужемъ дѣтей не было. За вторымъ мужемъ было 6 дѣтей, изъ которыхъ одинъ мертворожденный. Дѣти всѣ кромѣ послѣдняго умерли: одна дочь жила 2 года, другіе по нѣсколько недѣль. Послѣдному ребенку 8-мѣ мѣсяцевъ: весь въ сифилисѣ съ пятнистой мѣдно-красной сыпью и кондиломами во рту и вокругъ задняго прохода. Родился ребенокъ чистымъ; кормила его грудью около 5 недѣль.

Семья состоитъ изъ мужа, жены и дочери мужа отъ первой жены 13-ти лѣтъ. Живутъ въ сносныхъ условіяхъ: изба порядочная, матеріальное состояніе среднее. Мужъ раньше служилъ за Москвою въ теченіе 7 лѣтъ. Домой пріѣзжалъ на короткое время, хозяйство вела Неонила сама. Весною 1899 г. мужъ вернулся домой вслѣдствіе болѣзни жены, такъ какъ некому стадо работать. Съ мужемъ Неонила жила хорошо. До настоящей болѣзни была здорова.

Заболѣла Неонила, по ея словамъ, еще на Филипповъ постъ въ 1897 г.: „прежде ударило въ поясницу, потомъ сталъ животъ болѣть, стало сердце сосать. На Крещенье (1898 г.) Василиса выкрикнула, что весною много окажется: „вотъ я на Пасху и выкрикнула, когда съ иконами пришли: не могли меня сдержать“. Заболѣла я черезъ то, что она мнѣ лепешку дала. Сдѣлалась больна; стала я праздникъ чують сердцемъ: ударить мнѣ въ голову, не могу я ничего дѣлать, стану совсѣмъ

слаба. Только по праздникамъ и была больна, а по буднямъ ходила, какъ слѣдуетъ. Дѣлается это со мною по праздникамъ, въ церковь нельзя мнѣ никакъ... не утерплю... не знаю я тутъ ничего въ церкви, ничего не чувствую... никакихъ"... Про Сиклитиню не можетъ ничего слышать, сейчасъ дѣлается припадокъ. Развилась болѣзнь съ весны 1898 года и въ это время Неонила забеременѣла и родила ребенка. Выражалась болѣзнь въ припадкахъ съ паденьемъ и выкрикиваніемъ, причемъ больная билась и тряслась. Припадки у нея были очень сильны и повторялись очень часто. Въ теченіе послѣдняго года состояніе ея не измѣнилось и болѣзнь выражена въ настоящее время очень рѣзко.

При изслѣдованіи Неонила было найдено слѣдующее: Она женщина средняго роста, правильнаго сложенія, довольно слабо упитанная. Признаковъ вырожденія и аномалій не замѣчается. Внутренніе органы нормальны. Признаковъ сифилиса нѣтъ. Подробное изслѣдованіе нервной системы показало, что отправленія головныхъ нервовъ вполне правильны, такъ же, какъ и органы чувствъ. Зрачки нормальны, поле зрѣнія также (изслѣдовано безъ помощи периметра). Чувствительность кожи всюду нормальна: тактильная, температурная и болевая. Со стороны двигательной сферы внѣ припадковъ никакихъ отклоненій отъ нормы нѣтъ. Колѣнные рефлексъ немного повышены, остальные рефлексъ нормальны. Вазомоторная система нормальна. Никакихъ отклоненій отъ нормы въ соматической сферѣ нѣтъ. Аппетитъ плохой. Болѣзненности позвоночника нѣтъ. Женская сфера у Неонила была нормальна. Мѣсячныя правильны. Половая же дѣятельность очень понижена. Со стороны психики Неонила женщина очень мало развитая умственно, даже для своей среды. Не грамотна. Всю жизнь прожила въ деревнѣ, въ Москвѣ не бывала. Суевѣрна, слѣпо религіозна и очень легковѣрна. По характеру молчалива и до болѣзни была самой обычной, ничемъ не замѣчательной деревенской женщиной, хорошей работницей, живущей изо дня въ день, безъ особыхъ заботъ и цѣли въ будущемъ. Со времени болѣзни она стала сильно тосковать, стала молчалива, часто раздражалась и при малѣйшемъ поводѣ стала впадать въ припадки. Имѣетъ видъ страдальцы. Всѣ ея мысли сосредоточены на болѣзни, отъ которой сильно страдаетъ. Отношеніе къ окружающему со времени болѣзни стало безразличное; развилась апатія; она перестала заботиться о хозяйствѣ, о своемъ ребенкѣ. Она безъ сопротивленія отдалась болѣзни и тупо относится къ тому, что хозяйство трещитъ безъ работницы, а мужъ безъ заработковъ проводитъ время, исправляя всѣ работы дома и въ полѣ. Стойкихъ отклоненій въ душевной дѣятельности внѣ припадковъ нѣтъ, кромѣ определен-

наго вида навязчиваго состоянія въ формѣ болзни всего святаго, относящагося къ церковной службѣ, и нетерпимости къ произнесенію имени Сиклитини, которую она обвиняетъ въ порчѣ. При этихъ условіяхъ у ней немедленно развиваются припадки.

Изъ субъективныхъ ощущеній у Неонилы имѣется постоянная болѣзненность живота, ощущеніе кома, подкатывающагося къ горлу, и чувство ползанья мурашекъ по спинѣ.

Припадки, которыхъ мнѣ пришлось наблюдать у Неонилы болѣе двадцати, выражались приблизительно въ одной и той же формѣ. Наступали они очень часто, по нѣсколько разъ въ день, и продолжались по нѣсколько часовъ, такъ что иногда она находилась въ такомъ состояніи по нѣсколько дней, съ небольшими промежутками.

Во время припадковъ она падала на спину, животомъ кверху и начинала сильно биться. Глаза были зажмурены и если удавалось искусственно раскрыть вѣки, то глаза оказывались закатанными вверхъ. Цвѣтъ лица не былъ замѣтно измѣненъ, но выраженіе его было страдальческое и вмѣстѣ злобное. Она начинала быстро пыхтѣть и трясти челюстью, стуча зубами, какъ будто трясаясь отъ сильнаго холода. Сначала она издавала неопредѣленное мычаніе, постепенно повышая голосъ и переходя къ выкрикиванію уже отдѣльныхъ словъ и фразъ. Одновременно появлялось трясеніе въ рукахъ и ногахъ. Нѣсколько разъ мнѣ пришлось наблюдать у ней своеобразное ритмическое и быстрое трясеніе съ довольно необычной локализацией въ мышцахъ спины и ягодицъ. Трясеніе эго напоминало тотъ родъ произвольныхъ движеній, которыя можетъ вызвать здоровый человѣкъ, поставивъ согнутую въ колѣнѣ ногу на носокъ и вызвавъ ритмическія быстрыя движенія ногою. Обычно же двигательныя явленія припадковъ у Неонилы выражались въ произвольныхъ безпорядочныхъ и безсистемныхъ движеніяхъ. Она колотила кулаками объ полъ, при томъ не причиняя себѣ поврежденій. Если я подставлялъ подъ ея удары свою руку, она ея избѣгала, но удары ея не были особенно сильны. Обыкновенно Неонилу во время припадковъ *держали*, согласно народнымъ обычаямъ, и тогда она боролась и сопротивлялась. Однако и здѣсь, по моимъ наблюденіямъ, она не развивала сколько нибудь чрезмѣрной мышечной силы, какъ это утверждали другіе. Часто слышалось щелканье и скрежетъ зубовъ, но настоящаго тризма не наблюдалось. Какой либо правильности въ слѣдованіи одного рода движеній за другими не наблюдалось. Движенія несомнѣнно были произвольны и не могутъ быть разсматриваемы какъ судорги. Больная часто выгибала животъ и это производило впечатлѣніе на непосвященныхъ наблюдателей, будто животъ вздувался. Настоящаго opistotonus'a не было. Движенія кли-

куши соответствовали ей выкликиваньямъ и, когда она начинала со злостью ругать колдунью, она билась сильнѣе; наоборотъ стихала, если никого не было близко. По временамъ охаетъ, вздыхаетъ, отдувается, выговаривая „охъ ты!“. Сама вначалѣ припадка заливается. „всю меня трясетъ, никакого терпѣнья нѣтъ, сдержаться не могу!“: Вообще въ теченіе припадка никакой правильности не замѣчалось: онъ то ослаблялся, то усиливался; трясеніе перемежалось покоемъ и снова возобновлялось. Она выкрикивала чаще въ промежуткахъ между трясеніями, при чемъ звуки слышались и при вдохѣ и при выдохѣ: „на, на, на, на... ба, ба, ба, ба, ба“... „охъ ты-ы-ы!!! охъ ты-ы!“ Паузы и переливы въ выкликиваніи очень различны. Въ разгарѣ крика начинала съ ожесточеніемъ и злостью биться и кататься по полу или въ постели. Нѣсколько разъ, казалось, она вотъ-вотъ свалится съ высокихъ наръ и разобьется и я не могъ удержаться отъ движенія съ цѣлью поддержать ее. Однако она не падала и эти движенія были, повидимому, хорошо рассчитаны. Она со злостью кричала: „страдаю, страдаю, охъ, погуляю“. Повышая голосъ, ожесточенно ругала „Секлюху“. Отъ имени 3-го лица говорила рѣдко. Вообще, по сравненію съ предыдущею кликушею Мареею, Неонила много меньше говорила во время припадка, а выражала его главнымъ образомъ двигательными явленіями и крикомъ. Во время припадковъ у Неонилы бывали рвотныя движенія, но рвоты не было ни разу. Она, повидимому, произвольно наглатывала воздухъ и во время ослабленія припадка громко отрыгала его. Мимика, въ общемъ злая, была очень оживлена, и изображала гримасы.

Подробное изслѣдованіе Неонилы во время припадковъ убѣдило меня, что чувствительность кожи у ней сохранена, и что всѣ отправления головныхъ нервовъ нормальны. Нѣтъ также никакихъ отклоненій отъ нормы въ состояніи рефлексовъ и въ симпатической системѣ. Пульсъ во время припадковъ ускоряется до 112—120. Дыханіе учащено и порывисто. Непроизвольнаго мочеиспусканія и испражненія ни разу не было. Зрачки во время припадковъ нормальны и на свѣтъ реагируютъ. Пѣны изъ рта не выдѣлялось. Давленіе на яичникъ безболѣзненно и никакого вліянія на припадки не оказываетъ. Боль подъ ложечкой вѣ въ припадковъ почти постоянна. Придя въ себя послѣ припадковъ, утверждаетъ, что ничего не помнитъ о нихъ.

Съ самаго перваго моего пріѣзда въ Ащепково Неонила лежала въ состояніи припадковъ въ постели въ теченіе нѣсколькихъ дней, ничего не работала и ѣла плохо. Каждый день бывало по многу припадковъ; каждый разъ при моемъ посѣщеніи и при посѣщеніи моемъ совмѣстно съ д-ромъ Н. И. Преображенскимъ съ Неонилою дѣлалась

припадки. Неонила утверждала, что въ день моего прїѣзда ей было очень плохо, еще прежде чѣмъ она обо мнѣ узнала. Каждый разъ, когда-то нибудь къ ней заходитъ припадки возобновляются.

Не смотря на полное развитіе болѣзни въ теченіе послѣдняго года, Неонила родила ребенка правильно. Люди говорили, что беременная она „ковырялась, какъ не подпадя“. „Батюшка Мокринскій присылалъ просфоры: немного послободнѣло, но мало, все-таки въ обѣдню нельзя никакъ ходить“. Пила масло святое и воду. Была Неонила въ Колоцкомъ, Лужецкомъ и Семеновскомъ монастыряхъ, но, по ея словамъ, по другимъ монастырямъ „писаться“ съ цѣлью леченія у нихъ, „состоянья не хватало“. Болѣзнь Неонилы сильно разорила семью, по ея словамъ, „сдѣлала опущенье“. И она, и мужъ очень желали бы избавиться отъ болѣзни. Со времени болѣзни Неонила стала совсѣмъ плохо работать: „не стало мочи, рѣдко даже печь топила“. Неонила сильно похудѣла: „даже мало кто и признаетъ“. Особенно не можетъ больная переносить Херувимской пѣсни и даже, если въ с. Мокромъ за 8-мь верстъ служить обѣдню, съ ней дома дѣлаются припадки. Неонила глубоко убѣждена въ томъ, что ее испортила Сиклитинья. Думаетъ, что ей было „понасажено:“ „да кто жъ его знаетъ, съ чего это дѣлается“. На вопросъ, кто же въ нее понасаженъ, отвѣтила „да кто жъ его знаетъ, мы ничего не можемъ знать“. Во время припадковъ выкрикивала, что понасажено на двадцать лѣтъ, и отъ имени бѣса кричала: „измучаю, изобью“. Съ Сиклитиньей раньше у ней ссоръ не было. По словамъ Неонилы: „мы жили дружно и никакого зла ни я на нее, ни она не имѣла: хоть ее спросите!“ До болѣзни Неонила также была очень религіозна. Между прочимъ Неонила сказала: „другіе говорятъ, нарочно это мы дѣлаемъ. Боже сохрани отъ такого. Развѣ мнѣ отъ интересу какого, чтобъ этакъ биться: вся избитая!“.

Мужъ Неонилы также убѣжденъ, что болѣзнь ея *порча*. Онъ однако, не фанатикъ и по характеру добрый, работающій. Онъ грамотенъ, но мало развитъ умственно.

Крайне характерно полное преобразование Неонилы во время и вѣдъ припадковъ: изъ злой и крикливой съ искаженнымъ лицомъ, она послѣ припадка моментально преобразается въ скромную, тихую женщину, робкую и добродушную.

По отношенію къ гипнозу Неонила оказалась чрезвычайно воспріимчивою. Въ первый сеансъ было сдѣлано внушеніе „спи“, но въ послѣдующіе разы достаточно было закрыть ей глаза и слегка надавить пальцами на закрытыя вѣки, чтобы наступилъ сонъ безъ предварительнаго внушенія, черезъ 10—20 секундъ.

Самостоятельно, безъ внушенія, немедленно наступала полная анестезія и каталепсія. Гипнозъ былъ вызванъ безъ всякаго предварительнаго предупрежденія больной, и она не имѣла о немъ ни малѣйшаго понятія. Каталептическія позы сохранялись неопредѣленно долгое время. Во время гипнотическаго сна глаза были закрыты и Неонила подобно всѣмъ другимъ ащепковскимъ кликушамъ упорно молчала, не отвѣчая на вопросы, не смотря на энергичныя требованія и внушенія. Во всемъ остальномъ внушаемость была рѣзко повышена: удавались постгипнотическія внушенія, отрицательныя галлюцинаціи, контрактуры, параличи и проч. Послѣ пробужденія наступала полная амнезія и больная совершенно не подозрѣвала о томъ, что съ нею было. Помощью внушенія во всякое время, въ самомъ разгарѣ припадка можно было прекратить каждый кликушный припадокъ и снова вызвать его, когда кликуша находилась въ состояніи гипноза. Совокупность явленій, наблюдавшаяся у Неонилы, вполне соответствуетъ тому виду гипнотическаго сна, который Шарко называлъ сомнамбулическимъ. Перевести кликушу изъ сомнамбулическаго состоянія въ каталептическое посредствомъ открытія глазъ мнѣ не удалось: обыкновенно наступало пробужденіе. Рефлексы во всѣхъ опытахъ не подвергались никакимъ измѣненіямъ. Не наблюдалось также повышенія механической возбудимости мышцъ.

Лечебное вліяніе гипноза было очень рѣзкое. Послѣ перваго же внушенія ея состояніе рѣзко измѣнилось: придя ко мнѣ сгорбившись, съ трудомъ передвигая ноги и во всей фигурѣ изображая страданіе и слабость, она сразу преобразилась, бодро стала ходить и бойко отвѣчать на вопросы. Проснувшись, она чувствовала себя вполне хорошо и, когда заговорили про Сиклитинью, оставалась спокойною, тогда какъ раньше неизмѣнно впадала въ припадокъ, какъ только слышала ея имя. Сама этому сильно удивлялась и проговорила: „что это? гдѣ я была?“. Она прошла бодро и сама сказала: „вотъ теперь могу и пройтись, хоть и въ солдаты идти“. Внушеніе было сдѣлано въ слѣдующей формѣ „ты теперь здорова, порчи ни какой у тебя уже нѣтъ, вся порча вышла, Сиклитинья тебя не портила. Когда проснешься, будешь здорова; ничего у тебя болѣть не будетъ, будешь весела и когда про Сиклитинью будутъ говорить, будешь покойна“. Послѣ гипноза Неонила спокойно рассказала исторію своей болѣзни и говорила о Сиклитиньѣ. Всѣ двигательныя явленія исчезли, и Неонила ничѣмъ не отличалась отъ здоровой женщины.

Первые опыты съ гипнозомъ я сдѣлалъ черезъ недѣлю наблюденія за Неонилой, когда уже нѣкоторыя другія кликуши были излечены. Однако, въ конечномъ результатѣ именно у нея общій лечебный

эффектъ получился ничтожный. Дѣло въ томъ, что не смотря на рѣзкій результатъ каждаго сеанса и на то, что мнѣ всегда удавалось прекратить у нея каждый кликушный припадокъ, переводя его въ состояніе гипноза, благодаря крайнему суевѣрью ея и ея близкихъ, въ моемъ отсутствіи вступало въ силу противовнушеніе со стороны окружающихъ въ формѣ недоувѣрія къ излечимости ея болѣзни, и припадки наступали вновь. Въ теченіе моего 3-хъ недѣльнаго пребыванія въ Ащепковѣ припадки послѣ повторныхъ внушеній ослабли и почти прекратились, но наканунѣ моего отъѣзда во время молебна въ Ащепковѣ припадокъ проявился у ней въ полной силѣ, при чемъ она въ продолженіе всей службы дико выкрикивала, богохульствовала, билась и бѣсновалась.

Интересно было провѣренное нѣсколько разъ наблюденіе, что въ состояніи гипноза Неонила подчинялась лишь однимъ моимъ внушеніямъ и усыпить ее кромѣ меня никому не удалось. Также и безсловесныя внушенія въ смыслѣ приданія кощечности каталептического положенія другимъ лицамъ не удавались. Въ этомъ смыслѣ никакого внушенія ей сдѣлано не было и явленіе это наблюдалось у нея самостоятельно.

4) Марья Алексѣева 24 лѣтъ, замужемъ за крестьяниномъ Матвѣемъ Яковлевымъ шестой годъ. Мужъ уже 4-й годъ въ солдатахъ, но она живетъ очень нравственно и остается вѣрна мужу. Марья, троюродная сестра Сиклитиньи. Уроженка дер. Васильевской, гдѣ, по ея словамъ, лѣтъ 15 тѣмъ назадъ „тоже были такія больныя, изъ которыхъ одна недѣль шесть выкрикивала, да и померла“. До замужества была здорова. Съ мужемъ жила полтора года хорошо и спокойно и, когда его взяли въ солдаты, у нея родилась дочь. Два года безъ мужа была здорова, со свекрами жила дружно: „какъ дочка родная я ей была, хорошо мы жили“. Живетъ въ настоящее время въ избѣ съ свекровью и дочерью. Марья женщина средняго роста, на видъ здоровая, красивая. По характеру трудолюбивая и, относительно своего соціального положенія, не глупая. Она грамотна, не обладаетъ чрезмѣрнымъ суевѣріемъ, но очень религіозна.

Заболѣла въ 1898 году великимъ постомъ: „позвала она (имени Сиклитиньи не хочетъ произнести и при этомъ волнуется) насъ чай пить; принесла лепешекъ, намазала медомъ“... При этихъ словахъ и воспоминаніи у Марьи начался припадокъ:—движенія вродѣ хореическихкихъ; вытягивается, нудится, стонетъ; минуты черезъ двѣ успокоилась и продолжала рассказъ: „Дальше у насъ пошли неприятели, а черезъ недѣли двѣ оказалось. Какъ праздникъ придетъ, стало бить. Во время обѣдни и заутрени очень мнѣ тяжело становилось, не могу знать отчего. На Пасху принесли икону, стали молебствовать, тутъ

и оказалось: не знаю, что со мною было, потомъ сказывали, что пятеро мужчинъ держали и не могли сдержатъ. Говорили, что шибко билась. Съ того времени это дѣлалось на каждый праздникъ: какъ „Иже херувимы“ поють, такъ я катаюсь, только что, конечно, опосля больно все и всѣ кости-то болятъ. Свекровь моя, Хавронья Савельева, вмѣстѣ со мною пила чай и заболѣла въ одно время: тоже такъ и надъ нею дѣлалось“. Лѣтомъ 1898 г. Марья съ свекровью пошли въ Москву, „къ Сергію Преподобному“. Братъ ея, служившій курьеромъ въ губернаторскомъ домѣ, водилъ ее въ Страстной монастырь. (На этомъ мѣстѣ своего разказа у Марьи снова появились движенія, какъ будто что-то подкатывается подъ грудь, хватается рукою за подложечковую область; послѣ двухъ—трехъ, вздоховъ успокоилась). Въ монастырѣ съ нею дѣлались припадки: „должно быть, какъ заглушили святыню, господинъ докторъ, такъ хуже стало“. Была и у Пантелеймона, но „безъ чувствія, ничего не могу помнитъ“. Въ Москвѣ ей сказали, что она испорчена. Видѣла она бѣсноватыхъ въ Москвѣ и раньше и слышала, что болѣютъ онѣ отъ порчи. „Мы ужъ сколько по святымъ мѣстамъ ходили, а даромъ ничего не сдѣлаютъ: пузырькъ съ масломъ во какой, а и то отдай гривеникъ. Мы и теперь натопаемъ масло пьемъ, воду святую, просфоры ѣдимъ... Священникъ нашъ мокринскій старается, просфоры высылаетъ, молебствуетъ и отъ него мнѣ лучшаетъ, я хоть святыню стала принимать“.

Твердо убѣждена что испортила ее Сиклитинья: „конечно такъ думаемъ, что это отъ ей (Сиклитиньи) страдаетъ; конечно, отъ порчи. Бывало она все грозить, „подожди, молъ, я тебя достану“, — у дѣвки ея (т. е. у Марины Николаевой) нарядовъ не было, я ей не дала, а она мнѣ погрозила“. Она не можетъ переносить имени Сиклитиньи. Какъ только о ней заговорятъ, начинается припадокъ: „что-то оттедова подымаетъ все“. Говорить, однако, что раньше на Сиклитинью зла никакого не имѣла и не имѣетъ: „а если бы была она здѣсь, такъ, кто его знаетъ, можетъ быть, и имѣла бы“. Когда я сказалъ ей, что Сиклитинья скоро вернется, Марья заволновалась и сказала: „вы не говорите, господинъ докторъ, про нее никогда“. По словамъ Марьи, во время припадковъ „первый разъ меня ударяетъ въ ноги, потомъ въ поясницу, потомъ въ руки и въ голову, въ глазъ. Глазъ мнѣ своротить такъ, какъ Василисѣ глотку ¹⁾), я ходила недѣли двѣ завязавши, ничего не видѣла“. Раньше бывала рвота, какъ святыни стануть давать. На Сиклитинью кричитъ съ 24-го июня 1898 года. Когда начала кричать, цѣлый годъ не было красокъ, а съ „молеб-

¹⁾ Въ этотъ день у Василисы Алексѣевой была нарывъ въ горлѣ.

ствія“ пошли уже 4-й мѣсяцъ правильно. Марья утверждаетъ, что о своихъ припадкахъ она ничего не помнитъ, хотя обстановку, при которой были припадки, отлично припоминаетъ. По ея словамъ она ничего не знаетъ о томъ, что она „выкрикиваетъ“ во время припадковъ. Живетъ Марья въ своей избѣ противъ дома Сиклитиньи, черезъ улицу.

Мнѣ пришлось наблюдать у Марьи нѣсколько припадковъ въ различной формѣ. Во время сильныхъ припадковъ она падала на землю съ закрытыми глазами, съ плачемъ. Она томилась, всхлипывала и издавала неопредѣленные стоны. Рѣзкихъ двигательныхъ явленій, въ частности судорогъ, у ней не наблюдалось. Болѣе легкіе припадки выражались плачемъ, вздохами, а затѣмъ появлялись движенія въ рукахъ, нѣсколько напоминающія хореическія, несомнѣнно произвольнаго характера. При паденіи на полъ Марья подолгу лежала неподвижно, какъ-бы въ состояніи обморока, и не реагировала на болевые уколы. Однако, на основаніи того, что при первомъ опытѣ она вздрагивала при уколѣ булавкою, я думаю, что эта задержка реакціи была произвольная. У этой кликуши во время припадка не было никакихъ отклоненій со стороны зрачковъ и отправления головныхъ нервовъ. Животъ вздутъ; отправления кишечника правильны. Пѣны изъ рта не выдѣлялось; всѣ рефлексы были нормальны. Цвѣтъ лица не измѣнялся, а пульсъ былъ до 100 въ минуту. Во время видѣнныхъ мною припадковъ Марья не выкрикала никакихъ фразъ и словъ, а только плакала и стонала. Припадки у нея продолжались недолго, не болѣе 10 минутъ, и очень часто кликуша успокаивалась, когда припадокъ не развивался вполнѣ.

Внѣ припадковъ у Марьи не обнаруживалось никакихъ отклоненій отъ нормы въ функціи нервной системы. Всѣ симптомы, обычные для истеріи, отсутствовали: не было ни суженія поля зрѣнія (изслѣдовано безъ помощи периметра), ни измѣненія зрачковъ, ни вазомоторовъ. Чувствительность кожи нормальна, болѣзненности позвоночника нѣтъ. Рефлексы кожные и сухожильные нормальны. Замѣчалась обычно сильная болѣзненность живота. Въ частности давленіе на яичникъ не было болѣзненно и никакого вліянія на припадки не оказывало. Изъ субъективныхъ признаковъ было на лицо чувство *globus hystericus* и боль подъ ложечкой: „сердце очень сосетъ, все сосетъ“, а также предсердечная тоска.

Со стороны психики Марья была сознательна и замѣтныхъ отклоненій въ душевной дѣятельности не обнаруживала. Постоянными оставались нѣсколько подавленное настроеніе духа подъ гнетомъ ея убѣжденія въ томъ, что она испорчена и тяжело и непоправимо больна и навязчивое состояніе въ формѣ „боязни святостей“ т. е. всего того,

что относится къ церковной службѣ. Ясно выраженныхъ идей бѣсо-одержимости Марья не формулировала, хотя она и убѣждена была, что суть порчи есть одержимость бѣсомъ. Никакого опредѣленнаго представленія о сидящемъ въ ней бѣсѣ она не имѣла, да и не пыталась постичь этой загадки, принимая на вѣру, что испорчена и что болѣзнь ей причинила Сиклитинья.

Женская сфера нормальна; отсутствіе половой потребности и продолжительная ея неудовлетворенность вслѣдствіе долгаго отсутствія мужа.

При опытахъ съ гипнозомъ Марья оказалась чрезвычайно типичной сомнамбулой, въ смыслѣ Шарко. Она заснула съ перваго раза послѣ внушенія, что она заснетъ, когда я досчитаю до 10. Слѣдуетъ замѣтить, что она не имѣла ни малѣйшаго понятія о гипнозѣ. Немедленно получилась катаlepsія: поднятая мною рука осталась неподвижною въ воздухѣ. Анестезія наступила безъ предварительнаго внушенія и была настолько глубока, что она не чувствовала довольно сильнаго ожога спичкой. Рефлексы въ состояніи гипноза нисколько не измѣнялись, ровно какъ не наблюдалось измѣненія механической возбудимости мышцъ. Внушаемость была выражена очень рѣзко. Удавались всѣ обычныя постгипнотическія внушенія и особенно рѣзко отрицательныя галлюцинаціи. Проснувшись она не только не видѣла глазами лицо, относительно котораго ей было сдѣлано внушеніе, что оно отсутствуетъ изъ комнаты, но и не слышала его голоса. Если лицо это становилось поперекъ дороги, такъ что Марья наталкивалась на него и не могла пройти дальше, она оцупывала его руками и не видѣла и не оцупывала его, говоря что ей что-то мѣшаетъ идти: „дверь, что-ли?“. Послѣ внушенія удавались обычныя контрактуры, параличи и прочія дѣйствія, свойственныя загипнотизированнымъ. Послѣ пробужденія наступила полная амнезія о періодѣ гипноза, и она не знала, что ее гипнотизировали. Вліяніе личности гипнотизирующаго въ состояніи гипноза было несомнѣнно. Никому кромѣ меня не удавалось усыпить ее, а въ сомнамбулическомъ состояніи дѣлать внушенія. Также и катаlepsія, наступавшая у нея съ перваго раза безъ внушенія, удавалась лишь мнѣ, если же положеніе конечности измѣнялъ кто-либо другой, то катаlepsизированная рука либо оказывала крайне сильное сопротивленіе, либо падала въ расслабленномъ состояніи. Внушенная анестезія была настолько сильна, что сдѣланный ей въ состояніи гипноза довольно сильный ожогъ 2-й степени, не причинилъ ей ни малѣйшей боли и послѣ пробужденія, такъ что кликуша и черезъ нѣсколько дней не знала, откуда у ней ссадина отъ прорвавагося пузыря, и боли не испытывала. Я не буду описывать подробно многочисленныхъ опытовъ съ гипнозомъ надъ Марьей, такъ какъ здѣсь удавались всѣ детали,

хорошо известны на основании исследований Шарко. Разница заключалась въ слѣдующемъ. Марья упорно, не смотря на энергичныя внушенія, не отвѣчала на вопросы. Совокупность явленій, наблюдавшихся у нея, соответствовала фазѣ гипноза, названной Шарко сомнамбулизмомъ. Но мнѣ не удавалось перевести ея помощью открытія глазъ въ каталептическую фазу.

Лечебное вліяніе гипноза на Марью было рѣзкое и благотворное. Всѣ субъективныя ощущенія исчезали, настроеніе измѣнялось къ лучшему и припадки послѣ перваго же сеанса прекратились. Около двухъ недѣль она была совершенно здорова, но передъ моимъ отъѣздомъ она сильно взволновалась подъ вліяніемъ страха передъ предстоящимъ молебномъ, и во время службы впала въ сильный кликушный припадокъ. У Марьи легко удавалось купировать внушеніемъ припадки и вызывать ихъ, когда она находилась въ состояніи гипноза.

Марья подобно другимъ кликушамъ увѣряла, что она заранѣе предчувствовала мой пріѣздъ.

Проснувшись отъ гипнотическаго сна, Марья довольно долго чувствовала общую разбитость, которую, однако, удавалось устранить внушеніемъ.

5) Хавронья Савельева, 70 лѣтняя старуха, свекровь вышеупомянутой Марьи Алексѣевой, совмѣстно съ которою живетъ въ избѣ. Добродушнѣйшая старушка, морщинистая, сутуловатая, съ наивнымъ, богобоязненнымъ выраженіемъ лица. При бесѣдѣ съ нею и изслѣдованіи обнаруживаетъ боязливость и волненіе.

Заболѣла она одновременно съ невѣсткой Марьей, поѣвъ у Сиклитиньи лепешекъ съ медомъ. Съ того времени не стала переносить святостей. Припадки дѣлались въ видѣ трясенья, плача и оханья. Не могла слышать имени Сиклитиньи: „дѣлается такая лихота, что и терпѣть нельзя, очень трудно“. Въ началѣ заболѣванья Хавронья выкрикивала: „трудно мнѣ будетъ шесть недѣль, вотъ день мой, погуляю!“ (отъ имени бѣса). Дѣйствительно черезъ 6 недѣль ей стало легче и теперь она не падаетъ и не выкрикиваетъ. Во время церковныхъ службъ она пускалась въ плясъ: „лишь бы мнѣ плясать, когда молебень служить!“. Говоритъ, что противъ Сиклитиньи зла никакого не имѣла. Теперь ей трудно стоять на обѣднѣ, но кричать не кричитъ, „а какъ «Иже херувимы» стануть пѣть, такъ я лежу, а какъ перепоютъ, встану, перекрестюсь, только тяжело руку подымать.

Много ходила по монастырямъ, носила много подношеній, „холстѣ снесла и ниточекъ, что бы за здравіе записали. Въ трехъ монастыряхъ меня все причащали, и постомъ 3 раза причащалась“. По словамъ Хавроньи во время припадковъ „вступить въ поясницу и въ ви-

сокъ, нигдѣ мѣста не найдешь, а какъ масломъ святымъ вымажешься, легче станетъ“.

Въ соматической сферѣ у Хавроньи слѣдуетъ отмѣтить старческую слабость, склерозъ сосудовъ. Питаніе слабое; походка медленная, старческая. Со стороны органовъ чувствъ—старческое ослабленіе зрѣнія. Зрачки нормальны. Никакихъ отклоненій въ отправленіи 12-ти паръ головныхъ нервовъ нѣтъ. Чувствительная, двигательная и рефлекторная нервная системы не представляютъ отклоненій отъ нормы. Въ припадковъ дрожи въ рукахъ нѣтъ. Типичныхъ признаковъ истеріи нѣтъ: ни расстройствъ чувствительности, ни болѣзни позвоночника, ни истерогенныхъ зонъ, ни вліянія давленія на яичникъ. Рѣчь отчетливая, хотя и старческая. Внутренніе органы нормальны; языкъ чистый; отправленія кишечника правильны; въ легкихъ эмфизема; мѣсячныхъ нѣтъ уже лѣтъ 20; женская сфера нормальна. Поле зрѣнія нормально (исслѣдовано безъ помощи периметра).

Со стороны психики Хавронья никакихъ рѣзкихъ отклоненій отъ нормы не представляетъ. Въ промежуткахъ между припадками она здорова и стойкими остаются лишь навязчивое состояніе въ формѣ боязни святостей и нетерпимость къ имени Сиклитиньи. Со времени болѣзни, характеръ ея измѣнился: она стала грустить и томилась убѣжденіемъ въ тяжести своей болѣзни. Припадки въ послѣднее время бываютъ не часто, иногда бываетъ здорова по недѣлямъ. Наступаютъ они при церковныхъ службахъ, при различныхъ непріятностяхъ, при пріѣздѣ вачальства въ деревню и при упоминаніи въ ея присутствіи имени Сиклитиньи.

Мнѣ пришлось видѣть у Хавроньи нѣсколько припадковъ, которые были выражены въ неполнѣ развитой формѣ. Во время первыхъ разговоровъ со мною она волновалась, учащенно дышала, словно страдала отдышкой, и принимала страдальческое выраженіе лица; временами охала и стонала. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ припадка она начинала трястись и эти движенія, сначала появившіяся въ рукахъ, напоминали типъ дрожи при *paralysis agitans*. Затѣмъ больная начинала плакать, громче стонать и хвататься за сердце. Она ни разу не падала. Была совершенно сознательна. Не кричала на голоса и отвѣчала на вопросы. Обнаруживала во время припадковъ страхъ и волненіе. Хавронья увѣряла, что о прежнихъ своихъ припадкахъ ничего не помнить. Изъ субъективныхъ ощущеній почти постоянны боль подъ ложечкой, *globus hystericus*, болѣзненность живота и предсердечная тоска.

При опытахъ съ гипнозомъ Хавронья оказалась типичной сомнамбулой, въ смыслѣ Шарко. Съ перваго раза она быстро заснула; само-

стоятельно, безъ предварительнаго внушенія получила анестезія и каталенсія, а по пробужденіи полная амнезія о періодѣ гипноза, такъ что она даже не подозрѣвала о томъ, что ее гипнотизировали. У нея въ точности повторились всѣ явленія, описанныя у предыдущей кликуши. Интересно, что не смотря на очень легкую внушаемость, ей не удавалось внушить такъ называемыя лабораторныя преступленія, какъ, напримѣръ, украсть яйца со стола, хотя этотъ злосчастный предметъ долгое время приковывалъ къ себѣ взглядъ добродушной старушки по пробужденіи. Всѣ другія внушенія удавались въ совершенствѣ. Лечебное вліяніе гипноза было несомнѣнно и она быстро поправилась, причемъ болѣе припадковъ не наступало. Послѣ сеанса гипноза всѣ субъективныя ощущенія немедленно прсходили, она сразу преобразовывалась, становилась веселою, сама заявляя „теперь повеселѣла“. Проснувшись она не обнаруживала боязни святостей, ѣла просфору и пила святую воду.

Идеи бѣсооержимости не были ясно формулированы. Она допускала, что у нея внутри „врагъ“, но что это за врагъ, объяснить не могла.

Подобно другимъ кликушамъ Хавронья утверждала, что знала о моемъ приѣздѣ еще наканунѣ: „цѣлый день не ѣла, не пила, лихо было, и говорю я: какаянибудь будетъ намъ переменна, нигдѣ мѣста не найдешь!“ Подобно всѣмъ остальнымъ кликушамъ Хавронья упорно молчала во время сомнамбулическаго состоянія и на вопросы не отвѣчала.

6) Марья Федорова 33 лѣтъ. Молодая женщина, хорошо сложенная, но съ задатками туберкулезнаго пораженія легкихъ. Уроженка с. Жихарева, расположеннаго въ 3-хъ верстахъ отъ дер. Ащепково. Вышла замужъ въ Ащепково 17-ти лѣтъ. До замужества была здорова наследственности въ семьѣ не было. Мужъ ея служить въ Москвѣ 18 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, такъ что супруги видятся рѣдко. Марья иногда ѣздитъ въ Москву и иногда проживаетъ тамъ по мѣсяцу. Въ послѣдніе 16 лѣтъ Марья часто хворала, по настоящей болѣзнью заболѣла полтора года назадъ. Имѣла пятерыхъ дѣтей, которыя всѣ живы. Заболѣла она весной 1898 года одновременно съ остальными кликушами. Когда привесли въ Ащепково икону изъ Колоцкаго монастыря, „я цѣлый день лиховалась, грусть и лихота меня брали. Пять молебновъ ходила, все-таки сдержалась, а какъ къ старостѣ принесли, такъ не могла сдержаться: круженіе головы сдѣлалось, отнялись ноги и безъ чувствія упала. Потомъ не могу знать, что было“. На слѣдующій день Марью опять повели къ иконѣ. „Меня очень трясло, во всемъ чувствіи была, только трясло, минутъ шесть—покуда

перенесли (икону) изъ двора въ дворъ. Кричать еще не кричала, но съ того времени все болѣло, сердце, голова, вся была ослабши и аппетита въ ѣдѣ не было“. Написала мужу, что больна. Мужъ прислалъ письмо и денегъ, чтобы она ѣхала въ Москву, полечиться у докторовъ. Но, по словамъ Марьи, „доктора не могли признать ея боль“ и мужъ направилъ ее для леченія въ Симоновъ монастырь. Въ монастырѣ очень много такихъ больныхъ женщинъ было, человекъ около тридцати. Болѣзнь ея состояла въ томъ, что „движеніе было: за службу (церковную) какъ ударить, такъ я ложила въ постель“. Въ монастырь каждый день на извозчикѣ ѣздила, оттуда шла, а туда не могла идти, должно быть вредно, баринъ, было. Въ монастырѣ молились Богу. Пользоваться ничѣмъ не пользовали, только однимъ молебствіемъ, травами поили, да масломъ деревяннымъ, а въ маслѣ просфоры были тоже. Отецъ Маркъ только этимъ и занимался, около больныхъ обходился. Я пошла къ нему въ келью. Какъ онъ перво-наперво ко мнѣ вышелъ, я не могла сдержаться, упала ницъ, заплакала и зарыдала и не могла чувствія имѣть... Потомъ почувствовала черезъ нѣкоторое время... выносить онъ мнѣ просфору—и опять не могла сдержаться. Потомъ попросилъ онъ поддержать меня, смазалъ деревяннымъ масломъ и вложилъ въ ротъ мнѣ просфору. Онъ говорилъ: „молодуха, вамъ нужно побыть здѣсь шесть недѣль“, но я, дѣйствительно, не сдержала шести недѣль, а черезъ три недѣли уѣхала. Когда въ монастырѣ молебеніе было, сдѣлалась у меня сильная рвота и мнѣ послѣ того полегчало. Тамъ всѣ больныя кричатъ, только отецъ Маркъ не даетъ имъ кричать: масломъ деревяннымъ уста смазываетъ, а какъ оплошку дать, то всѣ и выкрикаютъ, кто что съѣлъ ли, спилъ ли или на сляду¹⁾... такъ на него и выкрикаетъ... Одна дѣвочка семнадцатилѣтняя кричала, черезъ яблочекъ перешла только... Я до того биться билась, но выкликать не выкликала“...

По словамъ матери: „слытки дѣлали ей, за палецъ, за четвертый, за безымянный, держали, все дѣлали, что люди дѣлаютъ, только ни на кого Марья не выкликала. Монашенки ходили, иконки къ груди прикладывали, говорятъ отъ Ивана Кронштадтскаго освященныя.. и все-таки не выкликала“.

Въ церкви Марья ругала священника: „ахъ ты, косматый такой, пузатый, рожастый“. Мать также ругала: „не вози, не вози, я тебя вздую!“ До поѣздки въ Симоновъ монастырь она сама подходила къ причастію, а пріѣхавши оттуда, стала къ причастію съ трудомъ подходить: „два раза подведутъ, а въ третій приметъ причастіе,—

¹⁾ Указаніе на передачу порчи черезъ пищу, питье или колдовство на слѣдѣ.

обмѣртваеть, стоитъ, и ничего не сдѣлаешь“. Выкликала, что „у меня ихъ пять сидѣло, четыре вышло, а одинъ остался. Сама я ничего не знаю о томъ, что кричу, а только мать потомъ сказываетъ, что священника ругаю. Какъ про нее поговорять, про Сиклитинью, такъ мнѣ дурно дѣлается, не могу себя сдержатъ, а зла на нее не имѣю: оторохъ (страхъ) беретъ и сама не могу разсудить. Она мнѣ и кума и ничего промежь насъ, никакой раздорности не было. Теперь легче стало отъ нашего священника: заказывали сорокъ обѣденъ, сорокъ просфоръ высылаетъ мокринскій священникъ. Теперь, когда выношь выносить, только поплачу, сама не знаю, почему; бѣдность такая поднесется, будто я кого жалѣю; слезы какъ градъ сыплютъ“. Теперь и священника не бранить. Я сначала на Сиклитинью вѣры не брала, я вины ея, баринъ, нисколько не признаю. Можетъ своя неосторожность: напилась, не благословаясь. У Пантелеймона въ Москвѣ тоже была, но, что тамъ такихъ больныхъ лечатъ, не слыхала. Работать я работаю, но мочи нѣтъ, духъ захватываетъ и подъ груди подкатывается“.

До болѣзни Марья была очень религіозна, но, по словамъ матери, „какъ заболѣла, такъ развѣ силкомъ въ церковь возили, а не то такъ связанною, съ напоромъ двое—трое ведутъ“. Марья убѣждена, что отъ Симонова монастыря, да отъ своего священника она помощь получила и теперь выздоравливаетъ: „Только не знаю, когда Сиклитинья вернется, будетъ ли со мною припадокъ“. Глубоко убѣждена въ томъ, что лишь однѣ святости помогутъ ей. „Я такъ расчисляю, что отъ порчи эта болѣзнь происходитъ: одинъ отъ другого, если хитрый человекъ, по книгамъ и травамъ занимается. А въ Симоновомъ монастырѣ какъ шесть недѣль выдержатъ, да травами выпоятъ, такъ и выходятъ здоровыми.“

Во время припадковъ Марья кричала: „ой лихо мнѣ, ой тошно, куда мнѣ дѣться!“ А въ церкви кричала отъ имени дьявола: „уйду, выйду, выйду! Ты меня задушила, просфорами задавила, ладаномъ, старуха, заморила“. Теперь стала принимать святыни всѣ. Какъ только святой водой лицо умоютъ и шабашъ, приметъ причастіе.

Марья очень жалѣетъ крестника своего Ивана, сына Сиклитиньи. Предлагала ему иногда постирать бѣлье, но тотъ отклонялъ, говоря, что „много разговоровъ будетъ“.

По словамъ Марьи, „ихъ священникъ въ обѣднѣ каждый разъ обо всѣхъ объ нихъ Богу молится“.

Интересно замѣчаніе матери Марьи, сказанное ею мнѣ: „говорять эта боль пристааетъ, а вотъ вѣдь я духъ ея глотала, и мокрая она вся сдѣлается, и ничего она не пристааетъ“. Медико-психологическое

ислѣдованіе Марьи показало, что нервная система ея органически здорова и функционируетъ правильно. Лицо серьезное, покойное, доброе, вполне сознательное. Зрачки нормальны. Поле зрѣнія (ислѣдовано безъ периметра) нормально, органы чувствъ также. Чувствительность кожи нормальна, рефлексы также. Ни одного изъ симптомовъ типичныхъ для истеріи не оказалось, ни болѣзненности позвоночника, ни истерогенныхъ зонъ, ни вліянія давленія на яичникъ. Вазомоторы нормальны. Жалуется на боль въ поясницѣ.

Половыхъ сношеній съ мужемъ не имѣетъ 3 мѣсяца по случаю болѣзни, боясь, чтобы къ нему болѣзнь не пристала или ребенокъ въ этомъ положеніи не зародился. Какъ собирается въ церковь къ причастію, такъ открываются мѣсячныя, хотя бы они только что отошли. Въ остальное время они правильны. По ея словамъ, это наблюдается, у всѣхъ. „Ужъ если намъ лучше не станетъ, то насъ на живодерню развѣ только, потому никуда не годимся, ослабѣли“. Мѣсячныя безболѣзненны. Женская сфера органически нормальна, но половая функція совершенно неудовлетворенная. Двигательная сфера внѣ припадковъ нормальна. Со стороны психики Марья вполне здорова. Характеръ ея не похожъ нисколько на истерическій. Она искренна, правдива, добра и ласкова. Не смотря на свою неграмотность, женщина не глупая и хорошо соображающая. По словамъ свекрови: „Марья легкаго характера, я отъ нея никакой худобы окромя добра не видала. Хоть бы Богъ привелъ такъ съ родными дѣтьми жить!“. Дѣтей своихъ очень любить.

Внѣ припадковъ Марья обычно грустна, ничто ее не веселитъ, и остается постояннымъ павязчивое состояніе, вслѣдствіе котораго она не переноситъ святостей и не можетъ слышать имени Сиклитиньи: немедленно развивается припадокъ.

Припадковъ у Марьи я наблюдалъ нѣсколько, и они по формѣ отличались отъ видѣнныхъ мною у другихъ. Она сразу и стремглавъ падала на полъ съ своего мѣста съ большою силою и безъ всякихъ предвѣстниковъ. Это паденіе всегда производило на окружающихъ очень тяжелое впечатлѣніе. Марья оставалась затѣмъ совершенно неподвижною, словно въ состояніи глубокаго обморока. Она не реагировала на уколы и ни на какія другія раздраженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ пульсъ оставался совершенно правильнымъ и даже не ускорялся свыше 84. цвѣтъ лица не измѣнялся, а выраженіе лица было маскообразно спокойное. Зрачки были нормальны и реагировали на свѣтъ. Продолжительность такого состоянія была различна отъ 2—30 минутъ и пробуждалась она сразу, говоря, что ничего не помнитъ о случившемся. При мнѣ не было никакихъ двигательныхъ явленій, ни дрожи

ни подергиваній, хотя, по словамъ другихъ, Марья въ началѣ болѣзни „билась сильнѣе всѣхъ и норовила со всего маху на камень или куда на другое расшибиться“. Изслѣдованіе нервной системы во время припадковъ не показало никакихъ отклоненій отъ нормы и ни одного признака типичнаго для истеріи кромѣ анестезіи. При мнѣ она ни разу не издавала ни одного звука и падала молча и неожиданно. Раньше, когда Марья еще кричала, она придя въ себя, просила мать простить ее, если она что нибудь худое сказала.

При опытахъ съ гипнозомъ Марья оказалась типичной сомнамбулой, въ смыслѣ Шарко, при чемъ у ней получились всѣ тѣ явленія, которыя описаны у предыдущихъ кликушъ. Безъ внушенія наступала анестезія, каталепсія, амнезія о состояніи гипноза. Рефлексы все время были нормальны. Повышенія механической возбудимости мышцъ не наблюдалось. Не удавалось, согласно указаніямъ Шарко, перевести ее изъ состоянія сомнамбулическаго въ каталептическое посредствомъ открытія глазъ. Помощью внушенія удавались всѣ извѣстныя для гипноза явленія, между прочимъ, особенно ясно отрицательныя галлюцинаціи. Въ комнатѣ, наполненной нѣсколькими интеллигентными лицами, Марья, проснувшись послѣ внушенія, искренно увѣряла, что въ ней никого нѣтъ, и, когда я ей предложилъ принести мнѣ табуретку, на которой сидѣлъ студентъ г. К., она сдѣлала это такъ легко и просто, энергичнымъ движеніемъ схвативъ табуретку, причемъ г. К. сильно покачнулся, что не оставалось сомнѣнія въ томъ, что она дѣйствительно его не видѣла. Любопытное явленіе наблюдалось при этихъ отрицательныхъ галлюцинаціяхъ: если я давалъ невидимому для кликуши лицу въ руки какой либо предметъ — графинъ, стаканъ и проч. — она этого предмета не видала, но если къ этому предмету прикасался рукою я, онъ тотчасъ же становился для кликуши видимымъ. Можно было такимъ образомъ, какъ будто бы въ глазахъ кликуши, надѣвать на предметъ по произволу шапку-невидимку. Не удалось и съ Марьей такъ называемыя лабораторныя преступленія. Она ни разу не выполнила внушеннаго воровства. Когда же, однажды, я внушилъ ей, что данный ей въ руки карандашъ есть ножъ и, что по пробужденіи она зарѣжетъ имъ г. К., Марья, проснувшись, нѣкоторое время словно поколебалась, затѣмъ сдѣлала довольно рѣшительно 2—3 шага по направленію къ господину К. и неожиданно со всего маху хлопнулась грудью объ полъ въ томъ же состояніи, напоминающемъ обморокъ, которое наблюдалось у ней во время кликушныхъ припадковъ. Во время сомнамбулическаго состоянія Марья ни на одинъ вопросъ не отвѣчала, не смотря на внушеніе въ этомъ направленіи.

Лечебное вліяніе гипноза было ясно. Послѣ перваго сеанса ей стало легче. Въ теченіе полутора дней она могла слышать имя Сикли-

тиньи и переносить святости. На третій день стали болѣть сердце, поясница и голова, и она пришла ко мнѣ, жалуясь на общую слабость. Когда я упомянулъ имя Сиклитиньи съ ней повторился припадокъ въ слабой степени: она упала, всхлипывала и плакала, но сознанія не теряла. Очнувшись черезъ 4—5 минутъ, она просила о ней не говорить, потому что ей дѣлается очень тяжело. Послѣ второго сеанса почувствовала сильное улучшение. Во все время дальнѣйшаго пребыванія моего на мѣстѣ, припадки у Марьи не повторылись и она считала себя излеченною. Выстояла она также благополучно и послѣдній молебень въ деревнѣ наканунѣ моего отъѣзда.

Вопреки утвержденію остальныхъ кликушъ Марья не имѣла предчувствія о моемъ пріѣздѣ.

7) Марина Максимова 26 лѣтъ. Очень мало развитая умственно женщина, но довольно злая и упрямая, фанатически проникнутая суевѣрїями и ненавистью къ Маринѣ Николаевой, которую обвиняетъ въ порчѣ. Замужемъ шестой годъ, но дѣтей не имѣетъ, такъ какъ единственная дочь умерла 4 года тому назадъ. Въ семьѣ нѣтъ ни наследственности, ни сифилиса, ни алкоголизма. Живетъ вдвоемъ съ мужемъ очень бѣдно. Имѣютъ лишь избу безъ надѣла. Мужъ служитъ пастухомъ въ деревнѣ, а Марина ходитъ на работу къ крестьянкамъ. Дѣвушкой еще, жила въ Москвѣ горничной. Марина женщина ниже средняго роста, правильно сложенная и хорошо упитанная. Лицо покрыто рубцами отъ оспы, перенесенной въ дѣтствѣ. Легкое косоглазіе лѣваго глаза внутрь, происхожденіе котораго Марина объясняетъ тѣмъ, что въ дѣтствѣ ей капнуло въ глазъ горячее масло изъ лампы. Объективное изслѣдованіе показало, что нервная система совершенно здорова и что ни одного симптома, типичнаго для истерїи (перечисленныхъ неоднократно выше), нѣтъ. Изъ субъективныхъ ощущеній Марина жаловалась на боль подъ ложечкой и въ поясницѣ, отсутствіе аппетита и головную боль.

Со стороны психики стойкая и упорная ненависть къ Маринѣ Николаевой, боязнь святостей и злобный характеръ. Довольно бойко рассказываетъ о своей болѣзни, при чемъ старается очернить и оговорить Бабаевыхъ. Твердо убѣждена, что ее испортила Марина: „черезъ нее страдаю, какъ поѣла хлѣбушка“. О томъ, кто въ ней сидитъ, ничего не знаетъ, даже засмѣялась и сказала: „не знаю, онъ не показывался“. Вообще черта отрицаетъ, увѣрена лишь въ порчѣ. Припадки бывають, какъ въ церковь пойдетъ, когда иконы въ деревню приносятъ, или къ причастію подводятъ, а также когда Марину увидитъ: „я сердую на Марину, потому она мнѣ очень вредна“. Она съ ней ссорилась и раньше, но съ тѣхъ поръ, какъ однажды отъ нея

хлѣбушка поѣла, такъ и заболѣла. Какъ говорю объ ней, такъ трясенье сейчасъ дѣлается. Посмотрите, ужъ у насъ руки начинаютъ“ (при этомъ показываетъ руки, въ которыхъ появляется искусственная дрожь). Она увѣряетъ, что дрожь эта невольна: „вотъ вы такъ сдѣлайте, если можете!“. По ея словамъ, во время припадковъ съ ней дѣлается головокруженіе и она падаетъ: „когда увижу ее, не могу на ногахъ стоять“.

Заболѣла Марина на Пасху 1898 г. одновременно съ остальными кликушами.

У Марины былъ цѣлый рядъ несомнѣнно притворныхъ явленій во время припадковъ, и пользовалась она ими неумѣло и грубо, пыталась доказать свою правдивость. Однако, по свойственному ей малому умственному развитію, она, повидимому, сама вѣрила въ то, что она не притворяется. Были, однако, у ней и довольно сильные припадки, больше въ формѣ обмороковъ, во время которыхъ она не реагировала на уколы и говорила, что ничего о нихъ не помнитъ. Во время видѣнныхъ мною припадковъ (см. выше стран. 119) Марина не издавала никакихъ звуковъ и не выкрикала на Марину.

Она также оказалась сомнамбулою, но въ меньшей степени, чѣмъ другія кликуши. Часто она пробовала, хотя и безуспѣшно, сопротивляться внушенію сна, но не могла открыть послѣ внушенія глазъ, а каталепсія получалась сразу и на яву. Вслѣдъ затѣмъ немедленно наступалъ сонъ, и у нея получались всѣ тѣ явленія, что и у предидущихъ кликушъ.

Въ общемъ у Марины была значительная доля притворства въ ея припадкахъ, а потому леченіе гипнозомъ у нея шло не такъ успѣшно, какъ у другихъ, хотя послѣ нѣсколькихъ внушеній и привело къ прекращенію припадковъ.

Однако, во время молебна въ Ащепковѣ передъ моимъ отъѣздомъ она впала въ сильный припадокъ.

8) Хавронья Аполлонова 33-хъ лѣтъ. Живетъ на купчей землѣ въ полуверстѣ отъ деревни. Замужемъ за солдатомъ, который въ настоящее время на заработкахъ и служитъ прикащикомъ въ с. Мокромъ. Шестой годъ за мужемъ, но дѣтей не было. Она за мужемъ за вдовцемъ, у котораго отъ первой жены одинъ сынъ женатый. Семья живетъ вмѣстѣ дружно и занимается хозяйствомъ на купчей землѣ. До заболѣванія Хавронья была хорошая работница. О своемъ заболѣваніи Хавронья рассказываетъ такъ: „Заболѣла постомъ 1898 года. Приѣхали они человѣкъ шесть вмѣстѣ съ Сиклителиней въ Можайскъ. Съели чай пить. Сиклителиня съѣла подъ лѣвую руку и ѣла она съ ней изъ одной тарелки. Сиклителиня дала ей свой хлѣбъ. Деверь Гри-

горій замѣтилъ: „не ѣшь ея (Сиклитиньи) хлѣба, зачѣмъ ты ея хлѣбъ ѣшь?“. „Тутъ мнѣ точно что оборвалось: не могла выпить другой чашки чая, пошла на полъ и легла. Съ тѣхъ поръ и заболѣла. Постомъ два раза ѣздила въ церковь, но къ священнику не могла подойти, а почему, не знаю. Боялась и чувствовала, безотчетный страхъ. Тогда уже были больны Марѳа Петрова и Неонила Титова. Трясло, подъ сердцемъ было больно. Не знала я, отчего заболѣла“. Хавронья не можетъ произнести имени Сиклитиньи; при эгомъ давится, лицо краснѣетъ, появляются рвотныя движенія, морщитъ губы; лицо выражаетъ отвращеніе. Когда много про нее слышитъ, тоже припадки дѣлаются. Въ церкви палала. Ѣздила для излеченія по монастырямъ. Говоритъ, что въ первый годъ болѣзни ей представлялось „не знаю что“. Ночью, какъ пѣтухъ первый прокричитъ, такъ и я закричу. Сильно боялась, народу боялась, не могла на народъ глядѣть, пряталась отъ народу“. Боялась, что ее зарѣжутъ.

Въ настоящее время Хавронья не переноситъ церковной службы: „за нами и священникъ ухаживаетъ, когда Святыя Тайны подноситъ. Святыя Тайны въ глотку не пускаетъ; какъ зарѣветъ: вочень страшно—меня минутъ 25 держитъ. Причастіе вливаютъ насильно“. Говоритъ, что у ней внутрѣ понасажено, но о томъ, кто сидитъ, имѣетъ смутное понятіе и ясно формулированныхъ идей бѣсоодержимости не выказываетъ. Когда я ее стала увѣрять, что про порчу люди все врутъ, она съ недовѣріемъ и ироніей сказала: „эхъ, баринъ! ну какъ же врутъ, когда вотъ я четыре года здоровая была и никого я не боялась, а теперь вотъ какъ похудѣла! Подъ праздникъ я никогда не сплю, всю ночь трясеть“.

Припадки бывають въ довольно легкой формѣ. Падаеть рѣдко и ничего ни выкликаеть во время нихъ. Чаше плачетъ, волнуется, вздыхаетъ, принимая томный видъ. Судоргъ и двигательныхъ разстройствъ не было.

Какъ во время припадковъ, такъ и въ промежуткахъ между ними, Хавронья никакихъ отклоненій со стороны нервной системы не представляла. Было ощущеніе холода въ спивѣ, но болѣзненности позвоночника не было. Признаки, типичныя для истеріи отсутствуютъ. Поле зрѣнія, зрачки, рефлексъ, чувствительность, область яичниковъ—нормальны. Менструаціи неправильны, въ это время бываетъ боль въ животѣ и въ поясницѣ, такъ что не можетъ работать. Внутренніе органы нормальны.

Со стороны психики Хавронья женщина глупая, пустая и суетвѣрная. Она добродушна и не обладаетъ особенною склонностью вникать въ сущность вещей. Она принимаетъ на вѣру, безъ критики все,

что угодно. Стойка боязнь святостей и нетерпимость къ имени Сиклитиньи.

Къ гипнозу Хавронья была очень воспримчива, и всѣ описанныя выше сомнамбулическія явленія удавались и у нея. Внушаемость была очень сильна и она въ бодрственномъ состояніи не могла открыть глазъ послѣ внушенія, что они закрыты, не смотря на усиленные попытки. Вліяніе личности гипнотизера было ясное, такъ какъ другимъ лицамъ ее усыпить послѣ меня не удалось, хотя на этотъ счетъ никакихъ внушеній не дѣлалось. Анестезія и катаlepsія наступали съ перваго раза безъ внушенія, какъ и послѣдующая амнезія.

Лечебное вліяніе внушенія было благоприятное. Она сразу могла переносить имя Сиклитиньи и припадки послѣ леченія не повторялись. Во время припадковъ можно было прекратить ихъ внушеніемъ, равно какъ и вызвать вновь во время сомнамбулическаго сна.

9) Мавра Михайлова, 64-хъ лѣтняя старуха, довольно дряхлая, худая и слабая. Въмѣстѣ, со старикомъ мужемъ живутъ въ избѣ зажиточно. Мужъ „по случаю выпиваетъ“. Нервныхъ болѣзней въ семьѣ не было. До замужества была здорова. Заболѣла она позже всѣхъ другихъ ащепковскихъ кликушъ, въ іюнѣ 1898 г., когда Сиклитинья уже уѣхала въ Москву. „Сдѣлалось надо мною трясенье, Господь знаетъ съ чего! Въ руки ударить, въ ноги и въ голову, а сперва даже тошнота была. Тоска, скучно, мѣста себѣ не найдешь. Припадки случались во время службы, а то и такъ, безъ службы. Ходила по мѣстнымъ монастырямъ, но помощи большой не получала: „трясенье есть и сейчасъ, а только послободѣло мнѣ много“. Думаетъ, что „на то похоже, какъ спорчена. Падала, но противъ ихъ всего легче было“. Было сильное головокруженіе. Не выкрикала: только первый разъ крикнула: „я тихій сижу!“ (отъ имени бѣса сидящаго въ ней). На мой вопросъ, кто же тамъ сидитъ, отвѣтила: „а Господь знаетъ! Оно само крикнуло, не могла не крикнуть: не вытерпишь, не скажешь! Къ причастію ходила и принимала благополучно, но какъ «Иже херувимы» запоютъ, такъ никакъ не состоишь, упадешь. Ну, какъ водицы святой дадутъ, выпьешь, умьешься, опять станешь Богу молиться“. Какъ про Сиклитинью заговорятъ, такъ съ ней дѣлается припадокъ. Во время разговора со мною, когда я упомянулъ о Сиклитиньи, Мавра стала охатъ, хватаясь рукою за подложечку, стала давиться, издавать икотные звуки и учащенно дышать и стонать. Появились движенія вродѣ трясенья головою и плечами. Пульсъ былъ 80. Мимика лица была осмысленная. Она заявила: „дуже мнѣ, лихо стало! Ты мнѣ про ее не говори, я не могу ее перенести никакъ! При этомъ она нудится, ее какъ-будто тошнить, хотя она и

заявляетъ что „тошноты теперь нѣтути еще“. Эти явленія продолжались у ней минутъ 6—8, затѣмъ успокоилась и уже слышала имя Сиклитиньи покойно. Когда я ей на это указалъ, она замѣтила: „да вѣдь не все же это на до мною будетъ такъ“. Болѣзнью своею Мавра очень тяготится: „не хорошо, батюшка, въ церковь придешь, всякъ на тебя глядитъ, словно на звѣря какого. Хоть бы Господь помогъ, вѣкъ за тебя Богу молиться будемъ“.

Во время видѣнныхъ мною у Мавры припадковъ, она не кричала, не падала, а припадокъ ограничивался вышеописанными явленіями, при чемъ она часто плакала и обнаруживала страхъ. Какъ во время припадковъ, такъ и внѣ ихъ, никакихъ отклоненій отъ нормы со стороны нервной системы не обнаруживалось и типичные для истеріи симптомы отсутствовали. Чувствительность была нормальна, рефлексы и вазомоторы также. Со стороны глазъ разстройство не было. Болѣзненность позвоночника была однако рѣзко выражена. Суженія поля зрѣнія, истерогенныхъ зонъ не наблюдалось. Внутренніе органы нормальны. Сложеніе правильное, питаніе среднее. Женская сфера здорова. Мѣсячныхъ нѣтъ уже 20 лѣтъ.

По характеру Мавра старуха серьезная, но добрая, набожная и проникнутая всѣми деревенскими суевѣріями. Держитъ себя сдержанно и съ достоинствомъ и, какъ почтенная деревенская старуха, пользуется общимъ уваженіемъ со стороны населенія. За исключеніемъ боязни святостей и нетерпимости къ имени Сиклитиньи, отклоненій въ душевной дѣятельности не замѣчается. Сообразно своему общественному положенію довольно развита умственно и сообразительна.

Съ цѣлью гипноза я усадилъ ее спокойно на скамейку и безъ всякаго внушенія закрылъ ей глаза, слегка надавивъ пальцами на закрытыя вѣки. Секундъ черезъ 15 она впала въ сомнамбулическій сонъ. Получилась анестезія, тогда какъ раньше она была очень чувствительна къ уколамъ. Слова „сонъ“ не было произнесено, и Мавра не знала, что я ее гипнотизирую. Каталепсисъ однако не наступило. Исчезла болѣзненность позвоночника, тогда какъ въ бодрственномъ состояніи при слабомъ давленіи на позвоночникъ охала и стонала. Разбудилъ ее также не сказавъ „проснись“, а лишь дунувъ ей въ лицо и ударивъ въ ладоши надъ ухомъ. Рефлексы были во время сомнамбулическаго состоянія нормальны. Повышенія механической возбудимости мышцъ не замѣчалось. Было сдѣлано обычное лечебное внушеніе и, проснувшись, Мавра говорила, что чувствуетъ себя хорошо. Разговоръ про Сиклитинью слушала уже спокойно. Послѣ пробужденія болѣзненность позвоночника исчезла, хотя внушенія на этотъ счетъ сдѣлано не было.

Послѣ повторныхъ внушеній Мавра поправилась, и припадки прекратились, хотя въ своихъ суевѣріяхъ и въ томъ, что она была испорчена Сиклитиней, осталась убѣжденною не поколебимо.

10) Акулина Семенова 32-хъ лѣтъ, заболѣваніе которой, строго говоря, не относится къ ащепковской эпидеміи, такъ какъ обнаружилось оно еще лѣтъ десять назадъ. Замужемъ 11 лѣтъ. Дѣтей нѣтъ и не было. Живутъ достаточно въ обычной крестьянской обстановкѣ. До замужества была здорова. Замужъ шла по согласію. Заболѣла сей-часъ же послѣ свадьбы. Какъ перевѣнчались, такъ и почувствовала: „въ животѣ мнѣ сдѣлалось распаленіе, а на завтра рвота, въ головѣ круженіе, въ глазахъ темно“. Послѣ свадьбы, по случаю болѣзни, недѣлю не имѣла сношенія съ мужемъ, но затѣмъ половныя сношенія были правильны. Мѣсячныя были правильны, но сопровождались болью. Съ того времени больна все время. Но ни на кого не кричала. Каждый разъ на Егорьевъ день, въ годовщину свадьбы ей дѣлалось очень дурно, ложилась недѣль на пять въ постель: „очень въ животѣ мнѣ пороло“. Но святости все время принимала и въ церковь ходила. Припадки продолжались часа по три, и бывали раза 3 въ недѣлю, при чемъ ее сильно ломало. Въ послѣднее время припадки меньше стали, послѣ того какъ много бывала по святымъ мѣстамъ. Четыре года тому назадъ стала кричать, хотя съ самаго начала чувствовала перемѣну, какъ только пойдетъ въ церковь. „Святинею меня раздразили, принесли Колоцкую Царицу Небесную и выкрикнула на мужчину, на Бориса, изъ своей деревни. Когда я въ своемъ чувствіи я зла на него не имѣю, а когда случится со мною, такъ кажется разорвала бы его, еслибы на глаза попался. А я отъ него грубаго слова не слыхала, такъ же и онъ отъ меня“. Почему начала выкрикивать на него, не знаетъ. Борисъ пожилой человекъ и никакого повода къ этому не давалъ. Во время припадковъ она кричала и давилась: „недѣли по три не отпускало“. Сильно похудѣла. „То я хорошая была, а теперь стала никуда не годна“. Всѣ ей говорили, что она испорчена. Относительно сидящихъ въ ней чертей имѣетъ самыя неопредѣленныя и смутныя понятія: „одинъ Господь знаетъ“. Какъ въ церковь придетъ, такъ начнетъ ее коверкать и ломать, въ послѣднее время падаетъ рѣдко, „а все-таки чувствую, господинъ докторъ, что еще есть“. Противъ сердца, все равно, какъ огнемъ жжетъ, когда Святныя Тайны принимаю, думаю, рубаха на мнѣ загорится.

При мнѣ у Акулины было нѣсколько припадковъ. Чаше она плакала, волновалась, говорила, что съ ней трясенье дѣлается, часто болитъ спина, но болѣзненности позвоночника нѣтъ. На Сиклитинью не думаетъ. Настроеніе духа обычно тоскливое, и часто бываютъ сильныя

приступы тоски. Болѣе сильныя припадки очень напоминали типичныя истерическія припадки. Движенія были произвольны, и трактовать ихъ, какъ судорги, по моему мнѣнію, было нельзя. Даже тризмъ, и opisthotonus были несомнѣнно искусственны. Въ общемъ припадки Акулины рѣзко отличались, по своей картинѣ, отъ припадковъ другихъ ащепковскихъ кликушъ и болѣе напоминали истерическія. Однако, разстройство чувствительности, глазъ и прочихъ соматическихъ симптомовъ истеріи не было.

Со стороны психики она сознательна, но очень раздражительна. Живетъ съ мужемъ дружно и такъ свыклась съ своею болѣзью, что самый видъ ея постоянно страдальческій, расслабленный. Къ гипнозу Акулина также оказалась очень воспримчивою. Я усадилъ ее удобно и сказалъ: „будешь спать сейчасъ“. Она заснула моментально. Послѣ укола булавкою съ цѣлью изслѣдованія кожной чувствительности, съ ней сдѣлался сильный припадокъ съ настоящими судоргами и сильнымъ тризмомъ. Энергическимъ внушеніемъ удавалось прекратить его, но припадокъ снова начинался 4—5 разъ въ теченіе 6—8 минутъ. Послѣ тризма слѣдовали рвотныя и глотательныя движенія, съ сильнымъ скрежетомъ зубовъ, но безъ рвоты. Руки сильно вытягивались въ формѣ тетаническихъ судоргъ, и лицо сильно краснѣло подъ вліяніемъ прилива крови.

Послѣ внушенія исчезла наблюдавшаяся обычно болѣзненность живота, но вообще на теченіе болѣзни и припадки лечебное вліяніе гипноза было ничтожное.

11) Пелагея Тимофеева 33-хъ лѣтъ, замужемъ за Маркомъ Ивановымъ. Семья раскольниковъ австрійской секты. Въѣствъ съ мужемъ была больна весною 1898 г. тою же болѣзью—порчей, но въ настоящее время поправилась. Была больна до послѣдней беременности, которая протекла правильно и теперь ея ребенку 3 недѣли. Во время болѣзни „было томно, плакала, въ головѣ кружилось, но не падала, и ни на кого не выкрикала. Сиклитини боялась. Отъ святостей ей „полегчало“. О своихъ припадкахъ ничего не помнила. Болѣзнь продолжалась 3—4 мѣсяца. У раскольниковъ въ молебнѣ тоже бываютъ порченныя. По православнымъ монастырямъ не странствовала. При мнѣ у Пелагеи припадковъ не было. Она считала себя выздоровѣвшею, а подробное объективное изслѣдованіе не показало никакихъ отклоненій отъ нормы со стороны нервной системы. Опытовъ съ гипнозомъ въ виду состоянія ея здововья не было сдѣлано.

12) Мужъ ея Маркъ Ивановъ 37-ми лѣтъ, которому молва населенія также приписывала „порчу“ отъ Сиклитини, оказался по своей болѣзни ничего общаго съ кликушами не имѣющимъ. До прошлаго

года онъ былъ здоровъ. Работалъ въ Москвѣ, тамъ заболѣлъ и лежалъ во второй городской больницѣ. Приѣхалъ въ Ащепково въ январѣ 1898 г. „не совѣмъ благополучно:“ буйствовалъ, чувствовалъ себя въ разстройствѣ и 17-го января 1898 года (послѣ предсказанія Василисы на Крещенье въ с. Мокромъ), былъ отправленъ въ психиатрическую больницу въ г. Смоленскъ, изъ скорбнаго листа которой видно, что онъ былъ боленъ душевнымъ разстройствомъ въ формѣ *amentiae*, явившейся слѣдствіемъ перенесеннаго въ Москвѣ остраго инфекціоннаго заболѣванія, и былъ выписанъ по выздоровленіи 10-го февраля 1898 г. По возвращеніи домой Маркъ былъ совершенно здоровъ и только въ силу общей паники, господствовавшей въ деревнѣ, общая молва превратила его въ „порченнаго“. Одно время и самому Марку казалось, что „у обѣдни раскольничьей онъ почувствовалъ себя не совѣмъ добропорядочно, дѣлалось тошно, хотя ни на кого не кричалъ“. Въ настоящее же время считаетъ себя здоровымъ. Субъективное медико-психологическое изслѣдованіе никакихъ отклоненій отъ нормы не показало.

13) Федоръ Фроловъ 38 лѣтъ деревенскій пастухъ. Отъ природы глуповатъ почти до слабоумія. Упрямъ, наивенъ, суевѣренъ. Ни къ какой другой работѣ не способенъ. Въ пылу общаго возбужденія, охватившаго неселеніе деревни Ащепково, струсилъ и Федоръ, вообразивъ, что испорченъ и онъ. Болѣзненные явленія обусловливались лишь вліяніемъ разыгравшагося воображенія и боязни. Типичныхъ признаковъ кликушества не было. Твердо убѣжденъ, что его испортила Сиклитинья, и, благодаря своей наивной глупости, больше всѣхъ ораторствуетъ, пеняя на Сиклитинью и тѣмъ возбуждая и безъ того взволнованное населеніе.

О своихъ болѣзненныхъ явленіяхъ рассказываетъ такъ: „Другой разъ рука заболитъ лѣвая, или, къ примѣру правая, или въ животъ вступить, или въ ногу и круженіе головы сдѣлается. Разная болѣзнь бываетъ! Сначала заболитъ палецъ: вступало въ палецъ съ полчаса, потомъ уйдетъ въ другое мѣсто. Больше, баринъ, бываетъ отъ разговору. Когда про Сиклитинью рассказываютъ, то такое разстройство выйдетъ, что въ ногу вступить или въ другое мѣсто. Брюхо щемило, только тихо, а потомъ въ руку вступило, а въ голову только самую малость: сильно я ослабъ. Также, когда иконы принесутъ, все хочется уйти, потомъ заплачешь, и самъ не знаю отчего“. Заболѣлъ оттого, что шилъ Сиклитинья сапоги, а она хотѣла заплатитъ ему вмѣсто 50 копѣекъ—двадцать. Когда онъ не согласился, Сиклитинья угрозила ему, сказавъ: „ладно! больше проиграешь!“. Черезъ двѣ недѣли онъ сидѣлъ на масляной у одного крестьянина. Разговоръ зашелъ

о колдунѣ: что Сиклитинья отняла у его коровы молоко. „Такъ у меня вродѣ что встрепенулось въ животѣ: я словно спужался. Дальше, больше сталъ нездоровъ. Какъ только про нее заговорятъ, я сейчасъ плакать, а то и уйду отъ нея. Святости принимаю, ничего, только что слабъ сдѣлаюсь. На Благовѣщеніе мнѣ отъ артоса брюхо раздуло и ослабъ очень я: не могъ ни пройти, ни слова правильно сказать и такъ былъ до вечера“.

Въ виду того, что объективное изслѣдованіе не показало у Федора никакихъ отклоненій отъ нормы, что вся болѣзнь была мнимая и основана на разыгравшемся воображеніи и охватившемъ его страхѣ передъ порчей, я ограничился лишь тѣмъ, что прикрикнулъ на него и пригрезилъ, что въ случаѣ, если онъ не прекратитъ своихъ подстреканій противъ Сиклитиньи, то подвергнется за это отвѣтственности. Пріемъ этотъ оказался дѣйствительнымъ и подтвердилъ, что Федоръ по своему болѣзненному состоянію ничего общаго съ кликушами не имѣетъ, а поведеніе его основано на свойственномъ ему малолуміи.

Ащепковская эпидемія кликушества не ограничилась вышеприведенными случаями, а отразилась также въ сосѣдней деревнѣ Иваники, гдѣ заболѣли двѣ женщины, также обвинявшія въ порчѣ Сиклитинью

1) Арина И. 50-ти лѣтъ, вдова, бездѣтная. По отзывамъ односельчанъ, Арина женщина сомнительной нравственности. Со смерти мужа работаетъ по крестьянамъ поденно. Заболѣла она одновременно съ ащепковскими кликушами съ того, что у нея „дѣвка ночевала, Сиклюхина дочь. Такъ съ того времени бокъ заболѣлъ и животъ сталъ побаливать, ну, и думаемъ, непремѣнно спортила. Подкатывалось подъ сердце, въ рукахъ бывало онѣменіе, въ рукахъ и ногахъ ломота, а въ головѣ дурнота, словно съ похмѣля у пьянаго мужика“. Со всѣмъ лежать не лежала, а только ослабѣла. Святости принимаетъ, святую воду пьетъ, молебны стоитъ. Сиклитинья она боялась, потому что люди говорили, что она портитъ. Какъ только почувствовала боль въ боку, такъ и подумала: „батьюшки! это ужъ не Марина ли мнѣ сдѣлала, что она у меня ночевала“.

Въ настоящее время Арина поправилась и типичныхъ припадковъ кликушества у ней не бываетъ. Никакихъ отклоненій отъ нормы въ тѣлесной сферѣ у нея не найдено. Со стороны психики крайне неразвита, суевѣрная и наивная женщина.

2) Пелагея К. 44-хъ лѣтъ, вдова, мужъ которой умеръ 6 лѣтъ назадъ. Неразвита, суевѣрная женщина, безродная, зарабатываетъ свое пропитаніе поденной работой у крестьянъ. Она пришла ко мнѣ

добровольно, безъ особаго приглашенія, но, прійдя въ сѣни, стала нудиться, упираться, не хотѣла войти въ комнату. Съѣла, понутивъ голову, видимо волновалась и раза два начинала судорожно, горломъ, кашлять, что производило впечатлѣнїе притворства. Во время разспросовъ просила снять крестъ, говоря, что „это отъ него“. До настоящей болѣзни была здорова и заболѣла одновременно съ ащепковскими кликушами. „Сиклюха привезла мнѣ рожь и заставила меня эту рожь покушать“. Во время покупки ржи женщины заскрипили о цѣнѣ, но въ концѣ концовъ рожь была куплена, и Пелагея ѣла приготовленный изъ нея хлѣбъ. „Послѣ того, на Благовѣщенїе стала къ обѣднѣ идти, а у меня голова заболѣла. Я и не пошла. Праздникъ прошелъ и голова прошла. Послѣ Пасхи пошла къ обѣднѣ. Какъ сказали „изыде оглашенный“, я и ушла. Съ тѣхъ поръ и закричала я. Стою въ церкви, пока запоютъ „Иже херувимы“, а какъ запоютъ, не могу стоять, дурнота въ головѣ дѣлается, найдетъ на сердце и упаду. Отойдетъ обѣдня встану“. На Сиклитинью выкрикала, что та накормила ее рожью. „Съ того времени“, говоритъ Пелагея, „какъ купила рожь, я ее и не видала“. Ходила по мѣстнымъ монастырямъ: „меня тамъ во время службы держали, какъ бѣшеную собаку: въ тотъ часъ ничего не жалко, хоть руку перебьешь“. Кричать перестала передъ Рождествомъ, послѣ поѣздки въ монастыри. Платила въ монастыри холстомъ, но отказалась сказать, сколько дала: „что же хвалиться, я отъ усердія давала! это не годится“. Когда отъ Пантелеймона изъ Москвы масло пила, бывали рвоты. Думаетъ, что „отъ порчи заболѣла, отъ руки Сиклюхиной. Конечно, можетъ быть, и напрасно скажешь. Меня родные отчитывали. Не отъ страху это сдѣлалось. Падала и билась. Когда бъ не держали, расколотилась бы, какъ слѣдуетъ, не подорожила бы собою“. Заявила мнѣ во время изслѣдованія, что у ней болитъ голова и что меня она видитъ, какъ сквозь сѣть. Однако припадка не наступило, и при мнѣ у ней припадковъ не было. Когда ащепковскія кликуши поправились, успокоилась и Пелагея утверждала что она выздоровѣла.

Пелагея утверждала, что знала о моемъ прїѣздѣ заранѣе, потому что въ этотъ день сердце ныло и около часа продолжался судорожный кашель.

Изъ отклоненій отъ нормы въ тѣлесной сферѣ у Пелагеи замѣчались неправильныя менструаціи и сильная болѣзненность лѣваго ячника. Никакихъ отклоненій нервной и душевной сферы не замѣчалось.

Къ гипнозу, который былъ примѣненъ лишь одинъ разъ, Пелагея отнеслась также, какъ и всѣ ащепковскія кликуши, т. е. оказалась сомнамбулой.

Послѣ того, какъ я прожилъ на мѣстѣ больше недѣли, и большинство ащепковскихъ кликушъ получили значительное облегченіе, молва о ихъ исцѣленіи быстро разнеслась, и ко мнѣ добровольно стали являться кликуши изъ сосѣднихъ деревень и довольно издалека. Ихъ перебивало у меня около 15 человекъ, но это были обычно единичныя кликуши, заболѣвавшія не эпидемически. Онѣ также приписывали свою болѣзнь порчѣ и оказались типичными сомнамбулами.

Приведу записи о нѣсколькихъ наиболѣе типичныхъ изъ нихъ.

1) Марья Федорова 52-хъ лѣтъ, изъ деревни Киселевой, около 10 верстъ отъ Ащепково. Жалуется на боль головы по временамъ, трясенье, подкатыванье подъ груди. Иногда вступаетъ въ голову жаръ и начинается съ ушей, которыя горять. Часто вступаетъ въ ногу, а какъ ляжешь, такъ появляется ощущеніе мурашекъ въ лѣвомъ боку.

Уже года три у нея подкатывалось подъ сердце, но заболѣла порчей весною 1899 года. Работала у себя дома и угорѣла. Около двора работала нищій и вошелъ къ ней въ хату. Онъ вытащилъ изъ лѣваго кармана кошелекъ и говоритъ „попъ и баба“. Потомъ положилъ ей на лѣвый бокъ траву какую-то (цвѣточекъ и корешекъ вродѣ цикорія). „У меня сейчасъ сдѣлалось рукъ трясеніе, измѣненіе членовъ,—ослабли очень, и съ рукъ перешло въ ноги. Потомъ нищій говоритъ: „положите ее“. Я и сама чувствую, что онъ говоритъ, легла сама на кровать и сейчасъ закуковала кукушкою. Сама все чувствую, что дѣлаю, а не знаю отчего. Тѣмъ и кончилось. Онъ не сказалъ, чтобы я куковала, и сама я тому удивлялась. Покуковала и перестала. Съ того времени и заболѣла. Увѣрена, что испортилъ ее нищій, потому что онъ на нее грозился. „Было раздраженіе, страхъ, всѣ члены ослабли: боюсь одна дома ночевать, боюсь, сама не знаю кого. И теперь, по временамъ, бываетъ не ладно и вредно. Св. Дары принимаю и въ церковь хожу, но когда къ Тихону Преподобному ѣздила, передъ купаніемъ стало трясти и не могла перекреститься.

Объективное изслѣдованіе показало, что Марья женщина вполне здоровая и никакихъ отклоненій въ нервной системѣ, свойственныхъ истеричнымъ, не представляетъ. Когда я попытался ее загипнотизировать, у ней развился типичный и очень сильный припадокъ кликушества, совпавшій почти съ тѣмъ моментомъ, когда наступилъ сонъ. Она сразу затряслась и стала быстро и отрывочно куковать по кукушечьи, плакать, сильно волноваться, хрюкать по свинячѣму, а временами смѣяться. Глаза были зажмурены, лицо покраснѣло, пульсъ 112 въ минуту. Говорила, что ей трудно, что болитъ голова, и имѣла глубоко страдальческое выраженіе лица. Руки и ноги быстро тряслись. Чувствительность во время припадка была сохранена, также

какъ и сознание. Послѣдовательнымъ внушеніемъ удалось прекратить этотъ припадокъ, продолжавшійся около 3-хъ минутъ, и перевести его въ глубокой гипнотическій сонъ со всѣми явленіями, типичными для сомнамбулической фазы Шарко.

Лечебное внушеніе оказало превосходное дѣйствіе и черезъ двѣ недѣли больная явилась ко мнѣ совершенно здоровою.

2) Матрена Васильева 35 лѣтъ, изъ дер. Потапова (40 верстъ отъ Ащепково). Замужемъ уже 16-й годъ. Заболѣла съ перваго же дня послѣ свадьбы: „утромъ, какъ встала послѣ вѣнца, стало мнѣ на темени, какъ ракъ, ворочаться, и такъ продолжалось три года, когда стала выть. „Боюсь святыхъ угодниковъ, въ своей церкви стала слабо стоять. Ни на кого не выкрикивала. Постомъ ходила въ Колоцкій монастырь и тамъ, говорятъ, кричала: „убью васъ, погуляю, молодчикъ!“ Спрашивали меня, кто меня испортилъ, но я не сказала, Кричала на разные голоса. Трясло шибко. Пріѣхала сама, услышавъ, что отъ этой болѣзни лечатъ“. Во время припадковъ падаетъ, голова болить постоянно: „то вздуются у меня глаза, то подъ глазами болить“. Ни на кого не кричитъ, и въ порчѣ никого не обвиняетъ. Когда ее трясетъ и ломаетъ, все чувствуетъ, но только не можетъ остепениться. Тошнить, давить, но рвоты не бываетъ. „Бды нѣтъ и все тянетъ къ спинной кости. Ходитъ по всей спинѣ и вступаетъ въ ноги и въ руки, все равно какъ ножомъ“. По годовымъ праздникамъ у Марьи открываются мѣсячныя, такъ что въ церковь ходить трудно. „Когда я съ мужемъ грѣхъ имѣю, тоже часто крови польютъ“. Испытываетъ отвращеніе къ половымъ сношеніямъ, но уступаетъ желаніямъ мужа: „вѣдь онъ миловать не будетъ, больна, не больна— „я вѣдь изъ за тебя къ другимъ не пойду“.

Въ тѣлесной сферѣ найдено повышеніе колыбныхъ рефлексовъ, но другихъ отклоненій отъ нормы въ нервной системѣ нѣтъ.

Во время изслѣдованія стала волноваться, выкрикивать, но припадка не получилось. Больная была отпущена домой безъ гипноза и приглашена явиться черезъ день. При второмъ посѣщеніи имѣла очень подавленный видъ, временами легко вскрикивала, жаловалась на боль въ спинѣ и бессонницу. Говоритъ, что, если закроетъ глаза, ей представляется, что какой-то мужикъ лѣзетъ цѣловаться.

Примѣненъ гипнозъ, въ который впала секундъ черезъ 10 послѣ звушенія. Сначала сильно вздрагивала, какъ бы отъ электрическаго удара, и вскрикивала. Безъ всякаго внушенія получились анестезія и каталепсія. Во второй разъ ее удалось уснуть простымъ закрытіемъ глазъ, безъ внушенія. Пробужденіе вызывалось безъ внушенія простымъ дуновеніемъ въ лицо, при чемъ о сеансѣ наступала совершенная

амнезія. Лечебное вліяніе гипнотическаго внушенія было рѣзкое, и больная быстро поправилась.

3) Авдотья И. 24-хъ лѣтъ, уроженка той-же деревни Потапово, вышедшая замужъ въ деревню Павловку, заболѣла также въ день свадьбы, хотя, по ея словамъ, вѣнчалась по согласію. Больна 3-й годъ. „Когда за столъ съ женихомъ посадили, трясло меня очень“. Послѣ вѣнца у нея съ мужемъ съ недѣлю „грѣха не было“, вслѣдствіе безсилія мужа. Мужъ и теперь страдаетъ тѣмъ же. Дѣтей нѣтъ и не было. Съ того времени она и больна: „трясетъ, въ животъ пореть сильно, словно все внизъ выходитъ“. Мѣсячныя неправильны. Въ церковь ходить не можетъ: „когда стерплю, а когда выйду“. Во время припадковъ сильно ломаетъ, и она кричитъ: „бабушка лихо!“ но никого въ порчѣ не обвиняетъ. „Попы не велятъ къ докторамъ ѣздить, а говорятъ, чтобы молебны служили, а доктора болѣсти прибавятъ“. Работать стала плохо. Когда ломаетъ, лежитъ. Теперь ломаетъ въ мѣсяцъ разъ, и два, и три приходится, а на святкахъ раза два въ день: „ходить по всей мнѣ, и въ пальцы вступаешь, и въ руки, и въ спину“.

Ислѣдованіе не обнаружило отклоненій отъ нормы въ тѣлесной сферѣ и въ отпращиваніи нервной системы.

Къ гипнозу оказалась очень воспріимчива и послѣ внушеній поправилась.

4) Авдотья В. 60-ти лѣтъ, изъ деревни Некрасово, вдова. Больна уже болѣе 20—25 лѣтъ. Припадки выражаются иканіемъ, потомъ плачетъ, кричитъ собакою и кукушкой, падаетъ и бьется. Послѣ припадковъ спитъ. Во время церковныхъ службъ спитъ, или бывають припадки. Не переноситъ святостей. Къ работѣ неспособна. Увѣряетъ, что чувствовала мои пріѣзды, бывши случайно въ это время у племянницы въ Ащепковѣ. Въ это время ей было очень дурно, начинала икать съ утра, тогда, какъ раньше двѣ недѣли чувствовала себя хорошо.

Глава VII-я.

Дальнѣйшій ходъ ащепковской эпидеміи и значеніе ея, какъ явленія народной жизни

По приѣздѣ въ Ащепково я засталъ населеніе въ крайне возбужденномъ состояніи. Эпидемія очень тяжело отозвалась на жизни всей деревни и обѣ стороны, какъ мнимая колдунья съ своей семьей, такъ и семьи кликушъ, испытывали настоящее бѣдствіе.

Прежде всего эпидемія отозвалась на матеріальномъ благосостояніи семьи Сиклитиньи, которая лишилась двухъ работницъ. Пришлось продать часть скота,—хозяйство пошатнулось и поля остались несѣянными. Съ другой стороны и большинство кликушъ стали неспособными къ работѣ. Мужья ихъ, обычно уходившіе на заработки, должны были оставаться дома и хозяйство ихъ падало.

Особенно сильно было нравственное вліяніе возникшей эпидеміи на жизнь всего населенія деревни. Не смотря на отсутствіе Сиклитиньи и ея дочери, возбужденіе противъ ея ни въ чемъ неповинной семьи доходило до того, что односельчане обходили ихъ домъ, отказывались помогать имъ въ работѣ, не брали отъ нихъ и не продавали имъ никакихъ вещей, такъ что семья, словно, подверглась настоящей блокадѣ. О возвращеніи Сиклитиньи въ деревню никто не хотѣлъ слышать, и возвратившаяся въ Ащепково въ маѣ 1899 г. дочь ея, Марина, уже подверглась нападенію и насилію со стороны вликушъ. Всевозможныя оскорбленія и упреки сыпались на несчастную семью, которой оставался лишь одинъ исходъ—молча сносить все и трепетать за свою безопасность и жизнь.

Страсти, суевѣрный фанатизмъ и озлобленіе охватили все населеніе. Большинство женщинъ боялись, какъ бы и онѣ не сдѣлались жертвами колдовства и едва-ли не больше кликушъ ратовали противъ мнимой колдуньи. Угрозы слышались постоянно. Еще передъ отъѣздомъ Сиклитиньи изъ деревни, одна изъ кликушъ выкрикнула по время

припада, что жена крестьянина Ивана Артемова „будетъ кричать“. Не смотря на то, что Иванъ человекъ для своей среды довольно развитой, онъ заявилъ Сиклитини, съ которой жилъ до того времени мирно: „если ты, Секлюха, занялась эгимъ бездѣльемъ, то ко мнѣ не ходи. Пусть только баба моя закричитъ—въ Сибирь пойду, а ужъ Секлюху уколочу“! Въстѣ съ тѣмъ Иванъ жалѣлъ семью Сиклитини, которой онъ приходился родственникомъ.

Сувѣрія въ воображеніи поселянъ принимали совершенно сказочный характеръ.

Одна добродушная старушка, съ которою мнѣ довелось ѣхать на возу, сама заговорила: — ну, что я тебѣ скажу,—говорятъ колдуніи нѣтъ теперъ. По городамъ въ эго не вѣрятъ. Ну, а почему, я тебѣ скажу, вотъ купить человекъ у другого скотину, а она и начнетъ сохнуть. Или выйдетъ дѣвка замужь здоровая, а послѣ вѣнца какъ начнетъ сохнуть, да и сохнетъ все... Стало быть испорчена... сплошь да рядомъ! Секлюха ихъ портила!—перевела старуха разговоръ на ащепковскихъ кликушъ. Ну, почему-жъ ни на кого не говорятъ, а только на нее? Ужъ дочери ея живой не быть, если болѣсть эта не прекратится. Иванъ Артемовъ говорилъ, испортъ только жену мою,— въ Сибирь пойду, а ужъ тебѣ живой не быть!

— Видишь-ли, возразилъ я моей спутницѣ, если порча отъ Секлюхи шла, такъ всѣ бы должны повыздоровѣть, потому что вѣдь уже годъ, какъ ея въ деревнѣ нѣтъ.

— Э, нѣтъ, милый! Насколько *они* (т. е. бѣсы) посажены, тамъ и будутъ сидѣть, и раньше ихъ не выгонишь. Въгъ въ Егорьевѣ на одного человека лѣтъ семь назадъ кричали. А какъ іонъ здохъ, такъ всѣ перестали и по досѣ тамъ благополучно!

Любопытно, что не только кликуши, но и всѣ поселяне выражаются о *немъ* или о *нихъ* самымъ неопредѣленнымъ образомъ. Очевидно, что у нихъ совершенно не имѣется яснаго образнаго представленія этого *врага*. Сплошь и рядомъ вы услышите заявленіе, что *ихъ мчого почасажено!* но опредѣленнаго объясненія этого заявленія не получите.

Впрочемъ отдѣльные крестьяне, преимущественно старики, грамотные и начитавшіеся житій-свягыхъ съ текстомъ чегги-мнпей въ рукахъ доказывали мнѣ, что злой духъ обладаетъ способностью вселиться въ людей, при этомъ также часто ссылались на евангеліе и на изгнаніе бсовъ изъ человека Спасителемъ.

Одинъ уважаемый въ деревнѣ старякъ доказывалъ мнѣ существованіе колдуновъ, ссылаясь на исторію околдованія святого Григорія блудницею Милегіей (Чегги-маня, — мургъ — май).

— Есть, вѣдь, баринъ, — рассказывала мнѣ одна женщина — та-кіе, что сами ищутъ этихъ пустяковъ. Меня самоѣ двѣ совращали колдовствомъ заняться: мужа склоняли на приворотъ, да я отказалась. А есть такія, что сами колдовствомъ заняться желаютъ. Сиклитинья какъ-то говорила, что у нея ночевала колдунья, которая могла, чему угодно, научить: „она кому погрозить, то и готовъ“!

Другая женщина говорила: „была у меня корова и давала я часто маленькимъ дѣтямъ по нѣкоторымъ домамъ понемногу молока. Только была въ деревнѣ одна женщина, про нее разговоръ былъ, что она по пустякамъ маракуетъ и хлѣбъ съ пырину выбираетъ. Какъ я дала молока этой женщинѣ, въ ту же недѣлю пропало молоко у моей коровы, стала давать по 3 капли, не убываетъ и не прибываетъ. Сходила я къ ворожеѣ. Она сказала, что отнято молоко у васъ и дала какой-то травы и велѣла ее 3 дня въ печкѣ потопить. Послѣ травы у коровы молоко прибыло. Стало быть есть колдуны, баринъ, а вы не вѣрите! Ну, почему-жь у ней молоко прибыло? Вотъ на что же въ священномъ писаніи писано, что колдуны есть“

Суевѣрія ащепковскихъ крестьянъ разыгрались до высшей степени. На основаніи того, что священникъ с. Мокраго пытался разъяснить крестьянамъ, что Сиклитинья не виновата въ порчѣ кликушъ, они вывели заключеніе, что священникъ защищаетъ Бабаевыхъ. Изъ этого мнѣнія скоро возникло убѣжденіе, что Сиклитинья испортила и батюшку, который однажды зашелъ къ ней въ хату и пилъ у нея чай. Пошли разные толки и рассказы о томъ, будто-бы во время службы батюшка забываетъ выходить съ дарами, не можетъ вынести креста, такъ какъ онъ самъ „спорченъ“. Все это оказалось игрою воображенія, лишеннаго всякаго основанія, и показываетъ, какой высокой степени нервнаго возбужденія достигло все населеніе, едва не впавшее въ массовыя галлюцинаціи.

Всѣмъ этимъ толкамъ вѣрили и распространяли ихъ, во много разъ преувеличивая.

Общій страхъ, доходящій до паники, царилъ по всей деревнѣ, и населеніе положительно изнывало подъ гнетомъ постигшаго его бѣдствія.

Характерно, что какъ сами кликуши, такъ и ихъ родные не обращались къ врачу, потому что, по ихъ словамъ, были убѣждены, что „докторъ противъ этой болѣзни ничего не стоитъ“.

Мой пріѣздъ въ Ащепово произвелъ большое впечатлѣніе, какъ только населеніе узнало, что я командированъ изъ Петербурга спеціально для ихъ леченія. Очень скоро, при первомъ же свиданіи со мною, кликуши продѣлали свои припадки во всей ихъ полнотѣ и непрерывъ спѣшили познакомить меня съ своей болѣзью во всѣхъ подро-

ностяхъ. Какъ кликуши, такъ и населеніе вообще отнеслось ко мнѣ дружелюбно, хотя съ перваго же дня не трудно было видѣть, что всѣ были глубоко убѣждены въ томъ, что докторъ въ этой болѣзни имъ помочь не въ состояніи. Было замѣтно, что всѣ ждали отъ меня не излеченія, а скорѣе слѣдствія и защиты отъ Сиклитиньи, на которую всѣ старались, при случаѣ, выложить всѣ свои жалобы.

Отношеніе къ ней, насколько я могъ убѣдиться изъ этихъ разговоровъ, было безжалостное и безпощадное. Больно было смотрѣть на этихъ добрыхъ по существу людей, въ числѣ которыхъ было много родныхъ Сиклитиньи, которые готовы были по первому знаку предать и изувѣчить ее. Возможность кровавой расправы съ Сиклитиньей, ни для кого изъ нихъ не казалась предосудительной и едва-ли вызвала бы въ комъ-нибудь чувство сожалѣнія и раскаянія.

Первые дни своего пребыванія на мѣстѣ я употребилъ на подробное изслѣдованіе и запись исторій кликушъ, когда же клиническая картина была изучена, я очень осторожно и постепенно приступилъ къ примѣненію гипноза.

Первые лечебные опыты были очень удачны и, не смотря на то, что кликуши совершенно не знали о томъ, что я ихъ гипнотизировалъ, онѣ получали облегченіе, и довѣріе ко мнѣ стало быстро возрастать.

Разнеслась молва, что пріѣхавшій докторъ умѣетъ лечить порчу, и ко мнѣ стали добровольно приходять многія кликуши изъ соседнихъ деревень. Черезъ 2 недѣли кликуши уже вѣрили въ возможность излеченія и, казалось, дѣло прекращенія эпидеміи быстро шло на ладъ. Кликуши въ точности не могли понять, что я съ ними дѣлаю, но постепенно онѣ замѣтили, что съ ними происходитъ что-то необыкновенное, и по деревнѣ втихомолку стали говорить, что „докторъ побольше Секлюхи въ этомъ дѣлѣ понимаетъ“, и были высказаны предположенія о колдовствѣ. Тайна однако такъ и осталась для населенія неразрѣшенной, хотя позже, когда я въ присутствіи многихъ крестьянъ, превращалъ у всѣхъ кликушъ въ нѣсколько секундъ самые сильные кликушные припадки, переводя ихъ въ гипнотическій сонъ,—эффектъ и тайна моей власти надъ кликушами сильно поражали населеніе.

Постепенно я старался, по возможности, разубѣдить крестьянъ въ ихъ увѣренности въ силѣ порчи и колдовства Сиклитиньи, но задача эта оказалась почти непосильной и довольно опасной, такъ какъ, отрицая основныя вѣрованія населенія, я самъ рисковалъ совершенно потерять его довѣріе. Приходилось дѣйствовать осторожно и осмотрительно.

Не большого успѣха достигъ я и въ попыткахъ подготовить населеніе къ возвращенію въ деревню Сиклитиньи. Никто объ этомъ не хотѣлъ и слышать; при томъ здоровые еще враждебнѣе относились къ этому, чѣмъ кликуши.

Когда, въ концѣ третьей недѣли пребыванія моего въ Ащепковѣ, я закончилъ почти свои изслѣдованія и собирался въ скоромъ времени выѣхать, я рѣшилъ испробовать стойкость лечебнаго результата, достигнутаго помощью гипноза и для этого, наканунѣ моего отъѣзда, попросилъ священника с. Мокраго отслужить въ Ащепковѣ торжественный молебенъ въ присутствіи мѣстныхъ властей.

Еще за недѣлю до молебна, какъ только населеніе узнало о моемъ желаніи, по деревнѣ пошли оживленные толки. До сихъ поръ почти всѣ были увѣрены, что кликуши, если не выздоровѣли, то получили значительное облегченіе. Вѣсть о предстоящемъ молебнѣ сразу возбудила все населеніе и всѣ стали оживленно обсуждать вопросъ о томъ, какъ отнесутся къ *святынямъ* кликуши. Переносъ въ Ащепково иконъ изъ с. Мокраго всегда былъ для кликушъ пробнымъ камнемъ и при этомъ торжествѣ наиболѣе рѣзко проявлялись ихъ припадки. Суевѣрные люди говорили, что *святыни* кликушамъ не выдержатъ и что припадки у нихъ повторятся по прежнему. На самихъ кликушъ эти увѣренія сильно дѣйствовали, и всѣ онѣ стали ожидать молебенъ въ состояніи сильнаго возбужденія.

Вслѣдствіе господствовавшего въ населеніи волненія и общаго возбужденія, основаннаго на суевѣрной окраскѣ, приданной народнымъ убѣжденіемъ всей исторіи, сильно выступало значеніе противовнушенія со стороны окружающихъ, убѣжденныхъ въ безсиліи доктора противъ кликушной болѣзни и усиленно пророчившихъ возвратъ у кликушъ припадковъ.

Наканунѣ молебна я въ отдѣльности загипнотизировалъ всѣхъ кликушъ и сдѣлалъ имъ повторныя и энергическія внушенія о томъ, что во время молебна съ ними припадковъ не будетъ и что онѣ спокойно выстоятъ всю службу. Однако въ день молебна, еще до того времени, пока народъ собрался на площади, какъ только въ деревню принесли иконы, двѣ кликуши, у себя дома, внали въ сильныя припадки. Мнѣ сообщили объ этомъ, сказавъ, что онѣ не могутъ идти на молебенъ. Эти кликуши были Неонила Титова и Марѳа Петрова. Я пошелъ въ избу къ обѣимъ женщинамъ и, найдя ихъ въ состояніи очень сильныхъ припадковъ, быстро усыпилъ ихъ и сдѣлалъ внушеніе. Эффектъ получился обычный, и онѣ бодро пошли на молебенъ. Прійдя туда вмѣстѣ съ остальными лицами мѣстной администраціи, посѣтившими молебенъ, мы застали тамъ большое скопленіе народа передъ

разставленными хоругвями и иконами. Среди них находились всѣ кликуши и тутъ же, на землѣ, среди разступившагося круга, лежали двѣ кликуши и бились въ сильныхъ припадкахъ. Это были Марья Алексѣева и Марина Максимова. Обѣ женщины лежали навзничъ съ закрытыми глазами, кричали, всхлипывали и по временамъ богохульствовали. Онѣ катались по землѣ и сильно бились, привлекая къ себѣ общее вниманіе.

Въ глазахъ окружающей толпы свѣтилось торжество ихъ правоты и недоуверіе.

Послѣ нѣкоторыхъ усилій удалось нѣсколько успокоить и поднять кликушъ. Но, какъ только начался молебенъ, обѣ женщины снова покатались на землю и, порывисто выкрикивая, продолжали биться уже въ теченіе всей службы. Черезъ нѣсколько минутъ двѣ прежнія кликуши, у которыхъ только что были купированы припадки, также покатались на землю и это дикое зрѣлище съ одной стороны отправляющаго церковную службу духовенства, съ другой бѣснующихся, катающихся въ еорчахъ кликушъ, издающихъ дикіе вопли и богохульства,—молчаливая толпа, злобно и недоуверчиво озирающая всю эту картину, съ выраженіемъ суевѣрнаго страха и насмѣшливаго недоуверія, все это производило необыкновенно тяжелое впечатлѣніе.

Стоявшія тутъ же остальные кликуши крѣпились. Двѣ старушки, Хавронья Савельева и Мавра Михайлова, нѣсколько разъ волновались и начинали плакать, но ласковымъ и увѣреннымъ тономъ ихъ удавалось успокоить. Только въ концѣ молебна еще одна кликуша, Марья Федорова, сразу недвижимымъ пластомъ упала ницъ, но, послѣ всприсыиванія святой водой, снова встала и уже спокойно дослушала молебенъ.

Каждый разъ, когда къ кликушамъ подносили крестъ, евангеліе или святую воду, онѣ еще сильнѣе начинали биться и кататься по землѣ. Онѣ кричали и богохульствовали отъ имени сидящаго въ нихъ бѣса. Сообразно съ ходомъ богослуженія, онѣ то затихали, то снова приходили въ неистовство, имѣя то расслабленный, то совершенно остервенѣлый видъ. Онѣ, видимо, слѣдили и сознавали ходъ службы, такъ какъ сообразовывали съ нимъ свои дѣйствія.

Въ разгарѣ молебна я уже не могъ купировать ихъ припадки, да и не рискнулъ въ присутствіи возбужденной толпы гипнотизировать вликушъ.

Пока продолжался молебенъ, главная виновница адепковской эпидеміи, Василиса Алексѣева, съ богобоязненнымъ выраженіемъ на красномъ отъ волненія лицѣ, стояла все время противъ священника и

держала икону. Видъ ея былъ томный, самый благочестивый и никакого проявленія болѣзни у нея не наступало. Тутъ же, рядомъ съ нею стояла Марина, дочь Сиклитиньи, также подъ иконами, тихо и скромно, опустивъ глаза книзу. Возбужденная толпа - время отъ времени кидала на нее злобные взгляды, подъ силою которыхъ ничѣмъ неповинная дѣвушка безпомощно опускала глаза.

Трудно себѣ представить ту необыкновенную картину, достойную кисти средневѣкового художника, когда подъ открытымъ небомъ, въ присутствіи сотенъ молящихся, во все время службы, нѣсколько бѣснующихся женщинъ, въ страшныхъ кривляніяхъ и кажущихся конвульсіяхъ, катаются по землѣ, богохульствуя и выкрикивая на разные голоса отъ имени сидящаго въ нихъ бѣса. Трудно описать то впечатлѣніе суевѣрія, которое отпечатлѣвается на лицахъ пораженной толпы. — въ тотъ самый моментъ, когда священникъ подходитъ къ ней съ крестомъ или окропляетъ ее святой водою, крѣпившаяся до тѣхъ поръ женщина, безчувственнымъ пластомъ падаетъ на землю, а впереди, подъ иконами, стоятъ десятки деревенскихъ дѣвочекъ и широко раскрытыми глазами, съ возбужденными страхомъ и любопытствомъ лицами, хорошо запечатлѣваютъ въ своей душѣ ту картину, которой позже онѣ и сами отдадутъ дань, сдѣлавшись кликушами.

Такимъ образомъ, по отношенію къ 5-ти изъ ащепковскихъ кликушъ, общее народное суевѣріе оказалось противобушеніемъ значительной силы и пересилило лечебное внушеніе.

Въ общемъ все же лечебное вліяніе гипноза оказалось значительнымъ, населеніе отнеслось довольно довѣрчиво и ащепковская эпидемія приняла гораздо болѣе благоприятный оборотъ какъ въ смыслѣ ослабленія и прекращенія припадковъ у самихъ кликушъ, такъ и уменьшенія общаго народнаго возбужденія. Встрѣчались среди крестьянъ люди, фанатически проникнутые суевѣріемъ, упорно и возбужденно проводившіе всякимъ убѣжденіемъ и разувѣреніемъ въ истинности суевѣрій населенія. Съ такими лицами нужно было дѣйствовать осторожно, такъ какъ всякое, неловко сказанное слово, лишь больше возбуждало ихъ.

Слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько мелкихъ фактовъ изъ жизни ащепковскихъ крестьянъ, которые отчасти могутъ пролить свѣтъ на то, почему ащепковская эпидемія достигла такой сильной степени развитія. Мужья двухъ изъ наиболѣе рѣзко выраженныхъ кликушъ, Марьи Петровой и Неонилы Титовой, были судимы и отбывали наказаніе за воровство; есть въ деревнѣ слухъ, что показанія со стороны Сиклитиньи были не въ ихъ пользу. Весьма вѣроятно, что эти воспоминанія не оставались безъ вліянія на тѣ проявленія припадковъ, кото-

рыми кликуши пользовались обвиняя Сиклитинью и выказывая къ ней свое враждебное чувство.

Нѣкоторые эпизоды изъ жизни кликушъ носятъ дѣтски наивный характеръ. Такъ, старушка Хавронья Савельева прсыла у Сиклитиньи прощенья, причемъ кланялась ей въ ноги, потому что въ деревнѣ разнесся слухъ, что больнымъ станетъ легче, если Сиклитинья ихъ простятъ.

Одна женщина увѣряла меня, что раньше Сиклитинья все скотъ портила: онъ все падалъ, а потомъ скотъ пересталъ падать, а кликуши кричать стали.

Народъ, какъ въ Ащепковѣ, такъ и въ сосѣднихъ деревняхъ, былъ безусловно убѣжденъ въ томъ, что кликушъ испортила Сиклитинья. Всѣ говорили о ней, какъ о злой и вредной, хотя въ отдѣльности она зла никому не сдѣлала. Говорили, что она кое-кому грозила, но какъ на главный доводъ указывали на то, что во время молебна ни на кого кликуши не бросаются, а только на Сиклитинью и ея дочь Марину, причемъ готовы ихъ разорвать.

Переходя къ вопросу о значеніи ащепковской эпидеміи для жизни мѣстнаго населенія, слѣдуетъ признать, что она была явленіемъ крайне тяжелымъ. Печальныя послѣдствія возникшей эпидеміи сказались на обѣихъ сторонахъ, и на Бабаевыхъ, и на всемъ населеніи. Оторванныя отъ семьи Сиклитинья съ дочерью, чуть не сдѣлавшіяся жертвою расправы со стороны населенія, должны были больше года жить въ Москвѣ. Семья осталась безъ матери, на рукахъ несовершеннолѣтняго сына и хозяйство пришло въ упадокъ. Надъ всею семьею тяготѣлъ гнетъ обвиненія въ колдовствѣ; положеніе всей семьи было тяжелое, а положеніе возвратившейся въ Ащепково Марины было далеко небезопасное.

Съ другой стороны не блестяще было положеніе семей больныхъ. Припадки производили на всѣхъ окружающихъ крайне тяжелое впечатлѣніе, часто удручающее. Постоянное странствованіе по монастырямъ стоило большихъ денегъ, а отсутствіе и неспособность больныхъ къ прежней работѣ—подрывало хозяйство и матеріальный достатокъ семьи. У многихъ больныхъ поля остались незасѣянными. Мужья кликушъ должны были оставаться дома и не могли ходить на заработки. Эпидемія способствовала возникновенію распрей и неудовольствій односельчанъ между собою. Суевѣріе и извращеніе религіозныхъ вѣрованій росло, а вѣра въ колдовство и бѣсноватыхъ укрѣплялась.

Ни одно богослуженіе не обходилось безъ нарушенія порядка, а 21-го мая, когда священникъ служилъ въ Ащепковѣ молебенъ, кликуши настолько взволновались и припадки были такъ сильны, что онъ долженъ былъ прекратить молебенъ и уѣхать, не окончивъ службы.

Удаленіе Сиклитиньи изъ деревни годъ тому назадъ, было мѣрою вполне цѣлесообразною и, нужно думать, что, благодаря ей, была предотвращена кровавая расправа, но выселеніе это не оправдало возложенныхъ на него надеждъ въ смыслѣ прекращенія эпидеміи. Позже она привела даже къ обратнымъ результатамъ, такъ какъ населеніе, ссылаясь на авторитетъ начальства, считало выселеніе Сиклитиньи доказательствомъ ея виновности. При всемъ томъ, населеніе было такъ взволновано, что возвращеніе Сиклитиньи и во время моего пребыванія въ Ащепковѣ, казалось мнѣ положительно опаснымъ. Необходимо было предварительно успокоить населеніе.

При обсужденіи мѣръ къ прекращенію эпидеміи, мнѣ казалось, что значеніе чисто лечебныхъ мѣръ въ данномъ случаѣ, гдѣ въ основѣ лежатъ бытовые и религіозныя условія, представлялось очень сомнительнымъ. Дѣйствіе гипноза, оказавшее поразительный результатъ сначала, оказалось безсильнымъ предотвратить припадки нѣсколькихъ кликушъ во время пробнаго молебна, передъ отъѣздомъ моимъ изъ Ащепкова. Гипнозъ, являющійся могучимъ средствомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ кликушества, оказался безсильнымъ прекратить эпидемію. Признавая эпидемію въ Ащепковѣ явленіемъ крайне тяжелымъ для всего населенія и полагая, что чисто медицинскими мѣрами прекратить ее не удастся, я полагалъ правильнымъ и необходимымъ примѣнить къ прекращенію данной эпидеміи кликушества административныя медико-полицейскія мѣры, которыя однѣ только оказываются дѣйствительными въ такихъ случаяхъ, какъ это показалъ опытъ бывшихъ многочисленныхъ примѣровъ въ Россіи и въ Западной Европѣ.

Эти мѣры представлялись мнѣ прежде всего въ видѣ разъединенія больныхъ между собою. Нужно было думать, что достаточно будетъ удалить двухъ—трехъ больныхъ на время въ спеціальную больницу, чтобы произвести воздѣйствіе на населеніе. У большинства больныхъ имѣлась примѣсь притворства, и такихъ больныхъ слѣдовало удалить прежде другихъ. Съ этою цѣлью я полагалъ правильнымъ раздѣлить всѣхъ больныхъ на 3 группы, объявивъ заранее населенію, что, въ случаѣ продолженія эпидеміи, кликуши будутъ отправлены въ больницу. Въ первую очередь подлежали Василиса Алексѣева, Марѳа Петрова, Неонила Титова, Марина Максимова и Хавронья Аполлонова. Больныхъ второй группы, у которыхъ притворство было выра-

жено слабо, можно было обождать отправлять въ больницу и прибѣгнуть къ этому лишь тогда, если по удаленіи первой группы кликушъ, припадки у нихъ не прекратятся. Большинство же остальныхъ больныхъ, послѣ леченія гипнозомъ, можно было считать выздоровѣвшими, за исключеніемъ пастуха Федора, который былъ отъ природы малодушный, и Марка Иванова, по роду болѣзни ничего общаго съ кликушами не имѣваго.

Какъ при всякихъ народныхъ волненіяхъ, и въ д. Ащепковѣ имѣлись подстрекатели, пользующіеся народнымъ бѣдствіемъ для сведенія личныхъ счетовъ. Такими лицами были свекры Василисы Алексѣевой, которые съ фанатическимъ упорствомъ возбуждали население противъ семьи Бабасвухъ, а также крестьянинъ Никита Семеновъ, питавшій непримиримую злобу къ мнимымъ колдунамъ. Административное воздѣйствіе на нихъ, съ цѣлью прекращенія этихъ происковъ, явилось бы, по моему мнѣнію, цѣлесообразною мѣрою для прекращенія эпидеміи.

Согласно ст. 2906 т. V и ст. 7450 т. X, П. Св. Зак., я полагалъ бы правильнымъ не допускать во время богослуженія въ церквахъ и монастыряхъ припадковъ кликушества, немедленно удаляя кликушъ, въ случаѣ болѣзненнаго состоянія ихъ, въ спеціальныя больницы, а въ случаѣ притворства и обвиненія кого-либо въ порчѣ, привлекать ихъ къ законной отвѣтственности по 937 ст., а также за нарушеніе тишины и спокойствія во время богослуженія. Въ виду крайне тяжелаго впечатлѣнія, производимаго припадками кликушества на молящихся и нарушенія чувства религіознаго благоговѣнія, вызываемаго богохульствами нѣкоторыхъ кликушъ, выполненіе вышеприведенныхъ статей закона является настоятельною необходимостью.

Нравственное воздѣйствіе на население и разубѣжденіе его въ суевѣрїяхъ и заблужденїяхъ со стороны духовенства и прочихъ мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ могло-бы быть важнымъ факторомъ въ борьбѣ съ кликушествомъ.

Что-же касается до возвращенія въ деревню Сиклитиньи, то я полагалъ правильнымъ разрѣшить ея возвращеніе на родину по принятіи вышеизложенныхъ мѣръ и установить въ д. Ащепково медико-полицейскій надзоръ, принимая соотвѣтственныя административныя мѣры по отношенію къ зачинщикамъ при первыхъ проявленїяхъ народнаго волненія.

Дальнѣйшее теченіе ащепковской эпидеміи приняло болѣе благоприятный оборотъ. Часть кликушъ выздоровѣла совершенно, другія получили облегченіе, но главный результатъ сказался въ томъ, что общее народное возбужденіе и фанатизмъ нѣсколько улеглись.

По полученнымъ въ октябрѣ 1899 г. официальнымъ свѣдѣніямъ у семи изъ девяти пользовавшихся гипнозомъ женщинъ въ продол-

женіе времени съ іюля по конецъ октября не наблюдалось явленій кликушества. 29-го и 30-го сентября въ Ащепковѣ былъ отслуженъ молебенъ передъ весьма чтимой мѣстнымъ населеніемъ чудотворной иконой Божіей Матери изъ Колоцкаго монастыря. У двухъ, упомянутыхъ равнше кликушъ, на которыхъ я указывалъ, какъ на подлежащихъ удаленію въ больницу, припадки во время молебна появились снова (Марѳа Петрова и Неонила Титова). Остальныя же кликуши, прикладываясь къ святынь, не обнаружили припадковъ кликушества, неизбѣжно происходившихъ у нихъ въ подобныхъ случаяхъ, до леченія ихъ. Въ числѣ выздоровѣвшихъ состоятъ также и Василиса Алексѣева, главная виновница ащепковской эпидеміи. По ея словамъ, она была очень смущена, прикладываясь къ иконѣ и ожидала припадка, но все обошлось благополучно.

Послѣ этого молебна обѣ упомянутыя кликуши были отправлены, по распоряженію г. губернатора В. О. Сосновскаго, для леченія въ спеціальную больницу и эпидемія со всѣми ея послѣдствіями затихла.

Вскорѣ послѣ моего отъѣзда, пріѣзжала на пять дней въ Ащепково Сиклитинья провѣдать свою семью. Пріѣздъ ея обошелся благополучно. Неприятностей ей никто не дѣлалъ, а съ дочерью ея теперь по деревнѣ всѣ гуляютъ и уже не чуждаются и не боятся ея.

Однако, было бы поспѣшно ожидать, чтобы столь бурная вспышка народнаго волненія и разыгравшихся суевѣрій могла такъ быстро сойти на нѣтъ, и выбитая изъ колеи въ теченіе цѣлаго года деревенская жизнь сразу принять совершенно спокойное теченіе. Также трудно было ожидать, чтобы кликуши, въ основѣ болѣзни которыхъ лежали укореившіяся вѣками суевѣрія, сразу поуспокоились окончательно.

Дѣйствительно, по полученнымъ мною благодаря любезности Екатерины Александровны Козловской частнымъ свѣдѣніямъ, черезъ $\frac{1}{2}$ года послѣ моего отъѣзда изъ Ащепкова, эпидемія хотя по внѣшнему виду затихла, но нѣкоторыя изъ кликушъ, втихомолку, еще продолжали страдать слабыми проявленіями ихъ прежней болѣзни. Такъ, Акулина Семенова заявила: что „святыни, т. е. святую воду, масло, образа, просфору—она переноситъ. Припадковъ у ней не было, только иногда подкатывается подъ сердце и животъ болитъ“. Любопытно, что двѣ старушки, наиболѣе суевѣрныя, продолжали еще огдавать дань нѣкоторымъ проявленіямъ кликушества: Хавронья Савельева заявила, что дома у ней на Николу былъ припадокъ, также и въ воскресеніе въ часъ обѣдни. Не кричала, но ее ломало и трясло. Каждый день она пьетъ святую воду, мажется сватымъ масломъ, ѣстъ просфоры. Все это даетъ попъ, который велитъ чаще прича-

щаться: черезъ двѣ недѣли, и она уже три раза причащалась. Къ причастію ее подводили насильно, такъ-какъ ее ломало. Послѣ причастія ей становилось „точно легче“. О Сиклитинѣ теперь можетъ говорить благополучно.

У Марьи Алексѣевой припадки продолжаютъ дома по прежнему. Въ церкви ни разу не была: нѣкому свести. Вернулся мужъ изъ солдатъ, и живутъ они ладно. За $\frac{1}{2}$ года было 3 сильныхъ припадка во время молебновъ. Пьетъ каждый день святую воду и ѣстъ просфору.

Мавра Михайлова утверждаетъ, что ей не лучше. Ее тошнить и трясеть, но не кричить. Одинъ разъ причащалась и послѣ того чувствовала себя очень худо: сильно ломало и трясло. При имени Сиклитини волнуется. На Николу (6 декабря) во время молебна припадка не было. Пьетъ каждый день святую воду.

Марья Федорова рассказывала: „въ то время какъ былъ докторъ, то было легче, а когда онъ уѣхалъ, то очень худо стало и стало сердце сосать. Въ первый разъ, какъ поѣхала къ обѣднѣ, стала биться и кричать по прежнему. Подала на просфоры, чтобы каждую службу священникъ вынималъ и уже два раза причащалась. Въ первый разъ очень сильный припадокъ былъ: кричала, билась и ругалась, потомъ обезсилѣла очень, ничего не чувствовала. Во второй разъ было легче, а въ третій разъ не хотѣла къ причастію идти. Когда принесли Колоцкую Божию Матерь, еще не видала, а уже въ обинѣ ваялась, билась и кричала, а потомъ цѣлую недѣлю была больна, очень обезсилѣла, едва могла работать: въ животѣ все болѣло. На Николу была въ церкви и „состояла“; только морщилась, а припадка не было. Когда съ Никольскими молебнами по хатамъ ходили, то ничего не было, отстоялась и приложилась къ образамъ. Теперь каждый день пьетъ святую воду, ѣстъ просфору, мажетъ голову, виски и подъ ложечкой святымъ масломъ, а „если, говорить, какой день пропущу, то дѣлаюсь очень безпокойной. И попъ сказалъ, чтобы приходилъ причащаться каждыя двѣ недѣли, если легчаетъ. Такъ и дѣлаю. Теперь лучше стало. Лѣтомъ, когда пріѣзжала Сиклитиня, и я ее въ окно увидала, меня согнуло такъ, что я три дня не разгибалась“.

Изъ этого сообщенія видно, что хотя нѣкоторыя болѣзненные проявленія у ащепковскихъ кликушъ еще продолжаютъ, но сами онѣ отяѣчаютъ ясное улучшеніе. Столь рѣзко выраженная у нихъ склонность къ внушенію и потребность подчиняться чужой волѣ повели къ тому, что онѣ, послѣ моего отъѣзда и прекращенія гипнотическаго леченія, стали прибѣгать къ священнику, и постепенно болѣзненные явленія у нихъ затихаютъ.

Остонавливаясь на обсужденіи причинъ ащепковской эпидеміи кликушества, необходимо признать, что она имѣетъ въ своей основѣ бытовья условія русской народной жизни и возникла главнымъ образомъ на почвѣ широко распространенныхъ суевѣрій и извращеній религиозныхъ вѣрованій въ бѣсноватыхъ, которыя не встрѣчали достаточно сильнаго противодѣйствія со стороны духовенства.

Ащепковская эпидемія не есть явленіе единичное для данной мѣстности. Во всемъ гжатскомъ уѣздѣ очень много кликушъ, при томъ, чѣмъ ближе къ Колоцкому монастырю, тѣмъ ихъ больше. Кликушество здѣсь, какъ и вообще, проявляется въ двухъ видахъ: въ формѣ отдѣльныхъ заболѣваній и эпидемій. Отдѣльныя кликуши есть по многимъ окрестнымъ деревнямъ, вообще же, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, кликушъ во всемъ уѣздѣ нужно считать двумя—тремя сотнями. Болѣе рѣдки эпидеміи кликушества, но и въ этомъ отношеніи гжатскій уѣздъ отдаетъ ему въ ащепковской эпидеміи дань не въ первый разъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ подобная же эпидемія возникла въ дер. Егорьевѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Ащепково и продолжалась тамъ въ теченіе почти 7-ми лѣтъ. При посѣщеніи этой деревни я видѣлъ только одну изъ бывшихъ кликушъ, старуху лѣтъ шестидесяти, которая рассказала мнѣ, что нѣсколько (6—7) женщинъ много лѣтъ тому назадъ заболѣли кликушествомъ и въ припадкахъ кричали на односельчанина Тихона. Эпидемія продолжалась нѣсколько лѣтъ и прекратилась лишь послѣ смерти Тихона. Старуха заявила, что она и теперь больна, какъ и раньше, только кричать не кричитъ. „Тихонъ давно умеръ, царство ему небесное, только, что грѣхъ на душу принимать, я на него зла не имѣю! Болтали, а, можетъ быть, и понапрасну“. Старуха и теперь не можетъ святостей принимать. Въ церкви и во время службы она „дѣлается безъ чувствія“, ее бьетъ и ломаетъ, такъ что нѣсколько мужчинъ удержать не могутъ, а она о томъ ничего не помнитъ. Послѣ того, какъ много святостей приняла, полетчало. Сердце болитъ, подъ грудь подкатывается, въ головѣ круженіе дѣлается. Подобно ащепковскимъ кликушамъ, старуха признавала, что „туда понасажено“, но кто эти враги, она опредѣленно сказать не могла и представленіе о нихъ имѣла смутное. Егорьевскія кликуши въ свое время также странствовали по монастырямъ.

Въ деревнѣ Коробкино, въ 10-ти верстахъ отъ Ащепкова въ настоящее время есть 3 кликуши. Деревня эта родина Василисы Алексѣевой, мать которой, по слухамъ, тоже была кликушей.

По общимъ указаніямъ, во всей мѣстности издавна водились кликуши и бѣсноватыя. По мѣстнымъ понятіямъ, бѣсноватыя въ чистомъ видѣ ни на кого не выкликаютъ, а только не могутъ переносить святостей, святой воды, иконъ и ладону.

Суетврія, лежащія въ основѣ кликушества, вѣра въ бѣсноватость, не смотря на смутность понятій о самомъ бѣсѣ, врагѣ, чортѣ, и о способѣ, какимъ онъ вселяется въ тѣло человѣка, обуславливаютъ то общее народное убѣжденіе, которое побуждаетъ ихъ искать помощи отъ своего недуга въ молитвѣ и поклоненіи святынямъ.

Этимъ обуславливается та связь, которую исторически получило кликушество въ Россіи, съ жизнью монастырей. Эти послѣдніе имѣютъ несомнѣнное вліяніе на распространеніе кликушества, какъ явленія русской народной жизни. По народному убѣжденію, единственный способъ избавиться, отъ порчи—это богомолье въ монастыряхъ и у чудотворныхъ иконъ. Въ данной мѣстности пользуются славою три близко расположенныхъ одинъ отъ другого монастыря—Колоцкій, Бородинскій (Московск. губ.) и Лужецкій (Калужск. губ.). Сюда изъ сосѣднихъ уѣздовъ стекается очень много кликушъ, здѣсь ихъ отчитываютъ монахи, изгоняя вселившихся въ бѣсноватыхъ демоновъ и исцѣляя ихъ молебнами у чудотворной иконы. Посѣтивъ Колоцкій монастырь, я получилъ отъ отца игумена много интересныхъ свѣдѣній о кликушахъ, которыхъ ему приходилось видѣть во множествѣ. По словамъ игумена, многія бѣсноватыя получаютъ у нихъ исцѣленіе. Онъ подтвердилъ народное убѣжденіе въ томъ, что кликуши обладаютъ способностью различать святую воду, какъ бы скрыто ни дать ее больнымъ. Указалъ мнѣ о. игумень еще на очень интересный фактъ объ особой травѣ изъ вида *grimula*, которую кликуши не могутъ переносить и впадаютъ въ припадки, какъ только ее, безъ вѣдома больныхъ, принесутъ къ нимъ. Отецъ игумень Колоцкаго монастыря, какъ и мѣстный священникъ с. Мокраго, вѣрятъ въ бѣсноватыхъ и объясняютъ это явленіе съ точки зрѣнія священнаго писанія и евангелія, почему и допускаютъ отчитываніе кликушъ во время богослуженій особыми, установленными на этотъ предметъ молитвами. Впрочемъ, главныя закликательныя молитвы, имѣющіяся въ запрещенномъ уставѣ церковной службы требникѣ Петра Могилы, теперь не читаются, да и требника этого почти нигдѣ въ церквахъ не существуетъ.

Вообще духовенство монастырей покровительствуетъ кликушамъ, признавая ихъ бѣсноватыми, отчитывая ихъ и допуская во время службы ихъ припадки, часто сопровождающіеся крикомъ, богохульствомъ и борьбою съ удерживающими ихъ лицами. Къ причастію кликушъ обыкновенно подводятъ насильно, послѣ упорнаго сопротивленія. Эти картины, происходящія всенародно во время торжественныхъ богослуженій, производятъ на богомольную толпу сильное впечатлѣніе.

Это вліяніе на кликушество не ограничивается мѣстными монастырями. Населеніе сосѣднихъ съ Москвою губерній очень часто

отправляется на богомолье къ московскимъ святынямъ, и тамъ можно видѣть всѣ типичныя картины кликушества и бѣсоватости, происходящія всенародно и дѣйствующія сильно на воображеніе богомольной толпы.

Всѣ ащепковскія кликуши были на богомольяхъ въ мѣстныхъ и въ московскихъ монастыряхъ, гдѣ ихъ отчитывали, изгоняя вселившихся въ нихъ бѣсовъ.

Разбирая другія условія и причины ащепковской эпидеміи, слѣдуетъ отмѣтить, что здѣсь не было на лицо тѣхъ условій, которыя были отмѣчены нѣкоторыми авторами, а именно крайней бѣдности, пьянства, невѣжества и физическаго истощенія населенія. Ащепково сравнительно деревня зажиточная, въ каждомъ дворѣ большинство людей грамотныхъ, пьянства въ ней нѣтъ, а кликушеская эпидемія царитъ въ своемъ полномъ развитіи.

По своему значительному распространенію и по тѣмъ тяжелымъ послѣдствіямъ, которыя она вызвала въ жизни населенія, ащепковская эпидемія представляется однимъ изъ наиболѣе рѣзкихъ случаевъ эпидемій кликушества, описанныхъ въ русской литературѣ.

Глава VIII-я.

Кликуши и бѣсноватыя въ Москвѣ.

Посѣтивъ Москву съ цѣлью ознакомленія съ кликушествомъ въ ея монастыряхъ, я убѣдился, что оно и въ настоящее время распространено тамъ въ широкихъ размѣрахъ.

Въ Москвѣ, отличающейся, какъ извѣстно, обиліемъ мѣстныхъ святынь и религіозныхъ торжествъ, пріуроченныхъ къ многочисленнымъ праздникамъ, есть опредѣленные мѣста и опредѣленное время, въ которое туда стекается масса страждущихъ и немощныхъ, ищущихъ исцѣленія у чудотворныхъ иконъ, прославленныхъ историческими чудесами и народными преданіями о чудодѣйственной силѣ московскихъ святынь.

Среди массы больного люда, стекающагося на поклоненіе святынямъ въ Москву, есть много нервныхъ больныхъ, слабоумныхъ и вырождающихся. Но особенно выдѣляется та группа, которую народъ называетъ порченными, т. е. кликуши и бѣсноватыя. Бѣсноватыя въ чистомъ видѣ отмѣчаются тѣмъ, что во время припадковъ ни на кого не выкрикиваютъ, не обвиняютъ кого-либо въ порчѣ, а просто кричатъ отъ имени сидящаго въ нихъ бѣса. Излюбленные мѣста стеченія кликушъ и бѣсноватыхъ въ Москвѣ—часовня св. Пантелеймона и Симоновъ монастырь. Меньше ихъ бываетъ въ Страстномъ монастырѣ и у Иверской.

Если бы изслѣдователь русскаго народнаго быта пространствовалъ одну ночь по описаннымъ ниже богомольямъ вмѣстѣ съ молящейся толпою, онъ нашелъ бы много достойнаго кисти художника и поэта,—столько въ нихъ оригинальнаго и своеобразнаго.

Каждую ночь, въ 12 часовъ, въ часовню Иверской Божіей Матери привозятъ чудотворную икону и служатъ молебенъ. Незадолго передъ этимъ у часовни собирается толпа народа въ 100—200 человекъ, и среди нихъ почти всегда можно видѣть одну или нѣсколько кли-

кушь. Незадолго передъ прибытіемъ иконы, кликуши начинаютъ выкликать и я слышалъ отъ очевидцевъ, что кликуша безошибочно узнаетъ и чувствуетъ приближеніе иконы. Время пріѣзда иконы колеблется въ предѣлахъ получаса, но это точное чувствованіе приближенія иконы со стороны кликушь многихъ удивляетъ. Съ цѣлью исцѣленія кликуша посѣщаетъ часовню 12 ночей подрядъ, и народная молва утверждаетъ, что обычно онѣ выздоравливаютъ. У Иверской часовни проявленія припадковъ у кликушь не бываютъ особенно рѣзки, что объясняется, вѣроятно, людностью мѣста, а ограничиваются обычно всхлипываніемъ, плачемъ и ломаніемъ рукъ со страдальческимъ выраженіемъ лица и позою. Среди ожидающей молчаливой толпы кликуша притягиваетъ всеобщее вниманіе. Она волнуется, нудится, словно не находитъ себѣ мѣста, а иногда и плачетъ на голоса. Съ момента пріѣзда иконы кликуша обыкновенно перестаетъ кричать и стремится, во что бы то ни стало, прикоснуться къ иконѣ въ то время, когда ее приносятъ въ часовню. Соболезнующій ей народъ обыкновенно помогаетъ ей въ этомъ, и, добившись успѣха, кликуша успокаивается.

Видѣнная мною кликуша, кричавшая нѣсколько ночей подрядъ, во время службы лишь ломалась, позировала, обхватывала руками дверь и плакала! Она прислоняла голову къ двери, жестами и мимикой изображая страданіе. Окружающіе простые люди говорили мнѣ, что считаютъ ее „не въ своемъ умѣ и безъ сознанія“. Наблюдая ее, однако, очень близко, я вынесъ обратное впечатлѣніе. Кликуша эта, молодая дѣвушка очень хорошаго питанія, съ румянцемъ на щекахъ, одѣтая опрятно, съ платочкомъ на головѣ, — своею позою изображала томленіе и страданіе. Судя по одеждѣ она принадлежала къ городскому классу. Ни судорожныхъ подергиваній, ни разстройства въ инерваціи лица я не наблюдалъ, стоя совсѣмъ близко отъ нея. Временами, чувствуя на себѣ вниманіе окружающей толпы, она бросала украдкой взглядъ кругомъ. Я внимательно наблюдалъ этотъ томный взглядъ: онъ былъ вполне сознателенъ и осмысленъ. Она потупливалась, когда видѣла, что на нее упорно смотрять, и потомъ нѣкоторое время избѣгала моего взгляда. Движенія всѣ были совершенно произвольны. Окружающіе говорили, что раньше ее сильно приходилось удерживать въ то время, когда она билась.

Въ общемъ надо замѣтить, что у Иверской часовни проявленія припадковъ кликушь наиболѣе сдержанны, что объясняется тѣмъ, что происходятъ они на открытой площадкѣ часовни, и въ случаѣ бурнаго нарушенія тишины и спокойствія кликуши рискуютъ привлечь вниманіе полиціи и быть отравленными въ больницы.

Послѣ краткой службы, во время которой перепрягаютъ въ ка-

реть лошадей, икону снова увозятъ, и толпа частью расходится.

Значительная же часть толпы связываетъ поклоненіе Иверской иконѣ съ поклоненіемъ мощамъ св. Пантелеймона и отсюда отправляется черезъ кремль къ часовнѣ св. Пантелеймона, гдѣ ожидаетъ службы, начинающейся въ 3 часа ночи.

Стекающаяся сюда толпа многочисленнѣе, чѣмъ у Иверской. Въ ожиданіи открытія часовни толпа ютится на улицѣ, проводя тамъ значительную часть ночи. Нѣкоторые уже съ 12 час. ночи стараются помѣститься у дверей и терпѣливо ожидаютъ открытія ихъ, чтобы попасть въ часовню первыми. Другіе спокойно укладываются спать на каменныхъ плитахъ тротуара или дремлютъ присѣвъ на уличныхъ тумбахъ:

Тутъ же бродятъ отдѣльныя тѣни, въ видѣ молодыхъ парочекъ, тутъ же найдете вы и оборванныхъ субъектовъ, которые не прочь запустить руку въ карманъ спящаго богомольца. Здѣсь же спокойно спать безмятежнымъ сномъ подѣ защитой святого мѣста, темныя личности избѣгающія преслѣдованія полиціи, и скрывающіеся. Эти фигуры по какимъ-то таинственнымъ сигналамъ узнаютъ о приближеніи полиціи и моментально исчезаютъ, неизвѣстно куда.

Надъ этой дремлющей въ безмолвномъ ожиданіи толпой, представляющей смѣсь всевозможныхъ лицъ, сословій, состояній, царитъ спокойная тишина ночи, испытывая терпѣніе ожидающихъ богомольцевъ.

Послѣ вывоза мощей, около 3-хъ часовъ ночи открывается часовня и ожидающая на улицѣ толпа съ напоромъ бросается въ открытыя двери. Не смотря на давку, кликуши почти всегда успѣваютъ пробраться впередъ, направо, къ образамъ Спасителя и Божіей Матери. Въ началѣ молебна всѣ усердно молятся, но, по окончаніи его, когда священникъ переходитъ къ образу Божіей Матери и начинается чтеніе акафиста, кликуши вскорѣ начинаютъ кричать. Крикъ бываетъ очень различный. Слышанный мною начинался съ рѣдкихъ звуковъ, вдыхательныхъ, похожихъ на звукъ коклюшнаго кашля, собачій лай во время сна животного, или очень громкое икотное движеніе. Сначала раздаются два—три рѣдкихъ звука, за которыми слѣдуетъ пауза. Черезъ нѣсколько минутъ звуки возобновляются подѣ аккомпаниментъ монотоннаго чтенія священника. Во время пригѣва хора кликуша молчитъ. Вскорѣ звуки становятся разнообразнѣе, чаще, хотя нѣсколько тише. То слышится ясная икота, то всхлипываніе, то кликуша какъ-будто давится или издаетъ рвотное движеніе. Эти звуки перемежаются тихими стонами и глубокими вздохами. Кликуша, которую наблюдалъ я, молодая женщина въ простомъ городскомъ платьѣ съ платочкомъ на головѣ, стояла покойно и усердно молилась, не обращая ни на что вниманія. Окружающій народъ, повидимому, привыкнувшій къ этимъ

сценамъ, совершенно спокойно слушалъ кликушу, смотря на нее съ состраданиемъ и сочувствіемъ. Возгласы кликуши мѣнялись въ силѣ и съ болѣе или менѣе длинными промежутками продолжались во все время чтенія акаеистовъ, т. е. около получаса. Лицо кликуши выражало состояніе религіознаго экстаза, скорѣе дѣланнаго, чѣмъ настоящаго. Подвижное лицо съ устремленными на икону, но тоже подвижными глазами, было правильно инервировано. Зрачки не были замѣтно расширены и реагировали на отблески образовъ и свѣтъ восковыхъ свѣчей. Вся она позировала, жестикулировала, осыняя себя усердно крестными знаменіями, клала земные поклоны и часто била лбомъ объ полъ. Всѣ движенія ея во время выкликаній производили впечатлѣніе вполне произвольныхъ. Кликуша выбирала время наиболѣе удобное и эффектное для своихъ выкликаній. При каждомъ приступѣ звуковъ, народъ въ часовнѣ начиналъ усиленно креститься, а кликуша, чувствуя на себѣ вниманіе и сочувствіе толпы, еще болѣе позировала. Послѣ окончанія чтенія акаеиста кликуша прикладывается къ образу и спокойная, словно испѣлившаяся, выходитъ изъ церкви.

Во все время службы сознаніе кликуши было совершенно сохранено, она хорошо оріентировалась въ окружающемъ и слѣдила за ходомъ богослуженія, которое она знаетъ въ совершенствѣ, и сообразуетъ съ нимъ свои крики. Она слѣдитъ за тѣмъ, гдѣ находится священникъ, слѣдитъ за тѣмъ, какъ онъ къ ней приближается, и старается попасть подъ его благословеніе. Она отлично знаетъ, къ какимъ образамъ ей слѣдуетъ приложиться.

Въ другихъ случаяхъ кликуша, которой не удалось проникнуть сквозь толпу впередъ, начинаетъ выкрикивать и ломаться сзади. Ее немедленно пропускаютъ впередъ, и она, приложившись къ иконѣ, сразу получаетъ облегченіе, занимаетъ на все время службы добытое мѣсто и уже больше не кричитъ. По словамъ мѣстнаго пристава, кликушескій плачь это общепринятый пріемъ со стороны многихъ женщинъ, желающихъ пробраться поближе къ иконамъ. Приближеніе полиціи очень быстро прекращаетъ крики и лomanье кликушъ, а предложеніе, со стороны полиціи, отправить больную въ больницу, влечетъ за собою моментальное выздоровленіе. Однако, низшіе чины полиціи, если не имѣютъ особыхъ распоряженій свыше, наоборотъ,—проникнуты благоговѣйнымъ уваженіемъ къ кликушамъ, и я самъ видѣлъ, какъ пожилой жандармъ расчищалъ кликушѣ путь къ иконамъ.

Описанная выше кликуша относится къ разряду самыхъ легкихъ случаевъ. Другія кликуши ведутъ уже сознательный и связанный разговоръ шепотомъ или глухимъ, сдавленнымъ голосомъ, выговаривая отъ имени 3-го лица, т. е. сидящаго въ ней бѣса. Свои слова и

фразы; она сообразуетъ съ ходомъ богослуженія. Когда священникъ читаетъ евангеліе, кликуша шепчетъ: „оставь, оставь, я слышу!.. дозволено... не мучь меня“!.. въ это время она ломается и позируетъ, изображая страданіе. Движенія вполнѣ произвольны и не имѣютъ ничего общаго съ судоргами. При болѣе сильныхъ движеніяхъ кликуши, ее начинаютъ, согласно установившимся традиціямъ, *держатъ*, для чего часто имѣются спеціально приглашенные сильные мужчины. Кликлуша сопротивляется, рвется и, когда ее силою подводятъ къ иконѣ, обнаруживаетъ большую мышечную силу. Замѣчательно, однако, что не было случая поврежденія кликушею окружающихъ иконъ и предметовъ, падить которые при беспорядочныхъ, порывистыхъ движеніяхъ кликушъ, не такъ-то легко. Если кликушу подводятъ къ иконѣ насильно, она часто начинаетъ богохульствовать отъ имени сидящаго въ ней бѣса. Приложившись къ иконѣ, она сразу успокаивается. Рѣдко кликуша въ часовнѣ св. Пантелеймона падаетъ на землю, но и въ этихъ случаяхъ она не теряетъ сознанія. Одна изъ такихъ бѣсноватыхъ сумѣла подползти къ ногамъ священника, шепча все тѣ же рѣчи отъ имени дьявола. Всѣ кликуши утверждаютъ, что онѣ не помнятъ ничего о бывшихъ съ ними припадкахъ, и эта амнезія для наблюдателя со стороны представляется мало вѣроятною.

Кликлуши въ Москвѣ бѣльшею частью относятся къ чистымъ бѣсноватымъ, т. е. онѣ не выкликаютъ имени лица, испортившаго ихъ и наславшаго на нихъ порчу. Не смотря на ломаніе кликушъ, онѣ не ударяютъ никого изъ тѣсно окружающей ихъ толпы. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ кликуши, когда ихъ подводятъ къ иконамъ, плюютъ на нихъ и богохульствуютъ. Онѣ рвутъ на себѣ платье, ломаютъ руки, царапаютъ лицо и рвутъ волосы. Придя въ себя, говорятъ, что чувствуютъ усталость и боль во всѣхъ членахъ.

Часовня св. Пантелеймона пользуется широкою славою мѣста исцѣленія бѣсноватыхъ и кликушъ, которыя стекаются сюда со всѣхъ сѣверныхъ губерній Россіи.

Съ цѣлью излеченія отъ болѣзни, кликуши ходятъ въ часовню св. Пантелеймона 12 ночей подъ рядъ. Здѣсь надъ ними читаютъ молитвы и продаютъ, спеціально для нихъ, святое масло въ особыхъ стеклянкахъ, на одной сторонѣ которыхъ изображена Божія Матерь, а на другой св. Пантелеймонъ. Здѣсь же кликушамъ продается трава, которую онѣ пьютъ, заваривая подобно чаю ¹⁾. По словамъ народа, многія изъ бѣсноватыхъ здѣсь выздоравливаютъ, но и послѣ выздоровленія онѣ продолжаютъ пить лампадное масло.

¹⁾ Образцы этой травы мною переданы въ музей при клиникѣ академика В. М. Бехтерева въ С.-Петербурѣ.

Отношеніе духовенства и мѣстныхъ монаховъ къ кликушамъ покровительственное. Они „отчитываютъ“ кликушъ молитвами и поддерживаютъ вѣру народа въ цѣлительную силу часовни противъ бѣсноватости, получая отъ этого матеріальныя выгоды. Днемъ, однако, во время службъ, крикъ кликушъ въ часовнѣ св. Пантелеймона не допускается. Вообще припадки кликушъ во время богослуженія держатся въ опредѣленныхъ границахъ. Народъ привыкъ къ нимъ, и общій порядокъ службы не нарушается. По заявленію г. пристава, не бываетъ рѣзкаго нарушенія порядка, который бы давалъ поводъ вмѣшательству полиціи.

Но за то нравственное вліяніе описанныхъ сценъ на богомольную толпу очень велико. Припадки бѣснующихся производятъ на зрителей крайне тяжелое впечатлѣніе, а когда приходится наблюдать картины неистовства и богохульства, совершенно нарушается и оскорбляется чувство религіознаго благоговѣнія. Народъ мирится съ этими картинами, потому что вѣритъ въ кликушъ и бѣсноватыхъ. Въ дѣлѣ общаго распространенія суевѣрій и предрасудковъ среди народа, описанныя сцены въ московскихъ монастыряхъ имѣютъ рѣзкое вліяніе.

Бѣсноватые мужчины—явленіе крайне рѣдкое въ часовнѣ св. Пантелеймона, но мнѣ рассказывали очевидцы, что однажды въ ожиданіи открытія часовни, въ толпѣ сидѣлъ молодой человекъ и довольно долго „выкрикивалъ“. Незадолго передъ открытіемъ часовни, къ нему подошелъ его знакомый и поздоровался съ нимъ. Вслѣдъ за тѣмъ, первый пересталъ кричать, а второй началъ кричать и ломаться. Товарищъ его въ это время удерживалъ его.

Одна изъ видѣнныхъ мною бѣсноватыхъ, пожилая женщина, спокойно стоявшая въ той же часовнѣ во время молебна, сзади, въ толпѣ, какъ только начался акаѳистъ Божіей Матери, стала кричать: „слышу, слышу“! и выкрикивала это много разъ. Когда ее вывели впередъ, она продолжала кричать время отъ времени тѣ же слова.

По словамъ спрошенныхъ мною частныхъ лицъ и полиціи,—въ часовнѣ св. Пантелеймона ежедневно бываетъ двѣ—три кликуши. Есть между ними мѣстные, есть и пріѣзжія, но точно сказать, какихъ больше,—трудно. Общій видъ ночныхъ посѣтителей часовни, смѣшанный съ преобладаніемъ городского типа.

Можно видѣть бѣсноватыхъ и въ Страстномъ монастырѣ. Въ часовнѣ, налѣво отъ церкви, помѣщается Распятіе, а за свѣчнымъ ящикомъ стоитъ монахиня, мать Марія, которая славится умѣніемъ лечить бѣсноватыхъ. Лечитъ она молитвами и отчитываніемъ. Видѣнная мною здѣсь женщины, производятъ впечатлѣніе просто истеричныхъ. Существующая здѣсь давка, сильно спертый воздухъ, плачь многихъ

женщинъ, находящихся въ состояніи религіознаго экстаза, — даютъ благоприятную почву для развитія припадковъ у истерическихъ. Вѣроятно, потому, что составъ молящихся въ Страстномъ монастырѣ болѣе интеллигентный и самое мѣсто слишкомъ людное, припадки кликушъ здѣсь болѣе сдержанны и проявляются въ менѣе грубой и крикливой формѣ. Преобладаетъ обыкновенный плачь. Отчитываетъ бѣсноватыхъ мать Марія въ классической формѣ, убѣждая ищущихъ исцѣленія, что вселившійся въ нихъ бѣсъ ихъ покидаетъ. Одной больной, улавлившей передъ ней на колѣни, мать Марія, успокаивая, говорила: „что? въ ноги ударился“? (т. е. дьяволъ). Во время говѣнія, въ великомъ посту, въ Страстномъ монастырѣ бываетъ много бѣсноватыхъ. Когда мужчины насильно подводятъ ихъ къ причастію, онѣ упираются, ломаются, получивъ же Причастіе, въ изнеможеніи падаютъ и лишь черезъ нѣкоторое время приходятъ въ себя. Кликуши, обвиняющія во время припадковъ кого-нибудь въ порчѣ, здѣсь рѣдки.

Много бѣсноватыхъ и кликушъ бываетъ въ Симоновомъ монастырѣ. По словамъ очевидцевъ и большинства ащенковскихъ кликушъ, находившихся тамъ на излеченіи, для бѣсноватыхъ часто служится особая ранняя обѣдня, и тогда ихъ собирается до 30 и болѣе. Во время этой службы происходятъ самыя бурныя сцены. Десятки женщинъ лежатъ въ припадкахъ на полу, кричатъ, корчатся и богохульствуютъ. Славой цѣлителя кликушъ пользуется отецъ Маркъ. Для полного излеченія держать кликушъ по 6-ти недѣль, служить по 40 обѣдней за здравіе, даютъ имъ пить святое масло и просфоры и „отчитываютъ“. Если кликуша не выдерживаетъ шести недѣль, то она получаетъ лишь облегченіе, но не исцѣляется. Для полного же исцѣленія слѣдуетъ лечиться шесть недѣль и чаще причащаться.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что московскіе монастыри имѣютъ большое значеніе и вліяніе на распространеніе кликушества и бѣсноватости въ Россіи. Отразилось это вліяніе и на описанной выше эпидеміи въ гжатскомъ уѣздѣ, откуда почти все больныя находились на излеченіи въ Симоновомъ монастырѣ и въ часовнѣ св. Пантелеймона.

Глава IX-я.

Кликушество въ Новгородской губернии и Тихвинская эпидемія

Иснсвидѣніе кликушъ.

Вступивъ съ сентября 1899 года въ завѣдываніе Колмовской психіатрической больницы Новгородскаго губернскаго земства, я имѣлъ случай познакомиться съ кликушествомъ въ Новгородской губерніи, такъ какъ нѣсколько больныхъ пришлось наблюдать въ больницѣ. Въ февралѣ же 1900 года я былъ командированъ губернской управою въ Тихвинскій уѣздъ, для разслѣдованія и принятія мѣръ противъ возникшей тамъ эпидеміи кликушества, принявшей довольно тяжелый для населенія оборотъ. Эти условія дали мнѣ возможность еще ближе ознакомиться съ кликушествомъ и дополнить приведенныя выше наблюденія.

Изъ шести кликушъ, которыхъ мнѣ пришлось наблюдать въ Колмовской больницѣ, я подробнѣе остановлюсь лишь на двухъ, представлявшихъ нѣкоторыя особенности. Всѣ кликуши, подобно описаннымъ выше не представляли никакихъ измѣненій со стороны нервной системы, свойственныхъ классическимъ истеричкамъ. Особенно подробно произведенное изслѣдованіе поля зрѣнія не показало никакихъ отклоненій отъ нормы. Всѣ эти кликуши приписывали свою болѣзнь порчѣ, высказывали идеи бѣсоодержимости и были проникнуты обычными суевѣріями.

Для изслѣдованія онѣ представляли тотъ интересъ, что въ больничной обстановкѣ можно было произвести подробное клиническое изслѣдованіе нервной системы и эго изслѣдованіе вполне подтвердило приведенныя выше данныя. Всѣ кликуши были единичныя больныя, т. е. заболѣвшія внѣ эпидемій, и изъ разныхъ уѣздовъ Новгородской губерніи.

Двѣ изъ нихъ представляли интересныя особенности.

1) А. П. крестьянка Новгородскаго уѣзда, дѣвица 32-хъ лѣтъ, поступила въ Колмовскую больницу 30 января, выписалась 28 марта

1900 года. Женщина высокаго роста, правильнаго сложенія и хорошаго питанія. Самое подробное клиническое изслѣдованіе нервной системы не показало никакихъ отклоненій отъ нормы. Ни одного изъ тѣлесныхъ признаковъ истеріи не было. Поле зрѣнія, изслѣдованное периметромъ д-ра Аша оказалось нормальнымъ. При полномъ сознаніи, памяти и способности разсуждать логично, эта больная уже болѣе 10 лѣтъ вошла въ роль страдальцы, изнывающей подъ гнетомъ поразившей ее болѣзни. Наблюденіе въ больницѣ выяснило, до какой степени могутъ довести легковѣрную женщину суевѣрія, при совершенно здоровой нервной системѣ и при сохраненіи правильнаго механизма душевной дѣятельности.

А. П. рассказывала, что ее съ 19 лѣтъ испортили. „Со времени стало у меня сердце болѣть, сильно скука брала. Сначала все молчала, только приходила мнѣ обида; сдѣлалась такая гордая, злая. Въ церковь ходила, а какъ домой приду,—на себѣ волосы рву, иконы святыхъ и священника ругаю. Однажды у Антонія во время службы упала: тихо пролежала. Дали мнѣ отлежаться и я встала. Трисло меня долго. Въ животѣ ворочалось, какъ мячикъ распредѣляется въ бока. И свѣтъ мнѣ не милъ, такъ болѣзнь мнѣ эта надоѣла. По праздникамъ совсѣмъ ослабну и не могу спать. Навѣрно злой духъ въ серединѣ сидитъ! Если бы можно операцію сдѣлать, а то гдѣ его поймашь: онъ можетъ въ ноготокъ уйти. Онъ духомъ вопелъ въ человѣка, а можетъ у него такую болѣзнь распредѣлять, что и терпѣть нельзя! Всякое мученіе человѣку причинить, чтобы душу его погубить. Восемь лѣтъ я въ церквахъ не кричала, а послѣ 8-ми лѣтъ стала кричать. Это очень лукавая болѣзнь: я отъ него совсѣмъ слабѣла. Это ужъ отъ Господа Бога есть такіе люди посланы, чтобы проводить дѣвушкой всю жизнь. Господь въ такихъ людяхъ (т. е. страдальцахъ) нуждается. Есть (т. е. колдуны)—со зла сдѣлаютъ. Бываетъ, что не мнѣ лажено, а мнѣ понало. Кричала я, что невинно страдаю, что лажено не мнѣ, а брату и невѣсткѣ. Бѣсъ выкрикнулъ „я въ петли сидѣлъ! Въ это время дѣвушка несла пиво, я въ ноги ей и вскочилъ!“. Все выкрикивала. Было во мнѣ три бѣса съвши. Кто его знаетъ до какихъ поръ онъ меня мучить будетъ. Раньше могла предсказывать. За нѣсколько домовъ знала, что какая баба дѣлаетъ. Кричала послѣднее время на невѣстку, что отъ ей изъ кармана дано. Чародѣи эти, если имъ время на свадьбѣ придеть, не могутъ, чтобы кого-нибудь не испортить“.

По словамъ больной мать ея тоже была кликушей. Была она испорчена: „ее на полосѣ во время жатвы укусила крыса за палецъ, она и заболѣла. Нашли человѣка, который отъ порчи помогаль. Онъ

велѣлъ сдѣлать односutoчнаго пива и отъ первесеньки (въ первый разъ отелившаяся корова) молока достать. Этимъ молокомъ ее поили. Колдунъ сказалъ: „если ртомъ пойдетъ, то ее задавить, поэтому молитесь Бога, чтобы шло низомъ“. Послѣ этого вышла у нея низомъ палка въ четверть—какъ камень; били обухомъ и не могли разбить ее, только искры сыпались“. Ей легче сдѣлалось. Человѣкъ велѣлъ ей на новіцѣ мѣсяца пріѣхать, а если не пріѣдетъ, то черезъ 20 лѣтъ снова заболѣтъ“. Больная не поѣхала къ колдуну вторично и черезъ 20 лѣтъ болѣзнь дѣйствительно возобновилась. Вотъ та суевѣрная основа убѣжденій больной, которая, имѣя значеніе сильнаго внушенія, довела больную въ теченіе десяти лѣтъ до полной неспособности къ работѣ и превратила ее въ постоянно страдающую женщину безъ какихъ-либо реальныхъ измѣненій въ ея организмъ.

Постоянныя жалобы больной сводились на общее „разслабленіе“. Это заявленіе казалось просто смѣшнымъ, когда изслѣдовали ея прекрасно развитыя мышцы. Она говорила, что ей „ѣды нѣтъ“, но ѣла прекрасно и за время пребыванія въ больницѣ прибавила въ вѣсѣ на 12 фунтовъ. Она, впрочемъ, была очень разборчива по отношенію къ пищѣ и требовала особыхъ блюдъ, ссылаясь на бѣса, который грубой пищи не переноситъ. Единственное явленіе, подтвердившееся изслѣдованіемъ, было болѣзненность живота, но и здѣсь слѣдовало думать о переоцѣнкѣ нормальныхъ субъективныхъ ощущеній. Больная очень охотно дѣлилась со всѣми своими жалобами. Она обижалась, если ей не вѣрили, и не смотря на то, что она вовсе не отличалась глупостью, наивно доказывала, что окружающіе не правы, говоря, что бѣса въ ней нѣтъ. Она категорически заявила еще при поступленіи въ больницу, что докторамъ этой болѣзни не вылечить, и не хотѣла слушать никакихъ возраженій. Это убѣжденіе ея было такъ сильно, что довольно многочисленныя попытки загипнотизировать ее окончились полною неудачею. Она упорно сопротивлялась и лишь послѣ очень продолжительныхъ попытокъ удалось довести ее до состоянія, когда она при полномъ сознаніи не могла открыть вѣтъ.

Постоянныя ежедневныя жалобы подтверждались поведеніемъ больной. Ссылаясь на свое „разслабленіе“, она цѣлые дни лежала въ постели, и очень сердилась, если ей мѣшали лежать. Никакія убѣжденія не могли заставить ее работать. Она говорила, что для этого слишкомъ слаба и даже обижалась, говоря что въ больницу поступила не затѣмъ, чтобы работать. Истерическихъ и кликушскихъ припадковъ въ больницѣ у нея не наблюдалось.

2) Второй случай очень интересенъ тѣмъ, что больная, мать которой тоже была кликушей, заболѣла припадками съ 2-хъ лѣтняго

возраста. Эта кликуша, относительно которой подтвердились все выше-приведенныя указанія, т. е. нормальность поля зрѣнія, отсутствіе разстройствъ чувствительности и другихъ признаковъ истеріи, была подробно изслѣдована мною совместно съ товарищами, ординаторами В. В. Крумбмиллеромъ и А. А. фонъ-Фрикеномъ и при этомъ изслѣдованіи было тщательно провѣрено одно явленіе, видѣнное мною и у ащенковскихъ кликушъ, но не достаточно основательно тамъ провѣренное, а потому и не описанное выше. Эта кликуша безошибочно различала святую воду отъ простой, какъ скрыто мы ее не давали. Каждый разъ, когда ей подносили стаканъ съ святой водой, она впадала въ припадокъ, часто прежде чѣмъ попробуетъ ее на вкусъ. Вода была свѣжая, крещенская (изслѣдованіе было произведено въ срединѣ января). Наливались обѣ пробы въ одинаковые стаканы въ другой комнатѣ и я подносилъ ей уже готовыя пробы. Послѣ того, какъ много разъ повторенные опыты дали тотъ же положительный результатъ, я смѣшалъ обѣ пробы воды вмѣстѣ, простую и святую, и налилъ ихъ поровну въ оба стакана. Тогда кликуша стала реагировать на обѣ пробы припадками. Ни одного раза она не ошиблась въ этомъ распознаваніи святой воды.

Вслѣдъ за тѣмъ я поднесъ къ ней пузырекъ со святымъ масломъ, привезенный мною изъ часовни св. Пантелеймона въ Москвѣ, и слегка помазалъ ей лобъ. Немедленно кликуша впадала въ припадокъ, хотя совершенно не была предупреждена о томъ, что у меня есть масло. На смазываніе вслѣдъ за тѣмъ простымъ масломъ изъ другого пузырька она не реагировала.

Здѣсь выяснилось очень интересное обстоятельство, которое тогда было для меня неясно, но которое теперь, послѣ нижеописанныхъ опытовъ съ ясновидѣніемъ тихвинскихъ кликушъ, въ моихъ глазахъ получаетъ объясненіе. Я поручилъ одному лицу разлить масло изъ привезеннаго мною пузырька, въ два другихъ, одинаковыхъ по внѣшнему виду, причемъ въ одинъ просилъ налить святое масло, въ другой — простое. У насъ въ распоряженіи такимъ образомъ имѣлось три пузырька. Опыты съ оригинальнымъ пузырькомъ изъ часовни св. Пантелеймона удавались безошибочно, но при опытахъ съ сравнительнымъ дѣйствіемъ масла изъ другихъ двухъ пузырьковъ было нѣсколько ошибокъ, хотя въ общемъ распознаваніе было правильно. Я долженъ отмѣтить, что, относясь осторожно къ научнымъ опытамъ, я еще въ началѣ, передъ тѣмъ, какъ произвести опытъ, пожалѣлъ, что я поручилъ вышеупомянутому лицу приготовить пузырьки съ масломъ. Быть можетъ и не основательно, я усумнился въ добросовѣстности этого лица и не былъ увѣренъ, что надписи на

обоихъ пузырькахъ соотвѣтствуютъ ихъ внутреннему содержанію. Эта неувѣренность моя передалась и кликушѣ, которая нѣсколько разъ ошиблась.

Припадки у этой кликуши скорѣе походили на чисто истерическіе и возобновлялись очень большое число разъ. Иногда она лежала по нѣсколько часовъ въ непрерывныхъ припадкахъ. Она кричала на какую-то „Ольгу“. Боязнь святостей была очень рѣзко выражена.

Нѣсколько другихъ кликушъ, которыя въ Колмовской больницѣ далеко не рѣдкость, были нами изслѣдованы очень подробно и ни у одной изъ нихъ не было обнаружено суженія поля зрѣнія, разстройствъ чувствительности и другихъ классическихъ симптомовъ истеріи.

Новгородскія кликуши нѣсколько отличаются отъ московскихъ тѣмъ, что здѣсь кликушество не имѣетъ тѣсной связи съ жизнью монастырей. Духовенство не поддерживаетъ здѣсь народныхъ суевѣрій и отчитываніе кликушъ здѣсь не составляетъ доходнаго промысла монастырей, хотя тамъ и можно встрѣтить много кликушъ.

Какъ видно изъ нижеописанной тихвинской эпидеміи, извращенія религиозныхъ вѣрованій играли въ ней очень малую роль, идеи бѣсоодержимости были выражены очень слабо, а *боязнь святостей* была замѣнена *боязнью табаку*.

Въ началѣ февраля 1900 г. я былъ командированъ Новгородскою губернскою управою въ дер. Большой Дворъ Тихвинскаго уѣзда гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, возникла эпидемія кликушества, принявшая серьезный оборотъ и грозившая народнымъ волненіемъ. Эпидемія эта возникла въ Тихвинскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 30—40 отъ того мѣста, гдѣ въ 1879 г. была при сходныхъ условіяхъ сожжена кр-нка Аграфена Игнатьева, (см. выше стран. 77), что заставляло смотрѣть на эту эпидемію не слишкомъ оптимитически. Командировка эта доставила мнѣ возможность познакомиться съ новымъ крайне интереснымъ случаемъ кликушной эпидеміи и съ рядомъ интересныхъ фактовъ ясновидѣнія, обнаружившихся у тихвинскихъ кликушъ.

Благодаря любезности предсѣдателя Тихвинской управы С. Г. Бередникова и В. Т. Ребовскаго, я имѣлъ возможность ознакомиться съ мѣстными бытовыми условіями, вліявшими на эпидемію.

Деревня Большой Дворъ, Сугоровской волости, Тихвинскаго уѣзда, Новгородской губерніи, расположена на берегу рѣки Сяси, въ 25-ти верстахъ отъ г. Тихвина и 115-ти верстахъ отъ станціи Чудово,

Николаевской желѣзной дороги. Эта часть уѣзда покрыта лѣсами и лѣсной промыслъ составляетъ главное занятіе населенія. Большой Дворъ—деревня великорусскаго типа, съ высокими, часто двухэтажными избами, довольно просторными и свѣтлыми. Вся деревня состоитъ изъ 25-ти дворовъ, съ населеніемъ около 150-ти человекъ. Населеніе рослое, на видъ здоровое, чисто великорусскаго типа. Ни особеннаго распространенія сифилиса, ни частыхъ эпидемическихъ болѣзней въ деревнѣ не отмѣчено. Въ культурномъ отношеніи населеніе стоитъ невысоко. Взрослое населеніе, за исключеніемъ 6—10 человекъ, неграмотно и только лѣтъ 5 назадъ дѣти стали обучаться въ земской школѣ сосѣдней деревни Лепши. Населеніе бывалое и въ Петербургѣ, вообще же довольно смышленное и развитое. Особенной религіозности среди населенія не замѣтно; оно скорѣе довольно холодно относится къ отправленію религіозныхъ обязанностей и чуждо религіознаго фанатизма. Многія женщины не знаютъ обычныхъ молитвъ. Въ церковь, находящуюся въ 6-ти верстахъ отъ деревни, ходятъ мало, особенно мужчины. Но за то суевѣрія среди населенія широко распространены: вѣрятъ въ колдуновъ, порчу, отъ которой лечатся у знахарей. Пьянства въ деревнѣ обычно нѣтъ; ближайшія винныя лавки на разстояніи 6-ти верстъ отъ деревни.

По свѣдѣніямъ Тихвинской уѣздной земской управы, Сугоровская волость въ экономическомъ отношеніи самая бѣдная въ уѣздѣ и по числу безлошадныхъ и по неимѣнію скота, стоитъ на 1-мъ мѣстѣ въ уѣздѣ¹⁾. Объясняется это мѣстоположеніемъ волости, которая тянется вдоль Новолadoжскаго почтоваго тракта, почти отъ самаго города и вдоль Тихвинской системы, вблизи мѣста нагрузки дровъ въ Новолadoжскомъ уѣздѣ; по всей этой мѣстности, какъ по бойкому мѣсту, прошла, конечно, полоса кабачества и кулачества, что вмѣстѣ съ невѣжествомъ и въ связи съ дурными налѣлами и привычкой жить минутой, способствовало обѣдненію населенія. Отчасти объясняется безлошадность и тѣмъ, что промыслъ лѣсной, не требуетъ помощи лошади, такъ какъ лѣтомъ и осенью была работа и у рѣки, гдѣ занимаются дочичествомъ. Въ общемъ, однако, населеніе живетъ не бѣдно—пьютъ чай почти всѣ, ѣдятъ и мясо. Недоимокъ нѣтъ.

Въ числѣ домохозяевъ деревни живетъ 4 брата. У одного изъ нихъ—Никиты Федорова, 65 лѣтняго старика, хорошаго работника и исправнаго хозяина, есть дочь Марѳа, которой теперь 29 лѣтъ. Лѣтомъ настоящаго года она вышла замужъ за крестьянина сосѣдней деревни, котораго старики приняли къ себѣ въ домъ.

¹⁾ Докладъ Тихв. у. в. упр. 1895 г., стр. 12.

Въ 1891 году, когда Марѳа была еще дѣвухой, она вмѣстѣ со своими односельчанами была на сѣнокосѣ, верстѣ за 12 отъ деревни. Вмѣстѣ съ Марѳой тамъ находилась и другая дѣвуха, изъ той же деревни, Аграфена Васильева, съ которой она была до того времени дружна. Разъ какъ-то Марѳа попросила одного парня поколотить ей косу. „Откуда ни взялась, по словамъ Марѳы, Грушка и стала изъ-за рѣчки кричать: не колоти ей косъ, она тебя срямитъ по всей мѣстности, что ты плохо косы колотишь“. Марѳа сказала: „Грушка, ты никакъ съ ума сошла, ты сплѣтки какія-такія сводишь?“ Дѣвухи поссорились. Отецъ парня сказалъ: „на эти рѣчи тутъ не надо ничего глядѣть, а дѣвухамъ косы надо колотить“. Аграфена кричала: „не будетъ онъ косъ колотить“.

Черезъ недѣлю Марѳа вернулась въ деревню, а Аграфена уже въ деревнѣ сидитъ на привязи. Марѳѣ объявили, что Грушка на нее кричитъ, будто она ее спортила. Народъ говорилъ Марѳѣ, „ты сходи къ ней“, но отецъ не пустилъ ее. Грушка „была къ стѣнѣ пририта, всяко бросалась“, прроболѣла двѣ недѣли и померла.

По смерти Аграфены всѣкіе разговоры прекратились и жизнь въ деревнѣ текла по прежнему, мирно. Года черезъ два вдругъ занемогла крестьянка Аграфена Романова, около 60-ти лѣтъ. По словамъ послѣдней, онѣ „въ огородѣ были, капусту сажали, вотъ тутъ у женщины расада потерялась. Женщины говорили, что расаду унесла мать Марѳы, а я и скажи ей: „какъ вамъ не стыдно расаду красть!“ Ну, ейна мать и схватилась со мной. Она сказала тогда: „будетъ у васъ поносъ“. Вскорѣ Аграфена занездоровѣла: „внутри заболѣло, все поносомъ брало—и теперь, кормилецъ, время придетъ поносъ—вотъ этакъ маялась все лѣто. Потому въ церковь не стало пускагъ: „куделить, куделить, ужъ какъ свалить, тогда и не помнишь“. Перестала въ церковь ходить. Выкликивать на нихъ не выкликала, а только „та, та, та“... на разные голоса. Болѣло все, и въ ухахъ было сдѣлавши, что на высокіе голоса пищало“. На второй годъ болѣзни стала ходить къ знахарю Соколову въ Тихвинъ, который помогаетъ отъ этой болѣзни“. Соколовъ—колдунъ, объяснилъ, что болѣзнь эта есть порча и подтвердилъ, что Аграфену испортила Марѳа. По деревнѣ снова пошла молва: „Грушка стравлена опять“. Марѳу всяко срамили и говорили ей: „на встрѣчу Грушкѣ не попадайся“. Со времени болѣзни Аграфены, на Марѳу оговоръ пошелъ, что дальше, то больше: „котора чѣмъ не заможетъ, все на меня говорятъ, что я спортила“. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ убѣжденіе со стороны населенія въ томъ, что Марѳа испортила Аграфену, совершенно укоренилось. Аграфена Романова была твердо убѣждена въ своей порчѣ и

многихъ женщинъ убѣждала, что и онѣ испорчены, какъ скоро кто-нибудь изъ нихъ заболѣвалъ.

Однако рѣзкаго проявленія недоброжелательства со стороны населенія по отношенію къ Марѣѣ и ея семьѣ не было.

Лѣтъ 8 назадъ заболѣла въ той же деревнѣ крестьянка Анна Федорова: „болѣло подъ грудями, лекарства не помогали. Годовъ 5 назадъ накурили табаку, меня свалило и начало теревить. Тогда уже и обнаружилось: всѣ крещены видятъ, что ужъ. Съ того времени не стала табаку переносить“. На Марѣю выкрикнула года 4 тому назадъ: „раньше на нее другія кричали! да, вѣдь какже: помершіе есть“. Въ сентябрѣ 1898 г., по разсказу Анны: „на Михайловъ день, побывала она (Марѣя) у меня въ избѣ, попросила у меня ступку. Я отказала ей, говоря, что ступки у меня нѣтъ. Марѣя постояла да и пошла домой“. Анна потомъ принесла дровъ и истопила печку. „Какъ растопилась печка, такъ оттуль огненный клубъ ажъ до самаго окошка выпырнулъ! Ужъ какъ было не спугаться: меня и схватило; не помню, что и было. Гдѣ ужъ помнитъ: тутъ и память отобьетъ всю. Въ первый разъ я не знаю, когда она мнѣ сладила, второй—у печки, а третій—въ банѣ подновила“. Съ того времени Анна твердо была увѣрена въ томъ, что испорчена Марѣюю, но особенно рѣзкихъ проявленій злобы съ ея стороны по отношенію къ Марѣѣ не было.

Весною 1899 г. произошелъ рѣзкій поворотъ въ отношеніи всего населенія къ Марѣѣ, 'разразившійся появленіемъ цѣлой эпидеміи вликушества въ деревнѣ Большой Дворъ, повлекшей за собой крайнее возбужденіе среди населенія всей деревни.

Въ маѣ мѣсяцѣ Марѣю стала сватать крестьянинъ сосѣдней деревни Сергѣй; родные Марѣы обѣщали взять его въ домъ и свадьба состоялась послѣ Петрова дня. По деревнѣ пошли разговоры и жениха предупреждали, что Марѣя колдунья, а послѣ свадьбы стали еще пуще говорить, зачѣмъ Марѣя мужа въ домъ приняла.

Лѣтомъ, около Ильина дня, занездоровѣла крестьянка Анна Григорьева. Она боронила въ полѣ, когда загремѣлъ громъ. Анна упала безъ памяти и не помнила, что съ ней было. Потомъ „ее свалило, не могла больше ходить“. Народъ сталъ къ ней ходить и говорить, что она стравлена. Снова общее вниманіе обратилось на Марѣю, о свадьбѣ которой было недавно столько разговоровъ. Народъ не советовалъ Марѣѣ ходить къ Аннѣ, предостерегая, что та „сгребетъ ее“. Марѣя, однако, пошла къ больной и все обошлось благополучно. Вражды между женщинами не было.

Вмѣстѣ съ разговорами со стороны населенія, обострилось и бо-
лѣзненное состояніе вликушъ. Привезли въ деревню колдуна Соколова,

который подтвердилъ, что болѣзнь есть порча, и что стравлены больныя Мареою. Въ юльѣ же 1899 г. заболѣла и дѣвочка 13-ти лѣтъ, Ольга Степанова. Одна послѣ другой, послѣ сѣнокоса, скоро послѣ свадьбы Марѳы, заболѣли Елена Иванова и Александра Васильева.

Возбужденіе населенія противъ Марѳы и ея семьи усилилось. Не стало проходу ни сестрамъ Марѳы, ни даже скотинѣ ихъ. Постоянно упрекали Марѳу, угрожали расправиться съ ней, били ихъ коровъ палками. Иные обходили ихъ дворъ. Около Ильина дня два крестьянина — Андрей Матвѣевъ и Степанъ Васильевъ, во время пожара въ деревнѣ, набросились на Марѳу, избили ее и разорвали ей одежду. За это судились въ волостномъ судѣ и были подвергнуты аресту на 1—2 дня. Марѳу часто обзывали колдуньей. Нѣкоторые крестьяне грозили сжечь дворъ Марѳы такъ, чтобы пеплу не осталось, а другіе грозили ее изъ ружья убить.

Въ октябрѣ 1899 г. въ Тихвинѣ Марѳа и ея отецъ встрѣтились въ харчевнѣ съ колдуномъ Соколовымъ и стали упрекать, зачѣмъ онъ на нихъ напраслину взводитъ. Соколовъ посовѣтовалъ угостить его, давъ пудъ муки и воды: „тогда-бы и дочка твоя въ оговорѣ не была“. Такъ и разошлись. Зимой 1899/1900 г. эпидемія кликушества въ деревнѣ Большой Дворъ развилась въ полной силѣ, а озлобленіе и возбужденіе населенія достигло крайняго напряженія.

Для жизни всего населенія, равно какъ для кликушъ и семьи мнимой колдуньи, эта эпидемія составляла настоящее бѣдствіе. Взаимная вражда, доходящая до ненависти, постоянныя распри, боязнь новыхъ заболѣваній и развитіе суевѣрнаго страха совершенно надорвали нравственныя силы населенія. Общественное мнѣніе стало измѣнчивымъ и наэлектризованнымъ, толпа готова была по первому знаку совершить самую безумную расправу. Страдала семья мнимой колдуньи и нравственно и матеріально: съ ними перестали дѣлиться по сосѣдски всѣмъ необходимымъ, не желали на весну пасти ихъ скотъ въ общемъ стадѣ и обѣщали не пропустить никого изъ семьи къ общему перевозу на плоту черезъ рѣку. Страдали и кликуши, которыя временами становились совершенно неспособными къ работѣ. Домашнее хозяйство ихъ шло плохо, а молва и озлобленіе все росло. Крестьяне говорили, что эта болѣзнь имъ „въ какъ тяжело пришлась“. Все указывало на то, что въ скоромъ времени слѣдуетъ ожидать кровавой катастрофы, подобной бывшей въ 1879 г. въ деревнѣ Врачево, того же Тихвинскаго уѣзда.

Подробное изслѣдованіе кликушъ и записъ исторій ихъ залолѣваній, показало слѣдующее:

1. Аграфена Романова, старуха 65-ти лѣтъ, худощавая, съ морщинистымъ, добродушнымъ лицомъ, очень бойкая и подвижная, слово-

охотлива. Суевѣрная до фанатизма, она очень охотно рассказала томъ глубокаго убѣжденія повѣсть о томъ, какъ она заболѣла и какъ убѣдилась въ томъ, что ее „спортитъ Мареуша“. Аграфена—первая изъ заболѣвшихъ кликушъ. Мужъ, по ея словамъ, еще холостымъ „былъ порченъ гораздо, на всякій манеръ кричалъ“. У нея было 12 дѣтей и всѣ роды протекали правильно. Подробное изслѣдованіе нервной системы не показало никакихъ отклоненій отъ нормы. Поле зрѣнія было нормально, разстройство чувствительности не замѣчалось. Колѣнные рефлексъ слегка повышены. Бываетъ, по ея словамъ, головокруженіе. Изъ субъективныхъ жалобъ—боль въ животѣ и часто „трясеніе“. „Я вся больна. Въ животѣ какъ ножомъ рѣжетъ, голова и все болитъ; такъ, видно, и околѣешь такую“. При свиданіи съ мнимою колдуньей, въ моемъ присутствіи, говорила ей наставительно насмѣшливымъ тономъ: „ты ужъ этихъ дѣлъ научивши! Да и каяться надо!“ Мареа отвѣчала ей: „Напротивъ Господа Бога не пойдешь! я и къ священнику хожу“.

— Да у тебя и Бога-то нѣтъ, настойчиво упрекала ее старуха. Не одна я говорю. А почему раньше, не случивши, никто не говорилъ и все хорошо было въ деревнѣ, а теперь все казіи пошли.

Твердо убѣждена въ томъ, что ее испортила Мареа: „Она, она испортила! хоть сейчасъ присягу приму, она“! Убѣждена въ этомъ потому, что Мареа ей припадокъ предсказала.

Со стороны душевной сферы Аграфена представляется женщиною очень мало развитою и крайне суевѣрною. Болѣзнь выражается главнымъ образомъ тѣмъ, что больная не переноситъ табаку и если кто-либо закуритъ, впадаетъ въ припадокъ. Идеи бѣсоодержимости очень смутно сформулированы, хотя боязнь святостей также замѣчалась въ началѣ болѣзни. Потомъ въ церковь не стало пускать: „куделить, куделить, ужъ какъ свалить, тогда и не помнишь“. Перестала въ церковь ходить. Выкликать на нихъ не выкликала, а только „та, та, та“... на разные голоса. Болѣло все, и въ ухахъ было сдѣлавши, что на высокіе голоса пицало“. На второй годъ болѣзни стала ходить къ знахарю Соколову въ Тихвинъ, который помогаетъ отъ этой болѣзни“.

Послѣ того, какъ впервые колдунъ Соколовъ объявилъ ей, что она испорчена Мареюй, Аграфена побывала у него еще 8 разъ: „онъ воду ладилъ, спрыскивалъ ее, въ баню ходила“... „онъ не то что худобами, а все молитвами лечитъ“... Ей стало легче: „оно теперь мнѣ хоть терпѣнье есть. припадковъ не бываетъ, какъ Алексѣй поворожилъ. Стала въ церковь ходить, только навалится на меня на загрировокъ въ церкви, а все выстою, уже не сваливаетъ“. Табакъ и

теперь плохо переносить, особенно нюхательный. Раньше трясло отъ табаку, теперь же „только полезить“. Всего больна она лѣтъ семь, но года три уже какъ ей стало полегче.

При мнѣ припадковъ у Аграфены не было. Она охотно просила полечить ее и оказалась очень склонною къ гипнозу. Заснула съ перваго раза, черезъ 10 секундъ послѣ однократнаго предварительнаго внушенія. Анестезія и катаlepsія получились безъ помощи внушенія. Рефлексы и механическая возбудимость мышцъ во время гипноза были нѣсколько повышены, какъ и въ бодрствennomъ состоянїи. Послѣ припадка не помнила даже о томъ, что спала, но сказала, что не могла открыть глазъ. Во время гипноза упорно молчала. Было сдѣлано лечебное внушеніе.

2. Анна Григорьева 25-ти лѣтъ, на видъ молодая и здоровая женщина. При первомъ свиданїи со мною, вошла въ комнату сильно взволнованная. Говорила медленно, имѣя томный видъ и заявляя, что ей тяжело. Лицо красное отъ волненія. Подробное физическое изслѣдованіе не обнаружило со стороны нервной системы отклоненій отъ нормы, типичныхъ для истерїи. Заболѣла она полтора года тому назадъ. „Сначала все болѣло, аппетита не было, а время придетъ, меня схватитъ и трясеть, всю сломаешь“. Въ церковь не ходила съ іюля 1899 г. потому, что „какъ Иже херувими запоютъ“, такъ темно сдѣлается въ глазахъ, ослабну и упаду безъ памяти“. Не могла также переносить табаку.

Болѣзнь проявилась рѣзко послѣ 20-го іюля 1899 г. На Ильинъ день она боронила въ полѣ, въ это время грянулъ громъ и она безъ памяти упала на землю. Послѣ того съ ней стали повторяться настоящїе кликушныя припадки: она падала, выкликала на голоса, билась. Очень томится своею болѣзнию и желаетъ получить излеченіе. О припадкахъ она ничего не помнитъ. По ея словамъ, она временами дѣлается злою, бываетъ тоскливо на душѣ, хочется плакать; почти постоянная боль подъ ложечкой, но *globus hystericus* нѣтъ. По характеру Анна женщина добрая. Она не обвиняетъ настойчиво Марю въ причиненїи ей порчи, но всѣ ее окружающїе непоколебимо убѣждены въ томъ, что она околдована Мареею. Много лечилась, между прочимъ, у колдуна Соколова въ г. Тихвинѣ.

Анна оказалась типичною сомнамбулой. Заснула сразу, послѣ счета до десяти, глубокимъ сномъ. Здѣсь были на лицо всѣ явленія, подробно описанныя выше у ащепковскихъ кликушъ.

У этой сомнамбулы удался переходъ въ катаleптическую фазу гипнотическаго сна. Анна продолжала глубоко спать съ открытыми

глазами, которые были устремлены въ пространство. Зрачки реагировали на свѣтъ, но въ этомъ періодѣ, какъ и въ сомнамбулическомъ, не замѣчалось измѣненій рефлексовъ и повышенія механической возбудимости мышцъ. Строго говоря, эта фаза ничѣмъ не отличалась отъ сомнамбулической, кромѣ того, что глаза оставались открытыми, причемъ кликуша едва-ли воспринимала зрительныя впечатлѣнія. По крайней мѣрѣ, она не реагировала на нихъ, аккомодация отсутствовала и взглядъ былъ неподвижно устремленъ въ пространство.

Особенный интересъ данаго случая состоитъ въ томъ, что здѣсь съ несомнѣнною ясностію были обнаружены явленія ясновидѣнія.

Эти явленія выступали лишь въ періодѣ глубокаго гипнотическаго сна и исчезали, если сонъ становился болѣе легкимъ. Надо замѣтить, что эта кликуша, подобно всѣмъ другимъ, во время гипнотическаго сна слѣпо подчинялась лишь моей волѣ и исполняла лишь мои внушенія, хотя на этотъ счетъ я ни одной изъ кликушъ спеціальнаго внушенія не дѣлала. Какъ уже я замѣтилъ выше, ни одна изъ кликушъ не отвѣчала въ сомнамбулическомъ состояніи на вопросы и всѣ онѣ упорно отмалчивались, не смотря на энергическія внушенія. Это очень затрудняло изслѣдованіе явленій ясновидѣнія и потому я началъ свои опыты съ такъ называемыхъ двигательныхъ внушеній.

Какъ извѣстно и отмѣчено выше, кликуши обладали чрезвычайно большою внушаемостью. Основываясь на этомъ, я при первомъ рядѣ опытовъ, садился противъ спящей глубокимъ сномъ кликуши и внушалъ ей, говоря, что она видитъ, не смотря на закрытыя вѣки, предметъ, который я держалъ въ полѣ ея зрѣнія, и что она беретъ его своею рукою. Въ началѣ я при этомъ держалъ въ своей рукѣ ея руку, какъ это дѣлается при обычныхъ опытахъ съ чтеніемъ мыслей и сильно сосредоточивалъ свое вниманіе, вызывая въ своей душѣ ясное представленіе того движенія, которое кликуша должна была выполнить, и повторялъ при этомъ внушеніе, говоря, „рука твоя движется и беретъ предметъ“. Черезъ нѣкоторое время рука кликуши очень медленно и постепенно начинала двигаться по требуемому направленію, при этомъ она какъ-бы находилась въ состояніи каталептической ригидности и подвигалась толчками, параллельно съ тѣмъ, какъ сосредоточиваніе моихъ мыслей усиливалось. Направленіе движущейся, сначала очень медленно, руки съ самаго начала было правильное, словно кликуша видѣла передъ собою искомый предметъ и пріостанавливалось, сохраняя неподвижное положеніе, когда мои мысли отвлекались. Затѣмъ кликуша выполняла предложенное ей требованіе и брала искомый предметъ. Съ каждымъ разомъ опытъ удавался легче и требовалъ, съ моей стороны, меньшаго напряженія вниманія.

Когда я убѣдился въ томъ, что эти опыты удаются, я выводилъ искомый предметъ изъ поля зрѣнія сомнамбулы, чтобы провѣрить, не имѣется ли здѣсь дѣла съ рѣзкой гиперестезіей зрѣнія, при чемъ впечатлѣнія проникаютъ чрезъ закрытыя вѣки. При той же постановкѣ опыта, рука сомнамбулы, послѣ внушенія, безошибочно направлялась въ сторону и брала со стола требуемую вещь. Движеніе, по прежнему, было медленно и напряженно, точно рука была пружинная.

Имѣя въ виду сдѣланныя въ спеціальной литературѣ объясненія чтенія мыслей, такъ называемымъ, двигательнымъ внушеніемъ, т. е. передачею черезъ прикосновеніе мелкихъ неощутительныхъ толчковъ, заставляющихъ испытуемаго субъекта произвести требуемое движеніе, я повторилъ опытъ на разстояніи, совершенно не прикасаясь къ кликушѣ. Результатъ получился прежній; кликуша выполняла требуемая дѣйствія такъ, словно ей хорошо было извѣстно мѣстонахожденіе предмета.

Въ первыхъ опытахъ я фиксировалъ своимъ взглядомъ закрытыя глаза кликуши, но позже я лишь слѣдилъ за движеніями ея руки.

Съ дальнѣйшимъ повтореніемъ опытовъ, они удавались все легче и скорѣе, хотя съ несомнѣнною ясностью выяснилось, что выполненіе ея дѣйствій стоитъ въ несомнѣнной связи съ психической дѣятельностію экспериментатора и степенью напряженности двигательнаго представленія, вызваннаго въ его мозгу.

Замѣчено было, что если я отвлекался и недостаточно сосредоточивался, то движеніе кликуши приостанавливалось. Интересная особенность состояла въ томъ, что послѣ повторенія опыта, когда предметъ перекладывался въ другое мѣсто, кликуша, если я недостаточно сосредоточивался, повторяла предыдущее движеніе, направляя руку по прежнему слѣду. Для того, чтобы измѣнить направленіе, я долженъ былъ сильнѣе сосредоточиться и, какъ-бы пересилить ея движеніе, направивъ его на новый путь. Это подтверждаетъ предположеніе о томъ, что сомнамбула въ этомъ состояніи совершенно лишена воли и дѣйствуетъ автоматически.

Въ дальнѣйшихъ опытахъ кликуша выполняла движенія все легче. Если я вкалывалъ себѣ въ платье булавку, она рѣшительно и довольно быстро вынимала ее, не ошибаясь, пока я достаточно сосредоточивался на требуемомъ движеніи. Если я вкалывалъ булавку въ платье другимъ лицамъ, находящимся въ комнатѣ, сомнамбула вставала съ закрытыми глазами, подходила къ искомому лицу и вынимала ее. При этомъ я могъ сидѣть въ сторонѣ и даже не смотрѣть на нее. Достаточно было просто сосредоточиться и вызвать въ своей психикѣ зрительное представленіе лица и мѣста, гдѣ воткнута булавка, и того движенія, которое должна выполнить кликуша.

Когда, такимъ образомъ, обнаружилось, что сомнамбула въ этомъ періодѣ сна выполняетъ всѣ тѣ дѣйствія, которыя экспериментаторъ представляетъ себѣ, стало интереснымъ выяснить, *знаетъ ли* кликуша, гдѣ лежитъ предметъ и есть ли у нея въ психикѣ зрительное представленіе этого предмета. Какъ уже много разъ было упомянуто выше, кликуши, въ сомнамбулическомъ состояніи, на вопросы не отвѣчаютъ. Въ виду того, однако, что періодъ сна, въ которомъ кликуши обладали ясновидѣніемъ, былъ необыкновенно глубокой, я продолжительно и настойчиво требовалъ, чтобы кликуша отвѣчала мнѣ. Это удалось послѣ долгихъ усилій. Сначала долго губы беззвучно двигались; казалось, что говорить кликушѣ въ этомъ состояніи необыкновенно трудно. Лицо ея изображало глубокое страданіе и часто слезы катились по неподвижнымъ щекамъ, а на лбу выступалъ потъ. Позже она стала отвѣчать очень медленно, тихимъ голосомъ и односложно.

Эта серія опытовъ была поставлена такимъ образомъ, что не заставляя спящую сомнамбулу выполнять никакихъ движеній, я спрашивалъ ее гдѣ лежитъ данный предметъ, и внушалъ, говоря, что ей это извѣстно, что она его видитъ и должна отвѣтить мнѣ. Какъ только удалось добиться отъ кликуши отвѣтовъ, они были правильны. Гдѣ бы ни спрятали предметъ, совершенно въѣ поля зрѣнія кликуши, она отвѣчала правильно, гдѣ онъ, и называла лицъ, у которыхъ онъ находится. Если я за спиною перекаладывалъ предметъ изъ одной руки въ другую и спрашивалъ кликушу, въ какой рукѣ у меня предметъ, она всегда отвѣчала правильно. Но когда я держалъ предметъ обѣими руками, и спрашивалъ кликушу, въ какой рукѣ онъ находится, она затруднялась отвѣтить и нѣсколько разъ гадала. Если я пряталъ предметъ у себя въ карманѣ и говорилъ кликушѣ, чтобы она его взяла, она сразу и безошибочно находила его.

Въ этихъ опытахъ, какъ и въ предыдущихъ, необходимо было, чтобы я *зналъ, т. е. имѣлъ въ своей психикѣ то представленіе, которое я требую отъ кликуши.*

Третья группа опытовъ состояла въ томъ, что я бралъ въ кулакѣ монету и, поднося ее къ закрытымъ глазамъ кликуши, требовалъ, чтобы она назвала монету. Опыты эти удавались хорошо. Она, не имѣя возможности видѣть монету, называла ее правильно. При этомъ, однако, было замѣтно, что эти опыты сильно утомляли кликушу, лицо ея принимало болѣе страдальческое выраженіе, и она просыпалась. Когда сонъ становился легче передъ пробужденіемъ, кликуша начинала ошибаться, быстрѣе отвѣчала на вопросы и гадательно называла достоинство монеты. При всѣхъ опытахъ обнаруживалось, что съ ослабленіемъ сна, явленіе ясновидѣнія исчезало. Этими фактами ограничивались явленія

ясновидѣнія, которыя можно было провѣрить точно. Наблюдали мы ихъ совмѣстно съ д-ромъ Я. М. Бѣлымъ. Нѣкоторыя другія явленія не были постоянными, хотя я не думаю, чтобы они ограничивались вышеописанными. О всемъ періодѣ сомнамбулическаго сна во время ясновидѣнія у кликуши по пробужденіи наступила полнѣйшая амнезія.

Анна уже много лѣтъ лечилась отъ своей болѣзни сначала „водичкой отъ Іоанна Кронштадтскаго“, а потомъ у колдуна Соболова въ Тихвинѣ, и по ея словамъ, ей стало нѣсколько легче.

Послѣ перваго изслѣдованія и опытовъ съ ясновидѣніемъ Анна очень сильно утомилась. Я сдѣлалъ ей лечебное внушеніе, въ которомъ сказалъ ей, чтобы она пріѣхала ко мнѣ на слѣдующій день и что завтра она совершенно исцѣлится.

На слѣдующій день въ усадьбу, гдѣ я остановился, пріѣхалъ мужъ больной и сказалъ, что Аннѣ очень плохо. Хотя припадковъ не было, но она всю ночь томилась, не спала и теперь лежитъ разслабленная и безъ памяти. Я, не смотря на это, велѣлъ ее привести, и кликушу черезъ 2—3 часа привезли совершенно разслабленную и на матрацъ внесли въ комнату. Я ее утѣшилъ, сдѣлалъ внушеніе и, пробудившись послѣ двухминутнаго сеанса, Анна вышла совершенно бодрая, здоровая и веселая, взвалила себѣ на плечи тюфякъ, на которомъ ее внесли 5 минутъ тому назадъ и весело уѣхала домой съ мужемъ.

3. Анна Федорова, 50-ти лѣтъ, еще совершенно бодрая, энергичная женщина, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, очень бойкая, добродушная и разговорчивая. Въ самый моментъ нашего пріѣзда въ деревню, Анна лежала въ состояніи сильнаго кликушнаго припадка. Намъ заявили, что она не можетъ придти къ врачу потому, что „ее трясетъ и колотить, и лежитъ она безъ памяти“.

Мы отправились къ ней и, подходя къ избѣ, еще издали услышали отрывочные крики. Въ маленькой комнатѣ, за перегородкой, на разостланномъ на полу соломенномъ матрацѣ, лежала Анна въ состояніи сильнаго припадка, а дюжій мужикъ, навалившись на нее, со всею силою, *держалъ ее*, не давая биться. Кликуша лежала на спинѣ съ зажмуренными глазами и съ силою трясла и колотила руками. Въ жевательныхъ мышцахъ замѣчались быстрыя движенія и нижняя челюсть быстро тряслась; часто слышался скрежетъ и щелканье зубовъ. Лицо было инервировано правильно. Мимика выражала злость; цвѣтъ лица измѣненій не представлялъ. Зрачки были нормальны и реагировали на свѣтъ, механическая возбудимость мышцъ была повышена также, какъ и внѣ припадковъ; колѣнные рефлексы нормальны. Движенія имѣли характеръ кружнаго, быстрого трясенія, періодически уси-

ливающагося. Животъ былъ сильно напряженъ и выпяченъ впередъ, но метеоризма не замѣчалось; по окончаніи припадка животъ *опалъ* безъ предварительнаго отхожденія газовъ. Пульсъ 120. Кликуша дико выкрикивала на разные голоса, сначала нечленораздѣльные звуки, затѣмъ нѣсколько отрывочныхъ фразъ по адресу Марѳы, которую обвиняла въ порчѣ. Далѣе она даже отвѣчала на вопросы и объясняла свое обвиненіе въ порчѣ противъ Марѳы.

Устранивъ „державнаго“ ее мужчину, я выждалъ пока кликуша немного успокоилась, закрылъ ей глаза, и, слегка надавивъ пальцами на вѣки, приказалъ ей спать. Послѣ повтореннаго 2—3 раза внушенія, она не могла открыть глазъ. Минуты черезъ двѣ она впала въ глубокой гипнотическій сонъ. Подъ вліяніемъ внушенія о томъ, что припадокъ прекращается, послѣднія подергиванія въ личныхъ мышцахъ прекратились, дыханіе стало глубокимъ, ровнымъ, и кликуша совершенно успокоилась. Получилась полная анестезія безъ предварительнаго внушенія, но каталепсія самостоятельно не получилось, для этого потребовалось специальное внушеніе. Было сдѣлано лечебное внушеніе о томъ, что, проснувшись, Анна будетъ здорова, спокойна и бодро себя почувствуетъ, что припадки больше не возобновятся, что *порча* вся изъ нея вышла и что въ 4 часа она придетъ ко мнѣ. Проснувшись Анна ничего не помнила о бывшемъ съ нею и встала сразу бодро, какъ ни въ чемъ не бывало. Въ 4 часа, согласно сдѣланному внушенію, она пришла ко мнѣ и представляла на видъ бодрую и веселую женщину, вполне здоровую, ничего общаго съ видомъ бѣнующейся кликуши, которую она представляла утромъ, не имѣющею.

По словамъ Анны, она вчера съ утра была все „въ задумьи: нутро чувствовало васъ. Боль узнаетъ уже! А какъ пріѣхали, такъ сразу и стало, и не знала, чего ревѣла“!

Здѣсь встрѣтилось, слѣдовательно, то же явленіе, которое отмѣчено въ ащепковской эпидеміи, предчувствіе кликушами моего пріѣзда, о которомъ онѣ заранѣе не могли знать. По словамъ Анны, она вообще предчувствуетъ пріѣздъ въ деревню докторовъ. „Бывало, какъ Тихвинскій Алексѣй Михайловичъ (колдунъ Соколовъ) пріѣдетъ, такъ и узнаешь: такъ и разбудить меня, и запрыгаетъ тамъ. Эта боль уже знаетъ докторовъ да фершаловъ. Пока здорова была, такъ хоть бы что! А теперь вотъ до чего било, что руки всѣ повылomало“.

Заболѣла Анна уже лѣтъ 8 тому назадъ (см. стр. 190). По ея словамъ, ее „трепало, когда какъ. Когда заговаряютъ про колдуновъ какихъ или про святыхъ, такъ и свалитъ меня: не могу переносить этого. Какъ Богородица (т. е. крестный ходъ) придетъ, такъ и шабашъ. Въ церковь потому не хожу: какъ „Иже херувимы“ запоютъ,

такъ и свалить“. Описывая, какъ ее испортила Марѳа, рассказала: „Просто разслабленіе сдѣлалось: ужъ у ней тутъ положено было! Не дровъ чурка! А если маленькій кусочекъ положень, поди, знай чего?—такъ развѣ его увидишь“? Она убѣждена, что Марѳа околдовала дрова, которыми она топила печь, подложивъ въ нихъ зелья. „Спортила меня іона“! увѣренно говорила Анна. „Іона мнѣ и сейчасъ противна, и на встрѣчу ей не попадаюсь“. Анна не знаетъ, что именно она на Марѳу выкрикиваетъ. „Болитъ все, вся разслабну, ни въ чемъ владѣнья нѣтъ. Заходить, заходить внутри, тады и свалишься“!

На вопросъ о томъ, что же тамъ у нея внутри, Анна дала очень неопредѣленные отвѣты: „Увидишь развѣ тамъ“?! Ясно идеи бѣсоодержимости не высказываетъ. На вопросъ, почему въ церковь ходить не можетъ, отвѣтила: „сама не иду. Какъ „иже херувимы“ запоютъ, такъ меня и свалитъ, года три у причастія не была“. На святую воду не реагируетъ и пьетъ ее съ цѣлью леченія. Медико-психологическое изслѣдованіе Анны не показало никакихъ отклоненій отъ нормы. Признаки типичные для истеріи отсутствовали; поле зрѣнія и чувствительность нормальны. Со стороны психики навязчивое состояніе въ формѣ болзни табаку и святостей, но безъ ясно сформулированныхъ идей бѣсоодержимости. По характеру добродушна и искренна. Припадки часты и выражены въ сильной формѣ.

По отношенію къ гипнозу Анна оказалась очень чувствительной сомнамбулой. Она легко впадала въ сонъ, и здѣсь наблюдалась вся совокупность явленій, описанныхъ многократно выше, типичныхъ для кликушъ. Сонъ былъ у нея очень глубокъ. Подчиненіе моей волѣ было полное. Ее удавалось перевести въ каталептическую фазу съ открытыми глазами, но, подобно предыдущей кликушѣ, открытые, неподвижно устремленные въ пространство глаза, составляли единственный отличительный признакъ обѣихъ фазъ гипнотического сна. Рефлексы были безъ измѣненій, измѣненій механической возбудимости мышцъ не замѣчалось. Подобно остальнымъ кликушамъ, Анна въ сомнамбулическомъ состояніи на вопросы не отвѣчала.

Въ періодѣ глубокаго сна у Анны совершенно точно можно было установить наличность ясновидѣнія въ формѣ чтенія мыслей и двигательныхъ внушеній. У ней съ полной точностью повторились всѣ опыты, описанные выше (см. стр. 194—196) по отношенію къ предыдущей кликушѣ. Она выполняла требуемыя движенія и брала рукою предметы, которыхъ не могла видѣть черезъ закрытыя вѣки и не находящіяся въ полѣ зрѣнія. По мѣрѣ того, какъ мои мысли сосредоточивались на образномъ представленіи движенія, которое кликуша должна была выполнить, рука ея медленно и напряженно двигалась, словно

ее притягивалъ къ себѣ искомый предметъ. Удавались эти опыты одинаково, держалъ ли я кликушу за руку, или находился отъ нея на нѣкоторомъ разстояніи. Я внушалъ Аннѣ, что она видитъ искомый предметъ и, спрятавъ его гдѣ нибудь въ комнатѣ, или передавъ кому-либо заставлялъ ее взять его. Кликуша вставала и увѣренно и сразу брала предметъ. Необходимымъ условіемъ удачи опыта была достаточная степень сосредоточенности моихъ мыслей. Видимо эти опыты были тяжелы для Анны. Лицо ея изображало страданіе и, по временамъ, по щекамъ текли слезы. Когда послѣ долгихъ внушеній мнѣ удалось ее заставить говорить, она отвѣчала тихо, медленно, съ усиленіемъ и односложно. Подобно предыдущей кликушѣ, она правильно называла монету, находящуюся въ рукахъ, правильно отвѣчала, гдѣ находится искомый предметъ и лицо, которое его спрятало. Способность ясновидѣнія свойственна лишь самому глубокому сомнамбулическому состоянію. По мѣрѣ ослабленія сна, кликуша либо начинаетъ гадать и ошибаться, и тогда очень скоро просыпается, или перестаетъ отвѣчать на вопросы. Въ этомъ опытѣ, какъ и въ предыдущемъ, выяснилось, что кликуша выполняетъ лишь то, что экспериментаторъ думаетъ и представляетъ въ своей душѣ. Сомнамбула является лишь орудіемъ, выполняющимъ чужую мысль. Въ ея мозгу какъ будто индуцируется представленіе, и мысль, вызванная въ мозгу экспериментатора, приводится въ исполненіе благодаря повышенной внушаемости. Ясновидѣніе простирается лишь постольку, поскольку возникающая мысль сомнамбулы имѣется въ мозгу экспериментатора. Различіе между гипнотическимъ внушеніемъ и ясновидѣніемъ то, что въ первомъ случаѣ представленіе и мысль воспроизводится черезъ посредство словъ экспериментатора, при ясновидѣніи же мысль экспериментатора воспроизводится въ душѣ сомнамбулы, не будучи ей выражена словами, а какимъ-то невидимымъ образомъ. Она, такъ сказать, *индуцируется* на подобіе того, какъ индуцируется электрической токъ въ спирали Румкорфа.

При такомъ предположеніи, явленія ясновидѣнія объясняются просто и совершенно теряютъ свой таинственный, сверхъестественный характеръ.

Послѣ сеанса Анна ничего не помнила о происходившемъ съ нею. Лечебное вліяніе внушенія было вполне благопріятное.

4. Ольга Степанова 12-лѣтняя дѣвочка, еще совсѣмъ ребенокъ, правильно сложена, хорошаго питанія, но съ рѣзко выраженными явленіями кликушной болѣзни. Больна она уже три года, „брюхонадуется и ноги отойметъ“, но начала кричать и припадки появились съ іюля 1899 г., послѣ того какъ заболѣли двѣ предыдущія больныя. Она часто плачетъ, испытываетъ неопредѣленный страхъ и го-

ворить, что „не можетъ терпѣть Марю“. Болить и кружится голова. Не можетъ переносить табаку, при запахѣ котораго впадаетъ въ припадки, которые бывали часто, почти черезъ день. Она падала, ее трясло. Кричала больше по ночамъ и обвиняла въ порчѣ Марю: „сдѣлала, сдѣлала Марюшка, не на меня ладила, а я попала“. Не стала въ церковь ходить: придетъ на службу, да и упадетъ, не можетъ встать. Возили ее къ колдуну Соколову и ей стало полегче: онъ поворожилъ, попарилъ, въ баню сводилъ. Послѣ того пошла и къ Богородицѣ. Соколовъ пріѣзжалъ въ деревню и еще два раза воровилъ, но совѣмъ ее не вылечилъ: и теперь съ ней бываетъ: „животъ вздымается такъ, что она говоритъ: „мамка, я никакъ брюхата“, а потомъ и онадетъ. Святости теперь переносить.

Мать больной твердо убѣждена, что ее испортила Маря. „Пока она на нее не выкричала, мы не думали, что она ее испортила, а съ того времени ужъ еще бы не думать, если выкричала!“ Отчего дочь въ церковь не ходитъ, объяснить не можетъ: „говорять, что въ ней врагъ сидитъ“. Сама дѣвочка на вопросъ, не сидитъ ли въ ней врагъ, отозвалась невѣдѣньемъ. До возникшей эпидеміи обѣ семьи жили дружно и ссоръ не имѣли. По словамъ шивмой колдуньи Мары, она даже „Богу на ейнаго отца молится“, потому что онъ помогъ имъ однажды корову изъ болота вытянуть. „Богъ знаетъ, съ чего оговоръ взялся“.

При мѣ сильныхъ припадковъ у Ольги не было, но она плакала, волновалась и ее „трясло“, т. е. въ конечностяхъ и головѣ наблюдалась довольно быстрая дрожь.

Подробное физическое изслѣдованіе не показало никакихъ отклоненій въ нервной системѣ. Со стороны психики: частое волненіе, безпричинный страхъ и навязчивое состояніе въ формѣ боязни святостей и табаку.

По отношенію къ гипнозу, какъ и всѣ другія кликуши, оказалась тишичной сомнамбулой, со всѣми явленіями, многократно описанными выше. Какъ особенность слѣдуетъ отмѣтить, что анестезія безъ внушенія самостоятельно не наступила; она реагировала на уколы, поднося къ мѣсту нанесенія раздраженія руку, пока не было сдѣлано соотвѣтственнаго внушенія.

Лечебный эффектъ внушенія былъ вполне благоприятный.

5. Фекла Романова 50 л., замужняя, больна три года. Исторію заболѣванія рассказываетъ такъ: „Пришелъ однажды батюшка служить службу, ну, я и заревѣла. Не знаю, что случилось. Заболѣло подъ грудями. Рѣвъ такой сдѣлается, что все бы ревѣла, что силы есть. Сперва трясло; всю словаеть: не помню ничего. Брюхо,—что тяже-

лая, вздуется. Не могла ходить въ церковь. Ходила въ городъ лечиться къ колдуну Соколову. Ионъ говоритъ—спорчена. Какъ нездоровѣла, незалюбила табакъ“.

На вопросъ, кто у нея внутри сидитъ, отвѣтила: „Господь его знаетъ! Теперь, думаю, никого тамъ нѣтъ. Надувало брюхо, а не знаю, кто сидитъ! Въ утробѣ развѣ узнаешь, кто сидитъ“!

Въ настоящее время боится табаку и жалуется на боль подъ ложечкой. Бываютъ припадки кликушества не часто. Въ пылу общаго увлеченія, также приписываетъ свою болѣзнь порчѣ, причиненной ей Марейю, хотя раньше съ ней никакихъ ссоръ и вражды не имѣла.

Какъ и у всѣхъ другихъ кликушъ въ нервной системѣ никакихъ отклоненій отъ нормы у Феклы не обнаружено. Со стороны психики она мало развита, суевѣрна. Какъ постоянный признакъ болѣзни— навязчивое состояніе въ формѣ боязни и нетерпимости къ табаку.

По отношенію къ гипнозу Фекла оказалась типичной сомнамбулой, у которой были установлены всѣ явленія описанныя многократно выше. Лечебное внушеніе было благотворно, и, проснувшись, она сама курила папиросу.

6. Прасковья Матвѣева 30 лѣтъ. Больна около трехъ лѣтъ, но признаки кликушества проявились лѣтомъ 1899 г., когда вспыхнула эпидемія. „Какъ икону принесутъ въ деревню, такъ слезы обдѣютъ, тоскливо станетъ“. Въ церкви однако стояла. Она мало религіозна, не знаетъ молитвъ: „намъ долго Богу молиться недосугъ“. Появилась боль подъ ложечкой. „Животъ надуется, надуется временемъ, да и отойдетъ. Не трясло и не выкрикивала. Какъ заговорятъ про это дѣло (г. е. про колдовство), такъ мнѣ слезы илутъ и тоскливо становится. Не замогу временемъ, да и полежу. На Марейшу ничего не имѣю. Табакъ не могу переносить: голову кружить, подъ душею болить. Говорятъ люди, что спорчена, что надо лечиться, но мнѣ не любо идти къ Соколову“. Святой воды не пила и относится къ ней безразлично.

Хотя Прасковья заболѣла уже давно, общая молва приписала ея болѣзнь порчѣ со стороны Марейи и приурочила ея проявленіе къ послѣдней эпидеміи.

Гипнозъ удался сразу безъ всякаго предупрежденія, хотя она никогда раньше о немъ не слыхала. На сказанныя ей совершенно спокойнымъ голосомъ слова: „закрой глаза и спи“—она заснула моментально, въ двѣ—три секунды. Въ первые же моменты, послѣ сказанныхъ мною словъ: „не можешь открыть глазъ“; не могла этого сдѣлать. Требованія доктора Я. М. Вѣлаго, обращенныя къ ней съ приказаніемъ открыть глаза и проснуться остались безрезультатными. Каталептоид-

ное состояніе безъ ригидности и общая анестезія наступила самостоятельно. Я могъ мѣнять ея каталептоидную позу по желанію, не ощущая ни малѣйшаго сопротивленія. Удавалось это сдѣлать и д-ру Я. М. Бѣлому при условіи, если онъ замѣнялъ меня незамѣтно для кликуши. Но если кликуша знала, или слышала, что къ ней прикасается д-ръ Бѣлый, члены ея сохраняли свою неподвижность, и согнуть ея руку не удавалось никому кромѣ меня. Разбудить кликушу могъ также лишь я одинъ: достаточно было дунуть въ лицо или сказать „проснись“. Удавалось у этой кликуши также раскрытіе глазъ во время гипнотическаго сна. Зрачки были расширены, но на свѣтъ реагировали. Послѣ пробужденія полная амнезія, хотя объ этомъ внушенія сдѣлано не было.

Въ состояніи нервной системы Прасковьи никакихъ отклоненій отъ нормы не обнаружено. Въ соматической сферѣ слѣдуетъ отмѣтить выпаденіе передней стѣнки влагалища. Со стороны психики—довольно спокойный и уравновѣшенный характеръ. Навязчивое состояніе въ формѣ нетерпимости къ табаку, боязни колдуновъ и слабо выраженная боязнь святостей.

7. Елена Иванова 33 л., замужняя, имѣетъ четырехъ дѣтей. Худощавая женщина на видъ старше своихъ лѣтъ.

„Больна уже два года, только сама себя не знала, какая боль. Когда у другой женщины оказалось, то и я скричала. Сойду на работу, не столько работаю, сколько лежу. Съ 29 августа стало меня трясти. У больной женщины дали мнѣ попить маслаца отъ Алексѣя Свирскаго, да травы воронецъ, такъ со мной и стряслось: стало кажинный день трясти. Не стала святостей переносить и въ церковь ходить. Какъ пришелъ батюшка въ деревню, такъ меня и стрясло, такъ и почувствовала моя душа: *держали* меня три женщины да два мужика. Ничего о томъ, что было, не помнила. Въ Покровъ ѣздила въ Шебеницы: тамъ мужичекъ избавляетъ крещеныхъ. На винцо наговорилъ: 3 дня жила, дай Богъ ему здоровья. Теперь нездорова, но все-таки полегче: такъ меня не корезитъ. Обѣдни не выстоять: владѣнья ни въ чемъ не имѣю и упаду. Какъ подходитъ дѣло къ херувимской, такъ меня и обянетъ. Какъ стали лекарства давать, разсердили (бѣса): не стала терпѣть табакъ. Теперь все-же лучше стало. Святую воду пью. На Мароушу не кричала, а какъ увижу ее, такъ мнѣ и худо, сдѣлается расслабленіе и упаду, ужъ не помню, что со мною станетъ“. Теперь все чужихъ оговоровъ опасается: „пуганная ворона и куста боится“.

Въ настоящее время жалуется на боль подъ ложечкой, „колетъ въ руки и въ ноги, какъ иголками, соваецъ въ лѣвый бокъ. Ляжешь, полежишь—и ничего“.

Придя ко мнѣ, Елена сильно волновалась, начинала нѣсколько разъ плакать, но припадка полнаго не наступило.

Въ тѣлесной сферѣ слѣдуетъ отмѣтить повышеніе механической возбужденности мышцъ и присутствіе идиомускулярныхъ прицухленій. Нервная система и внутренніе органы нормальны.

Со стороны душевной сферы—боязнь табаку и святостей. Идеи бѣсоодержимости совершенно не высказываетъ и даже не объясняетъ болѣзни присутствіемъ бѣса. Она знаетъ, что она „порчена“, что порченныя не переносятъ святынь, и потому сама отдаетъ дань этому суевѣрью, не пытаюсь дать объясненіе своей болѣзни.

Какъ и всѣ остальные кликуши, Елена оказалась типичной сомнамбулой. Впала въ гипнозъ безъ внушенія, послѣ простого надавливанія на закрытыя вѣки. Безъ внушенія наступила анестезія и катаlepsія безъ ригидности. Во время сна она сильно закашляла, но продолжала спать. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ д-ру Я. М. Бѣлому удалось ее разбудить, послѣ чего въ теченіе нѣкотораго времени мнѣ не удавалось ее усыпить. Позже однако, она вновь заснула. Выполнила постгипнотическое внушеніе: задула свѣчу послѣ пробужденія. Амнезія и невѣдѣніе о состояніи гипноза.

Во время сна на вопросы не отвѣчала. Послѣ сеанса чувствовала усталость. Лечебное вліяніе внушенія было благоприятное: сразу почувствовала себя хорошо и бодро.

Во время второго сеанса гипноза у Елены были обнаружены явленія ясновидѣнія, наступавшія лишь въ періодѣ глубокаго гипнотическаго сна. У ней въ точности наблюдались всѣ явленія описанныя выше (см. стр. 194—196, 199) по отношенію къ Аннѣ Федоровой.

С. Александра Васильева 26 л., довольно хорошо упитанная и здоровая на видъ женщина, замужня. Беременна на 9-мъ мѣсяцѣ за 4-мъ ребенкомъ.

Заболѣла года 1^{1/2} назадъ „Кидало въ жаръ, потомъ въ дрожь и отнимало ноги. Потомъ стало со мной случаться: комъ какой-то подъ сердце подвалить, расслабну вся и чувствіе теряется. Потомъ проходитъ это время, и можно кое-что работать. Трясетъ теперь часто—почти каждый день“. Табаку не переноситъ: вся въ слабость и кинется. Биться не бьется, а въ слезы ударяетъ и слабнетъ. Лежить по суткамъ, по двое, а иногда и по недѣлямъ. Расслабнетъ вся и ничего не можетъ дѣлать. Сама не знаетъ, какаѣ болѣзни: „спорчена или нѣтъ“. Нигдѣ не лечилась. Въ церкви не бывала болѣе года, а почему, не знаетъ. Боязни святостей нѣтъ.

Болѣзнь свою приурочиваетъ къ одному времени и одной причинѣ съ болѣзнию другихъ кликушъ, хотя прямо Марѳу не обвиняетъ.

Въ день прїѣзда врача, узнавъ объ этомъ, съ утра плакала, не хотѣла идти и „лежала разслабши“.

При изслѣдованіи нервной системы никакихъ отклоненій отъ нормы не найдено.

Впала въ состояніе гипноза безъ всякаго внушенія, черезъ нѣсколько секундъ послѣ надавливанія на вѣки. Авестезія получилась безъ внушенія, хотя послѣ перваго укола вздрогнула. Катаlepsія безъ ригидности получилась безъ внушенія. Измѣнять положеніе каталептизированныхъ конечностей удавалось одинаково легко, и мнѣ, и д-ру Я. М. Вѣлomu. Постгипнотическое внушеніе—взять по пробужденіи со стола часы—не выполнила. Остальныя явленія гипноза были выражены въ типичной формѣ.

Привезли ко мнѣ двухъ кликушъ изъ дер. Заболотной (въ 5 верстахъ). Обѣ женщины были привезены насильно родными, услышавшими, что ихъ лечатъ. Всю дорогу ихъ било и кричали онѣ на голоса: какъ стали имъ обо мнѣ говорить, такъ сейчасъ и начались припадки. Войдя въ избу, обѣ женщины черезъ нѣкоторое время стали отрывочно выкрикивать. При этомъ плакали и временами тряслись. Дыханіе было порывисто и ускорено, пульсъ 110—120. Обѣ женщины не родственницы. Заболѣваніе ихъ не стоитъ въ тѣсной связи съ эпидеміей кликушества въ дер. Большой Дворъ.

9. Оедосья Е. 32 л., уроженка дер. Большой Дворъ, замужемъ, имѣетъ двухъ дѣтей. Больна 3-й годъ: „замогла, заболѣло подъ грудями, потомъ трясло и всяко, что ничего не помню“. Во время разсказа о своей болѣзни порывисто плакала. Табаку не переноситъ и, если курятъ въ ея присутствіи, впадаетъ въ припадокъ. Въ церковь ходитъ и тамъ дурно съ ней не бываетъ. Въ прошломъ году у причастія не была: „неохотно гораздо идти“. Святую воду насильно давали и послѣ того становится легче: „опадаетъ“. „Думаю на то, что спорчена, но вѣмъ не знаю. На марковскую бабу полагаю, но выкрикать не выкрикаю. Съ перваго разу на нее подумала. На ее въ первый разъ и кричала. Эта старуха и теперь мнѣ противна. Была свадьба; золовущку отдавали, а она тутъ была и сдѣлала, что вотъ не могу и не могу, тошнехонько: заболитъ по всему тѣлу, и болитъ“.

При медико-психологическомъ изслѣдованіи ненормальностей не найдено. По отношенію къ гипнозу обнаружались всѣ явленія, описанныя выше у другихъ кликушъ.

10. Аванасья А. 43 лѣтъ, замужняя. Заболѣла 4—5 лѣтъ тому назадъ. „Сперва заболѣлъ животъ: думала пунъ не на мѣстѣ, все терла. Жрать бросила ужъ, и лежала: ломить, что и до тѣла не дотронулась. Съѣздили къ Алешѣ (колдуну Соколову) года 3 назадъ, ну, тамъ въ упадокъ и пришла: подымется подъ глотку, думаю, что сейчасъ и задавить. Алеша питья далъ, сказалъ, порча, стравлена, сдѣлано ей на землю: „съ ограды земля взята и сдѣлано“. Но кто сдѣлалъ, не сказалъ, а я ни на кого не думала: на кого зря скажешь? Господь его знаетъ! Послѣ его мнѣ получше стало. Съ годъ работала. Теперь часто лежу, каждую погоду чувствую“. Недѣли 4 тому назадъ, ей совѣтовали потереть рукою покойника животъ, чтобы комокъ не росъ. Послѣ этого закричала. Табакъ теперь переносить, въ церковь ходить, но когда на духу въ посту была, такъ ее всю перебирало, почему— „Господь его знаетъ! Не могу сказать“.

Сама кликуша и ея мужъ признаютъ, что болѣзнь легкая, „да и Алеша такъ сказалъ“.

Медико-психологическое изслѣдованіе дало тѣ же результаты, что и у предыдущихъ кликушъ.

Аванасья плохо поддавалась гипнозу, и полного сна, не смотря на внушеніе, не получилось.

Мнимая виновница тихвинской эпидеміи, Марѳа Никитина, добродушная и наивная женщина 29 лѣтъ, низкаго роста, съ простоватымъ и некрасивымъ лицомъ. Ея жизнь самая заурядная, ровно ничѣмъ не выдѣляющаяся изъ обычной колеи деревенскаго существованія. Физически совершенно здорова, умственно мало развита, она силою стеченія случайныхъ обстоятельствъ получила въ глазахъ своихъ односельчанъ репутацію колдуньи. Достаточно было посмотреть на лицо этой грозной въ воображеніи односельчанъ колдуньи, съ его боязливымъ, безропотнымъ выраженіемъ, чтобы усомниться въ ея способности создать себѣ такую репутацію умышленно. Почти за 10 лѣтъ до обостренія эпидеміи въ деревнѣ, одна дѣвушка въ принадлежъ душевной болѣзни выкрикнула на Марѳу, что она испорчена, и роковымъ образомъ она умерла черезъ короткое время, оставивъ въ памяти населенія свое грозное обвиненіе по адресу Марѳы. Черезъ два три года довольно хитрая, такъ сказать, „себѣ на умѣ“ женщина, Аграфена Романова, поссорившись съ матерью Марѳы на огородѣ изъ-за пропавшей капусты, воспользовалась старымъ обвиненіемъ противъ Марѳы и стала утверждать, что испорчена ею.

Нужно думать, что Аграфена Романова, женщина умная, хотя и суевѣрная, въ значительной степени притворялась и пользовалась кли-

кушными явленіями съ цѣлю свести свои счеты съ находящеюся съ нею во враждѣ семьею Марѳы. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она твердила своимъ сосѣдкамъ о томъ, что она спорчена и указывала на Марѳу, какъ на колдунью. Подготовленное воображеніе суевѣрныхъ женщинъ еще задолго до развитія эпидеміи было склонно къ тому, чтобы при появленіи у нихъ нѣкоторыхъ болѣзненныхъ явленій, приписать ихъ порчѣ. Воображеніе дополняло остальное, и очень скоро заболѣвшія женщины одна за другою становились кликушами.

Роль самой Марѳы была совершенно пассивная. Превративъ ее въ колдунью, народная молва нисколько не справлялась съ тѣмъ, какъ она отнесется къ этому званію и она стала совершенно пассивною жертвою общаго суевѣрія. Она не роптала сильно, да и всѣ возраженія ея были бесполезны. Единственнымъ возможнымъ исходомъ было покорно сносить все и изливать свое горе негласно. Ни сожалѣнія, ни чувства симпатіи не находила мнимая колдунья въ сердцахъ односельчанъ.

Еще задолго до вспышки эпидеміи на сцену выступаетъ вліяніе „колдуна“ Соколова. Это старикъ пастухъ, живущій въ г. Тихвинѣ, пользующійся по уѣзду славою колдуна. По собраннмъ свѣдѣніямъ, это простоватый человѣкъ, хорошо однако освоившійся съ своею репутаціей и умѣющій извлекать изъ нея пользу. Что собственно онъ имѣлъ противъ Марѳы и ея семьи, выяснить не удалось. Весьма возможно, что онъ избралъ ее предметомъ своихъ обвиненій безъ всякаго особеннаго повода, но въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, онъ неоднократно и положительно указывалъ обращающимся къ нему за помощью кликушамъ на Марѳу, какъ на виновницу ихъ болѣзни.

Лѣтомъ 1899 г., со времени свадьбы Марѳы, когда благодаря совершенно случайнымъ вліяніямъ заболѣли Анна Федорова и Анна Григорьева, — общая молва безапелляціонно указывала на Марѳу, какъ на виновницу заболѣваній и общее озлобленіе росло вмѣстѣ съ развитіемъ эпидеміи. Марѳа ничѣмъ не подавала повода для такого обвиненія, и была ни въ чемъ неповинна предъ своими односельчанами.

Любопытво было то, что сама Марѳа оказалась такою же соннамбулою какъ и остальныя кликуши, и заснула также легко, какъ и всѣ остальныя больныя. Нужно думать, что если бы Марѳа не была колдуньей, она стала бы кликушей.

Вмѣстѣ съ Марѳею страдала и вся семья ея, хотя по собраннмъ свѣдѣніямъ, родные ея были люди добрые, хорошіе работвики и уважаемые въ деревнѣ люди.

Въ пылу разыгравшихся суевѣрій, народная молва безжалостна, слѣпа и непоколебима. Всякая борьба со стороны ея жертвъ бесполезна и лишь больше растравляетъ и возбуждаетъ страсти.

Въ конечномъ результатѣ семья колдуньи примирилась съ своею участью, спокойно сносила все и безропотно ждала надвигающуюся катастрофу.

Сравнивая общую картину тихвинской эпидеміи кликушества съ описанной выше ащепковской, мы видимъ, что и здѣсь вся внѣшняя картина ея чисто бытовая. Всѣ проявленія кликушества здѣсь — плодъ народной фантазіи, исполненной суевѣрій, и, отчасти, поэтического творчества. Наоборотъ, практически послѣдствія эпидеміи тяжки. Страдаетъ все населеніе подъ гнетомъ постигшаго бѣдствія и реальныя послѣдствія эпидеміи уже далеко лишены той поэзіи, которая звучитъ въ наивныхъ народныхъ суевѣріяхъ. Общая скорбь, страданія и безжалостное озлобленіе, не повинующееся логикѣ, не знающее сдержанности и не бощееся возмездія, вотъ основныя черты нравственнаго состоянія населенія. Но этихъ чисто бытовыхъ условій недостаточно для развитія эпидеміи. Заболѣваютъ лишь женщины, подготовленные особымъ къ тому предрасположеніемъ и таковымъ является сомнамбулизмъ.

Также какъ и въ Ащепковѣ, всѣ кликуши — сомнамбулы и въ случаѣ эпидеміи заболѣваютъ именно и только люди расположенные къ сомнамбулизму. Сомнамбулизмъ — есть медико-психологическая основа болѣзни, а бытовыя условія и народныя суевѣрія составляютъ внѣшнюю картину ея.

Въ развитіи эпидеміи кликушества большую роль играетъ психологія толпы съ ея законами, и, если всмотрѣться въ описанныя выше кликушныя эпидеміи, не трудно убѣдиться, что законы психологическихъ движеній толпы тѣ же, которые свойственны и всякимъ народнымъ волненіямъ. Къ психическому состоянію кликушъ, ихъ семей, мнимой колдуньи, для полученія полной картины необходимо присоединить общую экзальтацію всего населенія, крайнюю степень легковѣрія и особое состояніе экстаза отдѣльныхъ лицъ. И здѣсь, какъ вообще въ случаяхъ народныхъ волненій, есть отдѣльныя лица, властвующія надъ экзальтированной толпой и съ холоднымъ упорствомъ и расчетомъ преслѣдующія свои личныя расчеты и направляющія страсти толпы.

Авторъ этихъ строкъ былъ близкимъ зрителемъ народныхъ волненій во время холеры 1892 года на Кавказѣ и въ Старобѣльскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи. Мнѣ не разъ приходилось сталкиваться съ возбужденной толпой охваченной фанатическимъ суевѣріемъ и на себѣ испытывать всю тяжесть борьбы съ раздраженной толпой. И тамъ суевѣрія были слѣпы и безъапелляціонны, но я скажу, что нравственное состояніе населенія, даже во время холерныхъ бубтовъ, свидѣте-

лемъ и активнымъ лицомъ которыхъ мнѣ пришлось быть, далеко не такъ тяжело, какъ во время развитія эпидеміи кликушества въ деревнѣ.

Что касается бытовой картины тихвинской эпидеміи, то здѣсь слѣдуетъ отмѣтить довольно характерное отличіе ея отъ смоленской. Религіозная сторона дѣла играетъ меньшую роль. Здѣсь нѣтъ рѣзкихъ извращеній религіозныхъ вѣрованій. Идея о вселеніи бѣса, какъ причина кликушества, очень слабо формулирована, а представленіе о самомъ бѣсѣ крайне смутное. Все дѣло сводится къ порчѣ и вѣрѣ въ колдовство.

Боязнь святостей есть на лицо. Кликуши не ходятъ въ церковь, и не могутъ переносить херувимской пѣсни, но, почему это происходитъ, объяснить не могутъ. Онѣ слышали, что кликуши и порченныя не переносятъ херувимской, и впадаютъ въ припадки, подчиняясь бессознательно, безъ критики и размышленія, общему народному суевѣрію ¹⁾). Въ значительно большей степени павязчивое состояніе боязни святостей замѣнено у тихвинскихъ кликушъ *боязнью табаку*, и это суевѣріе имѣетъ чисто мѣстный характеръ.

Сообразно менѣе религіозной окраскѣ тихвинскаго кликушества, больныя не ѣздили по монастырямъ съ цѣлью излеченія, а искали помощи у колдуна Соколова, отъ котораго нѣкоторые и получали помощь.

Въ медицинскомъ отношеніи наблюденія надъ новгородскими кликушами въ точности подтвердили всѣ данныя, полученныя у смоленскихъ. Особенно подробное изслѣдованіе нервной системы показало, что никакихъ органическихъ измѣненій она не представляетъ. Всѣ классическіе для истеріи симптомы отсутствовали: никакихъ разстройствъ въ отравленіи органовъ чувствъ и головныхъ нервовъ, нормальность поля зрѣнія, отсутствіе всякихъ разстройствъ чувствительности, вазомоторныхъ разстройствъ, нормальность рефлексовъ и двигательныхъ функцій. Всѣ движенія кликушъ во время припадковъ носили характеръ произвольныхъ и цѣлесообразныхъ и не могли быть отнесены къ судорогамъ. Изъ субъективныхъ явленій замѣчались всевозможныя непріятныя ощущенія то въ формѣ парестезій, то особыхъ душевныхъ состояній, но они были слишкомъ разнообразны и не составляли типичнаго симптомокомплекса для истеріи.

Въ психикѣ тихвинскихъ кликушъ были на лицо тѣ же явленія что у ащеиковскихъ: наличность сознанія во время припадковъ, въ смыслѣ обнаруженія ими выбора, полная амнезія по пробужденіи. Внѣ припадка кликуши никакихъ психическихъ ненормальностей не пред-

---

¹⁾ Тихвинскія кликуши переносятъ святую воду спокойно и не лечатся ею отъ болѣзни.

ставляли. По характеру онѣ не принадлежали къ истеричкамъ. Стойкимъ было навязчивое состояніе въ формѣ *боязни табаку* и слабѣе выраженной *боязни святостей*.

Во время припадковъ кликуши находятся въ сомнамбулическомъ состояніи, чѣмъ и объясняется амнезія о припадкѣ, когда онѣ приходятъ въ себя. Находясь въ сомнамбулическомъ состояніи, кликуша продѣлываетъ все то, что она видѣла у другихъ кликушъ и что она сама внушила себѣ на основаніи сѣвѣрій, которыми она проникнута. Подражаніе по памяти, одна изъ главныхъ чертъ ихъ припадковъ.

Всѣ тихвинскіи кликуши по отношенію къ гипнозу оказались сомнамбулами въ смыслѣ Шарко. Сомнамбулизмъ ихъ еще болѣе, пожалуй, глубокой чѣмъ у смоленскихъ кликушъ. Въ общемъ всѣ явленія тѣ же. Разница лишь та, что здѣсь мнѣ удалось нѣсколько разъ перевести кликушъ изъ сомнамбулическаго состоянія въ каталептическое. Это состояніе однако отличалось только тѣмъ, что кликуша продолжала спать съ открытыми глазами. Измѣненій рефлексовъ не было. Зрачки реагировали на свѣтъ; измѣненія механической возбудимости мышцъ не наблюдалось.

Интересная особенность, обнаруженная у трехъ кликушъ въ совершенно тождественной формѣ,—это ясновидѣніе, связанное съ очень глубокимъ сомнамбулическимъ сномъ. Опыты описаны подробно выше (см. стр. 193—196). Я отмѣчу здѣсь лишь, что въ объясненіе этому крайне загадочному явленію, на основаніи моихъ опытовъ, можно дать только то, что дѣло сводится къ *чтенію мыслей*. Т. е. кликуша въ періодѣ ясновидѣнія можетъ видѣть и слышать то, что представляетъ себѣ въ своей душѣ экспериментаторъ. Процессъ этотъ не требуетъ посредства двигательныхъ ощущеній, передаваемыхъ черезъ прикосновеніе руки экспериментатора. Онъ происходитъ на разстояніи и независимо отъ фиксаціи взгляда или другого видимаго общенія обоихъ участниковъ опыта. Процессъ этотъ я представляю себѣ въ формѣ *индукціи психическихъ процессовъ* на подобіе того, какъ электрической токъ, проходящій по внутренней спирали, индуцируется во вѣнцовой. Условіями для наличности этой индукціи прежде всего является 1) достаточно сильное напряженіе психическаго процесса, т. е. достаточно яркое возникновеніе представленія въ психикѣ экспериментатора. 2) Глубокое состояніе сомнамбулизма съ почти полнымъ застоємъ въ психическихъ процессахъ въ душѣ испытуемаго. 3) Индуцироваться можетъ лишь то представленіе, которое имѣется въ душѣ испытуемаго въ формѣ образа памяти, т. е. потенциальнаго представленія.

Будучи сторонникомъ ученія о психической энергіи, понимая ее какъ видъ общей міровой энергіи и принимая ея подчиненіе общему

міровому закову сохраненія енергіи ¹⁾, я думаю, что процессъ индукціи психическихъ процессовъ долженъ быть совершенно аналогиченъ индукціи электрическаго тока, и что имъ должны быть объяснены многочисленныя явленія изъ области телепатіи, къ которымъ пора уже перестать относиться съ насмѣшкой и включить ихъ въ область научныхъ изслѣдованій.

Этимъ же процессомъ я объясняю загадочную способность кликушъ различать святую воду. По моему мнѣнію дѣло тутъ заключается въ простомъ чтеніи мыслей экспериментатора, предлагающаго ей пробу и знающаго ее. По моему мнѣнію объяснить явленія ясновидѣнія чересмѣрною геперестезіей органовъ чувствъ, доходящей до того, что одно чувство дѣлается въ состояніи замѣнить другое, не представляется возможнымъ. Какова бы ни была чувствительность зрѣнія, даже черезъ закрытыя вѣки нельзя видѣть предметъ, находящійся внѣ поля зрѣнія кликуши. А въ вышеприведенныхъ опытахъ соннамбула *видѣла* такіе предметы: т. е. въ ея душѣ возникалъ психическій образъ предмета, о которомъ думалъ экспериментаторъ и котораго кликуша не воспринимала глазомъ.

Наоборотъ, признавая чтеніе мыслей, я съ большимъ скептицизмомъ отношусь къ способности кликушъ предугадывать будущее. Нѣтъ никакихъ научныхъ данныхъ, которыя бы позволяли допустить подобныя факты. Что кликуши могли предчувствовать мой пріѣздъ въ обѣихъ эпидеміяхъ,—возможно объяснить и индукціей на разстояніи, такъ какъ, по пути на мѣсто, я былъ сильно сосредоточенъ, а есть данныя, которыя говорятъ за то, что *индукція психическихъ процессовъ* возможна на очень большихъ разстояніяхъ.

Какъ происходитъ индукція психическихъ процессовъ, сказать трудно. Ясно лишь, что индуцированное представленіе и мысль возникаютъ независимо отъ сознанія, произвольно, первое же звено дальнѣйшихъ мыслей является результатомъ ассоціаціи обычныхъ представленій и не есть слѣдствіе логическихъ операцій ума.

Одинъ опытъ, слѣданный надо мною, заставилъ меня глубоко задуматься надъ вопросами о сущности чтенія мыслей и теперь единственнымъ возможнымъ объясненіемъ мнѣ представляется психическая индукція.

Производя однажды рядъ опытовъ съ чтеніемъ мыслей, я встрѣтилъ лицо, которое обладало очень хорошою способностью заставлятъ другихъ выполнять все имъ задуманное. Я подвергся опыту, желая

¹⁾ См. мою работу: Законъ сохраненія енергіи въ прижъненіи къ психической дѣятельности челоуѣка. Харьковъ. 1897 г.

проанализировать душевное состояніе субъекта, столь легко выполняющаго мысленное требованіе упомянутаго лица. Съ завязанными глазами, стоя посреди компаты, я чувствовалъ на своемъ плечѣ руку экспериментатора. Я чувствовалъ сначала какъ-будто легкіе толчки его руки и шелъ туда, куда они меня влекли. Много разъ и безошибочно я исполнялъ все, что онъ задумывалъ: бралъ на рояли требуемую ноту, отыскивалъ требуемый предметъ, раскрывалъ книгу на требуемой страницѣ. Все это я дѣлалъ при полномъ сознаніи, анализируя и критикуя свое поведеніе. Сначала я старался даже помогать экспериментатору, но послѣ ряда удачныхъ опытовъ я попросилъ присутствовавшихъ задумать что-либо посложнѣе, самъ же въ душѣ задался цѣлью противодѣйствовать задуманному. Почувствовавъ обычное влеченіе я отправился къ роялю, но подошелъ къ нему не со стороны клавиатуры. Съ этого момента я рѣшилъ не подчиняться болѣе волѣ экспериментатора, а задумать и выполнить что-либо самостоятельное, чего-бы не могли задумать присутствующіе при опытѣ. Я ощупалъ поверхность рояля и, натолкнувшись на тетрадь нотъ, рѣшилъ взять ее въ зубы, думая, что подобнаго дѣйствія не могли задумать и ожидать экспериментаторъ и присутствующіе. Оказалось, что именно это и было ими задумано. Интересно, что, идя путемъ логическихъ размышленій, исходя изъ совершенно обратныхъ желаній и цѣли, я обдумалъ сознательно и логически оформилъ процессъ, возникшій безсознательно, вѣроятно путемъ индукціи.

Ясновидѣніе кликушъ давно подмѣчено народомъ. Многочисленные рассказы о немъ преувеличены, но они имѣютъ основаніе и отрицать его нельзя.

Неоднократно пытаюсь подвергнуть явленія ясновидѣнія научному изслѣдованію, я не встрѣчалъ его у многихъ истеричныхъ, да и у кликушъ явленіе это далеко не обычное, а появляющееся лишь въ періодъ наиболѣе глубокаго сомнамбулизма.

Какъ и въ ащепковской эпидеміи, лечебное вліяніе гипноза въ Тихвинѣ было благопріятное, и успѣхъ гипнотическаго леченія кликушъ былъ хорошій.

Описанная эпидемія еще разъ подтвердила, что вся выѣшняя картина кликушества заимствована изъ бытовыхъ условій жизни русскаго народа, а фізіологическая основа его есть сомнамбулизмъ въ смыслѣ Шарко.

Глава X-я.

Клиническій и бытовой очеркъ кликушества.

Если мы попытаемся резюмировать собранныя выше литературныя данныя и произведенныя наблюденія, то общая картина кликушества представится въ слѣдующемъ видѣ.

Кликушество, начиная съ XVI вѣка по настоящее время, составляетъ явленіе русской народной жизни, игравшее и играющее въ ней далеко не послѣднюю роль. Не смотря на значительный прогрессъ, имѣвшій мѣсто за послѣднія десятилѣтія въ культурѣ русскаго народа, кликушество и въ настоящее время проявляется въ той формѣ, какъ она намъ извѣстна по литературнымъ источникамъ XVI и XVII вѣка, и если оно до сихъ поръ не обратило на себя должнаго вниманія изслѣдователей народнаго быта и врачей, то это объясняется тѣмъ, что оно протекаетъ какъ бы подъ спудомъ обыденной жизни и прорывается лишь въ видѣ отдѣльныхъ взрывовъ въ формѣ судебныхъ процессовъ по расправѣ съ колдунами или повальныхъ эпидемій.

Кликушъ, по собраннымъ мною даннымъ, въ настоящее время въ Россіи слѣдуетъ считать многими тысячами, если не десятками тысячъ.

Распространено кликушество по всей Россіи, но преимущественно на сѣверѣ и въ Великороссіи. Особенно много кликушъ въ Московской, Смоленской, Тульской, Новгородской и Вологодской губерніяхъ, хотя и всѣ вообще сосѣднія съ Москвой губерніи отдають кликушеству изрядную дань. Къ югу много кликушъ находимъ въ Курской губерніи, но дальше въ Харьковской и въ южныхъ губерніяхъ кликуши становятся очень рѣдкими и постепенно исчезаютъ. На западѣ есть еще центръ, куда стекается много пришлыхъ со всей Россіи кликушъ—это Кіево-печерская лавра. Но въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ, несмотря на существующія тамъ понятія о колдовствѣ, кликушество въ чистой формѣ не встрѣчается. За то по всему сѣверу Россіи и далѣе на востокъ по всей Сибири кликушество ши-

роко распространено, составляя обыденное явление народной жизни. На сѣверѣ распространена особая форма кликушества въ видѣ томительной икоты. Интересно, что въ нѣсколько измѣненной формѣ оно встрѣчается у лопарей, а на востокѣ у киргизовъ.

Кликушество въ чистой своей формѣ свойственно почти исключительно женщинамъ. Хотя во многихъ случаяхъ, особенно при эпидеміяхъ кликушества, упоминаются заболѣванія мужчинъ, но это обыкновенно бываютъ либо настоящіе душевно-больные, либо просто суевѣрные люди, приурочивающіе свою старую болѣзнь къ порчѣ; типичныхъ же проявленій кликушныхъ припадковъ у мужчинъ почти не бываетъ.

Кликушество свойственно исключительно крестьянскому населенію и тѣсно связано съ его мировоззрѣніемъ, съ суевѣріями, повѣрьями и даже творчествомъ его. Поэтому кликушество нельзя разсматривать какъ болѣзнь въ тѣсномъ смыслѣ слова,—это скорѣе просто бытовое, социальное явленіе жизни русскаго народа, и основывается оно на глубоко укоренившемся въ народномъ убѣжденіи суевѣріи и вѣрѣ въ „порчу“. Причины, почему кликушество не исчезаетъ изъ русской жизни, кроются еще и въ религиозныхъ вѣрованіяхъ народа. Ученіе о бѣснотности, признаваемое Евангеліемъ и Ветхимъ Заветомъ, даетъ основаніе народу глубоко вѣрить въ возможность вселенія нечистаго духа въ человѣка.

По существу кликушество есть то же явленіе, которое играло столь выдающуюся роль въ жизни человѣчества въ XVI и XVII вѣкахъ, извѣстное подъ именемъ демономаніи или одержимости бѣсами, благодаря которому по всей западной Европѣ милліоны такихъ больныхъ гибли на кострахъ, сожигаемые живыми, по обвиненію въ колдовствѣ. Разница между западно-европейскою демономаніей и русскимъ кликушествомъ та, что въ первой главное значеніе приписывалось вселенію бѣса въ человѣка. Культъ демона, облеченный католическою религіей въ особо сложную форму, игралъ тамъ главную роль. Въ кликушествѣ же почти все дѣло сводится на порчу, а бѣсъ играетъ очень второстепенную роль. Исторически кликушество въ Россіи не имѣло тѣхъ печальныхъ послѣдствій, какъ демономанія на Западѣ, и причина этому лежитъ въ томъ, что въ ученіи восточной церкви не было тѣхъ извращеній христіанскаго ученія, каковымъ въ западной церкви было ученіе о сатанѣ и его могуществѣ.

Хотя кликуши и народъ убѣждены, что порча происходитъ отъ вселенія въ нихъ бѣсовъ, но самое представленіе о чертяхъ очень смутное, и никто не даетъ себѣ въ томъ яснаго отчета.

Въ русской демонологіи слѣдуетъ различать двѣ группы этого явленія. Съ одной стороны ученіе о порчѣ какъ таковой, безъ посредства вліянія чорта. Въ такихъ случаяхъ болѣзнь одного лица—

обыкновенно нервная, рѣже внутренняя, приписывается вліянію другого, котораго и обвиняють въ причиненіи ему болѣзни со злымъ умысломъ. Главную роль играетъ лицо, испортившее больного, — предполагаемый колдунъ или чародѣй. Часто это врагъ больного вслѣдствіе бывшихъ между ними раньше столкновений, иногда же просто обвиненіе падаетъ на данное лицо случайно, безъ достаточныхъ оснований (физическія особенности, образъ жизни и занятій мнимаго колдуна).

Другая форма — это приписываніе болѣзни вліянію вселившагося въ больного бѣса безъ посредства колдуна. Это чистая форма одержимости, бѣсноватости, безъ порчи, хотя народная молва и называетъ обѣ формы порчею. Такія больныя не обвиняють никого въ колдовствѣ. Ихъ болѣзнь имѣетъ въ основѣ главнымъ образомъ религіозныя вѣрованія и припадки по времени и мѣсту пріурочены главнымъ образомъ къ церковнымъ богослуженіямъ.

Вообще народъ приравниваетъ кликушъ къ бѣсноватымъ и основываетъ вѣру въ кликушъ на священномъ писаніи.

Большую, если не первенствующую роль въ развитіи кликушества въ Россіи, играютъ монастыри, особенно московскіе и окрестныхъ губерній.

Уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сюда стекаются на богомолье кликуши со всѣхъ сторонъ Россіи съ надеждою получить исцѣленіе. Здѣсь ихъ отчитывали специальными молитвами монахи, здѣсь имъ давались травы и священное масло, а въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, какъ, напр., въ Москвѣ въ Симоновомъ монастырѣ, для бѣсноватыхъ и теперь служится особая обѣдня, и отецъ Маркъ отчитываетъ ихъ специально въ продолженіе 6-ти недѣль. По монастырямъ во время службы, на крестныхъ ходахъ и богомольяхъ у чудотворныхъ иконъ можно видѣть массу кликушъ, впадающихъ въ состояніе припадковъ. Эти припадки сильно поражаютъ произволимимъ ими впечатлѣніемъ воображеніе окружающихъ, и бурная картина видѣннаго припадка хорошо запечатлѣвается въ памяти простодушной поселянки, пришедшей на поклоненіе святыни изъ глухой русской деревни. Здѣсь большинство русскихъ кликушъ воспринимаетъ и бессознательно обучается тѣмъ проявленіямъ болѣзни, которыя онѣ позже, когда становятся сами кликушами, воспроизводятъ, благодаря болѣзненному подражанію.

Кликушество рѣдко среди раскольниковъ и никакой связи съ сектанствомъ не имѣетъ.

Жизнь деревенской русской женщины далеко не красна. Тяжелая работа, частые роды и кормленіе, частыя неурядицы въ семьѣ, традиціонная непріязнь со свекрами, вотъ тѣ обычныя условія, которыя не очень красятъ ея жизнь.

Вотъ эта то предрасполагающая обстановка, глубокая религіозность и суевѣрная боязнь порчи даютъ самую благопріятную почву для развитія кликушества. Если принять во вниманіе, что никто не разубѣждаетъ ихъ въ этомъ убѣжденіи, а духовенство даже поддерживаетъ его, то понятнымъ станетъ, что съ кликушествомъ не такъ то легко бороться.

Гораздо меньшее значеніе въ числѣ причинъ кликушества имѣютъ условія, отмѣченныя нѣкоторыми авторами. Безысходная нужда и бѣдность, пьянство и физическое истощеніе, по моему мнѣнію, вовсе не составляютъ причинъ кликушества. Скорѣе можно сказать, что большинство кликушъ происходитъ изъ сравнительно зажиточныхъ семей, которыя менѣе обременены тяжелою заботою о кускѣ насущнаго хлѣба. Также и грамотность не оказываетъ никакого вліянія на кликушество. Ащепковѣ сравнительно деревня зажиточная, въ каждомъ дворѣ большинство людей грамотныхъ, пьянства въ ней нѣтъ, а кликушеская эпидемія царитъ въ полномъ своемъ развитіи. Грамотность, даже достаточное образованіе, недостаточны для того, чтобы искоренить суевѣрія, а умѣніе читать священныя книги вело къ тому, что мѣстные крестьяне съ текстомъ священнаго писанія (четыре-миней) въ рукахъ опровергали мои увѣренія о томъ, что бѣсноватости не существуетъ.

Проявляется кликушество въ двухъ видахъ: въ формѣ отдѣльныхъ случаевъ и въ видѣ эпидемій. Отдѣльныя кликуши есть почти въ каждой великорусской деревнѣ, но пока она одна—явленіе это не играетъ большой роли въ общественной жизни. Но, когда возникаетъ эпидемія кликушества,—оно становится бѣдствіемъ для всего населенія. Много женщинъ заболѣваетъ одна за другою, страхъ охватываетъ все населеніе, а роковыя предсказанія кликушъ о томъ, что „вотъ закричитъ еще такая-то“,—сбываются неизмѣнно и охватываютъ ужасомъ остальное населеніе. Озлобленіе противъ мнимаго колдуна, имя котораго кликуши выкликаютъ, растетъ и нерѣдко приводитъ къ кровавой расправѣ съ невинною жертвою. Бѣдныя больныя женщины становятся неспособными къ работѣ и матерьяльное благосостояніе семьи рушится: однимъ словомъ, получается описанная выше картина, которую я засталъ въ Ащепковѣ.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ кликушества часто встрѣчается притворство, хотя попадаются и сомнамбулы, и настоящіе истеричныя. Въ эпидеміяхъ же главную роль играетъ сомнамбулизмъ и внушеніе, связанныя съ болѣзненнымъ подражаніемъ и черпающіе содержаніе внѣшней картины явленія изъ бытовыхъ условій, религіозныхъ вѣрованій и суевѣрій русскаго народа.

При эпидемическомъ развитіи кликушества, весьма важное значеніе имѣетъ психологія толпы (см. стр. 208).

Въ общемъ законы, двигающіе народнымъ волненіемъ въ такихъ случаяхъ, тѣ же, что и при всякихъ другихъ народныхъ волненіяхъ, и послѣдствія бываютъ тѣмъ рѣзче выражены, чѣмъ болѣе религіозный и суевѣрный характеръ принимаютъ лежація въ основѣ предположенія.

Эпидеміи кликушества вовсе не такъ рѣдки, какъ объ этомъ можно думать по имѣющимся литературнымъ указаніямъ, и длятся онѣ иногда годами.

Вообще кликушество рѣдко протекаетъ короткое время и проходитъ безслѣдно. Въ большинствѣ случаевъ болѣзнь длится много лѣтъ, а нерѣдко и всю жизнь. Выздоровленія встрѣчаются, но рѣдко, — не болѣе 20—30⁰/. Не смотря на усиленное отчитываніе въ монастыряхъ, куда она несетъ послѣднія свои деньги, кликуша остается больною и лишь рѣдко выздоравливаетъ. Но за то облегченіе въ монастыряхъ получаютъ очень многія кликуши.

Въ народномъ убѣжденіи болѣзнь эта не поддается никакому леченію, кромѣ отчитыванія, почему кликуши, несмотря на свои тяжкія страданія, къ врачамъ не обращаются.

„Докторъ противъ этой болѣзни ничего не стоитъ, — вотъ святыня другое дѣло“. Съ успѣхомъ, однако, иногда лечатъ кликушество знахари травами и наговорами. Во всякомъ случаѣ, выздоровленія бываютъ, и тогда женщина возвращается къ своему обычному состоянію, въ какомъ находилась до болѣзни.

Кликушеству подвержены всѣ возрасты отъ 12 лѣтъ до глубокой старости, какъ дѣвочки, такъ замужнія и вдовы.

Начинается болѣзнь большею частію сразу, съ точно опредѣляемаго больными момента, который, обычно, совпадаетъ, согласно народному убѣжденію, съ какимъ нибудь происшествіемъ, къ которому больная приурочиваетъ свою порчу. Часто, встрѣтившись съ подозрѣваемымъ въ колдовствѣ лицомъ, но много чаще поѣвъ или выпивъ у него, или получивъ отъ него какую-либо вещь, больная вдругъ чувствуетъ себя неладно. Наэлектризованное суевѣрнымъ страхомъ и скрытымъ дотолѣ опасеніемъ воображеніе быстро поражается мыслию о томъ, не испорчена ли она. Съ мельчайшей ясностью въ больномъ воображеніи возстановляется картина того, какъ она откушала у колдуньи, какъ, поднеся кусокъ ко рту, не осѣнила его крестнымъ знаменіемъ и не произнесла очистительной молитвы. Воображеніе дополняетъ остальное: тутъ всплываютъ и лукавая улыбка, и недобрый глазъ колдуньи; тутъ вспоминается и сказанная ею когда то угроза, — и въ пораженной опасеніемъ душѣ возникаетъ готовое уже рѣшеніе — глубокое убѣжденіе о томъ, что она испорчена. Хорошо знакомая въ деревнѣ картина порчи, тяжелыя страданія больныхъ женщинъ во время припадковъ

ихъ болѣзни уже не разъ тяжело поражали деревенскую обитательницу, и вотъ теперь мысль о томъ, что и ее ожидаетъ такая же участь и страданія, что отнынѣ и она будетъ на вѣки „порченная“, всецѣло завладѣваетъ психикой будущей кликуши. Все ея вниманіе сосредоточивается на ея ощущеніяхъ; она чутко прислушивается къ своему организму, и въ это время достаточно самаго незначительнаго повода, простой боли подъ ложечкой, чтобы воплѣ укоренить убѣжденіе, господствовавшее до тѣхъ поръ въ формѣ опасенія.

Развивается болѣзнь очень постепенно и достигаетъ полнаго своего развитія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ. Кликуша долгое время скрываетъ свое болѣзненное состояніе, и иногда оно обнаруживается для окружающихъ лишь тогда, когда оно въ періодъ полнаго своего развитія разрѣшится кликушнымъ припадкомъ.

Первые признаки болѣзни проявляются обыкновенно въ видѣ нѣкоторыхъ субъективныхъ болѣзненныхъ ощущеній и измѣненія характера и настроенія больной. Однимъ изъ первыхъ симптомовъ появляется боль подъ ложечкой и чувство подкатыванія „подъ сердце“. Часто эта боль есть ничто иное, какъ столь хорошо знакомая врачамъ, работающимъ въ деревнѣ, — обычная желудочная боль диспептического характера, обязанная своимъ происхожденіемъ плохому и неправильному питанію. Но пораженное мыслию о порчѣ воображеніе приурочиваетъ эту боль и оцѣниваетъ ее, какъ порчу и проявленіе кликушной болѣзни. Раньше мало замѣтное, почти привычное для больной ощущение, теперь поглощаетъ все ея вниманіе. Она начинаетъ дѣйствительно страдать. Вскорѣ присоединяются другія болѣзненные явленія. Развивается настоящій истерическій глобусъ, чувство стѣсненія сердца, а болѣзненность подъ ложечкой достигаетъ нерѣдко такой степени, что, при легкомъ надавленіи на эту область, больная вскрикиваетъ. Больная чувствуетъ, что подъ ложечкой у нея сидитъ какое-то твердое тѣло, чувствуетъ, какъ это тѣло подступаетъ ей къ горлу, давитъ ее. Параллельно развивается метеоризмъ, животъ вздувается, а сосредоточенное на своихъ ощущеніяхъ вниманіе больной, мѣшаетъ отхожденію газовъ и отрыжкѣ, которыя до того времени совершались безпрепятственно. Далѣе появляется онѣменіе спины и конечностей, чувство ползанья мурашекъ и больную начинаютъ беспокоить самыя неопредѣленные болѣзненные ощущенія, появляющіяся безъ всякой правильности въ различныхъ частяхъ тѣла. Она получаетъ впечатлѣніе, будто что-то перебѣгаетъ у ней въ организмъ, ударяя и стрѣляя то въ одно, то въ другое мѣсто.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко мѣняется характеръ и душевное состояніе кликуши. Она становится замкнутой, скрытной и вмѣстѣ съ тѣмъ раз-

дражительной. — Всѣ мысли ея сосредоточиваются на болѣзни и въ это же ничто не интересуется, ничто не веселитъ. Грустная, сосредоточенная кликуша вмѣстѣ съ тѣмъ уже очень рано принимаетъ видъ безропотной страдальцы. Она покорно, безропотно отдается въ руки постигшаго ея несчастья, и эта черта очень замѣчательна для кликушъ. Такимъ образомъ готовится и развивается эта болѣзнь, которая въ слѣдующемъ своемъ періодѣ проявляется весьма бурно. Мысль о своемъ страданіи переплетается съ дѣйствительными болѣзненными ощущеніями, и оба фактора въ развитіи болѣзни играютъ почти одинаковую роль.

Бываютъ, однако, случаи, когда у многихъ деревенскихъ женщинъ, отчасти истеричныхъ, стчасти физически больныхъ, истощенныхъ и малокровныхъ, болѣзненные разстройства и ощущенія существуютъ годами, иногда чуть не всю жизнь, когда внезапно брошенная ей мысль о томъ, что она испорчена, сразу поражаетъ ее глубокимъ убѣжденіемъ, и она становится кликушею, присвоивая себѣ и продѣлывая всѣ тѣ явленія, которыя она наблюдала у другихъ кликушъ.

Въ теченіе этого продормального періода у кликуши готовится проявленіе болѣзни въ типической ея формѣ, — именно слѣдующимъ образомъ. Кликушество и его проявленія хорошо извѣстны въ деревняхъ, а народныя преданія твердо укоренились въ убѣжденіи деревенскихъ жителей.

Въ связи съ этими народными понятіями о кликушахъ и порчѣ, воображеніе заболѣвающей кликуши постепенно готовится къ предстоящимъ ей страданіямъ, и у ней очень послѣдовательно развивается *боязнь святостей*.

Это обыкновенный видъ *obsession*, въ формѣ присвоенной навязчивой идеи, укореняющейся при помощи внушенія и самовнушенія. Боязнь эта возникаетъ не изъ идеи объ одержимости злымъ духомъ, а наоборотъ, послѣдняя возникаетъ на основаніи этого явленія, видѣннаго и заимствованнаго у другихъ кликушъ.

Боязнь святостей, строго говоря, есть главный симптомъ кликушества, если не какъ болѣзни, то какъ соціальнаго явленія. Изъ этого явленія выводится заключеніе о вселеніи въ нихъ нечистой силы, и, не будь его, большинство кликушъ превратилось бы въ простыхъ истеричныхъ женщинъ, а кликушество въ русской жизни никогда бы не имѣло такого большого соціальнаго значенія.

Уже съ самаго начала болѣзни кликуша начинаетъ ожидать, что у ней скоро появится нетерпимость къ святымъ предметамъ, иконамъ, ладону и къ церкви, какъ она видѣла это у другихъ кликушъ.

Она чутко прислушивается и съ замираніемъ сердца ждетъ удара церковнаго колокола. Она колеблется и не рѣшается пойти въ церковь, боясь, что тамъ упадетъ въ припадкѣ. Ее тревожитъ то, что окружающіе, не подозрѣвая въ чемъ дѣло, удивляются, что она не ходитъ въ церковь, и зовутъ ее. Послѣ долгаго сомнѣнія, больная рѣшается пойти въ церковь и тутъ, заранѣе настроенная и увѣренная въ томъ, что съ ней случится, она ждетъ Херувимской пѣсни и, слышавъ ее, раздражается кликушнымъ припадкомъ.

У тихвинскихъ кликушъ эта боязнь святостей была выражена слабо. Преобладающимъ явленіемъ были *боязнь табуку*,—навязчивое состояніе совершенно однородное первому, лишь съ другимъ содержаніемъ.

Первый припадокъ кликушества въ огромномъ большинствѣ случаевъ происходитъ либо въ церкви, либо при какомъ-нибудь богослуженіи. Проявляется самый припадокъ весьма различно.

Наиболѣе частая и типичная его форма состоитъ въ томъ, что кликуша начинаетъ „кричать на голоса“,—симптомъ, отъ котораго болѣзнь и получила свое названіе. Крикъ кликушъ крайне различенъ и чрезвычайно непріятно дѣйствуетъ на окружающихъ. Слѣдуетъ различать двоякаго рода крикъ: кликуша издаетъ лишь безсловесные звуки съ различными переливами и интонаціей, притомъ совершенно безъ всякаго ритма и правильности. Крикъ этотъ напоминаетъ всхлипываніе, голоса животныхъ, собачій лай, или кукузанье,—очень часто онъ прерывается громкимъ иканіемъ или рвотными звуками. Голосъ кликуши пронзительно громкій, и почти весь крикъ построенъ на высокихъ нотахъ. Каждая музыкальная фраза крика постепенно ускоряется и повышается *crescendo*, потомъ вдругъ обрывается: кликуша набираетъ въ себя воздухъ и повторяетъ крикъ снова. Въ другихъ случаяхъ кликуша сразу начинаетъ выкрикивать опредѣленные слова. Выкрикиваетъ она ихъ неправильно, отрывочно и громко. Содержаніе выкрикиваемыхъ словъ весьма различно. Чаще всего она кричитъ: „ой лихо мнѣ, ой тяжело, страдаю, страдаю“ и т. д. Иногда же сразу начинаетъ выкрикивать, что въ нее насадили чертей, что ее испортили: „заставила страдать! Ай, Секлюха, вотъ погуляемъ, страдаю“ и т. д. Кликуша выкрикиваетъ, что она испорчена, и имя того лица, кто ее испортилъ. Въ народѣ существуютъ различныя приемы, чтобы заставить кликушу назвать имя испортившаго ее лица, ибо, по народному преданію, кликуша во время припадка можетъ назвать его. Обычный для этой цѣли приемъ состоитъ въ томъ, что подходятъ къ припадной, берутъ ее за безымянный палецъ лѣвой руки и спрашиваютъ,—большую частью этотъ приемъ оказывается успѣшнымъ. Довольно распространенное явленіе, что кликуша въ

церкви и вообще во время припадка начинает богохульствовать, и эти припадки их дѣйствуютъ наиболѣе тяжело на окружающихъ. Впавшая въ неистовство кликуша ругаетъ иконы, причастіе, священника самыми площадными словами, при этомъ плюетъ на иконы и порывается бить ихъ. Любопытно, что кликуши часто весь крикъ свой выкликаютъ отъ имени 3-го лица, именно отъ имени сидящаго въ нихъ бѣса.

Рѣдко припадокъ ограничивается однимъ крикомъ; почти всегда выступаетъ цѣлая группа двигательныхъ симптомовъ. Кликуша падаетъ на землю, но паденіе это рѣзко отличается отъ эпилетического. Несмотря на сильное, повидимому, паденіе, довольно стремительное и быстрое, мнѣ не случалось видѣть и читать о томъ, чтобы кликуша при паденіи расшибла себѣ голову или конечность. Это тѣмъ болѣе странно, что падаютъ онѣ съ шумомъ и звукъ паденія тѣла кликуши о полъ вселяетъ опасеніе за цѣлость ея организма. Не только раны, но ссадины и синяки у кликушъ очень рѣдки. Другое характерное для падевія кликушъ обстоятельство то, что при паденіи кликуша, не смотря на свое, повидимому, безсознательное состояніе, не задѣваетъ и не портитъ окружающихъ предметовъ. Такъ, падая въ церкви среди иконъ и ставниковъ, кликуши не задѣваютъ ихъ.

Послѣ паденія на полъ, при продолжающемся выкликиваніи, кликуша начинаетъ биться, производя самыя разнообразныя, по быстротѣ и силѣ движенія. Многіе изслѣдователи принимаютъ эти движенія за судороги, но, на основаніи своихъ наблюденій, я думаю, что онѣ не имѣютъ съ судорогами ничего общаго и представляютъ собою просто беспорядочныя, порывистыя движенія, хотя и совершаемыя кликушею въ ненормальномъ душевномъ состояніи экстаза, но имѣющія всѣ признаки произвольныхъ цѣлесообразныхъ движеній. Кликуша катается по полу, беспорядочно мечется, бьетъ руками и ногами объ полъ, извивается, по выраженію многихъ наблюдателей, „ломается“. Движенія эти то усиливаются, то стихаютъ; вообще никакой правильности въ ихъ теченіи не наблюдается.

Эти три признака: крикъ, паденіе и двигательное возбужденіе и составляютъ собственно наиболѣе существенныя явленія припадка. Продолженіе этого припадка также совершенно неопредѣленное: отъ 10 минутъ и до 2—3 часовъ. Въ послѣднемъ случаѣ кликуша временно затихаетъ, какъ бы отдыхая и набираясь силъ, чтобы потомъ припадокъ возобновился съ новою силою.

Подробный анализъ видѣнныхъ мною многочисленныхъ припадковъ далъ мнѣ слѣдующія данныя. Органы чувствъ у кликуши во время всего припадка продолжаютъ функціонировать. Обоняніе сохранено и

больная почти всегда реагируетъ на вдыханіе амміака. Глаза у кликуши во время припадка почти всегда закрыты, притомъ произвольно, по просту зажмурены. Если ихъ открыть насильно, они тотчасъ же снова закрываются. Но въ тѣ короткіе моменты, когда кликуша открываетъ глаза, она видитъ и замѣчаетъ окружающее быстро и правильно, что помогаетъ ей избѣгать при своихъ бурныхъ движеніяхъ столкновенія съ окружающими предметами.

Кликуша хорошо слышитъ во время припадка и воспринимаетъ правильно слышимое; такъ, въ церкви она согласуетъ свои крики съ ходомъ церковной службы, что можно особенно характерно наблюдать на ночной службѣ въ часовнѣ св. Пантелеймона въ Москвѣ. Часто во время самага разгара кликушескаго приступа можно вести съ больною бесѣду, при чемъ она отвѣчаетъ вамъ отъ имени сидящаго въ ней бѣса. Труднѣе изслѣдовать вкусъ, но, повидимому, и онъ сохраненъ. Одинъ разъ я не получилъ у кликуши во время припадка реакцію на горчицу, которою я смазалъ ей языкъ, но здѣсь видимо была примѣсь симуляціи и задержка вкусовой реакціи. Въ функціи остальныхъ головныхъ нервовъ также никакихъ отклоненій замѣтить во время приступовъ не удалось. *Зрачки никогда не претерпѣваютъ измѣненія*; они не расширены во время припадка и все время реагируютъ на свѣтъ. Движенія глазъ вполнѣ сохранены, а часто наблюдаемыя мигательныя движенія и жмуренье глазъ аналогичны общимъ движеніямъ, свойственнымъ припадкамъ кликушъ. Мимика лица очень беспорядочная; выраженіе лица обычно показываетъ страданіе, лицо подвижно, часто выражаетъ злобу, но слезы почти никогда не появляются.

Часто бываетъ щелканье зубами, но настоящаго тризма я не наблюдалъ.

Многіе авторы упоминаютъ о выдѣленіи у кликушъ во время припадковъ пѣны изо рта.

По моимъ наблюденіямъ, это явленіе очень рѣдкое. Въ одномъ случаѣ больная взбивала слюну въ пѣну искусственно. Плюются больныя нерѣдко и особенно часто въ церквахъ на иконы. Прикусыванія языка у кликушъ никогда не бываетъ. Часто отмѣчаютъ судорожный спазмъ глотки, который появляется у кликушъ, когда имъ насильно даютъ причастіе. Благодаря этому спазму, кликуши не въ состояніи проглотить причастія. Очень часто онѣ икаютъ, производятъ рвотныя движенія и какъ бы давятся. Однако рвоты у кликушъ во время припадка я не видалъ. Многія больныя какъ-бы усиленно отдуваются, дуютъ, издаютъ сопящіе и хрипящіе звуки. Дыханіе учащенное, и глубокіе вздохи время отъ времени смѣняютъ прерывистое ды-

ханіе. Интересно, что цвѣтъ лица во время припадка, даже сильнаго, мало мѣняется. Рѣзкаго ціаноза почти не бываетъ, хотя кликуша усиленно надувается. Во всякомъ случаѣ симптомъ этотъ выраженъ много слабѣе, чѣмъ объ этомъ упоминается во многихъ описаніяхъ.— Пульсъ почти всегда ускоряется до 100—110, но сердце бьется правильно и аритміи не замѣчается.

Изслѣдованіе чувствительной сферы во время припадка довольно затруднительно. Большинство кликушъ на уколы не реагируетъ. Я, однако, сомнѣваюсь, чтобы здѣсь имѣлась настоящая анестезія. Тактильную и температурную чувствительность изслѣдовать невозможно, такъ какъ кликуша на подобные вопросы во время припадка не отвѣчаетъ. Но на неожиданный уколъ булавкою, а особенно на ожогъ спичкой, реакція, особенно въ первый разъ, получается вполне отчетливая. Далѣе, однако, кликуша приспособляется и на повторныя довольно сильныя раздраженія уже не отвѣчаетъ. Мнѣ, думается, что кликуши чувствуютъ боль и вообще всякое кожное раздраженіе, реакцію же задерживаютъ искусственно.

Какъ на доказательство пониженной чувствительности у кликушъ во время припадка часто указываютъ на то, что онѣ бьются, не щадя себя, обо что попало. Если однако принять во вниманіе, что почти никогда при этихъ кажущихся столь сильными ударахъ не наблюдается соответствующихъ имъ поврежденій, то это заставитъ относиться къ этому мнѣнію съ извѣстною осторожностью.

Со стороны двигательной сферы, кромѣ отмѣченныхъ выше явленій, слѣдуетъ упомянуть, что кликуша во время припадка часто со всей силою бьетъ руками и ногами объ полъ, но движенія ея координированы и рассчитаны. Такъ, если подставить подъ удары свою руку, то она ясно избѣгаетъ ее, направляя свои удары мимо. Часто кликуша, не падая во время припадка, просто мечется и борется съ окружающимъ. Въ народѣ твердо укоренился обычай „держатъ“ кликушу во время припадка: нѣсколько сильныхъ мужчинъ набрасываются на нее и борются съ нею, удерживая ее. Здѣсь слѣдуетъ остановиться на одномъ признакѣ, приписываемомъ кликушамъ, равно какъ и средне-вѣковымъ демономанкамъ. Говорятъ, что кликуша во время припадка развиваетъ настолько чрезмѣрную мышечную силу, что нѣсколько сильныхъ мужчинъ не могутъ справиться со слабою женщиною. По моимъ наблюденіямъ, это не подтверждается. Если кликуша и развиваетъ нѣсколько большую силу во время припадка, чѣмъ обыкновенно, то это легко объясняется состояніемъ экстаза, въ которомъ она находится. Окружающіе же переоцѣниваютъ силу кликуши потому, что на нихъ дѣйствуетъ и производитъ впечатлѣніе самая картина припадка,

а во вторыхъ потому, что они не умѣютъ держать кликушу. Я безъ труда одинъ совершенно свободно удерживалъ всѣхъ кликушъ, бьющихся въ припадкѣ, и нахожу, что развиваемая ими сила во много разъ меньше той, которую развиваютъ, напр., эпилептики въ состояніи эпилептическаго буйства.

Замѣчательно и то, что кликуша во время припадка не дерется и не наноситъ вреда окружающимъ, за исключеніемъ сравнительно рѣдкихъ случаевъ, когда она бросается во время припадка на лицо, которому она приписываетъ свою порчу и наноситъ ему удары, царапаетъ, плюетъ, рветъ на немъ платье и проч. Въ этихъ случаяхъ дѣйствія ея вполне произвольны, цѣлесообразны и ими руководить выборъ.

Я уже говорилъ, что настоящихъ судорогъ, а особенно *opisthotonus'a* я у кликушъ не наблюдалъ, и мнѣ кажется, что авторы, описывающіе движенія кликушъ, какъ судороги, или недостаточно внимательно проанализировали ихъ, или называютъ ихъ такъ со словъ окружающихъ (см. ст. Геника Невр. Вѣст. 1898. 159 т. VI, вып. 4). Впрочемъ, возможно, что на ряду съ кликушескими, ими наблюдались настоящіе истерическіе припадки.

У кликушъ наблюдается еще цѣлый рядъ другихъ движеній, которыя правильнѣе всего отнести къ разряду насильственныхъ движеній, часто наблюдаемыхъ у душевно больныхъ. Сюда принадлежать всевозможные виды трясенія и дрожи. Иногда по цѣлымъ часамъ мнѣ приходилось наблюдать у кликушъ быстрыя ритмическія движенія, постояннаго темпа и ритма въ различныхъ мышцахъ и иногда съ довольно необычной локализацией; такъ, одна больная, лежа на животѣ по $\frac{1}{4}$ часа и больше, производила эти движенія мышцами спины и ягодиць. Движенія эти сходны съ тѣми, которыя можетъ произвести каждый, поставивъ согнутую въ колѣнѣ ногу на носокъ въ сидячемъ положеніи и производя быстрыя движенія.

Въ концѣ припадка часто замѣчается расслабленіе мускулатуры, что особенно часто наблюдается, если возвратъ къ нормѣ совершается черезъ состояніе простраціи или сна.

Параличей у кликушъ не встрѣчается, даже кратковременныхъ. Указаніе въ этомъ направленіи со стороны Геника личнымъ его наблюденіемъ не проверено и, если имѣло мѣсто, то относится къ чисто истерическимъ припадкамъ.

Рефлексы во время припадковъ никакихъ измѣненій не представляютъ: колѣнные, сухожильные и кожные рефлексы во все время припадка нормальны. Вазомоторные рефлексы также измѣняются слабо. Я уже упоминалъ, что цвѣтъ лица мало измѣняется, и наблюдаемый

иногда ціанозъ объясняется тѣмъ, что кликуша просто дуетъ и задерживаетъ дыханіе.

Въ народномъ убѣжденіи и въ описаніяхъ большинства авторовъ отмѣчается у кликушъ особое вздутіе живота, метеоризмъ, сопровождаемый потомъ обильнымъ отхожденіемъ газовъ. По отзывамъ свидѣтелей, животъ кликуши на глазахъ у всѣхъ раздувается, и сим-птомъ этотъ считается неопровержимымъ доказательствомъ, исключая-щимъ притворство.

По моимъ наблюденіямъ, признакъ этотъ далеко не такъ ясно выра-женъ, какъ на это указываютъ нѣкоторые изслѣдователи. Нужно имѣть въ виду, что метеоризмъ у деревенскихъ жителей, при ихъ способѣ пи-танія, явленіе слишкомъ заурядное, а потому нѣтъ ничего удивитель-наго въ томъ, если отхожденіе газовъ часто наблюдается при общемъ возбужденіи больной. У одной больной я наблюдалъ подробно меха-низмъ этого явленія, которое она производила искусственно: принявъ определенное положеніе тѣла, животомъ къ землѣ, она быстрыми дви-женіями наглатывала воздухъ и потомъ сразу выпускала газы въ видѣ громкой усиленной отрыжки и черезъ прямую кишку.

Отрыжка, икота, рвотныя движенія свойственны большинству при-падковъ.

Секреторная дѣятельность мало измѣняется: указанія на усиленное слюноотдѣленіе не подтверждаются, потоотдѣленіе бываетъ часто уси-лено, но и это усиленіе вполне соотвѣтствуетъ двигательному возбу-жденію.

Мочи изслѣдовать мнѣ не удалось, но я не нашелъ никакихъ данныхъ, которыя бы указывали на измѣненіе мочеотдѣленія въ зави-симости отъ припадковъ. Никогда во время припадковъ не бываетъ непроизвольнаго мочеиспусканія.

Вотъ перечень почти всѣхъ физическихъ симптомовъ, которыми выражается кликушный приступъ.

Со стороны душевной сферы прослѣдить кликушескій припадокъ гораздо труднѣе.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что сознаніе во время припадка не теряется.

Кликуша ориентирована во времени, въ пространствѣ и узнаетъ окружающихъ. Одна изъ главныхъ функций душевной жизни, предпо-лагающая непремѣнную наличность сознанія, — выборъ — у кликуши со-хранена.

Бѣснующаяся во время богослуженія кликуша слѣдитъ за ходомъ службы и сообразуетъ съ содержаніемъ молитвъ не только начало, но и конецъ припадка, она реагируетъ на заклинательныя молитвы и

сразу приходит тогда въ себя. Часто можно видѣть, какъ бѣснующуюся въ припадкѣ женщину насильно тащатъ къ причастію, какъ она отбивается, плюетъ и богохульствуетъ. Станнымъ образомъ два первые раза не удается дать кликушѣ причастіе, но на третій разъ она его съ усиленіемъ проглатываетъ и тогда совершается полное превращеніе: больная сразу приходитъ въ себя, хотя сохраняетъ измученный, томный видъ. Кликуша сознательна, потому что рассчитываетъ свои движенія, выбираетъ мѣсто, куда падаетъ, — выбираетъ и различаетъ окружающихъ лицъ, особенно когда бросается на мнимую колдунью. Она не наноситъ вреда окружающимъ. Часто во время самаго разгара припадка она ведетъ разговоръ отъ имени сидящаго въ ней бѣса въ 3-мъ лицѣ и отвѣчаетъ на предложенные вопросы. Во время припадка кликуша очень ловко оговариваетъ лицъ, противъ которыхъ она возбуждена.

Но насколько несомнѣнна у кликушъ во время припадка наличность сознанія, настолько правдива, повидимому, амнезія ихъ по отношенію къ припадку, когда онѣ приходятъ въ себя. Почти всѣ кликуши, придя въ себя, увѣряютъ, что ничего не помнятъ о бывшемъ съ ними и о томъ, что онѣ говорили или выкликали. Это увѣреніе сначала невольнo внушаетъ сомнѣніе, въ виду наличности сознанія, но оно настолько обще, и такъ искренно, что заставляетъ подробнѣе вдуматься въ него.

Больныя говорятъ, будто о томъ, что съ ними было и что онѣ кричали, онѣ узнаютъ отъ другихъ. При этомъ поражаетъ тотъ контрастъ, который замѣчается въ отношеніи больной къ лицу обвиняемому ею въ порчѣ во время и внѣ припадка. Тогда, какъ во время припадка она со злостью и остервененіемъ выкликаетъ его имя, въ свободный промежутокъ она говоритъ о немъ спокойно, разсудительно, добавляя, что она противъ него ничего не имѣетъ, а часто даже соболѣзнуя о немъ. Изложенныя ниже наблюденія надъ свойственнымъ кликушамъ сомнамбулизмомъ даютъ ключъ къ объясненію этой амнезіи, и я думаю, что отрицать ее и считать за притворство не слѣдуетъ.

Изъ другихъ душевныхъ явленій во время припадка, кромѣ свойственныхъ ему идей бѣсоодержимости нельзя указать ничего неправоулынаго.

Галлюцинацій у кликушъ не бываетъ, ни зрительныхъ, ни слуховыхъ, ни другихъ органовъ чувствъ. Бреда также нѣтъ, ибо идеи бѣсоодержимости слѣдуетъ отличать отъ настоящаго бреда, какъ плодъ суевѣрія и искренней вѣры, также свойственной кликушамъ и внѣ припадковъ.

Наоборотъ, многіе изъ симптомовъ кликушнаго припадка я отношу къ насильственнымъ дѣйствіямъ психическаго происхожденія, какъ-то: крикъ, копролалію и описанныя движенія.

Во все время припадка кликуша находится въ состояніи экстаза, чувства ея рѣзко изошрены, воспріятіе вѣшнихъ впечатлѣній необыкновенно быстрое, и этимъ, вѣроятно, объясняются рассказы объ невидѣннѣ кликушъ и ихъ способности предсказывать будущее.

Описанная здѣсь форма припадка, такъ сказать, типическая, но всѣ припадки далеко не укладываются въ однѣ и тѣ же рамки. У одной и той же кликуши припадки проявляются почти всегда въ той же самой формѣ, но у различныхъ больныхъ они выражаются не одинаково.

Здѣсь выступаетъ черта, имѣющая громадное значеніе для пониманія сущности кликушества, — это подражаніе и при томъ чисто патологическаго характера. Кликуша воспроизводитъ припадокъ въ той формѣ, въ какой она его видѣла у другихъ больныхъ, и затѣмъ уже повторяетъ его всегда въ одной и той же формѣ, до мельчайшихъ подробностей.

У нѣсколькихъ десятковъ кликушъ, которыхъ мнѣ пришлось наблюдать, у всѣхъ было извѣстное различіе въ проявленіи припадка. Всѣ описанныя выше явленія разнились по силѣ и продолжительности, а нѣкоторыя явленія совершенно выпадали.

Даже главный симптомъ „крикъ на голсса“ иногда выпадаетъ. Особенно это различіе въ проявленіи припадковъ выступаетъ въ эпидеміяхъ, когда нѣсколько кликушъ приходится наблюдать одновременно.

Не всѣ кликуши во время припадка выкликаютъ имя колдуна, не всѣ падаютъ, а движенія ихъ очень различны.

Очень частая форма, которая была рѣзко выражена у одной больной, состоитъ въ томъ, что больная молча падаетъ на землю, стремительно и неожиданно, и затѣмъ лежитъ, какъ бы въ глубокомъ обморокѣ, различное время. Ни малѣйшаго движенія и никакой реакціи на вѣшнія впечатлѣнія. Но отъ настоящаго обморока состояніе это стлчается тѣмъ, что пульсъ у кликуши прекрасный, дыханіе ровное, зрачки безъ измѣненій и вазомоторныхъ разстройствъ нѣтъ. Эта форма очень напоминаетъ тѣ притворные обмороки, которые такъ часто продѣлываются въ семействахъ интеллигентными дамами. На болевья раздраженія такіа больныя не реагируютъ.

Продолжительность кликушнаго припадка очень различна, отъ 10 мин. до нѣсколькихъ часовъ. Кончается припадокъ неодинаково: или больная сразу приходитъ въ себя, или, чаще, успокоившись послѣ

періода возбужденія, впадаетъ въ состояніе глубокой простраціи и, по словамъ окружающихъ, въ это время напоминаетъ бездыханный трупъ. Этотъ періодъ большею частью продолжается не долго, до $1/2$ часа, но иногда и значительно дольше. Просыпается кликуша довольно быстро и приходитъ въ себя не такъ, какъ эпилептикъ, сознание котораго проясняется постепенно. На вопросъ, что съ ней было, отвѣчаетъ, что ничего не помнить, и приходитъ въ свое обычное состояніе, въ которомъ и пребываетъ до появления слѣдующаго припадка.

Припадки кликушества повторяются и наступаютъ совершенно неправильно и различно у разныхъ больныхъ: отъ нѣсколькихъ разъ въ день и до одного раза въ годъ и рѣже. Въ общемъ частота припадковъ соотвѣтствуетъ тѣмъ поводамъ, которые ихъ вызываютъ.

Рѣдко кликушескіе припадки наступаютъ безъ всякаго повода. Обычно ихъ появленіе приурочивается къ опредѣленнымъ поводамъ и здѣсь на первомъ планѣ стоятъ всѣ церковныя богослуженія и религиозные обряды. Припадки случаются въ церкви, главнымъ образомъ, во время пѣнія Херувимской пѣсни или во время причастія. Многія кликуши, которыя не ходятъ изъ опасенія припадковъ въ церковь, впадаютъ въ состояніе припадка дома, какъ только заслышатъ звукъ церковнаго колокола.

Кликуша вообще не переноситъ ничего святаго и впадаетъ въ припадокъ, если дать ей святой воды. Въ другихъ случаяхъ, при нетерпимости къ табаку, она впадаетъ въ припадки, какъ только въ ея присутствіи закурятъ.

На второмъ планѣ, какъ поводъ, вызывающій у кликуши появленіе припадка, стоитъ все, что относится къ исторіи ея порчи. Она не можетъ ни видѣть, ни слышать имени мнимаго колдуна. При всякой случайной даже встрѣчѣ съ нимъ у ней появляется припадокъ и нерѣдко она въ неистовствѣ набрасывается на него.

Далѣе, всякая семейная непріятность, сильное волненіе, вызвъ въ присутственное мѣсто, прїездъ въ деревню начальствующихъ лицъ, — все это при случаѣ вызываетъ припадокъ.

Въ промежуткахъ между припадками, кликуша представляется относительно нормальною. Стойко остается „боязнь святостей“ и глубокое убѣжденіе ея въ томъ, что она испорчена. И то, и другое не есть, строго говоря, чистая патологія или бредъ, точно такъ-же, какъ и идеи бѣсоодержимости, а объясняется просто традиціоннымъ суевѣріемъ и искреннею вѣрою. По характеру кликуша раздражительна, замкнута, мало общительна.

Довольно важный вопросъ состоитъ въ томъ, свойственъ-ли истерическій характеръ настоящей кликушѣ. Насколько я могъ убѣдиться

при моихъ изслѣдованіяхъ, у кликуши нѣтъ чертъ свойственныхъ истеричнымъ. Правда, во время припадка кликуша театральничаетъ, сосредоточиваетъ на себѣ все вниманіе, она очень чувствительна къ жалости и состраданію со стороны другихъ, но дѣлаетъ она это, такъ сказать, не изъ любви къ искусству. Кликуша дѣйствительно страдаетъ и внѣ припадковъ. У кликуши нѣтъ эгоизма свойственного истеричнымъ; она, наоборотъ, кротка и терпѣлива. Кликуша въ періодъ свѣтлаго промежутка чужда лживости, хитрости и злости и этимъ она рѣзко отличается отъ истеричекъ. Сознаніе и всѣ душевные процессы нормальны.

Кликуша, однако, чувствуетъ себя тяжело больною, она тоскуетъ безпричинно и мучается тяжестью своей болѣзни. Энергія ея падаетъ, ничто ее не интересуетъ и она становится плохой работницей въ семьѣ. Изъ образцовой матери и жены она становится вялой хозяйкой и мало заботится объ интересахъ семьи. Хозяйство падаетъ, но больная относится къ этому пассивно.

Одна мысль и желаніе излеченія занимаетъ больную, и почти вся жизнь ея проходитъ въ странствованіяхъ по богомольямъ и монастырямъ, а всѣ деньги семьи уходятъ на расходы и подношенія монастырямъ.

Интересно, что большинство кликушъ вовсе не плохо упитанныя женщины, а нѣкоторыя изъ нихъ просто имѣютъ цвѣтущій видъ. Многія кликуши въ самый разгаръ болѣзни беременѣютъ, рожаютъ и кормятъ, и всѣ эти періоды не вліяютъ на болѣзнь.

Изъ физическихъ признаковъ—почти постоянная боль подъ ложечкой, *globus hystericus*, метеоризмъ; далѣе, субъективныя жалобы на различныя парестезіи въ видѣ онѣмѣнія и перебѣгающихъ болей. Ни головные нервы, ни чувствительная, ни двигательная, ни вазомоторная нервная система никакихъ уклоненій отъ нормы не представляетъ; не встрѣчается у кликушъ также и признаковъ вырожденія. Отсутствие этихъ расстройствъ рѣзко отличаетъ кликушъ отъ настоящихъ классическихъ истеричныхъ.

Въ несомнѣнной связи съ болѣзнию, а можетъ быть и какъ причинный моментъ, стоитъ половая дѣятельность кликушъ. То обстоятельство, что многія кликуши заболѣваютъ тотчасъ послѣ свадьбы, въ связи съ соціальными условіями русской жизни, когда крестьянскихъ дѣвушекъ выдаютъ замужъ часто совершенно не считаясь съ ихъ чувствомъ,—заставляетъ обратить вниманіе на эту сторону жизни. У очень многихъ кликушъ замѣчается неудовлетворенность половой жизни. Я видѣлъ двухъ кликушъ, у которыхъ болѣзнь развилась послѣ свадьбы, какъ результатъ малой половой способности мужа. Гораздо рѣже встрѣ-

чается полная половая депрессія и отсутствіе половой потребности у кликушъ. Ни у одной изъ ащепковскихъ кликушъ не было женскаго страданія половой сферы; также не удалось мнѣ констатировать она-низма и мастурбаціи. Интересно, что надавливаніе на яичникъ у кликушъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія ни на вызваніе, ни на прекращеніе припадка, какъ то имѣетъ мѣсто при истеріи.

Въ припадкахъ кликушъ нѣтъ также раздѣленія на періоды, свойственные истерическимъ; не обнаруживается также истерогенныхъ зовъ.

Любопытный фактъ отмѣченъ мною у ащепковскихъ кликушъ, и я не сомнѣваюсь въ его правдивости. Мѣсячныя вообще у кликушъ довольно правильны, но у нѣкоторыхъ изъ нихъ мѣсячныя страннымъ образомъ появляются каждый разъ въ большіе праздники, какъ только кликуша соберется въ церковь. По обычаю, во время менструацій женщины въ церковь не ходятъ, и подобное совпаданіе ужасно мучитъ бѣдныхъ кликушъ. При этомъ менструаціи появляются каждый разъ, не смотря на то, что они недавно передъ тѣмъ кончились, и вообще всегда протекаютъ правильно.

Если резюмировать и проанализировать всѣ полученныя и изложенныя до сихъ поръ данныя, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что ни во время припадка, ни во время свѣтлаго промежутка у кликушъ нѣтъ ни единого *объективнаго* признака, который позволялъ бы различать дѣйствительные припадки отъ притворныхъ. Въ кликушномъ припадкѣ нѣтъ ни единого признака, который бы не могъ быть произведенъ искусственно, и поэтому установить патогномическіе признаки для кликушъ вообще и для ихъ припадковъ въ частности невозможно.

Уже здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что хотя картина кликушества имѣетъ очень много чертъ, свойственныхъ истеріи, но въ общемъ кликуши рѣзко отличаются отъ истеричныхъ.

Первое и основное различіе то, что всѣ тѣ явленія, въ которыхъ не усматривается органическихъ измѣненій въ сферѣ чувствительной, двигательной и рефлекторной, особенно же со стороны зрачковъ и вазомоторовъ, которыя въ настоящее время очень склонны относить къ истеріи, совершенно отсутствуютъ у кликушъ. Рядъ измѣненій въ формѣ типичныхъ анестезій у кликушъ не наблюдается, — нѣкоторые же общіе симптомы въ формѣ чувства ползанья мурашекъ, *globus hystericus*, стрѣляющихъ болей перебѣгающаго характера, слишкомъ недостаточны для того, чтобы на основаніи ихъ діагносцировать истерію. Я очень подробно изслѣдовалъ отправления головныхъ нервовъ у кликушъ и утверждаю, что у нихъ нѣтъ измѣненія ни въ зрачкахъ, ни въ полѣ зрѣнія (изслѣдовано при помощи периметра д-ра Asch'a), ни въ цвѣтоощущеніи.

Со стороны душевной сферы, по моему мнѣнію эта разница между истеріей и кликушествомъ еще больше. При такъ называемой малой истеріи главныя измѣненія психики заключаются въ неустойчивомъ, неуравновѣшенномъ характерѣ, капризахъ и раздражительности. Ничего подобнаго у кликушъ нѣтъ, какъ уже указано выше. Явленій же большой истеріи въ формѣ бреда и галлюцинацій у кликушъ совершенно не наблюдается. Наоборотъ, основной симптомъ кликушества, такъ называемый *боязнь святостей*, которымъ опредѣляется вся картина болѣзни, — есть видъ *obsession* — навязчиваго, стойкаго состоянія — вовсе несвойственнаго истеріи. Эмоціональная сторона этого состоянія относится къ состоянію патолобїи, гораздо болѣе свойственной нейрастеніи и многимъ душевнымъ болѣзнямъ. Нѣкоторые поступки и дѣйствія кликушъ суть настоящія импульсивныя дѣйствія, какъ то: копролалія, богохульствованіе, избіеніе иконъ и мнимыхъ колдуновъ. У истеричныхъ воля слаба и неустойчива, у кликушъ же она извращена. Истеричная не страдаетъ, а отчасти наслаждается своимъ состояніемъ, кликуша же дѣйствительно страдаетъ.

Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что обѣ формы принадлежать къ одной общей группѣ функціональныхъ психо-нейрозовъ, чего, по моему мнѣнію, совершенно недостаточно для того, чтобы ихъ отождествлять.

Есть, однако, одно обстоятельство, которое помогло бы пролить свѣтъ на сущность и происхожденіе кликушества. Я уже упомянулъ о томъ, что огромное большинство настоящихъ кликушъ утверждаютъ, будто ничего не помнятъ о своихъ припадкахъ, и подтверждаютъ эту амнезію такъ правдиво, что трудно допустить столь искреннюю ложь.

Это единственное обстоятельство, которое наводило на мысль о томъ, что всѣ явленія, свойственныя кликушамъ, могли продѣлываться ими, какъ результатъ патологическаго притворства на почвѣ внушенія или самовнушенія.

Съ этою цѣлью я прибѣгъ къ помощи гипноза, имѣя въ виду выяснить воспримчивость кликушъ къ внушенію.

Результаты первыхъ же попытокъ оказались настолько рѣзкими, а дальнѣйшіе результаты настолько убѣдительны, что заставили меня совершенно иначе взглянуть на сущность кликушества, чѣмъ это позволялъ простой анализъ клинической картины.

Я попытаюсь резюмировать здѣсь всѣ, полученные мною данныя, и на основаніи ихъ бросить взглядъ на сущность кликушества.

Съ перваго же моего опыта оказалось, что кликуши необыкновенно легко впадаютъ въ состояніе гипноза. Долженъ особенно отмѣтить, что обстановка моихъ изслѣдованій, сдѣланная въ присутствіи

какъ врача, такъ и многихъ интеллигентныхъ лицъ, была далеко необычная. Въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца я повторно гипнотизировалъ десятки кликушъ въ завимаемой мною избѣ, безъ того, чтобы онѣ имѣли понятіе о томъ, что съ ними происходитъ. Едва ли нужно говорить, что въ глуши Гжатскаго уѣзда деревенскія женщины не имѣли никакого понятія о гипнотизмѣ и вызываемыхъ имъ явленіяхъ, и потому не могли ихъ симулировать. Очень любопытно было, что до моего отъѣзда, а, вѣроятно, и понынѣ, кликуши не знали, что съ ними происходило, и ничего не помнили, проснувшись, о томъ, какъ онѣ спали.

Долженъ еще оговориться, что я лично не причисляю себя къ слишкомъ большимъ поклонникамъ внушенія вообще, а въ вопросахъ гипнологіи, до видѣннаго мною у смоленскихъ кликушъ, придерживался болѣе или менѣе взглядовъ нансійской школы, а потому я не склоненъ подозрѣвать себя въ излишнемъ увлеченіи при одѣнкѣ видѣннаго мною.

Съ первыхъ же опытовъ, повторяю, я убѣдился, что достаточно было краткаго словеснаго внушенія для того, чтобы кликуша необыкновенно быстро впала въ состояніе гипноза съ перваго же раза. Въ простой деревенской избѣ, вдвоемъ съ кликушею, а впоследствии при многочисленной аудиторіи, я усаживалъ кликушу покойно на лавкѣ и самымъ обыкновеннымъ голосомъ объявлялъ ей, что она заснетъ, какъ только я досчитаю до опредѣленнаго числа. Часто я закрывалъ ей прямо глаза, слегка надавливая на глазные яблоки, и говорилъ „спи“, — тогда кликуша засыпала моментально. Вообще кликушу можно усыпить любымъ изъ употребляемыхъ для этого приемовъ, безъ малѣйшаго участія въ томъ личнаго усилія гипнотизирующаго. Въ среднемъ всѣ кликуши засыпаютъ отъ 1—10 секундъ. Наступающій сонъ покойный, ровный и глубокой и сходенъ съ обычнымъ, такъ называемымъ „внушеннымъ сномъ“.

Переходя къ дальнѣйшимъ наблюденіямъ надъ загипнотизированными, я тотчасъ же обнаружилъ всѣ тѣ явленія, которыя въ послѣднее время такъ хорошо изучены и описаны. Немедленно, подъ вліяніемъ внушенія, получалась полная анестезія, каталептическое состояніе, всевозможныя внушенныя постгипнотическія дѣйствія и проч.

Но уже съ первыхъ опытовъ обратили на себя вниманіе нѣкоторыя особенности, замѣченныя мною у кликушъ и заставившія меня обратить при своихъ опытахъ на нихъ особенное вниманіе.

Прежде всего выяснилось, что для очень многихъ кликушъ совершенно нѣтъ надобности дѣлать внушеніе сна. Достаточно съ перваго же раза совершенно непредупрежденную о томъ кликушу поса-

дять покойно и, закрывъ ей вѣки, надавить пальцами глаза: гипнотическое состояніе наступаетъ моментально. Никакой разницы въ теченіи дальнѣйшихъ явленій,—вызванъ ли сонъ внушеніемъ или описаннымъ пріемомъ,—не замѣчается. Я совершенно отрицаю возможность здѣсь безсловеснаго внушенія, ибо опытные кликуши не видали другихъ спящими и не слышали объ этомъ отъ другихъ, такъ что, садясь за опытъ, онѣ не могли имѣть въ виду, что ихъ заставятъ спать.

Разъ заснувъ, кликуша оставалась въ этомъ состояніи неопредѣленно долгое время, и мнѣ не приходилось наблюдать случаевъ самопроизвольнаго пробужденія.

Заснувъ, кликуша сохраняетъ сидячее положеніе, въ которомъ я ее гипнотизировалъ, лишь плечи приклоняется къ спинкѣ сидѣнія, конечности расслабляются и принимаютъ, сообразно ихъ тяжести, покойное положеніе: голова обыкновенно свѣшивается на грудь, дыханіе ровное и глубокое, пульсъ въ предѣлахъ нормы. Вообще вся мускулатура совершенно расслаблена. Если въ это время изслѣдовать чувствительность кожи, то обнаруживается полная анестезія по отношенію къ тактильной, болевой и температурной чувствительности. Въ первыхъ опытахъ я внушалъ эту анестезію, но далѣе я убѣдился, что она наступаетъ сама по себѣ и что внушать ее совершенно нѣтъ надобности. Анестезія наступаетъ самостоятельно, безъ всякаго внушенія, и настолько полная, что кликуша не чувствуетъ очень сильныхъ ожоговъ. Любопытно, что въ случаѣ сильнаго ожога, отъ котораго у кликуши выступилъ большой пузырь, а потомъ и язва,—больная во всѣ послѣдующіе дни совершенно не чувствовала боли и не знала происхожденія ожога, несмотря на то, что никакого внушенія ей не было сдѣлано ни относительно анестезіи, ни относительно амнезії. Анестезія наблюдалась у кликушъ, которымъ ни разу не дѣлалось о томъ внушенія, и сохранялась во все время, пока кликуша находилась въ состояніи гипноза.

Второе явленіе, наблюдаемое у кликушъ, развивающееся одновременно съ первымъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Какъ сказано выше, у загипнотизированной кликуши всѣ члены расслаблены. Приподнятая рука свободно и всею тяжестью падаетъ обратно и никакого сопротивленія при этомъ не замѣчается. Но если приподнять вверхъ руку кликуши и, подержавъ короткое время, оставить ее, то она сохраняетъ приданное ей положеніе, такъ называемое статуе-образное положеніе. Подобное каталептоидное состояніе вызывается чрезвычайно легко внушеніемъ, и его можно получить у cadaго загипнотизированнаго субъекта, но у кликушъ оно получалось безъ всякаго и, я думаю, даже безъ „безсловеснаго“ внушенія. Я не могъ прослѣдить здѣсь разницы между каталептическимъ состояніемъ и каталептоиднымъ. У

кликнуть встрѣчались оба состоянія и безъ всякой правильности. У однихъ конечности передвигались безъ малѣйшаго сопротивленія съ совершенною легкостью, и каждый разъ застывали въ томъ положеніи, въ какомъ ихъ бросали, тогда какъ въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, при пассивныхъ измѣненіяхъ положеній, ясно ощущалась нѣкоторая ригидность и наблюдалась *flexibilitas cerea*.

Рефлексы во все время гипноза у всехъ кликушъ измѣненій не представляли и были сохранены все время.

Состояніе катаlepsii удавалось вызвать безъ внушенія, но это единственное явленіе со стороны нервно-мышечнаго прибора, вызванное мною у кликушъ безъ внушенія. Катаlepsioидное состояніе члена сохранялось у кликушъ неопредѣленно долгое время и вліяніе мышечнаго утомленія было ничтожное.

Далѣе слѣдовали всѣ явленія, свойственныя гипнозу, но вызывались онѣ внушеніемъ. Удавалось внушать параличи, судороги, контрактуры, неподвижность членовъ, съ большимъ развитіемъ при этомъ мышечной силы и проч. Но здѣсь все совершалось обычно и не отличалось отъ того, что свойственно и не кликушамъ. Всѣ эти внушенія были дѣйствительны и въ постгипнотическомъ состояніи.

Повышенной механической возбудимости мышцъ мнѣ не удавалось наблюдать ни въ одномъ періодѣ у изслѣдованныхъ кликушъ.

Точно также рефлексы у всехъ изслѣдованныхъ кликушъ не измѣнялись, и ни разу не удалось замѣтить ихъ исчезновенія.

При изслѣдованіи кликушъ, мнѣ не удалось разграничить, согласно указаніямъ Шарко и его учениковъ, катаlepsio отъ катаlepsioиднаго состоянія. Хотя встрѣчались случаи, гдѣ, на ряду съ сохраненіемъ конечностью приданнаго ей положенія, наблюдалась совершенная легкость и гибкость съ отсутствіемъ всякаго оцѣпененія, сопротивленія и ригидности, но ни разу не замѣчалось отсутствія сухожильныхъ рефлексовъ. У другихъ кликушъ, также безъ всякаго внушенія, получалась катаlepsio съ оцѣпененіемъ (*flexibilitas cerea*), которую Шарко и его ученики считаютъ катаlepsioиднымъ состояніемъ, свойственнымъ летаргическому и сомнамбулическому періодамъ гипнотическаго сна у истеричныхъ. Вопреки чистой катаlepsio, мои кликуши держали глаза постоянно закрытыми, а при открываніи ихъ быстро просыпались. Такимъ образомъ, чистой формы гипнотической катаlepsio я у кликушъ не наблюдалъ.

Что касается до такъ-называемой летаргической фазы, то въ чистомъ классическомъ видѣ у кликушъ она также не наблюдалась. У нихъ наблюдалась полная анестезія, выступавшая также безъ всякаго предварительнаго внушенія, наблюдалось расслабленіе членовъ, но

главный симптомъ—повышеніе нервно-мышечной возбудимости—отсутствовало

Ближе всего отвѣчали явленія, наблюдавшіяся мною у кликушъ, тому виду гипнотическаго сна, который Шарко называетъ сомнамбулическимъ. Состояніе это наступало у кликушъ всегда въ одной и той же формѣ независимо отъ приѣма, которымъ достигалось усыпленіе. При наступленіи гипноза у нѣкоторыхъ кликушъ были вздрагиванія (эпилептоидныя явленія по Реше), но пѣны у рта не наблюдалось. Рѣдко при гипнотизаціи развивался кликушескій припадокъ, который, при дальнѣйшемъ ходѣ опыта, прекращался вмѣстѣ съ наступленіемъ сна. Глаза обыкновенно были закрыты. Полная анестезія наступала сразу, но слухъ былъ сохраненъ, такъ какъ кликуша была въ этомъ состояніи очень воспримчива къ внушенію и понимала и выполняла все, что ее заставляли дѣлать. Рефлексы были нормальны, а повышенной мышечной возбудимости не замѣчалось.

Вызвать давленіемъ на глазные яблоки переходъ въ летаргическое состояніе или путемъ раскрытія глазъ въ каталептическое—мнѣ не удалось.

Здѣсь я долженъ обратить вниманіе на очень странное обстоятельство, наблюдавшееся у всѣхъ изслѣдованныхъ кликушъ и которое, однако, не соответствуетъ указаніямъ другихъ изслѣдователей. Ни одна изъ кликушъ совершенно не отвѣчала на предлагаемыя вопросы и ни отъ одной изъ нихъ не удалось добиться ни одного слова. Не удавалось это и при усиленныхъ внушеніяхъ и приказаніяхъ, тогда какъ всѣ постгипнотическія внушенія въ формѣ различныхъ поступковъ выполнялись въ совершенствѣ.

Это тѣмъ болѣе странно, что во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ у кликушъ вполне подтверждается указаніе Шарко и его школы, относительно значенія личности экспериментатора. Какъ и у типичныхъ сомнамбуль. кликуши—„рабыни воли другого, настоящія слуги экспериментатора“. Ихъ автоматизмъ—„актъ рабства и повиновенія“. Всѣ явленія у загипнотизированныхъ кликушъ удавалось вызвать лишь мнѣ одному, попытки же присутствовавшего товарища, доктора Н. И. Преображенскаго, оказались безрезультатными, равно какъ и попытки нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Это тѣмъ болѣе странно, что я ни разу не дѣлалъ въ этомъ смыслѣ внушенія ни одной изъ кликушъ. Обстоятельство это очень рельефно выступало даже при безсловесныхъ дѣйствіяхъ: такъ, я могъ, подойдя къ загипнотизированной кликушѣ, придать ей любое положеніе конечности и она, въ силу имѣющагося каталептоиднаго состоянія, сохраняла его. Но, если это дѣлало дру-

гое лицо, кликуша не исполняла описаннаго. Обычныя внушенія контрактуръ съ сильно выраженной мышечною силою удавались у кликушъ въ совершенствѣ.

Переходя къ явленіямъ внушенія, наблюдаемымъ у кликушъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ виду того, что всѣ онѣ не отвѣчали на вопросы во время гипноза, не удавались нѣкоторыя внушенія галлюцинацій во время самаго гипноза. Но всѣ постгипнотическія внушенія удавались въ совершенствѣ: всякія анестезіи, параличи, судороги, контрактуры послѣ просыпанія изъ гипнотическаго сна исполнялись въ точности. Всѣ поступки, довольно сложныя, выполнялись неизмѣнно.

Слѣдуетъ, однако, остановиться на опытахъ съ внушеніемъ преступленій, которые не удались,—это явленіе также интересно въ смыслѣ дифференцірованія притворства кликушъ. Одной изъ больныхъ было внушено, проснувшись, украсть яйца, лежавшія на столѣ въ комнатѣ. Добродушная религіозная старушка, проснувшись, выполнила всѣ другія внушенія, но осталась непреклонною по отношенію къ воровству и ограничилась довольно продолжительнымъ взглядомъ на соблазнительный предметъ: лицо даже не выразило борьбы и сомнѣнія. Одинъ изъ опытовъ съ другою кликушею былъ еще интереснѣе. Въ присутствіи довольно многочисленной аудиторіи она нѣсколько разъ выполнила рядъ внушеній, направленныхъ по адресу присутствовавшаго студента, г. К. Она, проснувшись, поцѣловала его, потомъ сильно ударила, но когда я, давъ ей въ руки карандашъ, внушилъ ей, что это ножъ и заставилъ, проснувшись, заколотъ г. К., то она послѣ нѣкотораго колебанія рѣшительными шагами направилась къ нему, но, пройдя 3—4 шага, внезапно упала въ обморокъ.

Здѣсь выяснилось, что кликуши, не дѣлающія различія между лабораторными и настоящими преступленіями, обладаютъ настолько сильнымъ противодѣйствіемъ, что въ этомъ отношеніи внушеніе оказывается безсильнымъ.

Особенно интересны у кликушъ такъ называемыя отрицательныя галлюцинаціи, которыя удаются у нихъ въ совершенствѣ. Крестьянской женщиной, никогда не слыхавшей о гипнозѣ, внушается, что, проснувшись, она не будетъ видѣть даннаго лица и не будетъ слышать того, что оно ей скажетъ. Внушеніе выполняется въ еще большихъ предѣлахъ: кликуша не только не слышитъ и не видитъ, но не ощущаетъ сказаннаго лица, ощупывая его тщательно руками. Если это лицо ставеть поперекъ дороги кликуши, она его будетъ ощупывать, говоря, что ей что-то мѣшаетъ пройти, но тутъ же будетъ говорить, что она ничего не видитъ и что впереди ея никого нѣтъ.

Любопытно, что она не видит не только лица, о котором ей было сдѣлано внушеніе, но не видит и тѣхъ предметовъ, которые оно держитъ въ рукахъ. Какъ только предметъ будетъ взятъ въ руки другимъ лицомъ, онъ ставится видимъ для кликуши, какъ будто бы на него то надѣвали, то снимали шапку невидимку. Лицо, не воспринимаемое кликушею, можетъ подойти и толкнуть ее, или ударить, и она этого не ощущаетъ.

Слѣдуетъ упомянуть, что у двухъ изъ изслѣдованныхъ кликушъ, которыхъ я впервые гипнотизировалъ внушеніемъ во время сильныхъ припадковъ кликушества, мнѣ не удалось добиться сна, вслѣдствіе сильного съ ихъ стороны противодѣйствія и отказа спать; но у нихъ здѣсь же удалось вызвать отрицательную галлюцинацію (кликуша не видѣла стоящаго подлѣ нея мужа), а у другой—неспособность поднять вѣки и параличъ рукъ.

Въ виду указанія кликушъ на то, что у нихъ во время праздниковъ появляются менструаціи при попыткахъ идти въ церковь, я пробовалъ внушить имъ появленіе менструацій, — однако, безуспѣшно.

У всѣхъ кликушъ послѣ гипнотическаго сна наступала полная амнезія, при томъ совершенно безъ всякаго внушенія. Выпадаетъ изъ памяти не только самый періодъ сна, но и самый фактъ сна. Кликуша утверждала, что съ ней ровно ничего не было, и не помнила даже, что ее усыпляли. Эта амнезія совершенно тождественна съ тою, которая наблюдается у кликушъ по отношенію къ ихъ припадкамъ и даетъ основаніе думать, что во время кликушнаго припадка кликуша находится въ сомнамбулическомъ состояніи.

Самое просыпаніе у кликушъ происходитъ чрезвычайно легко и для этого опять-таки не нужно внушенія: достаточно слегка дунуть кликушѣ въ лицо—пріемъ, значеніе котораго не могло ей быть извѣстно заранее.

Сеансъ гипноза не проходитъ для кликушъ безслѣдно: онѣ чувствуютъ себя послѣ него 1—2 дня очень разбитыми, слабыми, а нерѣдко появляется головная боль. Эти явленія въ дальнѣйшемъ проходятъ сами собою и никакого вреднаго дѣйствія гипноза на кликушъ я не замѣчалъ.

Примѣненіе гипноза къ кликушамъ съ лечебною цѣлью дало довольно неожиданные для меня и очень рѣзкіе результаты.

Достаточно было одного внушенія во время гипноза, чтобы кликуша буквально переродилась. Пришедшая на сеансъ кликуша, угнетенная, страдающая съ многочисленными субъективными симптомами въ видѣ боли въ животѣ, въ конечностяхъ, съ рѣзкою боязнью свято-стей, а нерѣдко тутъ же выпадающая въ кликушный припадокъ, — послѣ

гипноза сразу преображалась. Всѣ субъективныя ощущенія, а особенно болѣзненность живота, сразу исчезали, настроеніе духа рѣзко мѣняется, и кликуша чувствуетъ себя здоровою. Сразу исчезаетъ боязнь свято-стей, и кликуша можетъ пить святую воду, держать въ рукахъ икону, просфору и проч. Въ тѣхъ случаяхъ, когда кликуша не переноситъ вида или имени лица, которое она обвиняетъ въ порчѣ, послѣ гипноза она спокойно переноситъ присутствіе колдуньи и даже говоритъ съ нею.

Если загипнотизировать кликушу во время припадка, то внушеніемъ удается купировать каждый припадокъ, и дѣйствіе въ этихъ случаяхъ настолько быстрое, что достаточно бываетъ $\frac{1}{2}$ —1—2 минутъ.

Что касается продолжительности терапевтическаго дѣйствія, то, нужно думать, оно весьма стойко. Послѣ одного сеанса, кликуша, больная уже нѣсколько лѣтъ, вполне поправляется и, наблюдая нѣсколько такихъ женщинъ въ теченіе 3-хъ недѣль, я не замѣчалъ возврата прежнихъ явленій.

Труднѣе обстоитъ дѣло при развитіи эпидемій кликушества. Въ изслѣдованной мною эпидеміи въ дер. Ащепковѣ—всѣ кликуши, кромя притворныхъ и настоящихъ истеричныхъ, легко поддавались гипнозу, и терапевтическое дѣйствіе его было несомнѣнно.

Но въ виду господствовавшего въ населеніи волненія и общаго возбужденія, вслѣдствіе суевѣрной окраски, приданной народнымъ убѣжденіемъ всей исторіи, сильно выступало значеніе противовнушенія со стороны окружающихъ, убѣжденныхъ въ бессиліи доктора противъ кликушной болѣзни и усиленно пророчившихъ возвратъ у кликушъ припадковъ. На дѣлѣ приходилось гипнотизировать кликушъ повторно, и, тѣмъ не менѣе, когда, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ деревни, въ присутствіи администраціи былъ отслуженъ молебенъ,—5 изъ 13 присутствовавшихъ кликушъ снова впади въ припадки. Нужно правду сказать, что это были именно тѣ, у которыхъ рѣзче была выражена примѣсь притворства,—во всякомъ случаѣ здѣсь противовнушеніе оказалось сильнѣе и болѣзнь снова проявилась.

Если мы обратимъ вниманіе на данныя, полученныя у кликушъ при помощи гипноза, то нужно будетъ признать здѣсь наличность большинства тѣхъ явленій, которыя констатированы школою Шарко у истеричныхъ.

Подъ вліяніемъ гипноза у кликушъ развивается особенное состояніе, которое, по моему мнѣнію, нельзя трактовать, какъ разновидность обыкновеннаго сна, и которое ближе всего подходитъ къ сомнамбулическому состоянію, согласно описанію Шарко. Какъ самое это состояніе, такъ и большинство описанныхъ симптомовъ наступаютъ безъ всякаго участія внушенія и представляются настолько общими для

всѣхъ кликушъ, что думать о подражаніи или симуляціи не представляется возможнымъ. Нѣкоторыя особенности, наблюдавшіяся у изслѣдованныхъ кликушъ, какъ напр. упорное молчаніе на вопросы въ періодъ сомнамбулическаго сна, — не настолько существенны, чтобы рѣзко различать это состояніе отъ сомнамбулизма Шарко.

Рядъ описанныхъ выше явленій со стороны нервной и душевной сферы настолько сложенъ и въ данномъ случаѣ, по моему мнѣнію, не можетъ быть объясненъ, согласно Бернгейму, влияніемъ внушенія, — почему слѣдуетъ допустить наличность особаго состоянія сомнамбулизма, независимаго отъ внушенія, все равно назовемъ ли мы его ней-розомъ или нѣтъ.

Состояніе сомнамбулизма (Шарко) вообще характеризуется очень легкою внушаемостью, и это вполне ясно обнаруживалось и у кликушъ. Но повышенная внушаемость у кликушъ, по моему мнѣнію, не есть главная черта сомнамбулизма, а явленіе вторичное, развивающееся на почвѣ сомнамбулизма.

Что упомянутое состояніе не есть обычное для всѣхъ людей, — доказывается тѣмъ, что изъ многихъ лицъ, изслѣдованныхъ мною на мѣстѣ при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, — описанныя явленія получились только у кликушъ.

Интересно, что притворныя кликуши и настоящія истеричныя (причислявшія себя къ кликушамъ и пріурочивавшія свою болѣзнь къ порчѣ) совершенно не поддавались гипнозу.

Крайне интересное явленіе у кликушъ, описанное подробно выше представляетъ обнаруженное у нихъ въ періодъ глубокаго сомнамбулизма ясновидѣніе. Оно свойственно лишь нѣкоторымъ кликушамъ и съ ослабленіемъ сна исчезаетъ. Состоитъ оно въ томъ, что кликуша съ закрытыми глазами исполняетъ требуемыя движенія, беретъ и отыскиваетъ требуемые предметы, словно она ихъ видитъ. Она называетъ предметы, находящіеся внѣ ея поля зрѣнія, и обладаетъ способностью читать мысли экспериментатора.

Всѣ эти явленія, по моему мнѣнію, нельзя объяснить гиперестезіей органовъ чувствъ, которую при томъ не удалось констатировать экспериментально. Я думаю, что упомянутыя выше явленія такъ-же, какъ подтвержденный моими наблюденіями фактъ способности кликуши различать святую воду, — объясняются чтеніемъ мыслей. Процессъ этотъ состоитъ въ томъ, что при условіи нахождения кликуши въ состояніи сомнамбулизма, въ ея мозгу воспроизводятся или индуцируются тѣ представленія, которыя усиленъ воли экспериментатора напряженно вызываются въ его душѣ.

Процессъ индукціи психическихъ явленій я представляю себѣ аналогичнымъ индукціи электрическаго тока. Процессъ этотъ не нуждается,

вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, въ проводникахъ или посредничествѣ мускульныхъ движеній и можетъ передаваться на значительномъ разстояніи.

Труднѣе провѣрить и вообще вѣрить въ многочисленные рассказы о способности кликушъ предсказывать будущее. До сихъ поръ нѣтъ въ наукѣ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы себѣ представить возможность подобнаго явленія. Я не говорю о томъ, что бессознательно, а также и въ состояніи сомнамбулизма, можно предвидѣть на основаніи имѣющихся представленій исходъ и рѣшеніе какого либо стеченія обстоятельствъ. Въ данномъ случаѣ происходитъ простое разсужденіе по правиламъ умозаключеній, но способность предсказанія какого-нибудь событія во времени, съ точнымъ обозначеніемъ момента, — до сихъ поръ остается внѣ области науки.

На основаніи своего изслѣдованія, я думаю, что жертвами кликушества стали именно тѣ женщины, которыя сами по себѣ были сомнамбулами.

Сомнамбулизмъ является тою почвою, на которой развивается кликушество, вся же внѣшняя картина кликушества является результатомъ бытовыхъ, соціальныхъ условій и суевѣрнаго міровоззрѣнія народа. Картина кликушества хорошо извѣстна деревенскимъ жителямъ великорусскихъ губерній, но для проявленія кликушества нужно, чтобы женщина подъ влияніемъ ли чувства религіознаго экстаза, или суевѣрнаго страха, впадала въ состояніе сомнамбулизма, и тогда она въ припадкѣ болѣзненнаго подражанія продѣлываетъ все то, что она раньше видѣла у другихъ. Самый припадокъ является результатомъ самовнушенія на почвѣ сомнамбулизма.

Поэтому кликушество слѣдуетъ разсматривать скорѣе какъ бытовое явленіе русской народной жизни, чѣмъ какъ болѣзнь. Вся внѣшняя картина кликушества и все его соціальное значеніе опредѣляются народными суевѣрїями и его міровоззрѣніемъ. Не будь этихъ условій, скрытыя сомнамбулы не проявили бы этого состоянія, и болѣзнь бы не вылилась въ эту форму не то болѣзни, не то бытоваго явленія, именуемаго кликушествомъ.

Итакъ, сомнамбулизмъ есть та почва, на которой развивается кликушество, вся же внѣшняя картина этого явленія является результатомъ бытовыхъ условій народной жизни и міровоззрѣнія народа.

Слѣдуетъ строго различать настоящихъ кликушъ отъ другихъ, часто смѣшиваемыхъ съ ними.

Всѣхъ видѣнныхъ и изслѣдованныхъ мною кликушъ я раздѣляю на 3 группы.

Прежде всего несомнѣнно, что кликушество въ деревенской жизни часто становится орудіемъ мести и средствомъ для сведенія личныхъ

счетовъ, а потому большое число отдѣльныхъ кликушъ ($\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$) притворныхъ. Уже съ XVI вѣка обвиненію со стороны кликушъ разныхъ лицъ въ порчѣ придавалось значеніе и обвиняемые подлежали преслѣдованію со стороны властей и нерѣдко присуждались къ казни. Въ послѣднее столѣтіе мнимые колдуны рѣдко преслѣдуются на Руси властями, но далеко не рѣдко становятся жертвою расправы со стороны суевѣрнаго населенія, и хроника русской жизни изобилуетъ случаями избіенія и сожженія колдуновъ, обвиняемыхъ кликушами въ порчѣ.

Часто обиженная кѣмъ либо женщина, затаивъ на время въ душѣ своей чувство мести, при случаѣ притворяется кликушкой и во время припадка оговариваетъ своего недруга въ порчѣ. Въ силу народнаго міровоззрѣнія, обвиненіе это иногда становится роковымъ для обвиняемаго. Отличить притворныхъ кликушъ отъ настоящихъ не легко. Единственный объективный, относительно, признакъ это отсутствіе всякой анестезіи, которая свойственна кликушамъ во время сомнамбулическаго состоянія. Однако, какъ упомянуто выше, и у кликушъ анестезія не всегда бываетъ полная во время припадка. Легче помогаетъ распознаванію вся клиническая картина болѣзни и особенно характеръ кликушъ, который трудно поддѣлать. Важное различіе обнаруживается со стороны притворныхъ и настоящихъ кликушъ въ отношеніи къ гипнозу. Тогда какъ кликуши въ состояніи гипноза становятся типичными сомнамбулами, притворныя почти совершенно не поддаются гипнозу, а если поддаются, то получаютъ лишь всѣ тѣ явленія, которыя относятся къ вліянію внушенія. Надо замѣтить, что въ эпидеміяхъ кликушества, притворщицами обычно бываютъ первыя кликуши, заболѣвшія же впослѣдствіи обычно настоящія кликуши сомнамбулы, хотя при развитіи эпидемій кликушества имъ въ деревнѣ пользуются широко для сведенія личныхъ счетовъ.

Вторая группа больныхъ, которыхъ слѣдуетъ отличать отъ настоящихъ кликушъ,—это истеричныя.

Между кликушами попадаютъ и настоящія истеричныя, но у нихъ, кромѣ нѣкоторыхъ чертъ, свойственныхъ кликушамъ, имѣются на лицо всѣ классическіе признаки истеріи, да и кликушество у нихъ выражено далеко не въ типичной формѣ. Боязнь святостей и всѣ навязчивыя состоянія выступаютъ слабѣе, во время припадковъ истеричная не кричитъ на голоса и не выкликаетъ имени испортившаго ее.

Какъ уже упомянуто выше, главная черта кликушества—внушенныя навязчивыя идеи и состоянія (obsession), которыя далеко не въ той мѣрѣ свойственны истеричнымъ.

Тѣ кликуши,—истерички, которыхъ видѣлъ я,—гипнозу не поддавались, и сомнамбулизма у нихъ не наступало.

Хотя не подлежит сомнѣнію, что оба состоянія—истерія и кликушество—очень родственны между собою, но, на мой взглядъ, не слѣдуетъ отождествлять обѣ болѣзни. Общее для нихъ то, что мы ровно ничего не знаемъ о ихъ сущности и патогенезѣ, но я сильно протестую противъ замѣченной въ послѣднее время въ невропатологіи тенденціи расширить чрезмѣрно границы истеріи и относить въ эту группу все то, что не имѣетъ органическаго происхожденія, такъ называемыя функціональныя явленія.

Истерія есть неврозъ, выражающійся цѣлымъ симптомокомплексомъ со стороны нервной и душевной сферы. Для діагноза истеріи, по моему мнѣнію, необходимы наличность цѣлага ряда физическихъ признаковъ въ видѣ разстройствъ чувствительности, рефлексовъ и двигательной сферъ, —необходимы измѣненія зрачковъ, поля зрѣнія и вазомоторовъ. Со стороны душевной сферы при большой истеріи бываетъ бредъ и галлюцинаціи, а также при истеріи вообще рѣзко выступаетъ истерическіи характеръ.

Вотъ эти то всѣ явленія полностью отсутствуютъ у настоящихъ кликушъ. Тѣ незначительные признаки, въ видѣ *globus hystericus*, боли подъ ложечкой и парестезій, которыя отмѣчены у кликушъ, слишкомъ недостаточны для діагноза истеріи и не патогномоничны для нея, такъ какъ встрѣчаются при многихъ другихъ состояніяхъ.

Изъ всѣхъ этихъ явленій кликушамъ свойственно лишь состояніе сомнамбулизма, въ которое онѣ впадаютъ во время припадка и при гипнозѣ.—Это, такъ сказать, моносимптомъ, сближающій кликушество съ истеріей и, мнѣ кажется, на дѣлѣ этотъ-то моносимптомъ и раздѣляетъ совершенно обѣ болѣзни. Какъ извѣстно, школою Шарко явленія большого гипнотизма были изучены у истеричныхъ больныхъ. Многочисленныя изслѣдованія его учениковъ въ Сальпетриерѣ разработали и подтвердили полученныя имъ данныя и установили по отношенію къ гипнозу точку зрѣнія, —какъ проявленіе особаго нейроза очень близкаго и связаннаго съ истеріей. Однако, дальнѣйшія провѣрочныя изслѣдованія, главнымъ образомъ работы Бернгейма изъ Нанси, заставили осторожнѣе относиться къ гипнозу, какъ проявленію истеріи. Въ послѣднее время въ спеціальной литературѣ даже преобладаетъ мнѣніе о томъ, что истеричныя больныя менѣе другихъ поддаются гипнозу, большинство же гипнотическихъ явленій и даже самый сонъ объясняется внушеніемъ.

Однимъ словомъ, сомнамбулизмъ въ настоящее время далеко не считается обычнымъ проявленіемъ истеріи, и потому, въ виду отсутствія всѣхъ другихъ симптомовъ истеріи у кликушъ, я думаю, что кликушество не слѣдуетъ считать за истерію.

Существует ли самостоятельное состояніе сомнамбулизма, утверждать безусловно—трудно.

Но если допустить у кликушъ особое скрытое состояніе сомнамбулизма, въ которое онѣ впадаютъ во время припадковъ и тогда воспроизводить, подъ вліяніемъ подражанія и самовнушенія, все то, что онѣ видѣли раньше у другихъ, то явленіе кликушества съ его своеобразными бытовыми особенностями станетъ понятнымъ.

Надо еще упомянуть, что часто къ кликушамъ причисляются лица, ничего общаго съ ними не имѣющія,—это душевно-больные, или просто хроники съ соматическими страданіями, приурочивающіе въ пылу общаго суевѣрнаго увлеченія свою болѣзнь къ порчѣ. Къ этой группѣ относится большинство мужчинъ-кликушъ. Они кое-что перенимаютъ отъ кликушъ, но далеко несовершенно, и этимъ дѣло ограничивается.

Главная группа—это настоящія кликуши-сомнамбулы, которыя, благодаря этому предрасполагающему сомнамбулическому діатезу,—подъ вліяніемъ бытовыхъ условій и суевѣрнаго міровоззрѣнія русскаго крестьянина, усваиваютъ себѣ, путемъ невольнаго подражанія и самовнушенія, тотъ симптомокомплексъ, который въ теченіе ряда вѣковъ выработанъ русскою народною жизнью и теперь еще имѣетъ въ ней большое соціальное значеніе и именуется кликушествомъ, порчей или бѣсноватостью.

6. ЮЛ 1923

Н. С. С. С.